

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

SLOVENICA III

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ РУССКИХ И СЛОВЕНЦЕВ

*К столетию
начала Первой мировой войны*

Москва
2014

УДК 327.39(=81)
ББК 63.3(0)53
С48

Главный редактор:
д.и.н. *К.В. Никифоров*

Редколлегия выпуска:
к.и.н. *Л.А. Кирилина* (отв. редактор)
к.и.н. *Н.С. Пилько* (отв. секретарь)
д.и.н. *И.В. Чуркина*

Рецензенты:
д.и.н. *С.И. Данченко*
к.и.н., доцент *Л.В. Кузьмичёва*

SLOVENICA III. Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев. К столетию начала Первой мировой войны / Главн. ред. К.В. Никифоров; Редколл. выпуска: Л.А. Кирилина (отв. ред.), Н.С. Пилько (отв. секр.), И.В. Чуркина. — М.: Институт славяноведения РАН, 2014. — 298 с.

Третий выпуск альманаха *Slovenica* (выходит в Исл РАН с 2010 г.) посвящен столетию начала Первой мировой войны. В его основу легли материалы одноименного российско-словенского круглого стола (Москва, июнь 2013 г.) и результаты исследований, проведенных в рамках двусторонних проектов Института славяноведения РАН с Приморским университетом (г. Копер), Институтом цивилизации и культуры и Историческим институтом им. М. Коса (г. Любляна). В нем рассматриваются важные и мало изученные проблемы истории словенцев и русско-словенских отношений в период Первой мировой войны, а также выявляются аспекты воздействия войны на дальнейшее историческое развитие русских и словенцев. Сборник представляет интерес для специалистов по истории, литературе, культуре России и Словении, широкого круга читателей.

SLOVENICA III. World War I in Politics and Cululture of Russians and Slovenians. To the Centenary of the Break-Up of World War I / Ed.-in-chief K.V. Nikiforov, Editorial board of the issue: L.A. Kirilina (chief ed.), N.S. Pilko, I.V. Churkina. — Moscow: Institute of Slavic Studies, 2014. — 298 p.

Volume III of the almanac *Slovenica* (is being published since 2010) is dedicated to the centenary of World War I. It is based on the proceedings of the Russian-Slovenian «round-table» (with the same title) organised by the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences in June 2013, and the materials presenting some results of bilateral research projects pursued by the Institute of Slavic Studies together with the University of Primorska (Koper), the Institute of Civilization and Culture and M. Kos Historical Institute (Ljubljana). The volume considers important and less investigated problems of Slovenian history, aspects of the Russian-Slovenian relations during the First World War, and impact of the war on the further historic development of the Russians and Slovenians. The book is addressed to the experts in history, literature, culture of Russia and Slovenia, to a wide readers' audience interested in history.

УДК 327.39(=81)
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-7576-0310-0

9 785757 603100

© Институт славяноведения РАН, 2014
© Коллектив авторов, 2014

Содержание

От редколлегии.....	5
Й. Пирьевец Размышления относительно истории словенцев до конца Первой мировой войны	8
И. Грдина Первая мировая война – кризис доверия и конфликт между модернизацией и реализацией проектов	19
М. Язбец Столетие Первой мировой войны – размышления и уроки	41
Ю. Перовшек Россия в представлении словенских политиков (от сараевского убийства до начала Первой мировой войны)	54
Б. Клабьян Реакция на сараевское убийство и начало Первой мировой войны в габсбургском Триесте	68
М. Гргич Ренко Россия и идея славянского единства в словенской печати в 1914 г.	85
К.В. Мальшина Идея государственного строительства у словенских политиков накануне и в годы Первой мировой войны	96
В. Райшп Отношения между Австро-Венгерским государством и словенским клиром во время Первой мировой войны	112
П. Свольшак Словенские солдаты в годы Первой мировой войны	125
Р. Пулко Австро-венгерский военный лагерь Штернталь и судьба находившихся в нем русских военнопленных.....	141

Ю.В. Лобачёва	
Словенские эмигранты в США накануне и в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)	156
И.В. Чуркина	
Янко Лаврин во время Первой мировой войны	181
Л.А. Кирилина	
Ф.Л. Тума и его газета «Югославия»	197
С.А. Романенко	
Славяно-итальянские отношения и проблема будущего Австро-Венгрии в русской публицистике (февраль–октябрь 1917 г.)	212
Н.С. Пилько	
Распад Австро-Венгерской империи и вопрос о югославской северной границе после Первой мировой войны	236
Т. Корен, П. Тестен	
Воспоминание о Первой мировой войне. Роль пространства и наследия Сочанского фронта для жителей Посочья	252
Т.И. Чепелевская	
Первая мировая война в словенской литературе (И. Цанкар, Прежихов Воранц, Ст. Майцен)	276
Сведения об авторах, редакторах, переводчиках и рецензентах	296

От редколлегии

Альманах Slovenica – первое российское научное серийное издание, посвященное истории, филологии и литературе Республики Словения, а также развитию русско-словенских связей в этих областях. Альманах издается Институтом славяноведения РАН с 2010 г. в рамках двусторонних исследовательских проектов, заключенных Институтом славяноведения с Приморским университетом (г. Копер, Словения), с Институтом цивилизации и культуры Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств (г. Любляна), с Историческим институтом им. М. Коса Научно-исследовательского Центра Словенской академии наук и искусств (г. Любляна).

Настоящий, третий выпуск альманаха посвящен столетию начала Первой мировой войны, которую иначе называют Великой войной. В его основу легли материалы международного российско-словенского круглого стола «Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев», состоявшегося 6 июня 2013 г. в Институте славяноведения. Помимо статей, написанных по итогам круглого стола, в сборник вошли статьи российских, словенских и украинских историков, разрабатывающих эту тематику.

Традиционно альманах состоит из двух частей: исторической и филологической. Однако этот выпуск имеет историческую направленность. В сборнике затронуты такие малоизученные темы как контакты русских и словенцев в годы Первой мировой войны, политическая деятельность словенцев в России и других странах, последствия войны для дальнейшего исторического развития русских и словенцев.

Статьи сборника расположены следующим образом. Сначала вниманию читателя предлагаются исследования теоретического характера, которые позволяют составить общее представление о значении Первой мировой войны для словенцев. Это статьи Й. Пирьевца «Размышления относительно истории словенцев до конца Первой мировой войны» и И. Грдины «Первая мировая война – кризис доверия и конфликт между модернизацией и реализацией проектов». Не менее интересной представляется статья

М. Язбеца «Столетие Первой мировой войны – размышления и уроки», в которой автор рассматривает влияние Первой мировой войны на дальнейшее развитие истории и дипломатии, проводя исторические параллели между двумя мировыми войнами.

Далее следуют статьи, посвященные отношению словенцев к развязыванию мировой войны и участию в ней России. Так, в работе Ю. Перовшека, написанной на материалах словенской прессы, рассматривается трансформация взглядов словенских политиков на Россию с момента сараевского убийства до начала войны. М. Гргич Ренко также показывает в своей статье неоднозначность образа России, сложившегося у словенцев в то время и нашедшего отражение в словенской печати в 1914 г. В статье Б. Клабьяна, основанной на материалах архивов г. Триест, прослеживается реакция жителей города на сараевское убийство и на последовавшие за ним события.

Другие аспекты рассматриваемой тематики, а именно, влияние войны на судьбы и мировоззрение различных слоев населения – политиков, священников и солдат – затронуты в статьях К.В. Мальшиной, В. Райшпа, П. Свольшак и Р. Пулко. Так, К.В. Мальшина исследует развитие идеи государственного строительства у словенских политиков начиная с предвоенного периода и до образования Государства словенцев, хорватов и сербов (Государство СХС). В статье В. Райшпа рассказывается об отношениях, сложившихся во время войны между властями Австро-Венгрии и различными представителями словенского духовенства. Статья П. Свольшак повествует об участии словенских солдат, сражавшихся на различных фронтах Первой мировой войны, в том числе об их жизни в русском плену. Р. Пулко прослеживает судьбу русских военнопленных, оказавшихся в австро-венгерском лагере в Штернтале.

В следующем блоке статей исследуется политическая деятельность словенцев, находившихся в этот период за пределами Австро-Венгерской империи. Ю.В. Лобачёва восстанавливает картину жизни и деятельности словенских эмигрантов в США накануне и в годы Первой мировой войны, раскрывает их отношение к воюющим сторонам. Статья И.В. Чуркиной посвящена жизни и работе словенского эмигранта в России Я. Лаврина в 1914–1917 гг. Издание первой словенской газеты в России – «Югославия» (редактор Ф.Л. Тума. 1916–1917 гг.) – рассматривается в статье Л.А. Кирилиной.

Последствия и проблемы послевоенного устройства мира, а также наследие Первой мировой войны и его влияние на историческую память словенского народа и его культуру представлены в работах С.А. Романенко, Н.С. Пилько, Т. Корена и П. Тестен, Т.И. Чепелевской. С.А. Романенко прослеживает, какое отражение нашли в русской публицистике (февраль—октябрь 1917 г.) славяно-итальянские отношения и будущее Австро-Венгрии. Н.С. Пилько исследует вопрос о югославской северной границе, вставший на повестку дня после распада Австро-Венгерской империи. К изучению особенностей индивидуальной и коллективной исторической памяти обратились в своей статье Т. Корен и П. Тестен, уделив особое внимание роли пространства и наследия Сочанского фронта, бои на котором происходили на территории словенцев, для жителей Посочья. Художественному отображению Первой мировой войны в словенской литературе посвящена работа Т.И. Чепелевской, которая на примере произведений И. Цанкара, Прежихова Воранца, Ст. Майцена показывает тяготы войны.

В заключение мы можем сказать, что многогранность тем, представленных в данном альманахе, свидетельствует о неиссякаемом интересе отечественных и словенских историков к изучению исторического и культурного наследия двух стран. Авторы статей нередко по-новому рассматривают проблемы, связанные с историей Первой мировой войны, их выводы подчас имеют спорный характер и не всегда согласуются с мнением редколлегии. Однако они побуждают к новому осмыслению событий Великой войны.

Данный альманах, являющийся результатом плодотворного сотрудничества русских и словенских ученых, позволит существенно расширить знания о малоизвестных политических и культурных аспектах Первой мировой войны не только у исследователей, занимающихся изучением истории России и Словении, но и у всех тех, кого интересует Первая мировая война во всем ее многообразии.

Размышления относительно истории словенцев до конца Первой мировой войны

Мы, словенцы, являемся древним народом со скромной историей. Наши предки поселились на территории между Альпами, Паннонской низменностью и Адриатическим морем в VI – VII веках н. э. и в Хорутании (старославянское название Каринтии) даже создали первое самостоятельное государственное образование, которое в нашем самосознании получило мифический облик. Между тем оно в действительности находилось в вассальной зависимости сначала от авар, потом от баварцев и франков. Под влиянием двух последних этносов словенцы приняли христианство от Рима и таким образом включились в западно-европейскую политическую и культурную орбиту. Несмотря на это, традиции Кирилла и Мефодия, которые вели свою миссионерскую деятельность в Моравии и Паннонии, крепко укоренились в сознании словенцев, прежде всего благодаря национальным деятелям XIX в., которые при формировании национальной идентичности словенцев обращались к событиям раннего средневековья, чтобы обеспечить ей серьезное историческое обоснование. Когда во времена Карла Великого (IX в.) франки распространили свою власть на словенские земли, они уничтожили или ассимилировали местное дворянство, которое только начало формироваться, заменив его своими феодалами. В последующих веках словенский народ являлся закрепощенным народом, не имеющим своего этнического господствующего класса, что практически делало невозможным полноценное развитие его культуры. Конечно, это не означало, что культура средневековья со своей романской и готической архитектурой и изобразительным искусством, монастырской цивилизацией не распространялась также и в словенских землях, но она приходила туда извне, и это не давало возможности словенцам участвовать в ее создании и придавать ей свою специфику. Извне приходили также бедст-

вия, которые обрушивались как на словенские земли (Каринтию, Крайну, Штирию, Горицу, Триестский округ, Истрию), так и на остальные балканские и придунайские области: конфликты между феодалами, голод, чума, вторжения венгров, а со второй половины XV в. и далее — турок. Последние практически каждый год совершали быстрые набеги из Боснии на словенские земли, захватывая с собою все, что было возможно: добро, скот, людей, таким образом способствуя своей главной цели — переходу через Дунай и продвижению к Вене и Будапешту. В этих чрезвычайно трудных условиях на всех словенских землях установилась власть Габсбургов, которые постепенно включили указанные выше провинции, за исключением венгерского Прекомурья и венецианской прибрежной полосы Истрии, в свои наследственные земли.

В XVI в. словенская история получает неожиданный импульс, причиной которого стали два важных события европейского Ренессанса: изобретение И. Гутенбергом книгопечатания и связанная с этим церковная реформа в Германии. Скорее всего она бы не осуществилась, если бы Мартин Лютер, ее инициатор, не мог публиковать свои труды, которые таким образом стали неожиданно доступными широким массам народа, и если бы в противостоянии римскому папе и церковной иерархии он не решил обратиться к верующим на родном языке — ведь каждый человек имеет право пытаться понять Библию и тем самым самому сформулировать свое отношение к Богу. Эти идеи постепенно перебрались через Альпы и достигли Триеста, где в начале XVI в. епископом был Пьетро Бономо, высокообразованный человек и весьма заметная фигура при габсбургском дворе. Он был гуманистом и политиком, разбиравшимся в новых политических обстоятельствах, которые сложились благодаря тому, что в XVI—XVII веках на международную арену вышла Россия, а католической церкви требовалось обновление. Открытие Бономо славянского мира, который был широко представлен в Триестской епархии, и его убеждение, что божье слово необходимо распространять среди людей на их родном языке, привело к уверенности, что своих клириков необходимо обучать не только на латинском, немецком и итальянском языках, но и на словенском. При этом он давал им читать Вергилия и Эразма Роттердамского, это означало, что он воспитывал их не только в духе классической традиции, но и од-

новременно знакомил с новейшими идеями современной Западной Европы. Среди его учеников был юноша из Краины Примож Трубар, который идеи Бономо применил в своей деятельности. Он пошел дальше своего учителя, который никогда полностью не отрекся от Рима. Трубар принял реформу Лютера, стал пастором-евангелистом и решился пробудить словенский народ к жизни: стал писать и издавать книги на словенском языке и не побоялся перевести на словенский язык все Священное Писание. Этот перевод по его просьбе сделал его ученик Юрий Далматин, который с большим мастерством перенес богатство библейской лексики в разговорный язык народа, не имевшего литературной традиции. Трубар и его соратники во второй половине XVI в. издали приблизительно сорок словенских книг, несмотря на то, что находились в трудных условиях: они были изгнаны и принуждены вести дальнейшую свою религиозную и культурную деятельность в гостеприимной Германии. Благодаря их стараниям словенцы получили перевод Библии в числе первых народов в Европе, что могло бы стать источником их успешного культурного развития. Этого не случилось, поскольку в габсбургских владениях в конце XVI – начале XVII вв. свирепствовала контрреформация, которую узаконил Тридентский вселенский собор (1545 г.). Результат этого был ужасен: сторонники протестантизма были изгнаны или убиты, их книги – сожжены. На костре в Риме за пять лет до Джордано Бруно окончил жизнь словенский пастор Петер Купленик, который был настолько смел, что не склонился перед насилием, мучениями и угрозами церковной инквизиции, избрал страшную смерть, но не отрекся от своей веры. Словенские печатные книги, конечно, невозможно было полностью уничтожить, сохранилось некоторое количество их экземпляров, которые читали тайно. Эти книги не имели бы такого воздействия, если бы не были запрещены. В словенских землях в XVII в. протестантскую строгость в искусстве сменило католическое барокко со своими соборами, монастырями, замками, деревенскими церквушками и часовнями, роскошным изобразительным искусством. Барокко во многом обогатило словенское культурное пространство и придало ему специфический облик. Что касается идентификации народа, связанной прежде всего с литературной деятельностью, то она оставляла желать лучшего.

Только в конце XVIII в. появились политические и культурные предпосылки, которые дали новый импульс возрождению словенцев. Прежде всего, нужно упомянуть реформаторскую политику габсбургских государей – Карла VI, Марии Терезии и ее сына Иосифа II, которые пытались преобразовать свои наследственные владения в соответствии с меркантилистскими и просветительскими идеями эпохи. Как раз в это время Габсбургская монархия стала расширяться по направлению к Адриатике, Триест сделали свободным портом и тем самым открыли Средней Европе окно в Средиземное море, что стало возможным благодаря упадку Османской империи и Венецианской республики. В результате оживилась торговля, которая шла от Триеста к Вене. Это способствовало экономическому и интеллектуальному развитию словенской глубинки. Большое значение имели попытка Марии-Терезии распространить грамотность среди своих подданных и ее указы об обязательном школьном образовании, в которых говорилось, что обучение в первых трех классах должно проводиться на родном языке учащихся.

В этих благоприятных условиях в Крайне появился предприниматель итальянского происхождения Сигизмунд (Жига) Цойс, который в своем дворце в Любляне собрал кружок светских и духовных интеллектуалов с амбициозной целью заложить основание культурного и политического возрождения словенского народа. С помощью таких деятелей, как Валентин Водник, Антон Томаж Линхарт, Ерней Копитар, Цойс, несмотря на болезнь, которая приковала его к инвалидному креслу, в конце XVIII и в начале XIX вв. развил интенсивную интеллектуальную деятельность с целью дать словенцам современный литературный язык и развитую политическую программу, основываясь на убеждении, что они смогут стать ядром более широкого освободительного движения габсбургских славян. Эти идеи пали на плодородную почву также из-за исторических обстоятельств, в которых находилась Австрийская монархия в то время. Прежде всего, стоит отметить борьбу Австрии с наполеоновской Францией, которой удалось отнять у империи южную часть Словении вместе с Любляной и создать на Адриатике так называемые Иллирийские провинции, которые охватывали также Истрию и Далмацию вплоть до Дубровника. Впервые в истории появилось особое государственное образование, которое

объединяло значительную часть южных славян и своим названием (в согласии с классической культурой того времени) подтверждало этот факт. Французское правление, продолжавшееся с 1809 по 1813 г., не пользовалось популярностью у народа, поскольку власти повысили налоги и проводили многочисленные рекрутские наборы для наполеоновской армии. Однако Иллирийские провинции внесли в сознание словенцев и хорватов новые понятия: из «подданных» они превратились в «граждан» в соответствии с кодексом Наполеона, а также впервые власти стали использовать их язык в администрации. Эти попытки не были продолжительными, но их значение заключалось в том, что они способствовали появлению у славян убеждения, что они не являются второразрядным элементом в Габсбургской монархии, но имеют те же права в ней, что немцы, итальянцы и венгры. Не случайно член кружка Цойса Е. Копитар в 1810 г. опубликовал в Вене статью «Патриотические фантазии одного славянина», в которой утверждал, что Австрийская империя должна стать политическим объединением, которое сможет предоставить своим славянским народам возможность такого же развития, как немцам, итальянцам, венграм. Из этих «Фантазий» впоследствии развилась идеология «австрославизма», но во времена меттерниховского режима она не имела благоприятных условий для своего развития.

В первой половине XIX в. стал развиваться романтизм, который возник в Германии как реакция на французскую оккупацию. Сторонники романтизма утверждали, что немецкий народ имеет право на свою культуру и язык, а также на политическую независимость. Эти идеи распространял в Венском университете один из выдающихся интеллектуалов своего времени Вильгельм Шлегель. Идеи романтизма были очень привлекательны и для молодых славянских студентов, которые проживали в столице. После возвращения домой они распространяли в своем окружении эти идеи и таким образом способствовали славянскому Возрождению, которое появилось в Габсбургской монархии в период между Венским конгрессом 1815 г. и революцией 1848 г. Что касается словенцев, то они в это время получили своего первого большого ученого, одного из создателей славянской филологии, вышеупомянутого Эрнея Копитара, и первого своего действительно великого поэта Франца Прешерна. Эти два блестящих имени сопровождала плеяда менее

значительных деятелей. Стоит обратить внимание на тот факт, что, несмотря на гнет меттерниховского режима, национальное самосознание словенцев, особенно в среде формирующейся буржуазии и интеллигенции, все более укреплялось и было готово проявиться в обществе, когда наступят благоприятные условия.

Эти условия возникли в марте 1848 г., когда на Габсбургскую монархию как гроза обрушилась революция, которая из Франции перекинулась в Среднюю Европу и в Италию. Революция была настолько мощной, что казалось, за несколько месяцев она снесет могущественную многовековую династию. Повсюду — в Вене, Будапеште, Венеции и Милане — дело дошло до народных выступлений, которые, конечно, в разных местах были спровоцированы разными причинами. В то время как австрийские немцы требовали прежде всего принятия конституции, итальянцы в Ломбардо-Венецианском королевстве хотели отделения от империи. Этого же требовали венгры, которые рассчитывали, что при восстановлении королевства св. Стефана его территория охватит также земли хорватов, сербов, словаков и румын. Из-за этого произошел ряд межэтнических столкновений, которые во многом способствовали поражению революции. Что касается словенцев, то нужно сказать, что они остались верными императорскому дому, требуя только конституционного преобразования монархии в федерацию и установления особой административной единицы — Объединенной Словении. Эта идея, которая, очевидно, уже долго обсуждалась интеллектуалами, была провозглашена в разных местах. Ее пропагандировали священник Матия Маяр, а также словенские интеллектуалы в Вене, объединенные в обществе «Словения». Председателем «Словении» был профессор Венского университета, впоследствии знаменитый славист Франц Миклошич. 1 апреля 1848 г. «Словения» направила меморандум императору Фердинанду II, в котором выдвигалось требование образования Объединенной Словении. Для обоснования этого требования приводилась оригинальная аргументация, которую до той поры в Европе еще не использовали. В меморандуме члены общества ссылались не на историческое право (к чему прибегали восставшие народы, требуя от Вены своих прав), а на этническое, основываясь на Декларации о правах человека из времен Великой французской революции. В меморандуме указывалось, что словенцы являются особым народом, и поэтому

им нужна автономия в границах Габсбургской империи. При этом с революционной дерзостью предлагалось преобразование исторических провинций, в которых жили словенцы, и установление новых границ, которые бы отделяли словенцев от их немецких, итальянских и венгерских соседей.

Эта программа была настолько амбициозна, что, конечно, являлась неприемлемой для Габсбургов, тем более что, начиная с весны 1848 г., им сопутствовали военные успехи на полях сражений с итальянцами, а позже и с венграми. В августе 1849 г., когда повстанцы Л. Кошута с помощью русских были побеждены при Вилагоше и когда пала Венецианская республика, новый австрийский император Франц Иосиф ввел в своих владениях диктаторский режим, опираясь на программу централизма. Однако, это был только эпизод, который продолжался десять лет и бесславно окончился в 1859 г., когда пьемонтцы и французы нанесли поражение габсбургским войскам. Это поражение открыло путь объединению Италии и имело огромное значение для подвластных Габсбургам народов. Франц Иосиф вынужден был дать конституцию, созвать в Вене рейхсрат и обновить автономию своих наследственных земель (провинций) и королевств, в которых снова начали действовать провинциальные собрания. Новое оживление политической жизни, хотя и опиралось на ограниченное избирательное право, принесло словенцам ряд новшеств. Повсюду стали открываться читальни, в которых собирались зажиточные слои населения для обсуждения политики и мер, направленных на развитие словенского языка. По примеру чехов проводились «беседы», культурные мероприятия, на которых выступали чтецы, лекторы и хоровые коллективы, основывались журналы, повсюду создавались спортивные общества «Южный Сокол». Мы уже не говорим о многочисленных таборах (митингах), на которые собирались массы людей, чтобы поддержать требование Объединенной Словении. Конечно, это была программа-максимум. Более достижимы были требования установить школы со словенским языком обучения, ввести словенский язык в общественную жизнь и администрацию, сформировать политическую элиту, которая бы защищала интересы словенского народа в венском рейхсрате и в различных провинциальных собраниях. Шла упорная борьба против растущего национализма немцев и итальянцев, претендовавших на словенские территории.

В этих обстоятельствах в последние десятилетия XIX в. и накануне Первой мировой войны в Габсбургской монархии разгорелся сильный этнический конфликт между так называемыми «историческими» народами и народами «неисторическими», при этом первые – немцы, итальянцы, венгры – всеми имеющимися в их распоряжении средствами пытались препятствовать национальному подъему словенцев. В этом они добились частичного успеха, поскольку обладали политической и экономической мощью, но не настолько большой, чтобы суметь полностью уничтожить природные силы словенского народа, достигшего во второй половине XIX в. больших успехов в развитии своей культуры. Кроме того, словенцы очень рассчитывали на помощь «славянских братьев», прежде всего чехов и хорватов, а также и на русских, которые как создатели единственной великой славянской державы в Европе стали предметом восхищения словенцев. Правда, это сильное восхищение было достаточно наивным, поскольку они на удивление мало знали о действительной ситуации в царской империи.

В новых условиях, которые сложились после 1866 г., когда Франц Иосиф вынужден был признать автономию Венгерского королевства и превратить государство в две самостоятельные единицы, словенцы, сохранив свою программу Объединенной Словении, наряду с этим стали создавать еще одну амбициозную программу переустройства империи. Дуалистическую Австро-Венгрию они хотели превратить в триалистическую, выделив в отдельную единицу Югославию, которая бы объединяла всех южных славян, подвластных Вене и Будапешту. Это была амбициозная программа, которую нельзя было осуществить без глубоких перемен, затрагивающих мощные силы в Габсбургской монархии, которые находились в руках немцев и венгров. Несмотря на свою видимую утопичность, эта программа привнесла в словенское общество новые идеи, поскольку распространила убеждение, что словенцы вместе с хорватами, боснийцами и воеводинскими сербами смогут создать государственную единицу, которая даст в конце концов южным славянам возможность стать самостоятельными. Вопрос о том, а будет ли объединение с народами, с которыми словенцы почти не имели культурных и экономических отношений, для них плодотворным, никто из словенцев, за редким исключением, перед собою не ставил. Между тем в словенской политической жиз-

ни происходили и другие перемены. Первоначальное размежевание на «старословенцев» и «младословенцев» переросло в раскол между либеральным и католическим течениями и стало причиной образования двух политических партий, которые сильно различались по своим взглядам. Либеральная партия опиралась на либеральные идеи европейской буржуазии, а Народная (католическая) партия с одной стороны – на сильный клерикализм и религиозное учение, с другой – на новые идеи христианского социализма, которые стали распространяться в немецких католических кругах. К этим двум партиям, между которыми мало-помалу началась агрессивная идеологическая борьба, типичная для конца XIX в., где не было места терпимости и диалогу, присоединилась в 90-х гг. Социал-демократическая партия, вошедшая в состав австрийской социал-демократии. Она стремилась распространить свое влияние на сербов и хорватов и поэтому провозгласила себя «югославянской». Упомянутые политические партии отражали расслоение словенского народа, в среде которого (преимущественно крестьянской) формировались молодая динамичная буржуазия и динамичный пролетариат. Конечно, крестьянский элемент преобладал, поэтому Народная партия имела самую большую поддержку у словенцев, которые всегда видели в римско-католической церкви и ее духовенстве своих руководителей.

В это время, беспокойное для словенцев из-за внутренних идеологических распрей и национальных конфликтов с соседями, в первую очередь с немцами и итальянцами, вспыхнула Первая мировая война. Она стала для словенцев особенно судьбоносной после апреля 1915 г., когда Королевство Италия договорилось с государствами Антанты (Англия, Франция и Россия) и, оставив прежних союзников, вступило в войну на ее стороне. Этому решению содействовал и тот факт, что государства Антанты пообещали римскому правительству, заключив с ним тайный Лондонский договор (1915 г.), что после победы отдадут Италии обширные территории Австро-Венгрии, прежде всего, изменив государственные границы в Альпах и окрестностях Триеста, что обеспечило бы Королевству господство на Адриатике. В Лондоне, Париже и Петербурге знали, что эти обещания сильно нарушают национальные права южных славян, но из-за сложных обстоятельств, в которых находились страны Антанты, они не могли не принять итальянских террито-

риальных требований. Вступление в войну Италии означало для словенцев страшную катастрофу: на их территории образовался новый фронт, который протянулся по долине реки Соча. В трудных горных условиях до октября 1917 г. на нем погибло сто тысяч человек. Бой при Кобариде, который Италия разрекламировала как великий воинский подвиг, окончился ее унижительным поражением. Итальянские отряды были оттеснены далеко в Фриульскую низменность на правый берег реки Пьяве и не смогли бы долго противостоять австро-венгерским войскам, если бы к ним не пришли на помощь западные союзники, прежде всего американцы, которые между тем решили сами вступить в войну. Главным инициатором этого решения был американский президент Вудро Вильсон, который во время Первой мировой войны провозгласил новые идеи, имевшие для словенцев большое значение. Среди прочего он заявил, что США не признает тайных пактов, которые были заключены во время войны, и признал право народов Австро-Венгрии на самоопределение. Эти новые идеи дали импульс словенской политической элите, как той, которая действовала в Австрии, так и той, которая была представлена в Югославянском комитете на чужбине.

В венском рейхсрате, который после смерти Франца Иосифа снова созвали весной 1917 г., словенский депутат Антон Корощец от имени Югославянского клуба подал так называемую Майскую декларацию, в которой выдвигалось требование создания Югославии как третьей государственной единицы в составе монархии. Югославянский комитет был более радикален: в июле того же года на острове Корфу его представители встретились с членами сербского правительства и совместно опубликовали Декларацию, которая призывала к установлению Югославии вне границ Габсбургского государства с центром в королевстве Сербия.

В октябре 1918 г. Первая мировая война, во время которой тысячи словенцев попали в русский плен, стала приближаться к окончанию. Многовековая Габсбургская монархия распалась, что имело для словенцев благоприятные и одновременно губительные последствия. В XIX в. венские власти, с одной стороны, систематически ограничивали политическую и культурную эмансипацию словенцев, а с другой — также защищали их от итальянских политических амбиций, строившихся на двух мощных мифах: истории

Древнего Рима и Венецианской республики. Опираясь на это историческое наследие, Королевство Италия хотело распространить свою власть на адриатические и дунайские территории, а что касается непосредственно словенских земель — продвинуть свои границы до так называемого водораздела, отделявшего черноморский бассейн от адриатического. На практике это означало, что Италия требовала для себя все словенское Приморье и Истрию в убеждении, что такая же судьба ожидает впоследствии и территорию за ними, завоеванную в свое время императором Августом. Это требование подкреплялось Лондонским пактом, а также теми огромными человеческими жертвами, которые были принесены Италией во время войны из-за преступной политики ее правительства. После распада Австро-Венгрии Италия немедленно воспользовалась представившейся возможностью и начала оккупацию территорий, которые якобы ей принадлежали, при этом итальянские власти не смущал тот факт, что они были заселены словенцами и хорватами. В данной кризисной ситуации, обусловленной тем, что исторически словенцы с хорватами никогда не имели определенно установленных границ (а это означало необходимость установления границ с Австрией и Венгрией), не говоря уже о всеобщем хаосе, наступившем после ликвидации габсбургской администрации и о порожденном войной экономическом кризисе, словенскому политическому руководству во главе с Антоном Корошцем не оставалось ничего другого, как вскочить в поезд победоносной Сербии и согласиться на создание Югославии. Новое государство, провозглашенное 1 декабря 1918 г. в Белграде, называлось Королевством сербов, хорватов и словенцев, при этом не вызывало сомнений, какой из упомянутых трех народов имел в нем власть.

(Перевод со словенского И.В. Чуркиной)

Первая мировая война – кризис доверия и конфликт между модернизацией и реализацией проектов

Первая мировая война была довольно плотно вовлечена в процессы модернизации, являясь при этом своего рода ее двигателем, что и стало ее главной особенностью по сравнению с другими вооруженными конфликтами. Именно благодаря этому война существенно увеличила возможности реализации ранее возникших теоретических замыслов и идей. Если Наполеон I и Гельмут фон Мольтке (Старший) подчеркивали, что планирование военных действий не имеет большого значения для победы на полях сражений¹, то события 1914–1918 гг. показали, что без скрупулезного и всестороннего планирования просто не обойтись. В период доминирования буржуазии, когда в процессы ускоренной и полной модернизации одна за другой включились Европа, Северная Америка, ряд британских колоний, Япония и Россия, война приобрела комплексный характер. Ни одна из держав, меряясь силами с другой, не могла более рассчитывать на успех без комплексного подхода к ведению военных действий.

Внешнеполитическим проявлением изменившихся обстоятельств стала обновленная политика союзов, которая, в отличие от времен Меттерниха и Бисмарка, более не пыталась обеспечить европейский континентальный, а тем самым и всемирный status quo и, следовательно, — мир. Ее усилия были направлены на преодоление односторонности или слабости отдельных (великих) держав. Великобритании, со времен заката Испанской империи господствовавшей на море, в начале XX в., после мучительного опыта Бурской войны, пришлось осознать, что одна морская мощь не может обеспечить ей безопасности. С другой стороны, крупнейшая континентальная держава, рейх Гогенцоллернов, начала понимать, что ее будущее — по словам императора Вильгельма II — «находится на поверхности воды»². Отступление от сухопутных идей времен

Мольтке, который смог закрепить на карте мира могущественное средневропейское государство, было нельзя недооценить. Также и Габсбургская монархия, до середины XIX в. не являвшаяся морской державой, постаралась стать в Средиземноморье фактором, который нельзя было сбросить со счетов. Россия также более не довольствовалась традиционными зонами своего влияния на морских просторах. Ее война с Японией, несмотря на неблагоприятный исход, доказала, что забывать о России нельзя. Хотя империя Романовых, владеющая обширными территориями на севере Евразии, не могла полностью принять процветавшую в США, Западной Европе и Японии теорию «морской мощи» А.Т. Мэхена, однако власть над морями на мировой геополитической шахматной доске становилась все более актуальной для нее. Эпохальное плавание русских мирных кораблей, обошедших почти половину земного шара в 1904—1905 гг., показало, что Россия — нечто большее, чем просто континентальная держава. Несмотря на поражение в Цусимской битве, путем великого подвига был приобретен большой опыт. Выявившиеся тогда серьезные просчеты и недостатки позволили скорректировать в нужном направлении морскую реформу.

Нельзя сказать, что непосредственно перед началом Первой мировой войны новая информация воспринималась не критически. Во второй половине XIX в. интеллигентов беспокоила тенденция, получившая импульс к развитию благодаря широкой модернизации в сферах промышленности, сельского хозяйства и образования. Так, жупан провинциальной столицы Любляны словенец Иван Хрибар, ревностно отстаивавший свою идею о том, что как сама область, развитием которой он руководил, так и все его соплеменники должны идти в ногу с Европой по пути перемен, которые большинство людей без каких-либо колебаний называли «прогрессом», считал, что новое самосознание немцев, порожденное стараниями Бисмарка и Мольтке, является проявлением мании величия. Он полагал, что ответственность за его патологическое развитие несет Вильгельм II, который перед Первой мировой войной доминировал на мировой политической сцене. Некоторые его театральные и высокопарные выступления казались преданному идее славянского сотрудничества люблянскому жупану просто «безумными»³, поскольку ему — в отличие от берлинского монарха, который оперировал понятиями как прошлого, так и будущего

го, – еще было чуждо демагогическое заигрывание с общественным мнением... Люди, становление личности которых происходило на рубеже XIX – XX вв., могли узнать о мире целесообразности, еще живом в сознании старших поколений из-за тяжелых последствий первых глобальных экономических кризисов (1857, 1873 гг.), лишь со страниц запылившихся газет и журналов, да из документов в архивах. Их каждодневный жизненный опыт был пронизан оптимизмом. Любые попытки затормозить прогресс или принять только некоторые направления модернизации, казались им старомодными и бессмысленными.

Для Европы стало трагедией то, что критическая мысль воспринималась как проявление невроза или как признак старческой закостенелости. Молодым людям с кипучей энергией, около 1910 г. находившимся на пике своих духовных и физических сил, реалисты (которых современники считали пессимистами) казались скептиками, нерешительными и все усложняющими людьми, заслуживающими самой резкой критики. А если к тому же они носили униформу, их клеймили бездарями и трусами. Так, генерал Блазиус фон Шемуа, на краткое время (1911–1912 гг.) сменивший на посту начальника Генерального штаба всех вооруженных сил монархии излишне воинственного Франца Конрада фон Хетцендорфа, производил на современников очень неблагоприятное впечатление. После того, как в «Великом меморандуме Его Апостольскому Величеству императору Францу Иосифу и его ближайшему окружению» он описал будущую войну как столкновение, которое уничтожит не только армии и государства, но и возможности для жизни⁴, его карьера быстро пошла на спад. Вероятная в будущем война, к которой аналитики-теоретики не только стремились, но и объявляли ее единственным способом разрубить все ту же затягивающиеся узлы современности, по большей части представлялась как мощное, но быстрое противоборство, которое в одночасье прояснит ситуацию. Считалось, что весы победы уже после первых сражений определенно склонятся в одну или другую сторону и будущий триумфатор не более чем через месяц добьется неоспоримого превосходства над противником.

Гарантом развития такого сценария казалось внедрение все более эффективного оружия, с которым умели обращаться миллионы военнообязанных, своим трудом обеспечивавшие рост благососто-

яния *la belle époque**. Впрочем, это был совершенно спекулятивный вывод, поскольку именно накопление самых разных средств уничтожения, широчайшая, но отнюдь не комплексная осведомленность об их использовании и все более тесное взаимодействие государств с условно конвергентными интересами в течение долгого времени (вплоть до 1914 г.) обеспечивали покой в Европе и во всем мире. Однако политики рассуждали, что оружие и люди, хотя бы немного обученные его использовать, в случае вооруженного конфликта смогут быстро ответить на вопрос, кто будет победителем. При этом во властных структурах забывали о том, что маневры это одно, а реальный бой — совершенно иное... Штабные игры, имеющие свои правила, это совсем не то, что ультимативные ситуации, когда речь на самом деле идет о жизни или смерти. Многие новые или усовершенствованные виды оружия не были всесторонне апробированы на фронтах: лишь в 1914 г. выяснилось, что они более эффективны для обороны, а не для наступления. Значительным и многообещающим новшеством стали в первую очередь самолеты, которые использовались еще в итало-турецкой войне 1911–1912 гг., однако из-за крайне примитивной системы связи, а именно ограниченных возможностей коммуникации между летательными аппаратами и командованием на земле, авиация еще не могла раскрыть всего своего потенциала. В особенности это касалось стратегического планирования ведения воздушного боя. Потенциал развития авиации и способов ее использования в военных целях в 1914 г. действительно оказался неожиданно обширен.

Взгляды, преобладавшие среди политического и военного руководства *la belle époque*, получили довольно широкое распространение и среди простого люда. Вера в профессиональную компетентность и разумность монархов, президентов, министров и высших военных чинов была велика; кое-где она приобретала черты самой настоящей светской религии. Люди верили, что мужи, несущие ответственность перед общественностью за проведение той или иной политики, и в самом деле ее определяют. Многие полагали, что правители, при виде проезжающих экипажей которых множество людей еще во второй половине XIX в. становилось на колени (например, так было во время посещения императором Францем Иосифом

* Прекрасная эпоха (фр.) — *прим. пер.*

Любляны в 1883 г.⁵), и их министры сами принимают труднейшие решения. Поскольку в эпоху политической демократизации парламенты приобретали все больший вес, казалось, что в верхах хорошо осведомлены о нуждах народных масс. Также и происходившее время от времени заигрывание правителей с народом, которое проявлялось в спускавшейся сверху инициативе о расширении избирательного права, создавало впечатление, что в коридорах власти предрержащих думают об интересах «маленького» человека.

Из монархий старой Европы в это правило несколько не вписывалась лишь Австро-Венгрия, во главе которой стоял доживший до мафусаиловских лет Франц Иосиф, после убийства супруги Елизаветы в сентябре 1898 г. превратившийся из личности в некую «инстанцию». Если в прежние времена люди, проживавшие в двуедином государстве, западная часть которого постепенно демократизировалась, а восточная продолжала придерживаться устаревшего «элитного» парламентаризма, еще думали, что правитель в особых случаях консультируется с многочисленными придворными и императорскими советниками⁶, то эти иллюзии перед началом мировой войны полностью развеялись. Мужей с блестящими государственными или аристократическими именами просто было слишком много, чтобы монарх мог их знать лично и доверять им. В действительности они представляли собой своеобразную династическую надстройку в цислейтанской части империи, которая в некоторой степени связывала довольно разнородные районы и их население под жезлом Франца Иосифа. Многие тогда могли предположить, что кое-какие функции престарелого габсбургского монарха выполняют другие, конечно, от его имени. Однако широким кругам общественности не было известно, что Франц Иосиф, который, будучи монархом милостью Божией, часто решительно направлял политику – в последний раз это произошло в 1913 г., когда он отклонил беспрестанные требования Конрада фон Хётцендорфа, чтобы Австро-Венгрия незамедлительно начала превентивную войну против Сербии, – со временем стал полностью зависим от окружавших его политиков. Председатель хорватского сабора Богдан Медакович 23 июня 1914 г. в Шенбрунне узнал от самого императора, насколько бессильным тот себя чувствует в тисках обстоятельств, которые никак не меняются к лучшему. Старорежимный монарх дал понять своему посетителю, которого сопровождали

оба заместителя председателя загребского парламента, что стал заложником ситуации, которая продолжала обостряться вопреки его воле. У него хватило сил лишь на то, чтобы обеспечить место для делегации хорватского сабора на похоронах убитого в Сараево престолонаследника Франца Фердинанда, в котором ей первоначально согласно протоколу отказали⁷. Австро-венгерский монарх на самом деле был ограничен в принятии решений не только из-за преклонного возраста, но и из-за специфики системы, олицетворением которой являлся он сам.

Снижение авторитета габсбургской части империи во время кризиса, возникшего из-за аннексии Боснии и Герцеговины, которой официальная Вена отметила 60-летие правления императора Франца Иосифа, сыграло роковую роль. Австро-Венгрия заработала себе дурную репутацию как у представителей своих неправящих народов, так и в дипломатических кругах. К тому времени уже умер граф Эренталь, который вместе со своими помощниками являлся инициатором как сомнительных договоренностей с Александром Извольским, достигнутых в замке Бухлов (Чехия), так и автором поддельных военных документов, подстрекавших к войне, лживость которых была выявлена на пресловутом процессе Фридьюнга. В те времена подобное неджентельменское поведение в аристократической среде сходило с рук не так легко, как мошенничество в торговых кругах. Но все же явные надувательства, упакованные в дипломатическую обертку, сильно будоражили «маленького человека». Поэтому не удивительно, что наследника Эрентала графа Бертольда даже в словенских землях, где в принципе не было проблем с лояльностью по отношению к Габсбургской монархии, постоянно критиковали все политические партии. Либералы, радикальные представители которых во время Балканских войн были очень воодушевлены победами Сербии, открыто насмехались над ним и подвергли его безжалостному бичеванию карикатуристов в своей печати⁸. Писатель Иван Цанкар, который был неортодоксальным социал-демократом, выступая в середине апреля 1913 г. на общественной лекции в Любляне, темой которой были притязания официальной Вены и Будапешта на южнославянские земли (речь шла о рубежах двуединой монархии и о габсбургской дипломатии) даже воскликнул: «Оставим Австрию в ее собственном дерьме. Будем как Мадзини в Италии!» Его суждение об империи Франца

Иосифа или апостольском королевстве было поразительно. По сообщению представителя властей, писатель сказал: «Австрия является экспонентом немецкого империализма, а не государством»⁹. Военная канцелярия престолонаследника Франца Фердинанда, являвшегося генеральным инспектором всех вооруженных сил Габсбургской монархии, а также ряд влиятельных немецко-австрийских изданий (во главе с венской газетой «Neue Freie Presse») расценили бесстрашные заявления Цанкара как подозрительные, и писатель был осужден на неделю тюремного заключения. Словенская социал-демократическая ежедневная газета «Заря» 20 сентября 1913 г. с юмором отметила, что это тюремное заключение не исправило Цанкара...¹⁰

Итак, можно сделать вывод, что в западной половине империи хотя и случались яркие события, однако существенных изменений явно было слишком мало. Ни в коем случае нельзя забывать, что Средняя Европа на протяжении всего XIX столетия являлась рассадником «терапевтического нигилизма»: люди были убеждены, что их деятельность в сущности не может изменить обстоятельств. Если они меняются, то исходя из собственной природы. Лучше всего для человека – дать природе возможность самой сделать свое дело. Психиатрия, модная в Средней Европе дисциплина, также в общем не отходил от этого образца: мир, мучимый различными проблемами, он трактовал не как больницу или санаторий, а как всеобщий сумасшедший дом. Даже в том, что было совершенно нормально, психиатрия находил ряд травматических отклонений. Поэтому не удивительно, что в мире с таким ментальным фоном новости очень часто воспринимались не слишком серьезно, т. е. опосредованно, и часто на виду была исключительно их внешняя сторона.

Формально демократизированная Габсбургская монархия (которая в 1905–1907 гг. уже ввела в своей западной половине на государственном уровне всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право для совершеннолетних мужчин) после сараевского убийства вела себя по образцу, который совершенно безуспешно использовала уже при вступлении в свой первый международный конфликт в годы правления Франца Иосифа: в войне против Пьемонта и Франции в 1859 г. Летом 1914 г. существовавшие парламентские органы не играли никакой роли в развязывании кон-

фликта. Решение об ультиматуме, приведшем к вооруженному столкновению, было принято людьми, сохранившими свое дипломатическое влияние еще с допарламентских времен. Рейхсрат в западной половине Австро-Венгрии не проводил заседаний вплоть до 1917 г., так что с отменой обычных для мирного времени прав и свобод и подчинением общественной жизни военным нуждам, с 25 июля 1914 г. в империи утвердился милитаристский (полу)абсолютизм¹¹. Власть, которую больше никто не контролировал, проявила изобретательность для укрепления своих позиций. Так, Богдан Медакович, являвшийся в восточной половине империи не только председателем хорватского сабора, но и членом непрерывно функционировавшего во время войны парламента в Будапеште, в Опатии – по ту сторону транслейтанской границы – считался лицом неблагонадежным. Окружное управление этого туристического города сначала поставило его под очень строгий надзор (его обязали являться к властям каждые два часа), а военные хотели его конфинировать. В конце концов Медаковича решили арестовать и отправили в загребскую военную тюрьму, откуда его как представителя правительственной политики в Хорватии освободил сам бан Иван Скерлец де Ломнисца¹².

При этом, однако, следует подчеркнуть, что до 1914 г. критические мысли в основном появлялись эпизодически. Ощущение прогресса, укреплявшее у людей убеждение в том, что мир движется в верном направлении, как правило, было сильнее всех сомнений. Яркий пример этого показали европейские социал-демократы, в особенности, немецкие – самые многочисленные и организованные. Большинство из них, когда обстановка в коридорах власти после сараевского убийства накалилась, поддержало военную эйфорию. Если патологически агрессивные идеи генерала Фридриха фон Бернхарда, взбудоражившего в 1912 г. европейскую общественность книгой «Германия и грядущая война» («Deutschland und der nächste Krieg»), прежде в Германской империи поддерживались ограниченным кругом военной и политической элиты и крайними националистами, то после начала войны они быстро укоренились и в массах. Многие немцы почти сразу поверили, что их государство любым способом должно исключить Францию из круга великих держав в Старом Свете и приобрести обширные колониальные владения, если оно хочет выжить в условиях быстрой аккумуляции

сил России. Считалось, что *conditio sine qua non** существования Рейха должно стать перерастание политического влияния, которого он добился в Средней Европе, – прежде всего путем создания Тройственного союза – в своего рода федерацию¹³. Массовое восхищение Германией в Европе, порожденное быстрым ростом производительных сил в этом государстве, возникшем всего несколько десятилетий назад, казалось ведущим политикам Рейха уже недостаточным. Последствия неприятия существующего положения и недооценки ряда моментов, достижимых в ходе осуществления политики континентального урегулирования интересов государств и союзов между ними, оказались очень негативны. До сараевского убийства в реальности, сформированной князем О. фон Бисмарком, черпали вдохновение даже те люди, идеалы которых были далеки от установок железного канцлера. Так, претенциозный проект «Славянского союза», выдвинутый лидером младочехов К. Крамаржем, явно был составлен по образцу конституционных решений, осуществленных во II Рейхе¹⁴, а Иван Хрибар в поисках образца для модернизации Любляны отправился в Галле¹⁵. Но осенью 1918 г. официальный Берлин уже не находил понимания ни в одной из мировых столиц. Даже союзники его бросили и один за другим отдавались на милость или немилость вражеских держав.

Четырехлетние военные действия с лета 1914 г. до осени 1918 г. изменили все. Лидерство Германии в технике, вызывавшее раньше такое восхищение, в итоге было дискредитировано. В особенности падению ее авторитета способствовали производство и использование военных газов и жестокая «подводная война»: Германию стали считать государством, в котором после столетий развития цивилизации вновь утвердилось варварство. Характерно, что теоретически непробиваемая британская морская блокада, которая не соответствовала устоявшейся общепринятой традиции ведения военных действий, нигде, кроме Германии, не вызвала каких-либо серьезных нареканий в адрес официального Лондона. Кое-какая материальная помощь, которую Австрия получила сразу по окончании Первой мировой войны, в значительной мере даже свела на нет неприязнь к Великобритании (властям Габсбургской монархии в 1918 г. приходилось периодически буквально грабить немец-

* Необходимое условие (лат.) – *прим. пер.*

кие транспортные судна на реке Дунай, чтобы получить жизненно необходимые съестные припасы)...

Война полностью исчерпала доверие людей к правителям милостью Божией. (Десятилетия, последовавшие за перемирием в ноябре 1918 г., выявили и недоверие к тем, кто был популярен в народе и имел депутатский мандат). Эйфорию воинственности, прокладывавшую империи путь к войне летом 1914 г., вряд ли можно считать действительно всеобщей. Европа перед сараевским убийством жестко следовала букве конвенций; торжественное объявление войны другим государствам по уже укоренившейся традиции воспринималось как некий манифест. Однако, в 1914 г. более искушенные в политическом плане люди — среди них и лидер словенского католического лагеря Иван Шуштершич, являвшийся в то время земельным президентом Крайны, — уже обратили внимание на большое различие между городами и сельскими местностями. В то время как более крупные городские центры были охвачены экзотическим воодушевлением в связи с грядущей войной, крестьяне, чье существование, особенно с весны по осень, зависело от традиционного сельскохозяйственного цикла, молчали¹⁶. Всплеск воинственности мог вызвать у них только большую озабоченность, ведь крестьяне понимали, что именно из них будет составлена большая часть сражающихся армий.

Традиционное недоверие крестьян к господам летом 1914 г. имело твердое и совершенно реальное, хотя в то время еще и завуалированное, основание. Немецкий канцлер Теобальд фон Бетман-Хольвег, один из редких европейских политиков, который точно знал, что кризис, вызванный сараевским убийством, приведет к объявлениям войны, еще до того, как прозвучали первые выстрелы, с максимальной выгодой устроил свои финансовые дела¹⁷. Тем самым далекий потомок банкиров показал, что столкновение колоссов, помимо всего прочего, станет выгодным бизнесом. Парадокс заключается в том, что коронованные особы и государственники имели иной взгляд на войну, чем хозяйственники, занимавшиеся поставками для армий. Вильгельма II очень волновала реакция социал-демократов на всплеск воинственных настроений. Петр Николаевич Дурново считал, что столкновение европейских государств открывает путь революции (что оказалось верным в особенности для России). А Виктор Эммануил III лишь ненадолго смог

принять нейтральный курс большинства итальянских политиков, чуть позже его справедливо обеспокоил фанатизм интервенционистов, которые вполне могли бы стать реальной угрозой его престолу, если бы он противопоставил себя им (савойский монарх уже из-за конфликтов с Папой не мог полагать, что держит в руках свой жезл исключительно по Божьей воле, он должен был осознавать, что зависим и от настроений масс)...

Следовательно, можно сказать, что еще до 1914 г. доверие европейцев к главам государств, в большинстве своем связанных друг с другом родственными узами, не было чисто априорным. Хотя динамичное развитие (характерное в период второй промышленной революции для наиболее развитой части мира, в особенности, Великобритании, Германии и США) казалось достаточным свидетельством того, что рычаги политической власти находятся в надежных руках, это мнение разделяли далеко не все. Примечательно, что бывший земельный президент Крайны словенец Фран Шуклье после вступления Великобритании в войну против Германии и Австро-Венгрии в 1914 г. в разговоре со своими знакомыми из г. Ново Место предрек, что боевые действия продлятся минимум три года. Правда, из-за этого утверждения некоторые современники какое-то время считали его чуть ли не сумасшедшим, однако важнее было другое: среди хора голосов, в унисон поддержавших официальную политику, было высказано и другое мнение, основанное на убежденности в том, что любой континентальный вооруженный конфликт представляет угрозу для существования дунайской половины империи. После поражений 1859 и 1866 гг. государство, по мнению опытного словенского политика, не в состоянии было бы пережить еще один подобный удар. Новость о том, что двуединая монархия решила на войну с Сербией, ему еще в середине июля сообщил бывший министр-президент Цислейтании барон Макс Владимир фон Бек¹⁸. Шуклье, являвшийся одним из наиболее образованных людей Австро-Венгерской монархии, среди средне-европейской политической элиты в своем убеждении остался во многом одинок (его чрезвычайно влиятельный информатор, сообщивший о неизбежности вооруженного конфликта, ни мгновения не поразмыслив хладнокровно, тогда быстро поддался эйфории). Особняком он стоял и в том, что, когда уже было запланировано поднятие боевых знамен, пекся о сохранении государства Габсбург-

гов, а не о Сербии (в отличие от словенских либеральных радикалов, которые после сараевского убийства именно из-за симпатий к сербам выступали против политики венского правительства). Также и с этой стороны Шуклье безусловно заслужил намекающее на его чрезмерную болтливость и политическую изолированность прозвище «Аллигатор из Камна»¹⁹.

Следовательно, многочисленные утверждения о том, что летом 1914 г. всеобщим убеждением было, что мобилизованные войска, отправившиеся к границам Габсбургской империи, с победой вернуться домой через три месяца²⁰, не соответствуют действительности. Люди, лучше понимавшие обстановку в мире и человеческую натуру, у которых изнеженная атмосфера Вены не притупила способности к здравым суждениям, наверняка понимали судьбоносное значение объявления войны Великобританией. Они знали, что официальный Лондон, владеющий величайшей империей, которую когда-либо видел мир, и управляющий самым мощным из военных флотов великих государств, рассуждал иначе, чем государственные деятели других европейских столиц. Многообразие сфер интересов и деятельности в мировом масштабе, которое другие государства — особенно, Германия, Франция и Россия — на рубеже XIX и XX вв. еще постигали, «кормчие» британской политики освоили уже в XIX столетии. Лорд Пальмерстон, осознававший особое положение Объединенного королевства, в эпоху великих коалиций и (кон)федераций не зря подчеркивал, что у его родины нет постоянных друзей или союзников, есть лишь стабильные интересы²¹. Эта мысль в большей степени была жестко реалистической, чем эгоистической. Британия, располагавшая лишь небольшой сухопутной армией, могла бороться с соперниками на континенте прежде всего путем блокад, финансовой помощи союзникам — в этой роли приветствовался всякий, кого собственные размышления или обстоятельства побудили ее сыграть²² — и тому подобных средств, показавших зубы лишь по прошествии некоторого времени. Следовательно, войны, в которых принимал участие официальный Лондон, не могли быть кратковременными не только из-за географической изолированности Объединенного королевства, но и из-за способа ведения войны, практиковавшегося островным правительством.

Согласно почти общераспространенному убеждению генералитета, война, начавшаяся летом 1914 г., по существу должна была

стать улучшенной версией конфликта 1870–1871 гг., режиссерами которого являлись князь фон Бисмарк и граф фон Мольтке. Тогда все важнейшие события свершились в течение нескольких месяцев. Летом 1870 г., как и в июле 1914 г., столкновение началось с дипломатических махинаций, исключавших какие-либо добрые намерения. Продолжительность русско-турецкой войны (1877–1878 гг.), русско-японской (1904–1905 гг.) и итало-турецкой (1911–1912 гг.) войн с легкостью приписывали особым местным обстоятельствам. Ведь условия в Юго-Восточной Европе, на Дальнем Востоке и в Ливийской пустыне сильно отличались от тех, что были в Старой Европе. Казалось, что Балканские войны (1912–1913 гг.), в сущности модели прусско/немецко-французского противоборства в период заката империи Наполеона II и рождения III Республики, да и бои в труднопроходимых местностях близки к «стандартной модели» ожиданий большинства генералов. Даже маленькие государства с крайне ограниченными человеческими и материальными ресурсами во время *la belle époque* могли действовать подобно тому, как великие державы несколько десятилетий назад. Поэтому выводы, к которым пришли теоретики, казались универсальными. Следовательно, вовсе не удивительно, что Россия обновляла свои вооруженные силы, сильно потрепанные поражением на Дальнем Востоке и революцией 1905 г., в соответствии с этими ожиданиями. Когда после сараевского убийства на европейском континенте разгорелся конфликт, империя Романовых (несмотря на печальную неудачу кампании в Восточной Пруссии) около полугода смогла приблизительно равноценно противостоять Германии и Австро-Венгрии. Потом же ей, прежде всего из-за непреодолимых проблем с организацией снабжения, не хватило сил. Мучения солдат на фронте были неизмеримы²³.

Однако каждый, кто, как, например, фельдмаршал Блазиус Шемуа, хотя бы немного понимал комплексную логику изменений, к которым привела вторая промышленная революция, мог предполагать, что глобальная континентальная война XX столетия будет существенно отличаться от своих предшественниц эпохи Людовика XIV и его наследников на престоле, французской революции и Наполеона I. Колоссальные по численности армии являлись не просто увеличенными и улучшенными репринтами своих десяти тысячных предшественниц. Сразу, как только появилась

возможность выставить на поле боя миллионы, встал трудный вопрос ежедневного обеспечения их нужд. Это означало существенное увеличение зависимости армий от организованной сети коммуникаций, как железных дорог, так и обычных транспортных путей. Артиллерия, с каждым днем все более многочисленная и мощная, а также использование в боевых действиях автомобилей и самолетов, с одной стороны, вызывали необходимость в более тщательном планировании военных операций, выборе определенной местности, пригодной для осуществления самых различных передвижений, но, с другой — предоставляли возможности для увеличения подвижности маневров. Модернизация способов ведения войны также требовала милитаризации отдельных секторов гражданской жизни, прежде всего, промышленного производства, интендантской службы и транспорта. Четкое планирование вооруженных конфликтов для того, чтобы увеличить возможности предвидения вражеских маневров, стало необходимым. Еще на довоенных штабных учениях немцы, в сущности, «разыграли» сражение при Танненберге²⁴ — предусматривая, что если русские захотят пойти на Берлин, то они должны будут сначала ликвидировать вражеские силы на правом фланге, т.е. в Восточной Пруссии. Поскольку у Германии был более мощный флот, чем у империи Романовых, то неожиданные десантные вылазки противника с запада исключались. Таким образом, для русской армии оставался оптимальным именно тот план, который она попыталась реализовать в августе 1914 г.

То же самое можно сказать об австро-венгерских отрядах на Восточном фронте. После того, как стало известно, что полковник Редль передал врагу важнейшие документы, касающиеся проведения военных операций, Конраду фон Хётцендорфу осталось лишь размышлять о том, начать ли наступление на севере с целью окружения русских частей около Варшавы и у Львова, или немного западнее. При организации наступления в любом другом направлении не приходилось рассчитывать даже на минимальную поддержку слабых немецких вооруженных сил, большая часть которых была отправлена на фронты против Бельгии, Франции и Великобритании. Только в 1915 г., когда снабжение русской армии явно ухудшилось²⁵, появилась возможность хотя бы примерно осуществить на Восточном фронте те фундаментальные замыслы из мирных времен, которые диктовались искривленной линией границы, т.е. фронта. Таким об-

разом, изгиб территориальных границ был ликвидирован не вооруженными силами императора Николая II, а немецко-габсбургскими отрядами, однако без эффектных окружных маневров, что для Центральных сил явно стало стратегическим просчетом.

Своеобразной заложницей географических реалий в 1915 г. была Италия, которая действительно не могла выбрать центром нападения на Австро-Венгрию никакую другую часть фронта, кроме той, что была на реке Соча. В Тироле ее дивизии, если бы случайно им удалось перейти альпийские горные цепи и вершины, могли бы дойти до Германии, но они к этому нисколько не стремились. Совсем наоборот: отряды Савойского королевства так боялись столкновения с Германией, что официальный Рим объявил войну Берлину лишь в конце августа 1916 г. Итальянцы также хорошо знали, что в случае десантных операций в Адриатическом море, столкнувшись с относительно сильным и до 1917 г. находившимся под командованием великого адмирала Антона Хауса габсбургским морским флотом, они могут ожидать репризы великой битвы 1866 г., когда стальные мужи на деревянных кораблях победили деревянных мужей на стальных кораблях²⁶.

Использование «стратегических сюрпризов» в 1914 г. в действительности нигде не принесли блестящих результатов. Австро-венгерская армия, дважды вторгшаяся в Сербию через Дрину, потерпела унижительные поражения в Церской и Колубарской битвах. Преимущества внезапности нападения здесь сводились на нет труднопроходимостью местности, из-за которой возникли серьезные проблемы со снабжением. При попытке вторжения через Саву и Дунай преимущество Австро-Венгрии в современном вооружении наверняка сыграло бы большую роль, но такой маневр полностью соответствовал ожиданиям сербского военного командования²⁷. Точно так же не дали ожидаемого устрашающего результата жестокие военные преступления Австро-Венгрии в Мачве. Прежде невозможно было и представить, что цивилизованное государство при проведении военных операций может к ним прибегнуть. Жестокость, проявленная в подавлении восстаний в конце XIX в. на Кубе пресловутым изобретателем концентрационных лагерей испанским генералом Валериано Вейлер-и-Николау, или жестокие действия британцев в начале XX в. в Южной Африке, даже близко нельзя сравнить с разгулом солдатни Франца Иосифа.

Широкомасштабный военный план немцев на Западном фронте, главным козырем которого была внезапность, также потерпел полный крах. За вторжение в Бельгию официальный Берлин расплатился объявлением войны со стороны Великобритании, а французы своими далеко не блестящими операциями на южных склонах Арден все же очень быстро оттеснили к югу отряды Мольтке младшего, так что они не смогли провести запланированный окружной маневр на своем правом фланге. Подобная судьба потом ждала и Дарданелльскую операцию: она была настолько стратегически логичной, что это заметили не только в Лондоне, Париже и Петрограде, но и в Стамбуле...²⁸ В любом случае очевиден вывод: необходимость планирования с учетом большой численности армий значительно сузила возможности нанесения внезапного удара. Запланированная внезапность, с одной стороны, редко удавалась, а с другой – стоила больших усилий (они включали в себя как отвлекающие маневры, так и быстрые передвижения по труднодоступной местности; битва при Кобариде в октябре 1917 г. стала чуть ли не хрестоматийным примером этого). Также существенно сократилось пространство для импровизированных решений, причем риски для тех, кто решался на импровизацию, существенно возросли.

Подобно варварству австро-венгерской армии на Балканах, ошибочным было и терроризирование немцами гражданского населения. Правда, во многом благодаря ему, в отличие от 1870–1871 гг., не появилось большого количества «вольных стрелков». Из-за жестокого отношения к гражданскому населению солдат II Рейха стали считать новыми гуннами²⁹. В пропагандистской кампании сил Антанты, очень мощной и успешной в нейтральных странах, особенно в США, Вильгельм II получил совсем не ласковое прозвище Злобный (либо же его просто называли Атилой II). С другой стороны, следует признать, что и немцы, проводя подобные акции против России, в некоторых случаях достигли серьезных успехов³⁰. Способы ведения психологической войны, применявшиеся рядом великих держав в 1914–1918 гг., действительно имели большое стратегическое значение. И это совершенно естественно, учитывая длительность и преимущественно статичный характер войны, которая – в связи с отсутствием мужской рабочей силы, являвшейся традиционной в период первой и второй промышленных револю-

ций – оказала сильное воздействие и на гражданское население. Как сама реальность, так и отрежиссированное или спонтанное восприятие оной, являются факторами, которые при ведении военных действий не следует недооценивать. Только люди, занимающие высокое положение и сознательно оперирующие полуправдой, со временем начинают верить в ту ложь, которую говорят другим...

Дэвид Стивенсон охарактеризовал войну 1914–1918 гг. как политическую трагедию³¹. Она действительно была таковой. Европа столкнулась с кризисом доверия к априорным авторитетам и с потерей неизбежных в повседневной жизни наивности и иллюзий, которые ранее помогали жить миллионам обычных людей. При этом необходимо подчеркнуть, что технология власти в период с 1914 по 1918 гг. в большинстве случаев лишь переставила акценты, радикально она преобразилась только в России в связи с революцией 1917 г.: поступки и мысли, прежде считавшиеся необычными, утвердились в повседневной жизни. Объем и содержание того, что считалось нормальным и повседневным, за время длительных военных действий заметно изменились. Причиной этого в значительной степени стала реализация идей, которые до тех пор не являлись доминирующими, что объясняется продолжительностью патовых ситуаций на фронте. Неконвенциональные, дерзкие замыслы в 1914–1918 гг. более не относились к сфере импровизации, их присвоил себе государственный строй, т. е. система. Это был мощный толчок в направлении всеобщей модернизации. А последняя была уже не спонтанной, а запланированной, несмотря на то, что некоторые ее последствия сначала вряд ли можно было представить.

Исключительным достижением военного времени 1914–1918 гг., прежде всего, было то, что солдаты, много лет проводившие на фронте в крайне тяжелых условиях, не умерли из-за эпидемий. Большие потери из-за инфекционных болезней в предпоследний год войны, когда испанка унесла жизни множества людей, зафиксировали лишь в некоторых странах (особенно в Сербии, где в 1914–1915 гг. вспыхнула эпидемия тифа³²). Служба здравоохранения в 1914–1918 гг. безусловно осуществила великое дело, ведь она часто работала в невероятно тяжелых условиях. Многие из попавших в армию миллионов людей лишь на фронте впервые встретились с современным пониманием гигиены. Вообще именно соблюдение правил гигиены делало возможным совместное сосу-

ществование множества мужчин на очень ограниченном и тесном пространстве.

Мобилизованные и рекруты, солдаты и военнопленные познакомились со многими странами, о которых ранее не имели ясного представления. То же самое можно сказать и об их знакомстве с миром современной техники, главным образом, в сфере вооружений и транспорта. Быстрое произведение в чин офицера резерва включило многих в современную организованную, эффективную иерархию. Помимо своих мирных профессий многие люди хорошо овладели еще одной – военной. Для дальнейшего исторического развития это было очень важно. Как будущие реваншисты, подстрекавшие к войне, так и капитулянты, стоявшие на позициях примирения, и творцы новых концепций вооруженных конфликтов – на всех наложила отпечаток война, последовавшая за сараевским убийством³³. Для представителей поколений, переживших военные действия 1914–1918 гг., насилие стало частью повседневности. Дань памяти, выразившаяся в установке памятников и создании военных кладбищ, способствовала тому, что их тяжкий опыт не был предан забвению. Она стала как традицией, так и историей.

Многие люди за долгий период военных сражений сталкивались с крайне опасными для жизни ситуациями, реакция на которые у них была совсем не такой, как на обычные события мирной повседневности. Идеалы, с которыми люди шли на фронт, иногда обращались в прах. Однако некоторые все же смогли их осуществить. Так, Йосип Видмар сообщает в своих воспоминаниях, что в 1915 г. в офицерской школе он познакомился с немецко-австрийским офицером, обер-лейтенантом резерва Стирнером, который как-то раз спросил его, как он, будучи русофилом, поведет себя на фронте. Будущий президент Словенской Академии наук и искусств ответил вышестоящему офицеру, что поведет себя так, как повел бы себя сам Стирнер, если бы Австрия вдруг вступила в войну против Германии, и он должен был бы принять в ней участие. Следующий отрывок заслуживает того, чтобы процитировать его целиком:

«Стал бы [он] как немец стрелять в немцев? [О]тветил мне очень искренне, что нет. Русские для меня то же самое, что для Вас немцы, объяснил ему я. Он понял и глубоко задумался. Напоследок он рассказал мне, как однажды осрамился на русском фронте. Он был лучшим стрелком из всех, кого я когда-либо знал. Он попадал

пулей в любой не слишком маленький камень, когда его подкидывали в воздух как мишень. И вот этот великолепный стрелок, немец по национальности и мой командир, рассказал мне, как когда-то, будучи еще ординарцем, он оказался на передовой линии фронта. Русские на своей стороне идилично бродили по окопам, но в них никто не стрелял. Он с досадой спросил солдат, почему они их не подстрелят. Они засмеялись, говоря, сейчас же не сражение. Он разозлился и потребовал винтовку. Ему ее дали. И обер-лейтенант лег и прицелился. А прицеливаясь, осознал, что речь идет о человеке, о живом человеке, который не подозревает ничего плохого. Неожиданно у него задрожали руки, он отложил винтовку и, под громкий смех фронтовиков, ушел посрамленный. Это был для меня урок не только национальной солидарности, но отчасти и гуманизма, который и на войне должен противостоять убийству»³⁴.

В 1914–1918 гг. идеалы мира для большинства людей безвозвратно переменились. Да и последовавший мир отличался от предыдущих. Стало недостаточно просто подписать договор, устанавливавший новое положение дел. Как сам конфликт в его военном, политическом и экономическом измерениях, так и полное возвращение в колею повседневной мирной жизни следовало всесторонне продумать, чтобы все произошло достаточно быстро и эффективно. С одной стороны, требовалось восстановить значительно больше зданий, нежели когда-либо прежде – из-за военных операций были уничтожены целые области, в которых не осталось камня на камне, с другой же – раскрылись многие душевные раны. Массовые эвакуации, которые после стабилизации линий фронта становились все менее спонтанными и все более тщательно спланированными³⁵, оказывали влияние как на переселенцев, так и на жителей местностей, в которые они прибыли. Депортации политически неблагонадежных лиц, которые способствовали созданию за границами Австро-Венгрии настоящего внутреннего фронта двуединой монархии (этот фронт оказал на события такое же существенное влияние, как поддержка немцами русских революционеров годом ранее – на ход событий на востоке), тоже оставили неизгладимые следы. В Далмации в начале войны власти превратили в заложников ряд своих подданных: из-за боязни восстания просербской части населения отряды перевозили в сопровожде-

нии влиятельных политиков и журналистов, в мирное время проявивших себя как сторонники югославянского объединения³⁶. Так что кое-кто мог на собственном опыте убедиться, что для победы над теми, кого определили как врага, все средства хороши.

Знакомство с людьми других вероисповеданий (в словенских землях — с евреями из Галиции, бежавшими осенью 1914 г. от наступающих русских армий, с венгерскими, словацкими, чешскими и немецкими евангелистами и мусульманами из Боснии и Герцеговины на Сочанском фронте), соприкосновение со страданиями инвалидов и осиротевших детей породило довольно абстрактные вопросы о возможности сосуществования различий и даже противоположностей, а также заставило задуматься о смысле зла и мук³⁷. Парадоксально, но с этими проблемами в некоторой степени столкнулись еще до того, как осенью 1918 г. окончательно умолк гром орудий. Чтобы получить хоть какую-то выгоду от сербских земель, захваченных Австро-Венгрией в 1915 г., она должна была сначала оживить их экономику. Их первый генерал-губернатор, будущий фельдмаршал граф Иоганн Ульрих фон Салис-Зеевис попытался решить эту проблему путем временной отмены налогов. В самой Габсбургской монархии проблема обновления во всем объеме встала прежде всего в Посочье и Красе после поражения итальянцев при Кобариде в октябре 1917 г. Преобразования в австрийско-иллирском Приморье начались еще до заключения мира. Они были настолько серьезными, что профессор венского Технического института Макс Фабиани, до 1914 г. являвшийся советником убитого в Сараево престолонаследника Франца Фердинанда по вопросам искусства, отказался от своей академической карьеры и вернулся на родину — исцелять ее раны³⁸. Но как мир начался уже во время войны, так и огонь войны тлел после окончания открытых столкновений. И снова люди, понимавшие человеческую природу и ее недостатки, не просто заранее предполагали, но и знали, что произойдет впоследствии. Так, Никола Пашич, руководивший сербско-хорватско-словенской делегацией на Версальской мирной конференции, еще весной 1919 г. совершенно спокойно сказал люблянскому социал-демократу Албину Препелуху: «А через десять лет снова начнется война»³⁹.

(Перевод со словенского Л.А. Кирилиной)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Moltke on the Art of War: Selected Writings. Novato, 1993. S. 92.
- ² Hribar I. Moji spomini. II. Del. Ljubljana, 1984. S. 96.
- ³ Hribar I. Op.cit. S. 19, 96.
- ⁴ Markus G. Der Fall Redl. Wien, 1984. S. 168.
- ⁵ Šuklje F. Iz mojih spominov. I. Del. Ljubljana, 1926. S. 99.
- ⁶ Ibid. S. 100, 101.
- ⁷ Medaković D. Efemeris. Hronika jedne porodice I. Novi Sad, 2007. S. 325–334. В мемуары автор включил ранее не публиковавшиеся фрагменты воспоминаний своего деда. Сохранился свидетельства и о других высказываниях императора в июле 1914 г., указывающие на то, что он испытывал дискомфорт из-за все большего погружения в континентальный конфликт. См.: Bled J-P. Franc Jožef. Ljubljana, 1990. S. 608.
- ⁸ Главную роль в создании карикатур на графа Берхтольда сыграла либеральная газета «День» (Dan), в 1912–1914 гг. решительно проводившая югославянскую политику в словенских землях.
- ⁹ Cankar I. Zbrano delo. Petindvajseta knjiga. Ljubljana, 1976. S. 394.
- ¹⁰ Ibid. S. 397.
- ¹¹ Bobič P. Ivan Hribar med prvo svetovno vojno / Hribarjev zbornik. Ur. I. Grdina. Ljubljana, 2010. S. 115, 116.
- ¹² Medaković D. Efemeris V. Novi Sad, 2007. S. 1546, 1547.
- ¹³ Fischer F. Germany's Aims in the First World War. New York, 1967. S. 34, 35.
- ¹⁴ Lustigová M. Karel Kramář. První československý premiér. Praga, 2007. S. 115–118.
- ¹⁵ Hribar I. Moji spomini. I. Del. Ljubljana, 1983. S. 284–286.
- ¹⁶ Šušteršič I. Moj odgovor. S. I. 1922. S. 108, 109.
- ¹⁷ Stone N. World War One. A Short History. London, 2008. S. 24, 25.
- ¹⁸ Šuklje F. Iz mojih spominov. III. Del. Ljubljana, 1929. S. 161, 162.
- ¹⁹ Характеристика Шульке как «аллигатора из замка Камен» (близ г. Ново Место) особенно распространилась в среде словенских либералов после его повторного возвращения в политику, когда в 1900 г. он присоединился к католическому лагерю. См.: Slovenski narod XXXVII. Št. 189. 20.08.1904.
- ²⁰ Šuklje F. Op. cit. III. Del. S. 164.
- ²¹ Brown D. Palmerston and the Politics of Foreign Policy. Manchester, 2002. S. 82, 83.
- ²² Во время Первой мировой войны Великобритания намного больше финансировала русские военные операции. См.: Strachan H. Financing the First World War. Oxford, 2004. S. 179.
- ²³ Gilbert M. First World War. London, 1994. S. 154, 155.
- ²⁴ Zuber T. Der Mythos vom Schlieffenplan / Der Schlieffenplan. Analysen und Dokumente. Ur. Ehlert H., Epkenhans M., Groß G.P. Paderborn, München, Dunaj, Zürich, 2007. S. 50.
- ²⁵ Stone N. The Eastern Front 1914–1917. London, 1998. S. 144–164.
- ²⁶ Имеется в виду поражение, нанесенное итальянскому флоту австрийским в бою при острове Лиссе во время австро-пруско-итальянской войны 1866 г. – Прим. пер.
- ²⁷ Stevenson D. Cataclysm. The First World War as Political Tragedy. New York, 2004. S. 59, 60.
- ²⁸ После того, как галлипольская операция столкнулась с большими трудностями и потерпела крах, боспорскую вообще не стали проводить. См.: Бубнов А.Д. В Царской Ставке. М., 2008. С. 184–203. Впоследствии, когда силы Антанты приняли решение о наступлении на Стамбул через Дарданеллы, они стали заложниками Италии: без союза с ней, или, хотя бы, ее нейтралитета, обеспечение отрядов Британской империи в Галлиполи было бы практически невозможно. Поэтому официальный Рим получил за свою интервенцию в Австро-Венгрию практически все, чего добивался.
- ²⁹ См: Horvat J. Prvi svjetski rat. Panorama zbivanja 1914–1918. Zagreb, 1967. S. 372.
- ³⁰ Zeman Z.A.B., Scharlau W.B. The Merchant of Revolution. The Life of Alexander Israel Helphandd (Parvus). London, 1965. S. 170.
- ³¹ В американском издании его исследования «1914–1918. The History of the First World War» это подчеркивается уже в самом названии – «Cataclysm».

³² Gilbert M. Op. cit. S. 111.

³³ См. *Black J. Avoiding Armageddon. From the Great Wat to the Fall of France 1918–1940.* London, Berlin, New York, Sydney, 2012.

³⁴ *Vidmar J. Obrazi.* Ljubljana, 1985. S. 219.

³⁵ Уже в сентябре 1914 г. Австро-Венгрия провела эвакуацию населения из боснийско-герцеговинских районов, граничащих с Дриной, находившихся под угрозой из-за хода боев в соседней Сербии. См.: *Mikić Đ. Austrougarska ratna politika u Bosni i Hercegovini 1914–1918.* Banja luka, 2011. S. 127.

³⁶ *Tartaglia O. Velezdajnik. Moje uspomene iz borbe protiv čрно-žutog orla.* Zagreb–Split, 1928. S. 88–94.

³⁷ См.: *Bobič P. War and Faith. The Catholic Church in Slovenia, 1914–1918.* Leiden, Boston, 2012.

³⁸ *Struna A. Naši znameniti tehniki.* Ljubljana, 1966. S. 24.

³⁹ *Prepeluh A. (Abditus). Pripombe k naši prevratni dobi.* Trst, 1987. S. 347.

Столетие Первой мировой войны – размышления и уроки

Введение

Столетие – это именно такой период, когда с достаточного расстояния можно вдумчиво оценить события прошлого. С одной стороны, это может быть легко, но с другой стороны очень трудно. Таким образом, как правило, мы колеблемся между обобщениями событий и освещением какого-то одного или нескольких моментов, которые важны для понимания более глобальных явлений, оказавших решающее влияние на события столетней давности. При обобщении нужно также понимать, что столетняя годовщина – это тема, которую можно и нужно рассматривать более широко, а при изучении конкретного события необходимо помнить, что всегда можно найти еще более мелкие события и аспекты.

Эту круглую дату мы поместим в более широкие исторические временные рамки. Первую мировую войну мы рассматриваем как конец старого порядка и как начало новой эры, и в этом контексте постараемся определить место Словении и словенцев в то время.

Для Словении возвращение к событиям тех лет и рассмотрение Первой мировой войны сквозь призму столетия особенно актуально – это был период перехода словенцев из одного многонационального образования в другое, из германского в славянское, что являлось, с исторической точки зрения, великой переменой. В вихре распада старой Европы это была, вероятно, единственная реальная возможность для словенского народа избежать гибели. Важно помнить, что война ознаменовала новое положение Словении не только в 1918 г., но и в 1991 г., когда Словения стала независимой, выйдя из состава Югославии. Можно с уверенностью сказать, что XX в. начался и закончился балканскими войнами.

Здесь мы хотим показать, проанализировать и прокомментировать отдельные аспекты событий тех лет и представить ряд извлеченных из них идей и уроков.

Конец старого порядка

Первая мировая война может рассматриваться с различных точек зрения. Разумеется, речь идет о событии мирового масштаба, которое именно благодаря своей универсальности является подтверждением господства Европы и европоцентризма¹. Далее, этот глобальный конфликт стал результатом многовекового накопления противоречий между ключевыми европейскими игроками, к которым в конце XIX в. присоединились США, и неспособности этих игроков решить эти противоречия бесконфликтно². Это ставит понимание Первой мировой войны в гораздо более широкий исторический контекст. Можно сказать, что коренные причины противоречий, которые привели к первому глобальному конфликту, нужно искать во Французской буржуазной революции, почти за 130 лет до него³.

Французская революция, которая своими традициями и наследием смела старую монархическую Европу и задействовала либеральные ценности, тем самым посеяла зерна последующих конфликтов внутри европейского единства монархий (то есть их конфликты, стычки и войны до той поры основывались не на различных ценностных определениях, а на разных концепциях интересов). Таким образом, Великобританию, Францию и США к концу XIX в. мы рассматриваем в основном как носителей либеральных интересов, а с противоположной стороны мы видим Германию, Италию, Австро-Венгрию (Россия после ухода Бисмарка с политической сцены стала частью другой политической игры). В этом контрасте ключевую роль играло отношение к колониям, или, точнее, тот факт, что последние три страны (и их сторонники) вступили в колониальную игру намного позже и поэтому, с их точки зрения, опоздали и оказались в худшем положении. В более широком понимании колониальных вопросов и отношений важную роль играет процесс распада Османской империи, или Восточный вопрос. Именно необходимость решения Восточного вопроса стала, по крайней мере, в данном контексте, геополитической предпосылкой начала Первой мировой войны. Больше всего выдвинулись на первый план противоречия интересов Австро-Венгрии и России.

Сама война как таковая, ее начало и окончание, урегулирование международных отношений путем мирных переговоров, озна-

меновали собой конец старого порядка – так называемый *ancien regime* (старый режим) ушел в историю. Старый порядок олицетворяли по крайней мере три мировые державы: Австро-Венгрия, Османская империя и царская Россия. Все три консервативные, с неразвитой экономикой, социально взрывоопасные, национально неоднородные, политически статичные. Первые две рухнули из-за этих накопленных противоречий, третья – из-за насильственных внутренних изменений и захвата власти большевиками, т. е., из-за революции. Как убийство в Сараево вызвало волну серьезных перемен, так Октябрьская революция изменила глобальную политическую картину. Произошла широчайшая поляризация европейских стран, которая, в основном, проистекала из наследия Великой французской революции, которую дополнила, если можно так сказать, третья сторона – первая страна социализма. Она навсегда изменила мировую идеологическую картину и стала рубежом, разделившим мир в XX в. Этот факт недвусмысленно свидетельствует о конце старого порядка.

С военной точки зрения Первая мировая война представляет собой первый глобальный конфликт в истории человечества, с некоторыми инновациями в способах ведения войны, применения боеприпасов и оружия. Впервые использовались самолеты, танки, огнеметы и отравляющие газы, что привело, наряду с некоторыми другими нововведениями (например, позиционная война с небольшими перемещениями в ту или иную сторону), к гибели порядка 40 млн человек⁴.

Важно обратить внимание еще на одну особенность этой войны. Если сравнить ход военных действий в обеих мировых войнах, мы видим, что во время Второй мировой войны, по существу, повторилась матрица ключевых событий Первой мировой, то есть в обеих величайших войнах просматривается ряд общих ключевых моментов. В 1916 г. в войне произошел сдвиг в пользу будущих победителей, ключом к нему стали битва при Вердене, которая по своему масштабу и количеству жертв сопоставима со Сталинградской битвой (зима 1942–1943 гг.), и танковое сражение на Сомме, сравнимое с танковым сражением на Курской дуге в Великой Отечественной войне (лето 1943 г.). Кроме того, решающий поворотный момент в военной динамике произошел в апреле 1917 г., когда в войну вступили Соединенные Штаты, что сопоставимо с откры-

тием Западного фронта и с высадкой в Нормандии в июне 1944 г., где США тоже стали ядром вооруженных сил⁵. В дипломатической деятельности после окончания обеих мировых войн есть еще одно сходство – создание международной организации с целью поддержания мира: Лиги Наций в 1920 г. и Организации Объединенных Наций в 1945 г.

Кроме того, в дипломатическом смысле, этот период радикально изменил отношение к дипломатии как профессии. В развитии дипломатии известны четыре больших периода: ранний, классический, модерн и постмодерн⁶.

Среди исследователей преобладает мнение⁷, что период перехода от классики к современности как раз приходится на начало XX в., когда началась и закончилась Первая мировая война, были заключены послевоенные мирные соглашения, создана Лига Наций. Лига Наций стала первой международной организацией в современном смысле этого слова (постоянная штаб-квартира и секретариат, регулярный созыв заседаний). Она внесла элемент многополярности в дипломатическую практику, прежде являвшуюся двусторонней. Впрочем, зачатки многополярной дипломатии прослеживаются еще во второй половине XIX в. в создании таких институтов, как Комиссия по регулированию внутреннего судоходства по Рейну, Международный почтовый союз, Международный телеграфный союз и др.

Помимо изменения формы и методов работы, немалую роль в дипломатии стали играть развитие коммуникационных технологий (изобретение телефона и телеграфа), а также увеличение роли средств массовой информации и общественного мнения, особенно в Великобритании, Франции и Германии⁸. Создание Международного парламентского союза в конце XIX в. по инициативе французских и немецких парламентариев стимулировало процесс внутреннего расслоения дипломатии: в начале XIX в. наполеоновские войны в Европе способствовали появлению военной дипломатии, а деятельность западноевропейских парламентариев – парламентской дипломатии. Именно это дало импульс процессу, который по-настоящему развернулся только после Второй мировой войны.

Следует отметить, что Первая мировая война стала важнейшим историческим поворотным моментом в политическом, военном и дипломатическом смысле. Она явила собой конец «старого ре-

жима», классики, которая доминировала на европейской политической сцене в период после Вестфальского мира 1648 г. Начался новый этап развития, где противоречия между основными международными субъектами и их взглядами на международную политику стали настолько многоплановыми, что эти субъекты оказались не способными и не готовыми решать конфликты с помощью переговоров, а это привело к катаклизму. Конечно, нельзя утверждать, что всех этих событий можно было бы избежать, или что их некто намеренно стимулировал⁹. Речь идет о комплексе факторов и деятельности, которые превысили пределы возможного развития отношений, причем отдельные игроки, безусловно, могли бы сыграть другие роли, применить другие подходы, и это, возможно, привело бы к другим результатам.

Начало новой эпохи

Когда мы говорим, что Первая мировая война означала конец целой эпохи, логично сделать вывод, что она также ознаменовала начало нового периода. Частично об этом уже упоминалось: существенные перемены в способах ведения войны и новые виды оружия, изменившиеся и ярче выраженные противоречия между двумя группами наиболее влиятельных европейских стран, выход на сцену США в роли влиятельной фигуры в международной политике, конец эпохи классической дипломатии и начало современного периода дипломатии, и т.п.

Вероятно, главным фактором в преобразовании структуры международных отношений стал распад трех великих империй: Австро-Венгерской, Османской и Российской. Все три имели сложную многонациональную структуру, находились в стадии экономического спада, следствием чего стал рост социального напряжения. Это обстоятельство вызвало огромную волну перемен, прокатившуюся по всей Европе к востоку от Германии и Италии (которые создали свои государства всего четыре десятилетия назад) до самых дальних восточно-сибирских границ, на юге до североафриканского побережья и далеко вглубь Ближнего Востока. На этой территории возник ряд новых государств, отчасти объединившихся по национальному принципу, а отчасти созданных в результате торгов и договоренностей победителей или в результате самостоятельно завоеванного суверенитета. Можно констатировать, что

в истории человечества еще не было столь масштабных перемен, которые имели бы такие серьезные государствообразующие последствия, поскольку крах трех империй привел к возникновению наибольшего до той поры количества новых государств¹⁰.

В связи с этим можно выделить два отдельных региона – Центральная и Юго-Восточная Европа¹¹ и Ближний Восток. Оба они получили импульс к уникальному историческому и социальному развитию, которое на протяжении XX в. шло в разных направлениях. Это наиболее ошутимо проявилось в первом регионе, т. е. в Центральной и Юго-Восточной Европе, во второй половине XX в., после окончания холодной войны, а во втором регионе (на Ближнем Востоке) – два десятилетия спустя, уже в XXI в. Развитие этих регионов подтверждает тот факт, что при формировании новых государств после окончания холодной войны особую роль сыграли старые и неразрешенные конфликты между великими державами.

Крах царской России отличается от распада двух других империй, поскольку он был вызван революцией, изменившей режим правления и приведшей к власти большевистское правительство и В.И. Ленина. Т. е. в этом случае речь шла не о распаде империи, или о появлении новых государств на ее территории, а о трансформации государства: вместо великой царской России возник великий Советский Союз. Возникло совершенно новое явление: впервые в истории в системе международных отношений возникли два взаимно противоположных идеологических полюса. Особенно отчетливо это проявилось после окончания Второй мировой войны, когда Советский Союз, как победитель, включил в сферу своего идеологического влияния страны Восточной Европы¹². Этот новый расклад стал одним из ключевых элементов европейской, а косвенно, и мировой системы после Второй мировой войны.

В то же время система мирных соглашений, а также деятельность Лиги Наций и отношение к ней государств показали, что Первая мировая война не разрешила противоречий, которые к ней привели. Итогом войны стало военно-политическое превосходство победителей, вовсе не стремившихся срочно решить те вопросы международной политики, по которым у них имелись разногласия.

Особенно ярко оно проявилось в отношении победителей к побежденным и в примененных к ним крайних мерах, в частности, по отношению к Германии (выплата почти невозможных финан-

совых репараций, минимализация промышленности). Практически это привело к созданию социальных предпосылок для начала экономического кризиса и к социальным волнениям в Европе, что подготовило благоприятную почву для распространения популизма, особенно в Германии и Италии (почти одновременное появление Гитлера и Муссолини, и их приход к власти).

Все вышеупомянутое можно рассматривать как продолжение политической, социальной и экономической косности, разбалансированности, неповоротливости, характерной для Европы в конце Первой мировой войны, из-за которой восстановление Европы во всех этих сферах стало невозможным. Поэтому с точки зрения исторического развития было вполне понятно, что Европа движется к новому катаклизму. Таким образом, этот период – с начала Первой мировой войны до конца Второй – мог бы называться Второй Тридцатилетней войной. Опустошение, охватившее Европу в первой половине XX в., можно сравнить с ее разорением после Вестфальского мира во второй половине XVII в., однако его последствия имели глобальный характер. Может быть, действительно складывалась новая система, но с задержкой, именно в конце Второй, а не Первой мировой войны^{13?}

Создание и развитие нового порядка свидетельствует о возникновении и развитии многополярности в дипломатии. Создание Лиги Наций ознаменовало этот важный переход, но вскоре она перестала функционировать из-за противоречий между участвующими в ее деятельности государствами. Решающий прорыв был сделан сразу после Второй мировой войны – создана Организация Объединенных Наций. Многополярность, сформировавшаяся сразу по окончании Первой мировой войны, утвердилась после Второй. Эффект с отсрочкой в два десятилетия, однако явный показатель установления нового порядка.

И еще одна, не менее важная, иллюстрация к нашему пониманию Первой мировой войны как конца эпохи. Это был первый военный конфликт, последствия которого достигли глобального масштаба, и в этом смысле он установил веху. Эту веху, с точки зрения разрушительности, превзошла Вторая мировая война (широта территориального охвата, число жертв, особенно гражданских, новое оружие – атомная бомба, и др.), но в то же время Вторая мировая война доселе остается последним глобальным конфликтом.

В связи с параличом, вызванным холодной войной, европейская политическая арена стала стабильной, множество локальных конфликтов не пошатнули ее. Это говорит в пользу нашей гипотезы, что, возможно, весь период первой половины XX в., который начался с Первой мировой войны (а впервые проявился еще в Балканских войнах) и закончился Второй мировой войной, является одним длительным, динамичным и жестоким переходом от старой эпохи к новой.

Словения и словенцы в вихре перемен

В последнее столетие старого режима Словения являлась частью Австро-Венгерской империи (за исключением 1809–1812 гг., когда она вошла в состав наполеоновских Иллирийских провинций, с центром в Любляне¹⁴). Это был относительно мирный период в истории словенского народа, без серьезных социальных потрясений, в первую очередь «из-за отсутствия крупных войн между великими державами»¹⁵.

Столетие прошло в борьбе растущей словенской интеллигенции за бóльшую языковую, культурную и национальную независимость, но, как и борьба всех остальных народов в империи, она не увенчалась успехом (из-за внутренних разногласий и напряженных отношений между старословенцами и младословенцами). Словения разделила судьбу империи, которая, особенно во второй половине XIX в., когда она стала Австро-Венгрией, постепенно теряла доминирующие позиции в европейском пространстве и проигрывала в соперничестве с другими ведущими европейскими державами.

Обе Балканские войны означали начало политического и национального поворота словенцев в сторону югославянского пространства¹⁶. Это, пожалуй, наиболее явно отразилось в словенской прессе, приветствовавшей успехи сербов на поле боя и весьма критически оценивавшей действия армии собственной империи¹⁷. Во время Первой мировой войны словенцы истекали кровью по обе стороны Сочанского фронта, который был, из-за трудно проходимой горной местности, самым коротким и статичным из всех европейских фронтов, а следовательно, здесь был высокий процент погибших — и с австро-венгерской стороны, и с итальянской¹⁸. Возможно, это был величайший парадокс в истории словенского

народа, который поставил нацию на грань уничтожения. Следовало бы провести исследования и организовать дискуссии на эту тему, и тогда, наверно, можно было бы доказать, что бои на Сочанском фронте (оккупация словенских земель Италией) стали одной из важнейших причин поворота словенцев от старой империи к новому славянскому государству, объединившему Государство словенцев, хорватов и сербов (живших на территории бывшей империи) и Королевство Сербия.

Новое государство – Королевство сербов, хорватов и словенцев – относительно быстро пошло по пути преобразования в авторитарное и в январе 1929 г. окончательно стало таковым («диктатура 6 января»). Такое развитие событий, с одной стороны, принесло много разочарований, но с другой, из-за роста социальных, национальных и политических трений, способствовало последующему формированию оппозиции. Югославская Коммунистическая партия взяла инициативу в свои руки, а во время Второй мировой войны стала осуществлять руководство процессом, который завершился результатом, подобным Октябрьской революции 30 годами ранее.

Словенцы получили относительно этническое объединение в одной из шести республик послевоенной социалистической Югославии, и даже, хотя это тогда и не было очевидным, гарантию национального существования, которое за полвека до этого было под большим вопросом. Первые два послевоенных десятилетия государство довольно добросовестно следовало советской идеологической, политической и репрессивной практике, но проводилась она в Югославии в значительно меньшем объеме.

В 1948 г. произошел разрыв с СССР. В середине 1950-х годов, благодаря визиту Н.С. Хрущева в Югославию, отношения улучшились, но тень вражды осталась до начала 1980-х годов: тогда умер югославский президент Тито, Советский Союз вступил в Афганистан и в середине 1980-х начали проявляться признаки грядущего распада обеих многонациональных систем. Советское вторжение в Чехословакию в 1968 г. побудило Югославию укрепить оборонные институты страны в целом и ее отдельных республик. Новая (и последняя) югославская конституция 1974 г. узаконила государственный статус отдельных республик. Это был важный шаг в развитии словенской нации и в институционализации ее существования, не

в последнюю очередь благодаря полученной наряду с другими республиками возможности участвовать в решении некоторых вопросов внешней политики (тогда республики учредили республиканские секретариаты по международному сотрудничеству, а до этого приступили к разработке мер по территориальной защите).

В конце холодной войны демократическое движение охватило и Югославию, и вместо того, чтобы использовать возможности переговоров по устранению накопленных разногласий, скатилось в крайний национализм¹⁹. На четвертой великой волне перемен XX в.²⁰ словенцы, как и ряд других народов, создали свое суверенное государство и получили международное признание. Это стало результатом трех факторов: во-первых, значительных изменений при дезинтеграции биполярной системы, во-вторых, внутренней подготовки и функционирования гражданского общества и формирующейся политической оппозиции в Словении и, в-третьих, благоприятного сочетания различных факторов²¹.

В XX в. словенцы пережили тяжелейший и самый динамичный период за всю свою историю. Он начался с Первой мировой войны, завершившей долгую, относительно пассивную эпоху. Словенский народ оказался на грани исчезновения из-за крайне неблагоприятных международных обстоятельств во время обеих войн и в межвоенный период (потеря Каринтии, включенной в состав Австрии по результатам плебисцита 1920 г., потеря Приморья, согласно Рапальскому мирному договору 1924 г. отошедшего Италии). Почти век спустя этот период завершился — нация получила суверенитет и собственное государство²². Первая мировая война, конечно, не была ключевым событием в развитии истории словенской нации, но, безусловно, она является одним из наиболее важных и судьбоносных периодов, поскольку ознаменовала отход от практически тысячелетнего исторического существования в немецком культурном пространстве и поворот в сторону «славянства». Очевидно, что в тот момент это был единственно правильный выбор²³.

Заключение

Начало Первой мировой войны — это конец «старого режима» и начало долгого тридцатилетнего перехода к новому.

Мнение, что «старый режим» рухнул одновременно с окончанием Первой мировой войны, не выдерживает критики, так как

Первая мировая война не разрешила противоречий, из-за которых она началась. Лига Наций была слишком слабой, страны, которые ее поддерживали и были ее членами, не имели достаточно сил и влияния, чтобы новые методы ведения дел и разрешения конфликтов возникли и начали работать. Об этом свидетельствует и тот факт, что США, которые долго колебались, прежде чем вступить в Первую мировую войну, никогда не являлись членом Лиги Наций, несмотря на то, что инициатором создания этой первой международной организации был президент США.

С военной точки зрения, Первая мировая война, конечно, стала переломным событием, по сравнению с предыдущими способами ведения войны (что касается как видов вооружения, так и стратегии ведения войны). Ее милитаристская инновационность имела динамичный характер, она привела к увеличению убойной силы, что явилось результатом эффективности вооружения и организации военных операций. А это, в свою очередь, сказалось и на отношении к гражданскому населению. В этом смысле Первая мировая война ушла далеко от прежних способов ведения военных действий, но Вторая мировая война значительно превзошла ее по жестокости и смертности. В Первой мировой войне смертоносным новшеством стали отравляющие газы, а во Второй – атомная бомба.

Современная дипломатия, зарождением которой считается создание Лиги Наций как первой международной организации, окончательно утвердилась и оформилась после создания Организации Объединенных Наций в июне 1945 г. в Сан-Франциско. Так сформировалась современная дипломатия, стало возможным расширение ее потенциалов и различных режимов работы. Наряду со значительным ростом многополярности, обеспеченным разветвленной системой ООН, и с непрерывным созданием новых международных организаций, а особенно в связи с формальной капитуляцией тайной дипломатии в плане подписания секретных соглашений двух или более сторон, ущемляющих интересы третьей, – Устав ООН утверждает обязательное уведомление и депонирование всех международных договоров в Секретариате ООН (т. е. государства, как конфликтные стороны, не могут ссылаться на какие-либо тайные договоры).

И, наконец, Словения и словенцы. Нация, которая была практически на грани исчезновения после «великой мировой бойни»,

благодаря смене государственных, хотя все еще многонациональных рамок, смогла выжить и пройти долгий путь постепенного формирования суверенности. Ее реализация стала возможной после окончания холодной войны, когда сложились благоприятные международные условия для этого. Оценивая прошлое спустя сто лет, мы видим, что после пребывания в статичном обществе XIX столетия, которое едва не привело словенский народ к непоправимой катастрофе, во второй половине следующего столетия появилась динамичная тенденция к росту и процветанию, которая привела к созданию собственного государства.

Столетие Первой мировой войны, безусловно, воспринимается как память и как урок необходимости социального действия и реагирования на международные обстоятельства. Первая мировая война поэтому остается памятной вехой в истории человечества, которая предоставила малым нациям возможность действовать, а великие нации поставила в совершенно новый глобальный контекст.

(Перевод со словенского К.В. Мальшиной)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это отражает английский термин: The Great War – Великая война.

² Если мы учтем хорошо известный факт, что франко-прусская война 1870 г., завершившаяся объединением Германии, началась по желанию обеих сторон, то к поводам для Первой мировой войны можно добавить еще политическую волну. См.: *Benko V. Zgodovina mednarodnih odnosov*. Ljubljana, 1997. S. 148.

³ *Peacock R.L. A History of Modern Europe: 1789 – 1981*. Harlow, 2010.

Более широкое понимание рамок, хода и результатов Первой мировой войны возможно только на основе глубокого рассмотрения политических, экономических и военных отношений европейских сил. См., напр.: *Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. London, 1989.

⁴ Западный фронт между Германией и Францией растянулся на 1500 км., восточный не имел четко определенной и непрерывной линии, Сочанский фронт протяженностью 70 км между Италией и Австро-Венгрией проходил по словенской национальной территории.

⁵ *Peacock R.L. Op. cit.* S. 282–303.

⁶ *Jazbec M. Osnove diplomacije*. Ljubljana, 2009. S. 17–66.

⁷ *Anderson M.S. The Rise of Modern Diplomacy: 1450–1919*. London, 1993; *Benko V. Zgodovina mednarodnih odnosov; Jazbec M. Osnove diplomacije; Uthmann J. Die Diplomaten, Affären und Staatsaffären von den Pharaonen bis zu den Ostverträgen*. Stuttgart, 1985.

⁸ *Benko V. Zgodovina mednarodnih odnosov*. S. 100–160.

⁹ Убийство наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево стало той пылинкой на весах, которая перевесила до предела назелекризованные отношения в сторону военного сценария.

¹⁰ О возникновении новых государств в XX в. см.: *Jazbec M. The Diplomacies of New Small States*. Aldershot, 2001. S. 36–72.

¹¹ Ф. Тунич называет этот регион Промежуточной Европой, а с географической точки зрения это, точнее, большая дуга, простирающаяся от Балтики до Балкан. Регион дождался

своей независимости фактически только с расширением ЕС и НАТО в 2004 г. См.: *Tunjič F. Vmesna Evropa*. Koper, 2004.

¹² Также и Югославия, хотя и являлась социалистической страной, с 1948 г. осталась вне официальных структур социалистического блока, в котором доминировал Советский Союз.

¹³ Н. Стоун говорит: «Черчилль и Гитлер были старомодными фигурами, увлеченные XIX в., однако 1945 г. был, как говорят немцы, час «зеро», и все началось заново» / *Stone N. The Atlantic and its Enemies: a Personal History of the Cold War*. London, 2010. S. XI.

¹⁴ Глава Иллирийских провинций маршал Бернадотт позднее стал королем Швеции.

¹⁵ *Benko V. Zgodovina mednarodnih odnosov*. S. 146.

¹⁶ *Jazbec M. Predgovor / Rahten A. Jugoslovanska velika noč*. Ljubljana, 2012.

¹⁷ *Rahten A. Jugoslovanska velika noč*.

¹⁸ На Сочанском фронте пало более миллиона солдат.

¹⁹ *Jazbec M. Slovenec v Beogradu: 1987–1991*. Pohanca, 2006.

²⁰ Структурные изменения в международном сообществе после окончания Первой мировой войны, после окончания Второй мировой войны, после окончания колонизации и холодной войны.

²¹ *Jazbec M. Dvajseta obletnica konca hladne vojne: 1989–2009 / Zbirka Študije. Št. 2. 1. natis*. Ljubljana, 2009. Очень полезная справочная работа по истории Словении и словенцев от Французской революции до провозглашения независимости. См.: *Vodopivec P. Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18 stoletja do konca 20. stoletja*. Ljubljana, 2006.

²² Й. Пирьевец очень тщательно, с привлечением многочисленных архивных документов, описал этот период в своей работе. См.: *Pirjevec J. Jugoslavija 1918–1992*. Koper, 1995.

²³ У. Липушек отмечает, что в материалах президента США Вильсона в пятом сценарии регулирования положения словенцев после окончания Первой мировой войны предполагалось образование независимого государства. Однако в реальности осуществление этого сценария не встало на повестку дня. См.: *Lipušek U. Ave, Wilson: ZDA in prekrajanje Slovenije v Versaillesu 1919–1920*. Ljubljana, 2003.

Россия в представлении словенских политиков (от сараевского убийства до начала Первой мировой войны)

Удар, который нанесли правящему дому Габсбургов выстрелы в Сараево 28 июня 1914 г. и смерть престолонаследника Франца Фердинанда и его жены Софии Гогенберг, не предвещал ничего хорошего. Это событие привело к крайнему обострению политических противоречий, накопившихся в Европе и на Балканах, о чем свидетельствовала напряженная международная обстановка в следующем месяце. В то время в словенских землях внимательно отслеживались изменения, происходившие в международной политической обстановке. Главное внимание уделялось политике европейских великих держав, в том числе, конечно, и Российской империи.

В промежуток времени, охватывающий период от сараевского убийства до начала Первой мировой войны, в которую Российская империя вступила после объявления войны со стороны Германии и Австро-Венгрии (1 и 6 августа 1914 г. соответственно), — словенская политическая общественность впервые обратилась к рассмотрению русского фактора в связи со смертью посла России в Белграде барона Николая Генриховича Гартвига. Гартвиг неожиданно скончался от сердечного приступа на приеме у австро-венгерского посла в Белграде барона Владимира Гисла фон Гислингена 10 июля 1914 г. Католическая газета «Словенец» (Slovenec) и либеральная «Словенски народ» (Slovenski narod) в сообщениях об обстоятельствах смерти Гартвига¹ дали оценку его роли в политике. «Словенски народ», вслед за грацской немецкой газетой «Тagespost» (Tagespost) утверждал, что Гартвиг знал о готовящемся в Сараево покушении², а «Словенец» подчеркнул, что он оказывал большое влияние на политику сербского правительства, способствовал и упрочению приоритетного положения Сербии в российской политике на Балканах. «Гартвиг, без сомнения, был самым большим противником

нашей монархии», — добавил «Словенец». Его старания «в первую очередь, были направлены на то, чтобы при малейшей возможности ставить препоны ходам и планам нашей дипломатии. Несмотря на это, он был очень осторожен. Со смертью Гартвига Россия потеряла одного из своих лучших дипломатов, Сербия своего преданного друга, а Австрия очень опасного врага»³.

Роль и значение Российской империи в международных отношениях того времени обсуждались в словенских землях только в католическом и либеральном лагерях, марксистский не уделял им внимания. Социал-демократическая газета «Заря» (Zarja) опубликовала всего лишь одну заметку о смерти Гартвига и подчеркнула, что он считался «злейшим врагом нашего государства»⁴.

Католическая Всесловенская народная партия (ВНП) и сильнейшая словенская либеральная политическая организация, Национально-прогрессивная партия (НПП), стали обращать более пристальное внимание на политику России в середине июля 1914 г. Их печатные органы 17 июля перепечатали из газеты «Берлинер Тагблатт» (Berliner Tageblatt) сообщение о предложении, сделанном Россией Англии, заключить военно-морское соглашение; российские военные круги при этом выступали и за сотрудничество обеих держав на суше в случае начала войны между Россией и Германией. Посредником при заключении договора должен был стать президент Франции Раймон Пуанкаре, собиравшийся тогда в Россию⁵. «Словенец» и «Словенски народ» детально осветили его посещение Петрограда⁶. При этом «Словенец» припомнил, что Франция предложила России значительную финансовую помощь для расширения сети железных дорог, увеличения армии и строительства новых военных кораблей. В газете также писалось о российских интересах на Балканах и стремлении России получить морской проход через Дарданеллы, а также о ее разногласиях с Францией по вопросам внутренней политики. Это положение русские наверняка в большей или меньшей степени будут использовать для осуществления своих собственных стремлений, и нельзя сбрасывать со счетов возможность того, что центр европейской политики переместится из Парижа в Петроград! «У России есть главный капитал для любой армии, — отметил «Словенец», — а именно, неисчерпаемые ресурсы мужчин, которыми, естественно, пожертвуют в первую очередь ради своих, а не чужих интересов»⁷. Однако он

не верил сообщению петроградского корреспондента «Лё Матэн» (Le Matin), что Россия располагает существенно большими воинскими силами, чем Австро-Венгрия, и в случае войны победила бы быстро и наверняка. «Известно, что «Лё Матэн» шовинистическая газета, – писал «Словенец» в патриотическом духе, – которая ждет не дождется распада католической Австрии. Но такой радости мы французам не доставим!»⁸

Словенские политики особо подчеркивали бесспорную роль России в формировании будущей судьбы Европы. Корреспондент «Словенского народа» от венского рейхсрата, один из виднейших членов НПП, Альберт Крамер уже 15 июля 1914 г. сообщил о своем разговоре с некоей хорошо информированной особой, которая сообщила о вручении австро-венгерского ультиматума Сербии в связи с сараевским убийством (ультиматум был получен сербским правительством 23 июля). Собеседник Крамера заявил, что Сербия ответит на ультиматум неудовлетворительно лишь в том случае, если будет знать, что в борьбе против Австро-Венгрии сможет опереться на помощь России. Так что дальнейшее развитие международных отношений зависит от того, желает войны Россия, или нет⁹. Такого же мнения придерживался и Крамер, отметивший, что Россия неизменно поддерживает Сербию во всех вопросах, касающихся чести и независимости сербского государства¹⁰. После вручения австро-венгерского ультиматума, означавшего для Сербии «унижение и чуть ли не частичную потерю государственного суверенитета», Крамер присовокупил к вышесказанному, что у России, в сложившихся обстоятельствах, связаны руки. Следует учитывать, что ультиматум ставит на повестку дня «вопросы, относительно которых решающим может быть не столько желание России, сколько то инстинктивное чувство, которое в подобных ситуациях приводит народы к тому, что они готовы скорее погибнуть, чем покориться». Если бы Сербия приняла ультиматум, австрийское влияние на Балканах укрепилось бы навсегда, и политика, которую русские проводили на юго-востоке Европы в течение ста лет, потерпела бы катастрофическое поражение. Сфера политического влияния Антанты существенно уменьшилась бы, и превосходство Центральных сил было бы обеспечено на много лет. Поэтому остается под вопросом, допустила бы Россия без сопротивления коренное изменение европейского равновесия¹¹.

Эти размышления Крамер связал с вопросом о том, какую позицию следует занять словенцам в случае начала войны. «Наш маленький словенский народ стал бы одной из первых жертв, если бы европейская конфигурация (военный пожар. — Ю. П.) привела к трагическому для Тройственного союза исходу». Поэтому «не только гражданская, но и национальная обязанность — сохранять верность не только монархии, но и собственному народу — (...) приводит нас в лагерь тех, кто в эти трудные минуты от всего сердца желает, чтобы монархия вышла из всех опасных ситуаций, из всех сражений крепкой и мощной, и в искушениях судьбы приобрела бы также моральную силу, необходимую для того, чтобы после победы над внешними врагами преодолеть и настоящих внутренних противников своего существования, т. е. тех, кто приветствует ее возможное военное выступление как сокрушительный удар по австрийскому славянству»¹².

После того, как 25 июля 1914 г. Сербия приняла не все условия ультиматума Австро-Венгрии (она отказалась выполнить требование, чтобы австрийские власти сами провели в Сербии расследование сараевского убийства), НПП заняла патриотические австрийские позиции. «Словенски народ» подчеркивал верность словенцев императору и монархии и утверждал, что «наряду со всеми другими народами (...) и словенцы с воодушевлением будут исполнять свой патриотический долг... Более всего радует тот факт, что мы все преисполнены единым чувством: все за Австрию!». В газете было уделено внимание настроением в Сербии, где утвердилось мнение, что сербы могут рассчитывать на помощь русских и противиться австрийским требованиям¹³. Из Вены высказал свою точку зрения и Крамер, который вновь подчеркнул, что вопрос о начале мировой войны зависит от России. Если бы Россия провела военную мобилизацию, война стала бы неизбежной. «Европейский мир зависит от русского царя»¹⁴.

О положении в России в то время писал и «Словенец». Из европейской и австрийской прессы в нем перепечатывались прогнозы, что при столкновении Австро-Венгрии и Сербии Россия встанет на сторону Сербии¹⁵, и сообщения об откликах в России на австро-венгерский ультиматум. До его выдвижения русские, с одной стороны, казалось, не ожидали угрозы для независимости Сербии, с другой стороны, как будто соглашались с австро-венгерскими

требованиями относительно преследования соучастников убийства в Сараево¹⁶. После вручения ультиматума, согласно перепечатанным «Словенцем» сообщениям, в петербургских дипломатических кругах утвердилось мнение, что война неизбежна, и русская пресса резко критиковала Австро-Венгрию. Газета «Новое время» особо подчеркивала, что Россия не допустит насилия Австро-Венгрии над Сербией¹⁷. Несколько другую трактовку предлагала корреспонденция, полученная редакцией «Словенца» из Петрограда. Ее автор 24 июля 1914 г. сообщал, что в России ожидали, что Сербия отклонит ультиматум Австро-Венгрии. А до тех пор, пока Сербия на него еще не ответила, будто бы считали, что для применения русскими военных мер «никто не видит ни малейшего повода. Выступление в защиту Сербии произошло бы лишь в том случае, если бы Австро-Венгрия планировала отобрать у Сербии какую-нибудь часть территории. Судя по всему, этот шаг Австро-Венгрии одобряется. Однако по этому вопросу даже в правительственных кругах нет единого мнения»¹⁸. Позже в «Словенце» появилось сообщение о том, что российский военный министр уже 26 июля заявил на заседании правительства, что Россия готова к любому развитию событий. В заметке добавлялось, что «в панславистских кругах ходят слухи, что император сказал: “Перчатка брошена, и я ее подниму”»¹⁹.

«Словенец» считал, что от решения императора зависит мир во всем мире²⁰. После объявления Австро-Венгрией войны Сербии 28 июля 1914 г. и указа о проведении всеобщей мобилизации в России 29 и 30 июля в газете было напечатано сообщение лондонского корреспондента мюнхенской газеты «Альгемайне Цайтунг» (*Allgemeine Zeitung*), в котором акцентировалось внимание на официальном заявлении российского правительства английскому от 29 июля. В нем российская сторона подчеркнула, что хочет «своими недавно предпринятыми мерами (мобилизацией. — Ю. П.) ясно продемонстрировать стремление сказать свое слово по поводу австро-венгерского конфликта и показать, что не может не быть заинтересована в исходе австро-сербской войны. Речь идет об имманентном вопросе российского престижа, поэтому Россия должна была в высшей степени серьезно и недвусмысленно заявить о том, что ей не безразличен дальнейший ход развития событий». Официальное сообщение о мерах, предпринятых Россией, по словам корреспондента, в Лондоне восприняли как очень серьезное

изменение ситуации в Европе, однако не оставили надежды на сохранение мира²¹. «Словенец» перепечатывал и другие сообщения о европейском кризисе и политической обстановке в России²². Не остались без внимания и революционные выступления российских рабочих, приводилось мнение, что «революция ... наверняка начнется, как только Россия возьмется за оружие»²³.

Заимствуя сообщения о России и о внутривнутриполитической ситуации в ней, «Словенец» высказал и свою точку зрения по этому поводу. Он был убежден, что Россия представляет большую опасность для Австро-Венгрии из-за своего империализма и национализма. Она заключается в русской государственной идее, русском государственном мистицизме, верящем, «что у России есть высшая задача – расширяться все больше и больше, почти до бесконечности». Этому способствуют также «взрывоопасная обстановка в России», средствами для сдерживания которой являются российский государственный империализм и экспансионизм. «Когда скопилось слишком много взрывоопасных материалов и грозит опасность, что вспыхнет революция, – писал «Словенец», – нет лучшего средства против этого, чем вновь разгоревшийся русский национализм и империализм». Россия представляет угрозу для Австро-Венгрии также из-за религиозной идеи, спаянной с государственной, которая ссылается на «мнимые» гонения на православных христиан в Галиции и Венгрии²⁴. Также Россия представляет опасность для Австро-Венгрии из-за своего стремления иметь выход к открытому морю, а более всего – из-за русинского или украинского вопроса. По мнению «Словенца», ускоренное национальное и политическое развитие русинов в Галиции повлияло бы на формирование тезиса о существовании особой украинской народности в России, что привело бы к распаду «русского народа». Великороссы тогда едва ли составили бы большинство населения российского государства, а вслед за украинским, без сомнения, на повестку дня встал бы и белорусский вопрос. Если бы русский народ распался на три независимых политических народа, это привело бы к распаду российского государства, «и от нынешней великой России осталось бы просто «Московское великое княжество» в тех размерах, в каких оно вышло из татарского ига». Поэтому Россия приложит все силы, а если понадобится, то и военную мощь, для того, чтобы уничтожить русинское движение в Австрии. И это нужно знать²⁵.

«Словенец» также высказал свое мнение о поведении России в сложившейся в то время политической обстановке в Европе. Мобилизация русской армии трактовалась им как важный знак, указывающий на подготовку к мировой войне. Возможное вмешательство России в конфликт между Австро-Венгрией и Сербией, по его убеждению, означало, что Россия защищает сараевских убийц. Газета отвергала точку зрения, что тем самым Россия как славянская страна защищает славянство, поскольку Сербия «из-за своего отвратительного поведения (причастности к сараевскому убийству. — Ю. П.) стала позором для всего славянства». А посему долг всего честного славянства — стереть со своего тела сербское пятно, а если Россия встанет на сторону Сербии, то потеряет в его глазах весь свой моральный авторитет. «Русофильство тогда станет таким же постыдным делом, как сербофильство, — отмечалось в «Словенце». — Пусть русский царь крепко подумает, какие моральные основания еще остаются у его престола, если его достойная армия должна выступать на защиту бандитов. Любой русский революционер сможет тогда с моральным превосходством пренебрежительно смотреть на русских самодержцев. К сожалению, русский царь отрезан от всего мира непреодолимой стеной известной камарильи, поэтому он не видит, как обстоят дела, и по указу о мобилизации можно сделать вывод о том, что он намеревается играть *va banque* /ва-банк, фр. яз. — *прим. пер.*/ за свой престол»²⁶.

Мобилизация в России не беспокоила «Словенца», поскольку издание считало австро-венгерскую и германскую армии (они были мобилизованы 31 июля и 1 августа 1914 г. и должны были противостоят российской) лучшими армиями в мире. Оно предрекало, что Россия потерпит значительно более тяжелые поражения, нежели в русско-японской войне 1905 г. В газете выражалась надежда, «что Россия в последний момент опомнится и послушает мудрые советы Англии, которая со всей решительностью противится тому, чтобы из-за сербских бандитов началась общеевропейская война. Россия держит в руках мир во всем мире — а также несет всю ответственность за последствия и за свою собственную судьбу»²⁷.

Перед объявлением Австро-Венгрией войны России 6 августа 1914 г. в словенской прессе появилось еще несколько сообщений о европейском кризисе и о российской политике того времени. Альберт Крамер в конце июля написал из Вены, будто бы Россия

еще готова на основе выдвинутых Великобританией предложений, направленных на сохранение мира, вступить в переговоры с Австро-Венгрией. По его словам, «ситуация еще не совсем безнадежна, вопрос в том, возможно ли еще урегулировать нынешнее напряженное положение путем дипломатических формальностей». К этому он присовокупил высказывание хорошо информированной особы в Вене о том, что крайняя напряженность европейского кризиса не может продолжаться долго. Крамер привел оценку, данную газетой «Нойес Винер Тагблатт» (Neues Wiener Tagblatt), что, несмотря на некоторые благоприятные знаки, для действительного примирения сторон нет реальной основы. Однако еще есть надежда, что Россия не будет сопротивляться локализации сербской войны. Крамер также оповестил читателей «Словенского народа», что германский кайзер и российский император в те дни посылали друг другу много сообщений по телеграфу. В них они будто бы еще раз пытались определить, есть ли возможность предотвратить войну в Европе²⁸.

«Словенский народ» также внимательно следил за сложившейся в те дни международной обстановкой. После военной мобилизации Австро-Венгрии отмечалось, что положение крайне серьезное и решение должно быть принято как можно быстрее. Каждый день промедления пойдет во вред Австро-Венгрии и ее союзнице Германии и на пользу России²⁹. После объявления Германией войны России 1 августа 1914 г. из-за всеобщей мобилизации российской армии в газете выражалось сожаление, что германскому и английскому правительствам не удалось ограничить австрийско-сербский конфликт и защитить Европу от войны. При этом была высказана явная антирусская позиция, основанная на австрийском патриотизме. «Австрия сразу гарантировала, — писала газета, — что не затрагивает территориальных *владений Сербии*, и просто потребовала наказания зачинщиков и сообщников сараевского убийства и предоставления гарантий прекращения пропаганды, направленной против *существования* нашей монархии. Но Россия в ответ на австрийское выступление против Сербии начала *мобилизацию* и заняла *враждебную позицию по отношению к Австрии*». Это способствовало развитию кризиса и привело к войне. «Европейская война обернется чем-то ужасным», — заключил «Народ». «Создается впечатление, что Россия считает настоящий момент наиболее благо-

приятным для того, чтобы осуществить свои цели, направленные против Германии и Австрии, и поэтому она *из пальца высосала* повод для войны. У России нет настоящего повода и действительной причины для войны». «Так началась гигантская война за власть в Европе. Огромное воодушевление, с которым все австрийские народы сплотились вокруг своей монархии, оправдывает надежду на то, что наша монархия выйдет из этой гигантской войны с победой и славой»³⁰. «Сейчас следует ожидать, что и наша держава объявит России войну»³¹.

Когда Австро-Венгрия объявила войну России, представители словенского либерального лагеря были уверены в том, что русские потерпят поражение³². Точно так же, как и приверженцы католического, в первый же день войны заявившие, что Россия бесстыдно встала на сторону «сербских бандитов, которые хладнокровно убили нашего престолонаследника Франца Фердинанда и его супругу, которые раскинули сети своей бессовестной великосербской пропаганды по всем югославянским землям нашей империи... Русский царь бросил военную бомбу в Европу, — писал «Словенец». «Сейчас ясно как белый день, что сербы действовали *за русский счет*. Россия пестовала злодейскую великосербскую пропаганду в наших землях. *Россия* — главная виновница убийства Франца Фердинанда и Софии Гогенберг. Теперь все понятно: когда Австрия попржиала сербского короля Петра — почесался русский царь! Со времен Нерона не было такого кровожадного правителя на престоле, как русский царь: вся кровь, пролитая Нероном, лишь маленькая капля по сравнению с морем крови, которое ныне прольется на всех европейских полях сражений по указу русского царя. Но мы совсем не боимся, — подчеркнул «Словенец», — бояться надо только русскому царю и его франкмасонской компании (помощникам. — Ю. П.)»³³.

Пользуясь случаем, «Словенец» дал также католическую характеристику православной России. «Кто же стоит за русским царем, кто втянул его в преступную войну? — вопрошал он. — Это именно тот бессовестный элемент, который вовлекает и сербский народ в преступление и слепоту: это *православные* попы, организованные в России в так называемом Святейшем синоде. Там змеиное гнездо, которое уже долгие годы тревожит военными угрозами всю Европу — просто от духовной ограниченности и проистекаю-

щей из нее бешеной враждебности по отношению к католической Австрии и справедливой к католикам Германии. Этим объясняется и *связь русского национализма с французским франкмасонством; их объединяет общая вражда к католической церкви!* Русский поп и франкмасонский безбожник — вот компания, которая везде вместе. И эта сволочь открыла врата ада мировой войны. Эта сволочь — которая сама остается в безопасности в своем логове — принуждает миллионы сражаться и убивать. С тех пор, как свет стоит, не было большего преступления, нежели то, которое сейчас совершил русский царь»³⁴.

Вышеприведенная обвинительная позиция исходила из ярко выраженного отрицательного отношения к российской политике и обществу, которое словенский католический лагерь снова высказал двумя днями раньше. 5 августа 1914 г. в «Словенце» была опубликована статья, в которой опровергалось мнение, что славянская Россия — друг и покровительница славян. «Подобные взгляды могли распространиться лишь там, где России не знали близко и где не видели вблизи ее «любезности» по отношению к своим славянским соседям и подданным. Счастливы те славяне, которые не почувствовали на собственной шкуре русских объятий». «А кто их чувствовал, тот, — по словам «Словенца», — мог «быстро убедиться в том, что покровительство России — это покровительство тюремного надзирателя, а дружеское объятие России напоминает холодные и мощные тиски железного кулака». Это испытывают на себе поляки, с которыми русская политика никогда не обращалась на основе принципов славянской взаимности, и не имела даже крупинцы политической мудрости, чтобы относиться к ним внимательнее и приветливее хотя бы ради собственных интересов»³⁵.

«Словенец» признавал, что российская политика на Балканах имеет немного более славянский облик. Россия помогла балканским славянам освободиться от турецкого ига. Однако она сделала это не из-за любви к ним, а для того, чтобы с их помощью ослабить Турцию, получить господство над Балканами и завоевать себе свободный выход к Средиземному морю. «И Сербию она поддерживает только для того, чтобы выгнать Австрию с Балкан и поставить препоны Болгарии, чтобы она не подобралась слишком близко к Царьграду / Стамбул. — *прим. пер.* /». В балканском вопросе Россия руководствуется лишь своими реальными интересами — расшире-

нием русского влияния. Доверяют ей еще только сербы, но и это взаимное доверие построено не на основе славянской взаимности, а на общей ненависти к Австрии и к католической церкви³⁶.

Упомянутую статью «Словенец» резюмировал так: «Внутренняя политика России руководствуется двумя главными принципами: это русская народность и православие. Согласно этим принципам она угнетает все другие народности, славянские и неславянские, и все другие вероисповедания, особенно католическое. В новое время никакое из государств не преследовало католиков так страшно и постоянно, как Россия... Русская внешняя политика основывается на стремлении к созданию великого всемирного российского государства, которое на юге, севере, западе и востоке смело бы всех, кто препятствовал бы ему на пути к мировым морям, и растоптало бы всех, кто сдерживает его экспансию. Но прежде всего Россия стремится занять решающее и ведущее положение на Балканах, чтобы при удобном случае захватить Царьград. У славян и католиков нет никаких причин тепло относиться к России, совсем наоборот. Сама Россия поступила бы лучше, если бы сначала отрегулировала свое гнилое внутреннее положение»³⁷.

Помимо оценок политики России и идеологических и политических принципов, которыми она руководствовалась, в тот промежуток времени, который еще оставался до начала войны между Австро-Венгрией и Россией, «Словенец», на основе различных источников, публиковал сообщения о развитии взаимоотношений между Германией и Россией до объявления войны, о самом объявлении войны Германией, о сражениях германской и русской армий, об отношениях Австро-Венгрии и России, об экономической ситуации и здравоохранении в России, о ряде назначений в российской армии и о предпринятых Россией военных мерах на русско-румынской и русско-турецкой границах³⁸. Писал об этом же и «Словенски народ»³⁹. Оба печатных органа особо подчеркивали свою убежденность в правильности политики Австро-Венгрии и в победе германской и австро-венгерской армий⁴⁰. После начала войны между Австро-Венгрией и Россией «Словенски народ» добавил замечание о новой, великой войне в Европе: «Началась война, какой наша земля еще не видела, настоящая мировая война, которой нет примеров. Германия воюет с Россией, Англией, Францией и Бельгией. Австрия воюет с Россией и Сербией. Гигантские армии, насчитыва-

ющие миллионы солдат, поднимутся друг на друга, и поле боя, так сказать, растянется с одного конца Европы до другого. Всемирное сражение началось, и в нем решится, кто в будущем будет доминировать в Европе». Понятно, что эта мировая война началась не из-за Сербии, а является следствием огромных противоречий между великими державами, которые сейчас вспыхнули⁴¹.

Первая мировая война в корне изменила политический облик Европы и мира. Европейские народы вступили в нее с различными чувствами, которые в ходе ее либо укрепились, либо изменились. У словенцев к концу войны австрийские патриотические чувства охладели, изменилось и отношение к российскому государству. В начале войны оно было негативным. Редким исключением являлся известный либеральный политик, прежний глава НПП, многолетний жупан Любляны и депутат рейхсрата в Вене и провинциального собрания в Любляне Иван Хрибар. О России высказывались положительно очень редко. Словенские политические круги, т.е. католический и либеральный лагеря видели в России опасное и враждебное Австро-Венгрии государство, решающим образом содействовавшее развязыванию мировой войны. В подобном восприятии отражалось также понимание России как европейской и мировой великой державы, которой ведущие словенские политические партии на страницах своих печатных органов уделяли большое внимание. В плане негативного отношения к России лидировал католический лагерь. Он акцентировал внимание на экспансивной и опирающейся на православный эксклюзивизм и масонство русской государственной идее, помимо всего прочего направленной против существования католической Габсбургской монархии. Считалось, что России была чужда и идея славянской взаимности. Словенская католическая политическая русофобия в начале войны была спаяна с австрийским патриотизмом и уверенностью в военной победе Австро-Венгрии. То же самое можно сказать и о либералах, которые, однако, не подкрепляли свою антирусскую направленность идеологическими или религиозными обоснованиями. Они акцентировали внимание на российском интересе в европейском политическом равновесии.

Во время войны взгляды словенцев на Россию изменились. Не только либералы, но и католические политики, например, Янез Евангелист Крек, стали связывать с Россией надежды на освобож-

дение словенцев⁴². Но Россию не интересовали словенцы и их насущные проблемы⁴³. Этому не знали словенские военнослужащие австро-венгерской армии, которые в 1915–1917 гг. претворяли в жизнь свои антиавстрийские настроения, добровольно сдаваясь в плен и переходя на сторону русских⁴⁴. Сдвиг в отношении словенцев к России был замечен, но в дальнейшем в словенских землях содержание его определяли идеологические позиции, имевшие отношение к революционному коммунистическому движению и общественно-политическому характеру нового советского государственного образования.

(Перевод Л.А. Кирилиной)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Slovenski narod. Ljubljana, 13.07.1914; Slovenec. Ljubljana, 14.07.1914.

² Slovenski narod. 01.08.1914. Vzroki Hartvigove smrti.

³ Slovenec. 11.07.1914. Ruski belgrajski poslanik nenadoma umrl.

⁴ Zarja. Ljubljana, 15.07.1914. Politični pregled. Ruski poslanik Hartwig v Belgradu.

⁵ Slovenec. 17.07.1914. Notranji in zunanji politični položaj. Rusko-angleška mornariška pogodba?; 20.07.1914. Poincaréjeva pot; Slovenski narod. 17.7.1914, Rusko-angleška mornariška pogodba.

⁶ Slovenec. 21.07.1914. Poincaré v Rusiji; 24.07.1914. Rusija in Francija; Slovenski narod. 21.07.1914. Poincaré pri ruskem carju; 22.07.1914. Poincaré v Petrogradu; 24.07.1914. Telefonska in brzojavna poročila. Poincaré v Petrogradu; 25.07.1914. Poslovilne napitnice carja in Poincaréja.

⁷ Ibid. 21.07.1914. Poincaréjeva pot.

⁸ Ibid. 20.07.1914. Francozi o moči ruske armade.

⁹ Slovenski narod. 15.07.1914. (Albert Kramer), V težkih časih.

¹⁰ Ibid. 22.07.1914. (Albert Kramer), Pred demaršo.

¹¹ Ibid. 25.07.1914. (Albert Kramer), Ure potekajo...

¹² Ibid.

¹³ Ibid. 27.07.1914. Vojska ali mir? V stari zvestobi – vse za Avstrijo!

¹⁴ Ibid. 27.07.1914. Vojska ali mir? (Albert Kramer), Rusija na razpotju.

¹⁵ Slovenec. 23.07.1914. Avstrija in Srbija. Angleži sodijo, da bo Rusija stala za Srbijo.

¹⁶ Ibid. 24.07.1914. Ruska diplomacija.

¹⁷ Ibid. 25.07.1914. Po izročitvi note v Belgradu. Situacijska poročila iz Rusije.

¹⁸ Ibid. 29.07.1914. Peterburško pismo.

¹⁹ Ibid. 27.07.1914. Za čast Avstrije. Rusi.

²⁰ Ibid. 27.07.1914. Za čast Avstrije. Sodba o položaju na Dunaju.

²¹ Ibid. 31.07.1914. Prizadevanja za lokaliziranje vojne. Rusija mobilizira 16 armadnih zborov.

²² Ibid. Prizadevanja za lokaliziranje vojne. Senzacionalno poročilo o stališču Rusije; там же: Rusko časopisje resignirano; там же: Rusija mirna?

²³ Ibid. Prizadevanja za lokaliziranje vojne. Rusija pred revolucijo. О революционных явлениях в России также см. Slovenec. 29.07.1914. Peterburško pismo.

²⁴ Ibid. 27.07.1914. Ruska nevarnost. – В связи с русской православной религиозной идеей, о которой писал «Словенец», можно упомянуть еще статью, перепечатанную из французской газеты «Libre Parole». Автором статьи был О. Хавар, «под именем которого скорее

всего скрывается какой-нибудь поляк». Он утверждал, что Россия хочет привить в Европе наследие ислама. Этого она якобы добьется тем, что посредством панславистской идеи подчинит духовному авторитету Святейшего синода всех славян на территории бывшей Османской империи. См.: Slovenec. 25.07.1914. Francozje o Avstriji in Jugoslovanih.

²⁵ Ibid. 28.07.1914. Ruska nevarnost.

²⁶ Ibid. 01.08.1914. Na adresi Rusije.

²⁷ Ibid.

²⁸ Slovenski narod. 31.07.1914. (Albert Kramer), Vojna. – Телеграфные сообщения, в которых германский кайзер и российский император пытались найти решение, способное сохранить мир в Европе, позже были опубликованы в обоих ведущих словенских политических печатных органах. См.: Slovenski narod. 05.08.1914. Požar na celi črti; Slovenec. 06.08.1914. Brzojavke med cesarjem Vilijemom in carjem Nikolajem.

²⁹ Slovenski narod. 01.08.1914. Splošna mobilizacija.

³⁰ Ibid. 03.08.1914. Evropska vojna.

³¹ Ibid. 04.08.1914. Pred evropskim požarom. – «Словенский народ» в этой статье, помимо всего прочего, вновь подчеркнул свой австрийский патриотизм. «Наша родина, – писалось в ней, – должна будет оценить верность и самоотверженность, с которой наш маленький народ отозвался на призыв своего правителя, преданность, с которой словенский народ, не озираясь по сторонам, встает под знамена своего императора, с домом которого он связан уже много столетий. Император призвал свои народы к оружию, и как бы эти народы прежде ни выступали против политики государственных деятелей, все это мигом позабыто, все стало мелочью перед могучим глазом седовласого старца (Франца Иосифа. – Ю. П.) на престоле, который при угрозе сразу полагается на свои народы и призывает их на защиту. Когда мы смотрим на неисчислимое множество солдат, которых император призвал к оружию, когда видим, что все их ряды охвачены единым духом – духом преданности и искренней любви к седовласому правителю, единой волей – сделать все, что потребуют император и родина, единым желанием – победить, единым решением – все выдержать и претерпеть, мы убеждаемся все больше и больше, что наша Австрия в гигантской битве народов сделает все, чтобы выйти из нее победоносной, окрепшей и оздоровившейся».

³² Ibid. 07.08.1914. Avstrija napovedala Rusiji vojno.

³³ Slovenec. 07.08.1914. Hudodelska Rusija.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid. 05.08.1914. »Slovanska« Rusija.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid. 03.08.1914. Nemčija napovedala Rusiji vojsko. – Prvi boji med Rusi in Nemci, Slaba letina na Ruskem, Kolera na Ruskem; 04.08.1914. Nemško-ruska vojska, Avstrija in Rusija; 05.08.1914. Rusija zbira velike sile ob romunski meji, Med Rusijo in Nemčijo, Notranji sovražniki Rusije; 06.08.1914. Zadnji poizkusi za ohranitev miru, Položaj v Rusiji.

³⁹ Slovenski narod. 02.08.1914. Ultimatum Nemčije Rusiji; 03.08.1914. Evropska vojna; 04.08.1914. Pred evropskim požarom; 05.08.1914. Požar na celi črti.

⁴⁰ Slovenec. 04.08.1914. Bil je zadnji čas; Slovenski narod. 07.08.1914. Avstrija napovedala Rusiji vojno.

⁴¹ Slovenski narod. 08.08.1914. Vojna na vseh straneh.

⁴² Čurkina I.V. Rusko-slovenski odnosi / Enciklopedija Slovenije, 10. Ljubljana, 1996. S. 337.

⁴³ Prunk J. Slovenski narodni vzpon: narodna politika 1768–1992. Ljubljana, 1992, S. 173–174.

⁴⁴ Čurkina I.V. Op. cit. S. 337.

Реакция на сараевское убийство и начало Первой мировой войны в габсбургском Триесте

Введение

Политические изменения, произошедшие на территории Европы за последнее десятилетие XX века, оказали существенное влияние на выбор того, что следует вытащить из «помойки» истории. Развал Югославии, а может, в еще большей степени — распад Советского союза и одновременное воссоединение Германии среди историков и других исследователей в области гуманитарных и общественных наук возбудили повышенное внимание к темам, связанным с вопросами идентичности, многонациональности, государственной принадлежности и лояльности граждан внутри изменяющихся систем власти и соответствующих структур. Дело в том, что многие обратили свое внимание на восточную часть Центральной Европы, оказавшуюся в эпицентре упомянутых изменений; вместе с тем все больше появлялось исследований, посвященных роли, значению и судьбе многонациональных государственных образований, каковыми были европейские империи до Первой мировой войны. Новые исследовательские платформы и многоуровневые аналитические методы спровоцировали постановку новых вопросов, в первую очередь, в сравнительном плане¹. В этом смысле «выиграла», прежде всего, многонациональная Габсбургская монархия, ставшая предметом новых изысканий и интерпретаций ее прошлого, а также одной из референтных осей, вокруг которой разворачиваются дебаты о будущем Европы.

Многие исследования привнесли новые взгляды в устоявшиеся и чаще всего национально центристские перспективы исторической науки, которые долгое время после распада Габсбургской монархии способствовали изображению ее исключительно как «тюрьмы народов»². Уже в 60-е гг. XX в. некоторые историки как

внутри словенского пространства (Фран Цвиттер), так и на международной арене (Оскар Яси) ставили новые вопросы и предлагали различные ответы при рассмотрении центробежной деятельности национальных движений, отношения населения к династии, а также переплетенности и взаимозависимости обеих половин государства после 1867 г.³ В последние два десятилетия интерес еще более усилился и приобрел новые масштабы.

Несмотря на усилившееся внимание к империи Габсбургов, некоторые ее регионы остались на периферии научного интереса. И если такие города, как Прага, Краков или Львов, и такие области, как чешские земли, Тироль и Галиция, получили место под солнцем международной исторической науки, то регион австрийского Приморья все еще ждет внимательного изучения. Участие региона в событиях, происходивших в Габсбургской монархии, уже многократно становилось предметом весьма скрупулезных исследований. Многие историки в австрийском контексте описали экономическую роль города Триест, работу государственных учреждений на местном уровне, политическую активность местных элит и их двойственное отношение к Вене. Однако все эти обширные труды не касались того, каким образом Габсбургская монархия в соответствующее время функционировала в качестве государства и в виде социальной системы, в которой династия являлась символическим центром и пересечением ментальных представлений жителей Триеста и шире — Средней Европы. И совсем не проясненными остаются вопросы о влиянии, которое на местное общество оказывали культурные образы или формы публичной (само) репрезентации австрийского государства и особенно династии Габсбургов. Именно поэтому настоящая исследование посвящено анализу последствий одного события, приобретшего глобальный масштаб и одновременно наложившего существенный отпечаток на городские события местного значения, а также тому, как именно он на них отразился: центром анализа, по сути, является покушение на Франца Фердинанда и его супругу в Сараеве 28 июня 1914 г., кардинально изменившее судьбу всего мира в прошлом столетии.

Исследование имеет своей целью путем анализа указанного события разобраться в вопросах внутренних взаимосвязей между национальными группами, городскими и областными институтами, а также государством Габсбургов.

Сараевское убийство, династическая лояльность и траурные мероприятия в Триесте

Покушения на государей и членов королевских семей, особенно начиная со второй половины XIX в., не являлись редкостью. Дом Габсбургов в этом смысле не был исключением, что подтверждается, кроме всего прочего, убийством в 1898 г. австрийской императрицы Елизаветы Баварской, жены императора Франца Иосифа, впоследствии более известной как Сиси. Однако, вероятно, ни одно покушение не имело таких последствий, как убийство габсбургского престолонаследника Франца Фердинанда и его супруги Софии Хотек, герцогини фон Гогенберг, потрясшее не только австрийскую, но и мировую общественность.

Многие историки изучали посещение престолонаследником Боснии и Герцеговины, Сараева, которые оказались связанными с его убийством. Известны также дипломатические и политические воззрения, приведшие буквально в течение месяца к объявлению Австро-Венгрией войны Сербии, за август 1914 г. переросшей в Великую войну. Кажется, что историки, подобно военным, торопились обратиться к войне и зачастую оставляли без внимания некоторые другие точки зрения, возникшие после покушения. И потому настоящая статья имеет своей целью заполнить образовавшуюся лауну при помощи анализа ситуации в австрийском Приморье, главным образом, в городе Триест, а также проанализировать последствия убийства австрийского престолонаследника на местном уровне.

На следующий день после покушения – в понедельник 29 июня 1914 г. – по всей монархии появились специальные выпуски газет с сообщением об убийстве. Они описывали первую, неудачную попытку взрыва бомбы, за которой спустя несколько часов последовали судьбоносные выстрелы Гаврилы Принципа. По сути, они перепечатывали новость, которую первой накануне вечером уже опубликовала «Нойес Винер Тагблатт» (Neues Wiener Tagblatt).

В настроениях населения Триеста, впрочем как и жителей всей страны, преобладали смятение, растерянность. В сообщениях местных властей говорилось о «потрясении», которое в связи с этой новостью переживали люди в австрийском Приморье⁴. Горожане всего несколько дней назад приветствовали чету, отправлявшуюся

в Сараево, ведь престолонаследник и его супруга именно в Триесте вступили на корабль «Viribus Unitis» и 24 июня отплыли по направлению к далматинскому побережью, откуда потом продолжили путь в центр Боснии. Никто даже представить себе не мог, что через неделю чета вернется, сопровождаемая похоронной процессией. Все праздничные мероприятия, концерты и театральные представления в городе были отменены. Триест погрузился в траур⁵.

В последующие дни многие организации, общинные и городские советы по всему региону, многократно собиравшиеся на внеочередных, специально по этому поводу созданных встречах, выражали соболезнования императору Францу Иосифу, отмечалась жестокость произошедшего, много говорилось о личном горе императора и несчастье, постигшем всю страну. Городской глава Триеста Альфонсо Валерио созвал внеочередную сессию совета общины на вторник, 30 июня 1914 г., в 12 часов, на ней он выразил соболезнования императору и пригласил членов совета общины присутствовать на панихиде⁶. В траурной книге, которая была доступна горожанам, оставили подписи многие влиятельные лица, члены культурных, политических и образовательных организаций, а также представители экономических предприятий. Среди тех, которые удалось разобрать, — автографы Отокара Рибаржа и Йосипа Вильфана, подписавшихся от имени политического общества «Единост» (Edinost) и словенских членов совета общины Триеста. Многие представители политической и экономической элиты города, вне зависимости от политической, религиозной или национальной принадлежности, выразили свое сочувствие. Память об ушедшей чете почтили также иностранные консулы. Но немало было и простых людей.

Триестская печать также акцентировала внимание на отношении к событию горожан, которые были весьма опечалены. Местные газеты спешили подчеркнуть неподдельность этих переживаний. «Триестер Тагблатт» (Triester Tagblatt), вестник триестских немцев и монархически настроенного населения, описывал, как в городских обществах «Schillerverein», «Eintracht» и «Lega patriotica della gioventù triestina», где собиралось немецкое городское население, были вывешены траурные знамена⁷. Точно также и словенская газета приморских либералов «Единост» (Edinost) подчеркивала, что новость «вызвала среди словенцев сильную печаль» и что «к вечеру реяло над нашим “Народным домом” первое траурное знамя в

Триесте»⁸. Официальный «Л'Осерваторе триестино» (L'Osservatore triestino) в специальном выпуске описал хронологию событий, в то время как «Л'Индипенденте» (L'Indipendente) на следующий день, во вторник 30 июня, в статье «Трагедия в Сараево» («La tragedia di Sarajevo») подробно описал покушение⁹.

После первого смятения местное население с особым вниманием отнеслось к прошедшей по Триесту траурной процессии с телами Франца Фердинанда и его супруги. Через несколько дней после убийства специальный поезд доставил тела из Сараева в Меткович, расположенный на далматинском побережье. Там их перенесли на корабль «Viribus Unitis», плывший вдоль побережья до Триеста. Во время плавания корабль приветствовали многие другие судна австрийского флота, как, например, «Tagethoff», «Zrinyi», «Radetzky», и даже корабль, носивший имя умершего эрцгерцога, а также множество лодок местных рыбаков. В Триестский залив корабль приплыл в ночь с 1 на 2 июля 1914 г. В тот день перед причалом Сан Карло (San Carlo, позднее Audace. — *Б. К.*), где все уже было готово к приему, толпа собралась задолго до восьми часов утра. Присутствовали самые почетные представители городских и краевых властей, архиепископ Андрей Карлин, городской глава Альфонсо Валерио и члены совета общины, администрация, представители всех религиозных общин Триеста, «патриотические» ассоциации, представители торговой и промышленной палаты, представители австрийского «Ллойда», «Южных железных дорог» и других важных торговых организаций города, а также городские учебные заведения¹⁰. Почетный караул в парадной форме принял тела и торжественным шествием, проходившем по Большой площади (сегодня Piazza Unità d'Italia. — *Б. К.*), мимо Биржевой площади по Корцу вниз, затем налево по улице Св. Антона, по улице Касерма до одноименной площади и по улице Чега до железнодорожной станции «Южных железных дорог» (сегодня — Центральный вокзал. — *Б. К.*). Школы в тот день были закрыты, и ученики сопровождали процессию по городу. Фотографии и газетные статьи показывают центр Триеста, убранный черными траурными лентами, висевшими на окнах домов, и жителей города, наблюдавших за процессией на улицах, из окон домов и с балконов. Граф К. Штюргк сообщал в министерство внутренних дел, что «в городе нельзя было увидеть ни одного дома, который не был бы увешан

траурными флагами и другими траурными атрибутами»¹¹. Шествие длилось с 8 до 9.30 часов утра без каких-либо затруднений. Епископ Карлин перед отбытием осенил крестным знаменем два гроба, эскорт оставил железнодорожную станцию Триеста в 9.50 и через Набрежину, Сежану и Дивачу, где также собрались представители церковных и гражданских властей, продолжил свой путь к Любляне, к г. Зидани-Мост и Вене. После похоронных церемоний в Вене гробы были доставлены в Арштеттен, где чета была похоронена в семейном склепе.

После похорон в Триесте, в соборе св. Юста, в субботу 4 июля, в 8 утра началась траурная месса. Присутствовал весь «триестский габсбургский мир» — от городских и краевых властей, гражданских и военных, представителей биржи, почты, «Южных железных дорог», торговой и промышленной палаты, до представителей обществ, таких как, например, ассоциация ветеранов («*Lega patriótica della gioventù triestina*», «*Unione Operaia*»), газет «*L'Oservatore Триестино*» и «*Триестер Цайтунг*» (*Triester Zeitung*), считавшихся в городе прогабсбургскими. За выражение их солидарности император — как «добрый отец» — на четырех языках выразил свою благодарность: после похоронных мероприятий плакаты были развешены по городу.

Убийство, его последствия и национальная принадлежность на местном уровне

Однако на следующий после похоронной процессии день в Триесте вышел номер газеты «Единость», в котором жирными буквами был выделен текст с предупреждением, обращенным к читателям и ко всем триестским словенцам: «в течение вчерашнего дня со всей серьезностью по городу распространилась весть, что известные итальянские уличные дебоширы после окончания похоронных мероприятий хотят устроить антисловенскую демонстрацию, путем нападения на наших людей и на нашу собственность. Правоохранительные органы предупреждены. Мы призываем наш народ избегать всего, что может дать хоть малейший повод для подобных нелепых событий, и защищать только себя и свое имущество!»¹²

Неизвестно, дошло ли в последующие дни до массовых нападений на словенские учреждения и самих словенцев, как это неоднократно происходило во время выборов или в иные моменты общественной активности и напряженности, когда часто происходили национально-политические столкновения. Вместе с тем было немало нападений на отдельных людей, которые открыто демонстрировали свою принадлежность к словенцам, например, на активистов словенских обществ и организаций. Подобное случилось с Алойзе Кодричем, садовником из Нижней Марии Магдалены, кассиром Ремесленного общества св. Анны, ставшим жертвой нападения «со стороны мясника и трех братьев Байтц»¹³. Дело в том, что Кодрич со своим сыном Францем был в трактире Ремесленного общества. В заведение вошли вышеперечисленные лица, которые, используя уничижительную лексику, оскорбили их, а затем напали физически. Кодрич должен был ответить за свое предполагаемое сербофильство. Причина случившегося крылась в том, что члены общества, кассиром которого был Кодрич, в декабре 1912 г., во время военных действий на Балканах, решили послать 20 крон Балканскому Красному Кресту. Так что Кодрича, как и многих других словенцев, открыто оказывавших активную поддержку словенскому или югославянскому движению, воспринимали как враждебный элемент.

Как показывает данный пример, всеобщая печаль — это лишь один из взглядов на события того времени. Ситуация в городе была напряженной. С чувством печали смешивались чувства злобы и подозрительности. Многие жители сербских, хорватских и боснийских земель монархии были арестованы властями из-за подозрений в причастности к покушению. Не последнюю роль сыграла и разлетевшаяся спустя несколько дней после убийства новость о том, что один из сараевских убийц, бомбист Неделько Чабринович, совершивший первое неудачное покушение, прежде являлся наборщиком триестской типографии «Единост»¹⁴. В связи с этим директор типографии Иван Малевец давал показания в суде, где заявил, что Чабринович был «всегда спокойным и тихим; ни с кем не разговаривал. Был плохим работником», спустя шесть месяцев он был уволен «из-за отсутствия работы»¹⁵. Не ясно, имеет ли этот случай какую-нибудь связь с остальными событиями, но он наверняка способствовал усилению недоверия к лицам из южных сла-

вянских частей монархии, а также и к людям и учреждениям, которые были каким-либо образом связаны с югославянской идеей. Любое слово в неподходящем месте в неподходящее время могло дорого обойтись. Во время траурных мероприятий, посвященных последним проходам престолонаследника и его супруги, пекарь Винченц Рожай, рожденный в Томае на Красе, но проживавший в пригороде Триеста Кядине, заявил, что если бы «серб, который убил престолонаследника, знал, какой тому устроили парад, ... то еще б одного убил»¹⁶. За это пекарь был арестован, то же произошло в ближайшие недели еще со многими людьми. Марцелло Полли, машинист, проживавший на Роколе, на следующий день после сараевского убийства в кафе на набережной в Триесте неподобающе отреагировал на новость о смерти престолонаследника и из-за этого был арестован¹⁷. Также и Якоб Поглай, рожденный в Любляне, но проживавший в Шкедене, рабочем квартале в Триесте, где работал поденщиком, из-за заявления, что «этот Франц Иосиф осел, а покойный Фердинанд сошел бы и за двух», получил восемнадцать месяцев тюрьмы. В свое оправдание он говорил, что был сильно пьян, но это не помогло ему доказать свою невиновность, поскольку властями была установлена его «фанатичная» принадлежность к социал-демократической партии, а во время обыска дома найдено много словенских газет и писем, «возможно связанных с преступлением»¹⁸.

Алкоголь и опьянение были постоянными спутниками подобных случаев. Дело в том, что под влиянием алкоголя многие высказывались против дома Габсбургов, императора или монархии, а также — не в последнюю очередь — против войны. Зачастую выкрикивали лозунги в поддержку Сербии и России, а в последующие месяцы и в поддержку Италии. Такие примеры не были редкостью и среди солдат, живших в триестских казармах. Через месяц после убийства, когда в Триесте, как и в других местах империи, появились плакаты о всеобщей мобилизации, Антон Цослович, солдат 97-го пехотного полка, расположенного в Триесте, в одной из городских таверн, в полном опьянении приветствовал других солдат словами «Да здравствует Сербия» и антиавстрийскими речами¹⁹. Однако на опьянение не мог сослаться Йоханн Густинчич, несмотря на то, что вообще был известен как «пьяница и алкоголик». Алоисия Кумар, донесшая полицейскому Антону Сосичу о его заявле-

нии, что убитая эрцгерцогиня «просто шлюха», утверждала, что он был «навеселе совсем немного, или даже вовсе не был»²⁰.

Некоторые неподобающие комментарии в связи с объявлением войны Австро-Венгрией Сербии, в которую в течение нескольких дней вступило большинство европейских государств, были строго наказаны. Кок из Триеста Томас Ружич, служивший на корабле «Зара», 26 июля, вероятно, не предчувствуя ничего плохого, высказался, что «теперь уж Австрия получит от России»²¹, за что в суде в Шибенике был осужден на три месяца тюрьмы.

Перечисленные примеры говорят о строгости австрийских властей, но одновременно и о широкой практике доносов и заявлений о подобных случаях. Аресты коснулись также и многих левых — членов триестской социал-демократической партии, республиканцев и — мнимых или реальных — участников анархического движения, что было обычным делом еще до сараевского убийства. Вопреки тому, что вскоре после убийства выяснилось, что убийцы были членами тайной организации «Черная рука» и не имели ничего общего с анархическим движением, на анархистов из-за подрывной деятельности и покушений в предшествовавшие годы оказывалось сильное давление со стороны властей. Анархическое движение было весьма распространено и в Триесте, и в других землях северной Адриатики, например, среди рабочих верфи в Пуле²². Оно было также связано с итальянским анархическим движением, прежде всего с активистами с другого побережья Адриатического моря, из Романьи и Анконы. Тот факт, что как раз посреди июля австрийские власти в кафе «Верди» в Триесте схватили 16 анархистов, из которых четверо были итальянскими подданными из Анконы и Форли, говорит о том, что Адриатическое море являлось важным связующим элементом.

Действительно, подрывная деятельность велась весьма активно, и еще более распространены были «враждебные речи». Об этом свидетельствует большое количество обвинений, выдвинутых в первые дни после сараевского убийства. Некоторые из них кажутся абсолютно безосновательными. Таким был случай анонимного обвинения против Алессандра Барни, служащего арсенала «Ллойд», который якобы заявил в городской таверне, что надо было бы убийцам эрцгерцога Фердинанда «установить памятник», поскольку они «одним махом снесли две коронованные головы». Счита-

лось, что Барни якобы был анархистом, имел много долгов и мог совершить что угодно ради денег. Позже полиция проверила факты и установила, что Барни был политически благонадежен, не являлся членом никакой политической организации и не был внесен в реестр анархистов, поэтому против него не было предпринято никаких мер²³. Джузеппина Петелин, кассирша на триестской станции «Южных железных дорог», оказалась морально и политически благонадежной, и против нее не было возбуждено дело — вопреки тому, что в анонимном письме сообщалось, что в разговоре об убитом престолонаследнике Франце Фердинанде она произнесла «Да здравствует Сербия!» (именно так было написано в оригинале). Полицейское расследование не выявило никаких причин для передачи дела в суд, хотя одновременно и установило, что Петелин питала «славянские радикальные чувства и, следовательно, могла высказаться так, как указано в прилагаемом анонимном письме»²⁴.

Последствия же многих других заявлений, поступивших в те дни к полицейскому руководству, были иными. Анте Матич, профессиональный матрос, был осужден на два месяца тюрьмы за то, что на следующий день после убийства посреди города закричал по-сербски: «Они были правы, что его убили»²⁵.

Наиболее часто отдельные лица высказывалась о престолонаследнике без должного сожаления в общественных местах и городских заведениях. Один агент сообщал, что на следующий день после убийства, вечером 29 апреля, в ресторане «Andemo de Giulia», в квартале Святого Алоизия в Триесте, рабочий Джулио Таучер в состоянии опьянения вошел в таверну и закричал, что «убили шефа приставов»²⁶. А в таверне «У далматинца» («Al Dalmata») в Шкедене Генрих Цибулка, электротехник в порту в Пуле, распевал итальянские песни в компании с другими посетителями, среди которых был местный житель Карел Бабудер, после одной из песен закричавший «Evviva la Serbia» («Да здравствует Сербия»), о чем Цибулка заявил властям. Также и Павел Космач, родом из Церкно, рабочий из Триеста, на площади Голдони закричал «Evviva la Serbia abbasso l'Austria» («Да здравствует Сербия, долой Австрию»), за что был арестован²⁷. Полиция занималась многими подобными случаями, прежде всего такими, когда отдельные люди выкрикивали лозунги в поддержку Сербии или даже выражали сомнения в боеспособности Габсбургской монархии и положительно отзывав-

лись о сербской армии, которая, несомненно, при помощи России, победит Австрию.

Неподобающими считались также заявления, сеявшие мало-душие среди населения и нагнетавшие озабоченность и неуверенность, чувства, охватывавшие все более широкие круги населения из-за всеобщей мобилизации и начала военных действий на южном фронте. Поэтому агент полиции Ангело Пинотти заявил на железнодорожного рабочего Владимира фон Капуша, который якобы 3 августа 1914 г. распускал слух, что «под горой Ловчен было убито 20 или больше тысяч австрийских солдат». Но руководство железной дороги поручилось, что фон Капуш в политическом отношении ориентирован на словенский клерикализм, является лояльным «добрым старым австрийцем»²⁸.

В течение нескольких недель после убийства напряженность усиливалась, и пренебрежительные высказывания о Франце Фердинанде и его супруге сменились неодобрительными репликами в адрес Австрии в целом, разговорами о храбрости сербской армии и помощи, которая будет направлена царской Россией Сербии, с констатацией того, что это станет фатальным для Австрии. Из-за подобных высказываний многие были осуждены и оказались за решеткой. Немало доносов можно зафиксировать и среди заключенных. Даже посещение публичного дома не было безопасным, как это произошло с Францем Брессаном, рожденным в Лочнике, в Верхней Крайне, но проживающим в Триесте. Он в публичном доме на улице Солитарио разговорился с тремя солдатами 4-го пехотного полка австрийской армии, расположившегося в Триесте. На «словенско-хорватском диалекте» он якобы расспрашивал Гомера Бечиновича, Авдола Сахича и Муя Пая о военном снаряжении, передислокации их полка и других сведениях. При этом он якобы оскорбительно отзывался об императоре. За это солдаты сдали его властям, но Брессан решительно отрицал обвинение и утверждал, что солдаты совершенно неверно поняли его высказывания и вопросы²⁹.

Уже сама принадлежность к сербской национальности давала повод для беспокойства. Житель Триеста Франческо Зитник обратился к властям с вопросом, как ему следует поступать, ведь в июне он взял на работу Будимира Велёвича, 21-летнего сербского гражданина. Полицейский Цесень по собственной инициативе его арестовал, поскольку тот был «политически или с военной точ-

ки зрения, по всей вероятности, подозрителен». Во время обыска в доме у Велёвича была найдена кипа документов, разобраться в них сразу оказалось невозможно, поскольку те были написаны кириллицей, которой полицейские не владели. Но это уже был факт, который во многих вызвал подозрения и являлся достаточным основанием для ареста³⁰. Социальное происхождение в этом случае также наверняка сыграло свою роль, но было бы ошибочно считать, что полиция с меньшим подозрением относилась к представителям других социальных слоев. Так, адвокат Лукас Верона, черногорец по происхождению, с 1904 г. проживавший в Триесте, находился под наблюдением полиции, поскольку считался «горячим сторонником сербов», ведь во время Балканских войн он финансово поддерживал сербское национальное движение³¹.

В любом представителе южнославянских народов или стороннике югославянской идеи видели потенциального врага. Вместе с тем было бы ошибкой думать, что этот психоз затронул только полицейское начальство. Власти получали многочисленные доносы, написанные добровольно, с требованиями принять меры против того или другого человека. 21-летняя Франчишка Хрешчак, родом из Сенодол, недалеко от Постойны, с ноября 1913 г. до конца июля следующего года работала прислугой у вдовы г-жи Карлоты Майервег, проживавшей с сыном Рудольфом и дочерью Карлотой в Триесте на улице св. Франциска 34/II. 29 июля, т. е. на следующий день после объявления австрийцами войны Сербии, она была уволена за неподобающие высказывания во время разговора с дочерью госпожи Майервег, когда якобы хвалебно отозвалась о сербах. «Я полностью отрицаю обвинение, что я что-то сказала о сербах, которых совсем не знаю, и политикой я никогда не интересовалась», — утверждала Хрешчак в полиции, когда ее вызвали на допрос, но это ей не помогло³². Также и Йосип Айдишек, служащий Триестского кредитного и сберегательного банка вынужден был оправдываться и убеждать полицию в том, что никогда не был политически активным и что не ездил с городским главой Любляны Иваном Хрибаром в автомобиле, в чем обвинял его анонимный доносчик; как и в большинстве подобных случаев, последовал обыск на дому³³. Оказалось, что подозрения на счет Айдишека не обоснованы, поэтому никаких мер против него принято не было, но этот пример еще раз свидетельствует об атмосфере напряженности и мнительности, царившей в городе.

Следствием сараевского убийства и вызванной им напряженной обстановки стало то, что прежние, еле заметные симптомы нетерпимости стали более явными. Намного более выражено, чем в предыдущие годы, проступили комплексные национальные противоречия Триеста. Пример Анны Пеган и Иды Шпеттих прекрасно иллюстрирует ситуацию, сложившуюся в городе и все больше обострявшуюся в условиях политической напряженности, характерной для периода после сараевского убийства и тем более месяца спустя после начала войны. Анна (или Ана) Пеган, рожденная в 1885 г. в Випаве, но проживающая в Триесте на улице Медия (нынешняя улица Маттеотти), мать троих детей, на тот момент на пятом месяце беременности, якобы заявила 31 июля 1914 г. продавщице газеты «Ил Пикколо» (Il Piccolo) Люции Стопар, владелице киоска на Старой Митнице (via BARRIERA Vecchia): «Что ж вы все плачете по Австрии, плачьте по Сербии. Да здравствует Сербия»³⁴. Якобы за эти слова г-жа Ида Шпеттих набросилась на Пеган. Оказавшись из-за своего высказывания на допросе в полиции, Пеган защищалась следующим образом: «Я признаю, что каждый день покупала мясо в лавке Шпеттих, ... но отрицаю, что вела разговоры о политике в том смысле, как утверждает Ида Шпеттих». Причину нападок на нее Пеган видит в другом: «Ида Шпеттих в течение последних пяти дней каждый раз, когда я приходила покупать мясо в ее магазин, начинала отпускать различные замечания относительно словенцев («sciavi»)»³⁵. А несколько дней назад заявила, что «sciavi» виноваты в войне, поскольку это они убили габсбургского престолонаследника. Свидетельство Пеган, таким образом, раскрывает настроения, распространенные среди населения, здесь проявляется и национальное клеймение триестских словенцев как виновных или соучастников сараевского покушения и, следовательно, как зачинщиков войны. В речи Шпеттих слово «sciavi» означает и сербских юношей, убивших Франца Фердинанда, и триестских словенцев, короче говоря — всех, кто так или иначе выделялся своей «югославянской национальностью» (конечно, в смысле отдельных национальных чаяний, а не конкретной политической идеи будущей Югославии). Пеган же не осталась в долгу и ответила Шпеттих, что тогда нужно бороться и против Италии, «раз итальянец убил нашу бедную императрицу» (подразумевая покушение Луиджи Лукени на австрийскую императрицу Елизавету в 1878 г. — Б. К.). В ответ

Шпеттих Пеган привела пример, когда итальянский анархист Лукени насмерть проткнул напильником супругу императора Елизавету, которой, кстати, в 1912 г. в Триесте установили памятник. Из этих пререканий можно понять, каким образом события мирового значения переносились на все социальные уровни локального микрокосмоса и оказывали на них непосредственное воздействие. Защищаясь, Пеган отвергала обвинения и утверждала, что «Шпеттих провоцировала» и своим криком создала напряженную ситуацию, из-за чего Пеган оказалась жертвой физической расправы. Но, дескать, эта агрессивность не была частным случаем. Пеган продолжает свои объяснения и ставит насилие в более широкий временной контекст: «И вообще мне в последние дни нет покоя от итальянских жителей, которые знают, что я словенка, и при любом удобном случае цепляются ко мне. Посетители моей таверны могут рассказать, каковы мои убеждения и что я никогда ничего не говорила в поддержку Сербии». Причину нападков на нее Пеган видит в общей обстановке, сложившейся в Триесте по отношению к словенцам: «Этот сегодняшний случай лишь проявление национальной ненависти к словенцам, растущей день ото дня там, где я живу, так что я больше не была защищена от физических и словесных нападков. Я уже не знала, что делать, из-за этого гонения, ведь я видела, что меня ненавидят лишь за то, что я словенка». В заключение своего свидетельства Пеган рассказала о встрече со Стопар, продавщицей газеты «Ил Пикколо»: «И еще замечу, что меня сегодня, когда я вышла из мясной лавки, первая ударила по носу, так что у меня из него пошла кровь, какая-то женщина, которая продает «Пикколо» на Пьяцца Барриера»³⁶. Независимо от слов Пеган, из которых следует, что именно Стопар, а не Шпеттих, напала на нее (вместе с другими «бабами»), видно, как Пеган ощущала и переживала ту напряженную атмосферу, царившую в городе в первые дни после объявления войны и всеобщей мобилизации. Однако Шпеттих отрицала, что когда-либо хотела нарушить спокойствие по «национальным причинам». Вместе с тем она призналась, что, возможно, «в порыве гнева» использовала слово «sciavi». Стопар, донесшая на Пеган из-за ее предполагаемых высказываний в поддержку Сербии, все же призналась, что «наскочила на Пеган, но не ударила ее». Не ясно, понесла ли Стопар за это какое-либо наказание, но похоже, что австрийские власти приняли такое решение:

они арестовали и Пеган, поскольку та якобы выкрикивала что-то в поддержку вражеского государства (и затем ее перевезли в люблянскую тюрьму), и Шпеттих, которая за свое поведение была осуждена на два дня заключения³⁷.

Спустя месяц после сараевского убийства и безуспешных переговоров европейской дипломатии Франц Иосиф решил объявить Сербии войну. В своем публичном выступлении на курорте Бад Ишль он заявил, что «беспрестанным вызовам со стороны Сербии должен прийти конец, чтобы честь и достоинство Моей монархии оставались незапятнанными и чтобы не находилось под постоянной угрозой ее государственное, экономическое и военное развитие». От его имени глава правительства граф Карл фон Штюргк велел опубликовать манифест, из которого народы монархии узнали о введении военного положения. В Триесте, как и в других регионах монархии, за всеобщей мобилизацией последовала отправка солдат на фронт. Собравшиеся перед железнодорожной станцией мобилизованные погрузились на поезда, и их перевезли на другой конец империи, главным образом — на Восточный фронт, в Галицию³⁸.

Те словенцы, которые считались политически неблагонадежными, оказались под особым присмотром, и их противники (речь идет не о политических противниках, а об отдельных индивидуумах, не приемлющих словенцев) использовали этот антиюгославянский психоз для того, чтобы расчитаться с ними. Мясник Джузеппе Надалин, проживавший около церкви св. Марии Магдалены, в полиции свидетельствовал, что в разговоре с башмачником Джузеппе Пипаном узнал о том, что советник общины и крупный землевладелец в той области словенец Антонио Миклавец, когда мобилизованные солдаты проходили мимо его дома, произнес весьма сомнительную для полиции фразу: «С Богом, ребята, берегите нашу кровь». Полиция прислушалась и к словам Пипана, что, дескать, жена Миклавеца в таверне у Чача, на Колонковце, в окраинном районе города, уходившим на войну мобилизованным тихонько сказала: «Не забывайте о своей крови, ребята». А по свидетельству Йозефа Премолина госпожа Миклавец якобы воскликнула: «С Богом, счастливого пути и счастливого возвращения!» Возможно, другие свидетели объединились в своей поддержке советника общины Миклавеца и его жены, но важно подчеркнуть то, что Надалину было достаточно разговора с Пипаном, чтобы заявить на Миклавеца властям. Почему

он это сделал, остается загадкой, но невозможно избавиться от ощущения, что антисловенский психоз сыграл в этом свою роль³⁹.

Заключение

На основе изученных источников складывается картина, которая позволяет с несколько иной точки зрения оценить предлагавшиеся до сих пор объяснения всеобщей печали, охватившей население при вести о смерти престолонаследника Франца Фердинанда и его супруги, а также последовавшего массового воодушевления из-за объявления Австрией войны Сербии. Хотя пока еще не существует детального исследования, которое бы осветило настроения жителей Триеста в период после сараевского убийства, на основе архивных материалов триестской полиции складывается картина, что наряду со многими выражениями сочувствия «сараевской трагедии» присутствуют и многочисленные примеры противодействия монархии, даже чуть ли не одобрения и симпатий по отношению к убийцам. После объявления войны проявления общественного несогласия все более усиливались и распространялись. Можно увидеть, что население уже с момента объявления войны хорошо осознавало, что, несмотря на обещания закончить войну быстро, она не принесет ничего хорошего. Наряду со всеобщим неодобрением, явно проявлявшимся среди населения, вне зависимости от этнической и социальной принадлежности, очевидно, что у триестских словенцев – по крайней мере тех, кто симпатизировал югославянской идее и идеям славянской взаимности, а таких было немало – война против «братьев сербов», которых они год назад, по крайней мере идеологически, поддерживали во время войны на Балканах, и против «братьев русских» не могла быть популярной.

В конце указа об объявлении войны Сербии Франц Иосиф записал: «В эти серьезные времена я полностью осознаю далеко идущие последствия Своего решения и Свою ответственность перед Всевышним». Сто лет спустя, зная, что через два года Франц Иосиф ушел из этого мира, а еще через два года за ним последовала и Австро-Венгерская монархия, мы можем предположить, что, если бы он знал об этом, то едва ли собственноручно вписал бы эту фразу в тот указ.

(Перевод со словенского Ю.А. Созиной)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Barkey K., Von Hagen M.* After empire. Multiethnic societies and nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg empires. Boulder, 1997.
- ² *Cvirn J., Gašparič J.* «Neizbežnost» razpada Habsburške monarhije – slovenski pogled // *Studia Historica Slovenica* V. 1/3. 2005. S. 443–456.
- ³ *Cvirn J.* Zwitterov pogled na Habsburško monarhijo / Zwitterov zbornik. Ob stoletnici rojstva zgodovinarja dr. Frana Žwittra (1905–1988). Ljubljana, 2006. S. 35–46; Jaszi O. The dissolution of the Habsburg monarchy. Chicago, 1929.
- ⁴ Državni arhiv v Trstu (Archivio di Stato di Trieste). Fond I. R. Luogotenenza Del Litorale (1850–1918), Atti Presidiali. Fascikel 381. Št. 1409. 02.07.1914.
- ⁵ *Fabi L.* Trieste 1914–1918: una città in guerra. Trieste, 1996.
- ⁶ Arhiv mesta Trst (Archivio generale della città di Trieste). Fond Verbalni del Consiglio comunale di Trieste. 1914. Št. 27/1914.
- ⁷ Triester Tagblatt. 29.06.1914. S. 2.
- ⁸ Edinost. 29.06.1914. S. 2.
- ⁹ L'Osservatore triestino. 29.06.1914; L'Indipendente. 30.06.1914.
- ¹⁰ Državni arhiv v Trstu. Fond I. R. Luogotenenza del Litorale (1850–1918), Atti Presidiali. Fascikel 381, ovojnica Kondukt. Št. 1409/3. 30.06.1914.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Edinost. 02.07.1914.
- ¹³ Državni arhiv v Trstu. Fond Direzione di Polizia, Atti presidiali riservati 1814–1918. Fascikel 374, K. K. Polizeidirektion in Triest. Št. 1791 Pl. 29.07.1914.
- ¹⁴ Atentator Nedeljko Čabrinović v Trstu // Edinost. 09.07.1914. S. 3.
- ¹⁵ Državni arhiv v Trstu. Fond Direzione di Polizia, Atti presidiali riservati 1814–1918. Fascikel 374, K. K. Polizeidirektion in Triest. Št. 1718 Pl.
- ¹⁶ Ibid. Št. 1707 Pl. 02.07.1914.
- ¹⁷ Ibid. Št. 1754 Pl. 19.07.1914.
- ¹⁸ Ibid. Št. 1746 Pl. 14.07.1914.
- ¹⁹ Ibid. Št. 1786 Pl. 30.07.1914.
- ²⁰ Ibid. Št. 1751 Pl. 16.07.1914.
- ²¹ Ibid. Št. 1792 Pl. 30.07.1914.
- ²² Venza Claudio (ur.): L'anarchico triestino. Umberto Tommasini. Milano, 1984.
- ²³ Državni arhiv v Trstu. Fond Direzione di Polizia, Atti presidiali riservati 1814–1918. Fascikel 374, K. K. Polizeidirektion in Triest. Št. 1711 Pl. 05.07.1914.
- ²⁴ Ibid. Št. 1784 Pl. 15.07.1914.
- ²⁵ Ibid. Št. 1704 Pl. 29.06.1914.
- ²⁶ Ibid. Št. 1712 Pl. 06.07.1914.
- ²⁷ Ibid. Št. 1809 Pl. 30.07.1914.
- ²⁸ Ibid. Št. 1785 Pl. 04.08.1914.
- ²⁹ Ibid. Št. 1873 Pl. 03.08.1914.
- ³⁰ Ibid. Št. 1806 Pl. 27.07.1914.
- ³¹ Ibid. Št. 1834 Pl. 05.08.1914.
- ³² Ibid. Št. 1872 Pl. 05.08.1914.
- ³³ Ibid. Št. 1878 Pl. 03.08.1914.
- ³⁴ Ibid. Št. 1826 Pl. 31.07.1914.
- ³⁵ «Sciavi» – триестское просторечие, уничижительная характеристика словенцев.
- ³⁶ Državni arhiv v Trstu. Fond Direzione di Polizia, Atti presidiali riservati 1814–1918. Fascikel 374, K. K. Polizeidirektion in Triest. Fascikel 5, 5666 / 1. 31.07.1914.
- ³⁷ Ibid. Fascikel 5, 5748 / 4. 29.09.1914.
- ³⁸ *Rossi M.* I prigionieri dello zar. Soldati italiani dell'esercito austro-ungarico nei lager della Russia 1914–1918. Milano, 1997.
- ³⁹ Državni arhiv v Trstu. Fond Direzione di Polizia, Atti presidiali riservati 1814–1918. Fascikel 374, K. K. Polizeidirektion in Triest. Št. 1834 Pl. 05.08.1914.

Россия и идея славянского единства в словенской печати в 1914 г.

Введение

Как русская, так и словенская историография в последние десятилетия не раз обращалась к изучению отношений между Россией и словенскими землями, а также различных взглядов на Россию со стороны словенцев. Существуют многочисленные работы, которые касаются культурных, политических и экономических связей между нашими народами; описывают менявшееся отношение словенцев к Российской империи, русской культуре и к самим русским. Большинство исследований касается XIX в. В то время контакты между словенцами и русскими стали более частыми. Особое внимание уделялось исследованию второй половины XIX в., когда словенцы, воспринявшие идеи так называемой «весны народов», начали усердно искать «великих» славянских союзников. Авторы имеющихся исследований в первую очередь рассматривают личные отношения (прежде всего интеллектуалов), что позволяет сделать относительно систематизированный обзор развития идеи славянского единства и ее восприятия в словенских землях. Большинство этих работ формально заканчиваются 1914 г., великим историческим переломом, но многие исследователи рассматривают еще и первое десятилетие двадцатого столетия, при этом последние годы перед 1914 г., включая и этот год, повисают в воздухе. Исследования освещают проблему с геополитической точки зрения и она соответственно рассматривается в контексте Первой мировой войны. В связи с этим возникает вопрос, как повлияли на восприятие России сараевские выстрелы 28 июня 1914 г. и последовавшая русская поддержка Сербии? Как словенцы восприняли то, что Россия в Первой мировой войне оказалась на стороне противника? Как к этому отнеслись периодические издания и как изменились их сообщения о русских и России и славянском единстве после июня 1914 г.? Что случилось с самой идеей славянского

единства, которая в XIX в. распространялась в первую очередь благодаря журналистам? В 1914 г. эта идея еще существовала, или ее заглушила забота об объединении югославян? При поиске ответов на поставленные вопросы необходимо особое внимание уделить также печати и роли периодических изданий в указанный период.

Идея славянского единства и периодические издания

Различные так называемые «славизмы» для своего развития требовали много времени: от абстрактных схем, которые в славянских землях нашли отражение в мыслях Антона Томажа Линхарта, Валентина Водника и Ернея Копитара, прошли через беспокойный 1848 г., национальные восстания и трения, которые наполняли вторую половину XIX в., до идей неославизма на переломе столетий. Во время подъема этой идеи увеличился процент образованных и грамотных людей. В Австрийской империи в середине XIX столетия умела читать уже половина населения, что увеличило количество книг и прессы, а это повлекло за собой формирование общественности¹. С появлением общественности и общественного мнения университетские профессора, которые до этого представляли собой средоточие науки и знания, теряли роль интеллектуальных авторитетов, вместо них в центре оказались журналисты и писатели, которые печатались во многих изданиях. Появился новый тип человека, который сегодня мы называем интеллектуал². Славянские движения явились продуктом своего времени и окружения, и на них оказала влияние приведенная выше динамика. Главные основатели и трибуны славянского движения: Ян Коллар и Павел Йозеф Шафарик в промежуток между 1815 и 1819 гг. обучались в Йене, одном из центров немецкого романтизма³. Своими мыслями о славянской взаимности они делились с весьма немногими, прежде всего с учеными из других университетских городов. В начале XX в. большинство носителей славянских идей были журналистами, рассуждения о славянстве из университетских аудиторий перенеслись на более или менее полемические страницы прессы. Никогда прежде не было возможности обращаться к такому большому количеству людей. О значении журналистики для славянских движений говорят также всеславянские съезды журналистов, которые проходили в различных славянских городах — в сентябре 1908 г. один из них со-

стоялся в Любляне — и проводились на протяжении нескольких десятилетий. Когда настал черед проводить конгресс в Любляне, жупан Иван Хрибар (вопреки возражениям областного правительства) оказал организаторам финансовую и идеологическую поддержку, газета «Словенец» (Slovenec) также приветствовала прибывших коллег специальной публикацией, в которой было подчеркнуто, что славянская журналистика стала «главным инструментом для сближения славянских родов не только на словах, но и на деле, благодаря организации крупных встреч, на которых знакомятся политики и литераторы»⁴. По мнению многих, пресса являлась именно тем средством, которое способствовало славянскому прогрессу. После конгресса в газете «Наш лист» (Naš list) написали: «не революцией и палкой, но книгой и газетой боремся мы за свои права»⁵. Стремление к единой славянской печати (впрочем, издававшейся и на немецком языке, который понимало большинство славян) тлело во все времена развития идеи славянского единства, ведь все ее защитники осознавали значение, которое имеет печать при соискании благосклонности общественности. В словенских землях печаталось много изданий, из которых читатели узнавали о событиях, происходивших у других славянских народов. Из наиболее популярных были «Словански свет» (Slovanski svet) Франа Подгорника и «Слован» (Slovan) (1884—1887 гг.) Ивана Хрибара и Ивана Тавчара. Обычно большинство словенских журналов, прежде всего в Верхней Крайне («Соча» Soča), во Внутренней Крайне («Словенски народ» Slovenski narod), а также в Триесте («Единосьт» Edinost) позитивно сообщало о различных славянских событиях. После Пражского всеславянского съезда «Словенски народ» с нескрываемым одобрением информировал о значительном русском участии⁶.

Немецкие журналы, которые имели больше влияния на широкую общественность, к идее славянского единства, прежде всего из-за страха перед Россией, отнеслись неблагосклонно. Они предупреждали читателей, что славянская идея скрывает под собой боевой клич против Германии, ругали поляков, которые на протяжении долгого времени уступали славянским стремлениям и были готовы брататься с русскими и осуждали подпольный «революционный пороховой погреб», который угрожал существующему порядку⁷. При анализе немецкой периодики Австрийской империи можно выделить три основные причины недоверия к России:

- 1) с внутривполитической точки зрения она была реакционным и авторитарным государством;
- 2) как мощная славянская страна была небезопасна с национальной точки зрения;
- 3) как экспансионистское государство представляла угрозу внешнеполитической безопасности⁸.

Еще в первой половине XIX в. словенская интеллигенция к русским относилась так же, как немецкая (частично это относится и к Эрнею Копитару). Во второй половине и до конца столетия доверие стало возрастать. Этому способствовал Франц Иосиф, который в 1897 г. посетил Николая II, после чего славянские журналы в монархии подчеркивали, что Россия самая естественная союзница Австрии⁹. На этой почве базировался и неославизм, который в конце столетия ратовал за более тесное сотрудничество Австрии и России. Славяне верили, что с помощью культурного, экономического и научного сотрудничества могут стать настолько мощной силой, что ее признают в монархии¹⁰.

Панславизм, мертвое понятие или признак чего-то другого?

К 1914 г. большая часть рассуждений о славянском единстве из прессы испарилась. Похоже, что конкретизация политических целей славян в Австро-Венгерской монархии способствовала отторжению утопической идеи славянского объединения, которая воодушевляла нескольких величайших интеллектуалов своего времени, но из-за различий самих славянских народов и их стремлений не укрепилась в народе. Несмотря на то, что Славянский съезд в Праге в 1848 г. сблизил славян, в то же время это сближение и тесное общение друг с другом показало различия, которые были между ними¹¹. И когда контакты в начале XX в. стали более частыми и необременительными, идея славянского единства становилась все менее популярной. Либерально настроенные словенские политики, которые ранее отстаивали идею сотрудничества с Россией, далее все больше воодушевлялась социализмом и коренными общественно-политическими переменами. Коррекция существующего порядка в духе австрославизма теперь считалась не достаточно передовой, и социалисты стали одними из крупнейших противников славянской идеи, что отражалось в газете «Рлечи прапор» (Rdeči

ргарог). Было похоже, что всеславянская идея почти совсем утасла после Балканских войн в 1912–1913 гг., хотя перед июнем 1914 г. газеты много рассуждали о славянстве, которое приобрело новый контекст. Как говорил Богумил Вошняк: «Между словенцем и славянином стоит югославянин»¹².

Слово панславизм в словенской печати в 1914 г. использовалось редко, в основном речь идет о его употреблении в качестве оскорбления, которым обзывали словенцев немецко- или итальянскоязычные издания. Так в триестской газете «Единост» мы видим полемику с газетой «Ил Пикколо» (Il Piccolo), которая пеклась о создании немецких школ в Триесте (в ущерб словенским). В решительном тоне там было написано: «Пусть нам ответит «Пикколо» на один вопрос: что было бы, если бы мы собирали денежные взносы в России и Сербии, и наше школьное общество создавало бы филиалы. Те же немцы и тот же «Пикколо» начали бы кричать о панславизме, о панславистском подстрекательстве, государственной измене и т. д.»¹³ В подобном контексте слово «панславизм» употреблялось и в «Словенском народе». Один из его журналистов сообщает об агрессивной политической риторике консерваторов, которая направлена против России, и добавляет: «Те же люди, которые хотели бы в Австрии все немецкое, в Венгрии все венгерское, удивляются, почему отношения между монархией и балканскими государствами так неблагоприятны и неприятны. Это политики, которые научно обосновывают, что Франция и Россия всюду вмешиваются и видят везде панславистские страхи»¹⁴. Складывается впечатление, что словенские журналисты употребляют слово панславизм только тогда, когда сообщают об общественно-политических трениях в словенских землях и о том, как на них реагируют иностранные журналы. И при всем этом главная цель — разрушить тенденциозность немецких / итальянских газет. Так из «Единости» мы узнаем, что немецкая газета «Грацер Тагеблатт» (Grazer Tageblatt) писала о «панславистских проявлениях и выходках», когда хорваты на железнодорожной станции помимо надписей на итальянском и немецком языках сделали, по мнению немецкой газеты, «бесполезную» надпись на хорватском. Кроме того, описывается случай, когда хорваты в городе Бузет приветствовали триестского (итальянского) епископа, который прибыл совершить таинство первого причастия хорватских детей, на хорватском языке и с хорватскими надпи-

сями. Цвета флагов, с которыми встретили епископа, в немецкой прессе назвали русскими (отмечалось, что это неслыханно — католического епископа встречать с православными флагами), и вдобавок ко всему хорваты пели «панславистские провокационные песни»¹⁵. Рассматривая прессу, мы легко можем придти к выводу, что итальянцы и немцы большинство славянских манифестаций использовали как лишний повод для увязывания славян империи с русскими, стремясь тем самым пробудить у своих читателей страх перед национальными стремлениями славянских народов. Когда немцы обвиняли хорватов в том, что их флаг русский, приморские итальянцы писали, что на словенском флаге также «colori russi»¹⁶. Иными словами, идея панславизма для немцев и итальянцев не была новостью, еще в XIX в. в большинстве журналов мы видим, что панславизм трактуется как революционное варварское движение, которое угрожает безопасности граждан.

В последние месяцы перед началом Первой мировой войны в словенской прессе статьи о русских были редкими. Чаще всего мы находим короткие заметки о событиях в России, частично о том, как она быстро строит военные корабли, при этом статьи не содержат полемику и весьма беспристрастны. Больше внимания, чем какая-либо другая газета, России уделяла триестская «Единость», где высказывалось мнение, что «Россия может захватить Триест с словенско-хорватским побережьем», причем к этому выводу издатели пришли на том основании, что русская пресса свое внимание обращает на Триест и словенцев, «самую маленькую часть югославянского племени». «Итальянцы, — как пишет «Единость», — уже рассчитывали на распад Австро-Венгрии (из-за ее «противоестественного устройства») и на легкое присоединение Триеста, но теперь их место заняла Россия: с Австрией и Италией не считаются»¹⁷.

Возможно, что упоминания о России в триестской и голицкой прессе перед Первой мировой войной встречаются чаще потому, что из-за итальянского ирредентизма и австрийского давления словенцы там ощущали большую угрозу, нежели словенцы в Любляне. Словенский историк Йоже Пирьевец считает, что люди, проживающие на краю словенской этнической территории, больше, чем те, кто жил в центре, нуждались в ощущении, что являются «частью великого славянского мира»¹⁸. Очевидно, что это ощущение сохранялось непосредственно и перед Первой мировой войной.

Первая мировая война: Россия в образе угрозы и избавительницы

Сообщения триестской прессы о России отличались от сообщений штирийских или краинских периодических изданий, при этом мы должны принимать во внимание, что это были журналы и газеты, предназначенные для различных категорий читателей. Так птуйский «Штаерц» (Štajerc) был предназначен в большей степени для консервативного крестьянского населения немецкой части словенской этнической территории, триестская «Единост» была нацелена на либеральную буржуазию Триеста с пригородом. Поэтому статьи различаются по некоторым признакам: набор тем, лингвистическая и смысловая претенциозность, также как и идеологические посылы. Как эти различия влияли на саму информацию, будет видно из примеров. Нужно иметь в виду и то, что речь идет о сообщениях, делавшихся во время войны, когда цензура была весьма жесткой, на что указывают и сами печатные издания, обращаясь к своим читателям со следующими словами: «уважаемых подписчиков информируем, что по причине строгой цензуры невозможно полностью публиковать подготовленные полемические статьи и эссе»¹⁹.

Первая страница газет в годы войны всегда посвящена сообщениям с фронтов, которые практически не различаются, поскольку все издания получали их из военных бюллетеней. Некую двусмысленность и нюансы можно усмотреть на следующих страницах, где газеты публикуют «военные картинки», более или менее правдивые сообщения, шуточные или патетические, которые предлагали читателю экскурс в «закулисье военного театра». Штирийская печать в первые шесть месяцев войны представляет русских в негативном свете. Так мы можем увидеть карикатуру, которая изображает Россию как пьяного великана, бесформенное тело которого лежит на полу, на его спине сидят австрийский и немецкий солдаты, которые бьют его слева и справа. Надпись под карикатурой гласит: «Geteilte Niebe sind doppelte Niebe» («Разломанная палка — это две палки»), что является намеком на мощь Германии и Австро-Венгрии, противопоставленную России²⁰. Кроме того, русских называют «азиатскими дикарями», жестокими убийцами, которые не думают о международном праве и жестоко уничтожают все на своем пути²¹.

Русские предстают перед читателем и в образе слабых солдат. Так, читаем анекдот об «одном из лучших русских фехтовальщиков», который, увидев австрийскую мощь, не смог драться: австриец замахнулся с такой силой, что у русского сломалась сабля²². Нередки упоминания и о склонности русских к алкоголю, из-за которой они не могут сражаться как мужчины. Австрийцы изображаются в основном как простые, честные и чистые парни, которые русских могут перехитрить, предложив им водку. Те не могут противиться, и так напиваются, что противники их без труда побеждают²³. Военные угрозы представлены также с юмором в отношении противника. Так читаем диалог солдат на больничных койках: «Смотрите, давным давно меня побили и прогнали. А сейчас все по-другому. Я так косил русских, что они падали. И к тому же за это я получил похвалу. Нужно поскорее выздороветь и снова на русских идти»²⁴. В подобном шуточном тоне написана история об обычном словенце, который не имел оружия, но его это не остановило, и лопатой он побил восемь русских солдат. Какой-то другой «герой» сам захватил в плен двадцать пять русских, что в газете сопровождалось горделивыми словами: «так воюют словенцы — один на двадцать пять русских»²⁵.

Образ русского солдата, который нам преподносят триестские издания, совсем иной. Обвинения не такие «бытовые», в большинстве своем речь идет о политических нюансах. Мы можем прочитать, что сараевское убийство «без сомнения совершено и подготовлено с ведома русской династии»²⁶. Закулисные военные события представлены так, что можно разглядеть проявления человечности противника на войне. Русские с уважением и со всеми почестями похоронили австро-венгерских генералов²⁷, заботятся о гражданском населении и частной собственности («так защищает друг или достойный противник»)²⁸, с военнопленными поступают в соответствии со всеми предписаниями²⁹. Так «Вечерная единость» (Večerna edinost), как и «Единость», с русско-австрийского фронта и из тыла чаще всего приносила теплые новости, которые читателя наполняли покоем и гордостью, и в целом верой в человечество. Русские не имеют демонического вида, более того, они изображаются достойным противником, который просто выполняет свой долг.

Словенские периодические издания сведения о большинстве закулисных событий черпали из иностранных изданий. Иногда

в газетах «Словенски господар» (Slovenski gospodar) и «Вечерна единост» читаем об одинаковых событиях. Повторяется, скажем, сообщение о том, как русские и австрийцы посреди боя пьют из одного колодца, а в конце статьи выводится мораль, что противник имеет такие же человеческие потребности в воде, как и ты сам³⁰.

Вопрос, на который было бы полезно ответить, это с какой целью редакция одного журнала сообщала о человечности, а редакция другого о ненависти? Отражалось ли в этих изданиях отношение к России, которое корнями уходит в XIX в.? Или триестская печать, которая так тепло поддерживала идею славянского единства, образ бывшего славянского брата не хотела переделывать во вражеский? Или она хотела смягчить военные ужасы и вдохнуть в читателей оптимизм и чувство, что их близким, которые сражаются в великой войне, не так плохо? Ни на один из предложенных вопросов нельзя дать окончательного ответа, а это свидетельствует о том, что одна и та же война имеет много лиц.

Приведенный пример, где мы сталкиваемся с двумя диаметрально противоположными позициями, свидетельствует о несостоятельности прессы как исторического источника. Если бы писатели Первой мировой войны стремились сообщить правду, то им, скорее всего, мешали бы причины исторического и личного характера. А военные журналисты, а также журналисты, которые и не были на фронте в годы Первой мировой войны, вовсе не выбирали в качестве путеводной звезды объективную правду. Выше правды стояла судьба сообщения. Это было время, когда журналистская деятельность только начинала приобретать черты профессии, и неуместно говорить о том, что современные стандарты прессы (которые тоже под вопросом) действовали уже тогда. Об этом лучше всего говорит Йозеф Рот, один из известнейших репортеров и писателей Австро-Венгрии, который сам участвовал в Первой мировой войне. Один из его девизов был следующим: «Речь идет не о правде, а о честности перед собой»³¹.

Похоже, что, что бы внутренняя честность различным журналистам ни нашептывала о событиях за кулисами фронтов, о которых они писали, эта внутренняя правда имела мало общего с истиной, поэтому словенским читателям предлагались два совершенно разных образа России.

Вывод

Россия в словенской прессе 1914 г. многолика. «Единост» и «Вечерна единост» изображают русских честными противниками, для которых словенские солдаты не являются врагами, «Штаерц» и «Словенский господар» указывают на варварскую и нечеловеческую природу русского врага. Две различные картины, которые предлагают журналы и газеты 1914 г., говорят о том, что пресса в годы войны, несмотря на цензуру, продолжала свою идеологическую традицию. Сторонники славянского единства воспринимали русских в начале войны с долей симпатии, в то время как те, кто боялся панславизма, продолжали противостоять православной России. Мы видим, что либеральная (триестская) печать предлагала более приятную картину военных событий, в отличие от клерикальной (штирийской) печати. Вопрос «редакционной политики» должен подвергнуться более глубокому изучению, в то время как картина двух различных войн и противников, изображенных в печати 1914 г., подтверждает, что, используя прессу в качестве источника, мы не можем составить однозначной картины военных событий и словенско-русских отношений.

(Перевод со словенского Н.С. Пилько)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Hagen S. Država in nacija v evropski zgodovini. Ljubljana, 2003. S. 153.

² Hertfelder T. Kritik und Mandat. Kritik und Mandat. Intellektuelle in der Deutschen Politik. Stuttgart, 2000. S. 23.

³ Orton L.D. The Prague Slav Congress of 1848. New York, 1978. S. 1.

⁴ Slovenec. 07.09.1908. № 205.

⁵ Predigra slovanskemu kongresu. Naš list. 30.05.1908. № 22. Цит. по *Gantar Godina I. Neoslavizem in Slovenci*. Ljubljana, 1994. S. 96.

⁶ *Gantar Godina I*. Op. cit. S. 45.

⁷ Ibid. S. 53.

⁸ Heppner H. Das Russlandbild in der öffentlichen Meinung Österreichs. Graz, 1976. S. 128–132.

⁹ *Gantar Godina I*. Op. cit. S. 15.

¹⁰ Ibid. S. 12.

¹¹ Orton L.D. Op. cit. S.13.

¹² *Gantar Godina I*. Op. cit. S. 175.

¹³ Edinost. 04.06.1914. № 121.

¹⁴ Slovenski narod. 08.05.1914. № 104.

¹⁵ Edinost. 12.05.1914. № 99.

¹⁶ Edinost. 15.05.1914. № 102.

¹⁷ Edinost. 31.05.1914. № 118.

- ¹⁸ *Pirjevec J. M. F. Raevskij in slovenski rusofili // Jezik in slovstvo. № 1. 1977. S. 23–26.*
- ¹⁹ *Štajerc. 13.09.1914. № 32.*
- ²⁰ *Štajerc. 30.08.1914. № 3.*
- ²¹ *Štajerc. 13.09.1914. № 32.*
- ²² *Štajerc. 20.09.1914. № 33.*
- ²³ *Slovenski gospodar. 28.10.1914. № 45.*
- ²⁴ *Ibid.*
- ²⁵ *Slovenski gospodar. 26.11.1914. № 36.*
- ²⁶ *Večerna edinost. 22.09.1914. № 34.*
- ²⁷ *Večerna edinost. 23.09.1914. № 34.*
- ²⁸ *Večerna edinost. 30.09.1914.*
- ²⁹ *Večerna edinost. 01.10.1914.*
- ³⁰ *Večerna edinost. 01.10.1914. S. 1; Slovenski gospodar. 15.10.1914. № 43.*
- ³¹ *Von Cziffra G. Der heilige Trinker. Erinnerungen an Joseph Roth. Berlin, 2006. S. 53.*

Катерина Владимировна Мальшина

Идея государственного строительства у словенских политиков накануне и в годы Первой мировой войны

До 1918 г. большая часть словенских этнических земель входила в состав Австро-Венгерской империи, они были разделены между Австрией (Крайна, Каринтия, Штирия и Австрийское Приморье) и Королевством Венгрией (округа Ваш и Зала); отдельная провинция Венецианская Словения (Фриулия) вошла в Королевство Ломбардия-Венеция, созданное в рамках Австрийской империи в 1815 г., а в 1867 г., после войны, отошла к Королевству Италия.

Впервые словенцы выступили с политическим протестом против существующего государственно-административного устройства во время революции 1848 г. Тогда в Вене, Граце и Любляне словенская городская интеллигенция создает первые общественные объединения. Наиболее четко сформулированные взгляды высказало венское общество «Словения» в программе «Объединенная Словения». В ней впервые было выдвинуто требование территориально-административного объединения словенских земель Крайны, Штирии, Приморья и Каринтии в одну провинцию со своим местным собранием. Кроме того предусматривалось равноправие словенского языка и введение его в школах и делопроизводстве¹.

Эта программа была либеральной, она содержала в себе насущные национальные требования охраны словенского языка и воссоединения словенских земель. Все это отражало страх словенцев перед возможным объединением немецких земель (включая Австрию) в единую Германскую империю, что грозило полным «растворением» славянских народов Австрийской империи в «море германства». Заметим, что дальше идеи парламентской автономии словенцы не пошли. Эта программа на многие десятилетия стала основой для развития идеи государственного строительства в словенской политике.

В Словении сформировались три основных политических лагеря – консервативный, либеральный и социал-демократический, которые оформились в партии в середине 1890-х гг. Консервативный лагерь составляли клерикалы, Словенская народная партия (СНП) (созд. в 1895 г., с 1907 г. – Всесловенская народная партия (ВНП)), имевшая свои организации по всей Словении, с центром в Крайне. Позиции СНП были слабы в Приморье с г. Триестом и Истрии, где преобладали социалисты. В Горице сильнее были либералы. С 1902 г. партию возглавлял И. Шуштершич². С 1910 г. к ним примыкал Югославянский профессиональный союз, образованный христианскими социалистами под руководством Я.Е. Крека.

Национально-прогрессивная партия (НПП) (созд. в 1894 г.) во главе с И. Тавчаром и И. Хрибаром и национальная либеральная партия Штирии во главе с В. Куковцем составляли либеральный лагерь. Ориентируясь на защиту национальной культуры, они базировались на поддержке словенцев в городах со смешанным населением, в основном в Каринтии и Штирии, пытаясь приостановить этническую ассимиляцию и борясь с так называемым «немшкитарством» – германофильством. К ним в 1912 г. присоединились национальные радикалы, большей частью студенты – венское общество «Словения» во главе с Г. Жерьявом и В. Равнихаром, которые создали в НПП «младолиберальное» крыло. Также с 1907 г. действовала «Национальная рабочая организация Приморья, Крайны, Каринтии и Штирии» либерального толка.

Социал-демократический лагерь составляла Югославянская социал-демократическая партия (ЮСДП), созданная в 1896 г., возглавлял ее до своей эмиграции в 1914 г. Э. Кристан. Партия объединяла словенских, а также хорватских и сербских рабочих Истрии и Далмации и тесно сотрудничала с итальянскими и австрийскими социал-демократами. Центрами рабочего движения, возглавляемого социалистами, были города Любляна, Триест (там шло сотрудничество с итальянскими социал-демократами) и Марибор (здесь в основном преобладало влияние австрийских социал-демократов).

Немалое воздействие на развитие словенской государственной мысли оказала хорватская политика. В конце 1880-х годов в Далмации из Хорватской партии права выделились «младоправши», либеральное крыло, которое отошло от твердого клерикализма и перешло на «новый курс», признавая государственную границу

между австрийской и венгерской частями империи и поддерживая идею триализма. Наиболее известными среди них были политик Ф. Супило и адвокат А. Трумбич, авторы новой партийной стратегии: объединить Боснию и Герцеговину с Далмацией и Хорватией на основе хорватского национального и государственного права и открыть дверь воеводинам сербам в деле реализации идеи югославянского единства³.

Не менее важным фактором были династические трансформации. В это время политические круги всей Австро-Венгрии жили в ожидании перехода императорского жезла в руки эрцгерцога Франца Фердинанда, австрийского «серого кардинала», сторонника реформ, официально объявленного наследником престола в 1896 г. Аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 г. и Балканские войны 1912–1913 гг. обострили дебаты о грядущих реформах и изменении государственного устройства всей империи.

На развитие югославянской политической мысли оказал влияние и государственный переворот в Сербии в 1903 г. К власти пришел Петр I Карагеоргиевич. В нем балканские народы видели освободителя, «обожаемого рыцаря своей родины, надежду и опору всех югославян»⁴. Превращение Сербии в конституционную монархию с новым, пророссийским, курсом внешней политики ускорило формирование национальной радикальной идеологии у молодежи, отвергавшей традиционный австрославизм. Югославянский молодежный конгресс в Белграде и участие в коронационных торжествах в 1904 г., а также другие молодежные акции⁵, способствовали развитию идеи о необходимости опереться на Сербию при решении словенского национального вопроса⁶.

В начале XX в. большинство словенских политиков возлагали надежды на идею триализма, главными проводниками которой в словенском обществе стали клерикалы и социал-демократы. Клерикалы видели будущее словенской государственности в составе Триединого Королевства – Австрии – Венгрии – Югославии, где третью часть представляли бы объединенные габсбургские югославяне; аннексию Боснии в 1908 г. они восприняли с воодушевлением, полагая, что это усилит славянский элемент в империи и позволит реализовать их государственную программу. Залогом осуществления своих чаяний они считали вступление на престол Франца Фердинанда.

Франц Фердинанд слыл сторонником «Великой Австрии» на началах «централизованного федерализма»⁷. Известен план государственных преобразований, предложенный в 1904 г. румынским публицистом и политиком Аурелом Поповичи, под названием «Соединённые Штаты Великой Австрии»⁸, по которому Австро-Венгрия была бы поделена на 15 федеральных «штатов». С планом Поповичи престолонаследник был знаком и одобрял его. По этому плану этнические словенские земли остались бы разделенными. Словенцам отводился «штат» Крайна (Крайна, южная Каринтия, южная Штирия), «штат» Триест (г. Триест, Горица, западная часть Истрии) должен был стать итальянским, а северная Каринтия и северная Штирия должны были войти в Немецкую Австрию⁹. Я. Плетерский считает этот план иллюзорным¹⁰, а П. Водопивец полагает, что эти намерения оставались под вопросом¹¹.

Однако при общей ориентации клерикалов на католическую политическую доктрину, которая включает принцип династической лояльности, они не представляли будущее Словении вне пределов империи, которая одна, как они считали, могла защитить словенские земли от территориальных притязаний Италии.

Еще в 1898 г. клерикалы вступили в контакты с Хорватской Партией права (правашами) и ее лидером Миле Старчевичем. Однако когда была образована хорватско-сербская коалиция, эти контакты несколько сократились. Причинами этому, как считает Я. Плетерский, были: либеральная ориентация коалиции, тенденция к соглашению с итальянцами по адриатическому вопросу, что означало некоторую направленность против словенцев, и антимонархический пакт с венгерской оппозицией, противоречивший основам словенского клерикализма¹². Тем не менее, накануне Балканского кризиса 1912–1913 гг. триалистическая концепция, а также национально-демократические принципы и политико-экономические взгляды С. Радича окончательно привлекли И. Шуштершича к более тесному сотрудничеству с хорватами, и в октябре 1912 г. на общем съезде в Любляне было провозглашено хорватско-словенское национальное единство и объединение обеих партий.

С другой стороны, при обсуждении состава будущей Югославии нельзя было обойти положение сербов Воеводины, входившей в состав Королевства Венгрия. В этом члены партии расходились, что позже, уже во время войны, повлекло за собой серьезные последствия

для руководства партии. Демократическая часть ВНП – христианские социалисты во главе с Я.Е. Креком – позитивно относились к включению сербов в будущее объединение. Словенцы должны были бы пойти на союз не только с хорватами и православными сербами, но и с мусульманами в Боснии и Герцеговине. Однако консервативная часть во главе с И. Шуштершичем негативно смотрела на это, простирая свое отношение к Сербии и на сербов империи. Весной 1914 г., накануне войны, расхождения по программным вопросам государственного устройства и союза с сербами привели к вынужденной отставке И. Шуштершича с поста президента парламентского клуба и выборам на его место А. Корошеца, единомышленника Я.Е. Крека. Важность этого успеха затем наглядно продемонстрировало создание Югославянского клуба в рейхсрате в 1917 г.¹³

Внутри социал-демократии, оформившейся в Югославянскую социал-демократическую партию в 1896 г., также шли дискуссии по поводу дальнейшего государственного устройства Словении. Единой была позиция относительно возможности национального развития только в условиях социализма и о праве наций на самоопределение. Требуя права на самоопределение, социал-демократы не требовали государственного отделения и полной независимости. Вопрос языка и в целом национальной культуры ставился тоже, но при этом социал-демократы разделяли понятие национальной идеи и государственной идеи: национальный язык и культура, как они считали, могли свободно развиваться в будущей социалистической федерации, для их защиты не требовалось создания независимого государства.

Касательно будущего административного устройства в партии единого мнения не было. В то же время подробной разработки государственно-административных проектов не велось, поскольку на повестке дня стояли революционные вопросы. Поэтому основным отличием всех проектов было количество революционных союзников, которые потом вошли бы в будущее единое государство. Э. Кристан, глава партии, выступал за создание культурно-национальной автономии и считал, что единственным решением национального вопроса будет «естественное объединение южных славян» в рамках социалистической Австро-Венгрии¹⁴. Д. Густинчич выступал за «Судобу» – широкую Судетско-Дунайско-Балканскую федерацию, включавшую, кроме всех габсбургских народов, также

Сербию, Македонию и Болгарию¹⁵. Х. Тума не включал в свой проект Подунайско-Балканской федерации чехов и словаков¹⁶. В свою очередь, хорватский политик Ю. Деметрович полагал, что решение национального вопроса должно касаться в целом всей Австро-Венгрии, а не только югославянской ее части¹⁷.

Либеральный лагерь сам не составил какой-либо точной программы государственного строительства¹⁸. Основной государственной идеей либералов до 1906 г. оставалась избирательная реформа Австрии. Либералы выступали за всеобщее, но не равное избирательное право: упразднение куриальной избирательной системы и всеобщее равное право обеспечило бы пропорциональное представительство словенцев в государственных органах и вместе с тем политическое преобладание политического католицизма в Словении. Либеральная партия из своих меркантильных партийных интересов выступила против равного избирательного права и таким образом прослыла «более реакционной, чем клерикальная»¹⁹. Кроме того, либералы боролись за экономические интересы словенской буржуазии и против германизации, за защиту словенского языка, и в этом их поддерживала национально-радикально настроенная студенческая молодежь. Либералы также приняли идею триализма. В 1909 г. они поддержали предложение клерикалов в провинциальном собрании Крайны рассматривать аннексию Боснии и Герцеговины как «первый шаг к объединению всех югославян в нашей монархии в одном государственном независимом организме под скипетром династии Габсбургов»²⁰.

В том же 1909 г. в рейхсрате либералы поддержали предложение словенских клерикалов о создании объединения всех славянских депутатов — Югославянского клуба, который защищал бы югославянские идеи. Первый же голос подал Г. Жерьяв, глава клуба с 1911 г., выступивший в 1912 г. со своей самостоятельной «малоягославистской» программой. Свое видение триализма он показал в статье «Югославянское королевство в составе Габсбургской монархии»²¹, посвященной аннексии Боснии и Герцеговины. Югославянское королевство он видел как федеральный союз трех земель (словенской, хорватской и сербской), причем в сербский регион он включал Воеводину и Боснию и Герцеговину. Идея была, очевидно, направлена против великохорватской концепции, которая включала Боснию и Герцеговину в состав Хорватии. В

1913 г. исполнительный комитет НПП выступил за культурное и политическое объединение габсбургских славян в рамках империи и более тесное сближение с южными славянами²².

Таким образом, накануне Первой мировой войны все словенские политики склонялись к федеративно-автономистской идее государственного устройства в союзе с другими славянскими народами Габсбургской империи. Клерикалы продолжали сотрудничество с консервативной фракцией правашей, особенно в Хорватско-словенском клубе в рейхсрате, при этом укрепляя свои позиции во всех слоях словенского общества. Накануне и в период войны под влиянием ВНП находилось «по меньшей мере 80% всех словенцев»²³. Либералы, наоборот, стремились к хорватско-сербской коалиции, имевшей абсолютное большинство в хорватском саборе. Социал-демократы же рассматривали сотрудничество с южными собратьями в широком смысле, оставаясь на позициях культурной автономии в рамках политической федерации с различным этническим набором.

Важно при этом указать на отношение хорватов к словенским политикам. Хорватско-сербская коалиция в Саборе была либеральной. Когда в 1913 г. из Хорватской партии права вышли «чистые», прогабсбургские правашаи во главе с Й. Франком, со словенскими клерикалами продолжала сотрудничать только оставшаяся часть под руководством М. Старчевича. Казалось бы, успеха в сотрудничестве с хорватами могли бы достичь словенские либералы. Но хорваты, с одной стороны, склонялись к сотрудничеству с итальянскими ирредентистами и соглашались отдать Италии города Триест²⁴ и Горицу с их округами, на которые претендовали словенцы, с другой — видели важнейших союзников в сербах. Они считали сербов Воеводины самостоятельным народом и принимали во внимание силу Королевства Сербия, поэтому и связывали свои надежды прежде всего с сербами, а не со словенцами. Для социал-демократов проблема взаимного сотрудничества тоже упиралась в сербов. Не имея внутривластных расхождений по национальному вопросу, вообще не считая его политическим, ЮСДП вела внутренние дебаты относительно будущего административного устройства. Словенские социал-демократы сильно расходились в своих югославистских взглядах. Только Х. Гума и И. Цанкар выступали с идеями широкой балканской федерации,

расходясь в вопросе включения в нее болгар, большинство же не выходило за рамки Объединенной Словении или Австро-Венгрии в целом, находясь под влиянием идей австромарксизма. В свою очередь, сербские социал-демократы (в частности их лидер Д. Туцович), для которых избавление славян от турецкого господства на Балканах было первоочередной задачей, следовали за своей национальной буржуазией, поддерживая союз с хорватами, и для них идея югославизма в форме сохранения Австро-Венгрии в любом виде не была интересной²⁵.

Начало Первой мировой войны переменяло многое в расстановке политических сил в Словении. Уже осенью 1914 г. положение словенцев начали определять два особых условия: внешнее – территориальные притязания Италии и внутреннее – политические преследования инакомыслящих словенцев.

Словенское Приморье стало ареной военных действий итальянско-австрийского Сочанского фронта, и в 1915 г. часть Горицы была оккупирована итальянцами (населенные пункты Баньшице, Солкан, Горица, Опатье-село, Добердоб)²⁶.

Со смертью Франца Фердинанда рухнули надежды на реформы. Было введено военное положение, экономику начали переводить на военные рельсы, начались политические репрессии: роспуск рейхсрата, введение жесткой цензуры, запрет любого проявления югославизма, высылки и аресты, суды над словенскими национальными деятелями. Австрия использовала войну как возможность порвать все югославянские связи словенских партий (как видно из заявления графа К. фон Штюргка)²⁷. В словенских землях, особенно в этнически наиболее уязвимых провинциях – Штирии и Каринтии – усилился немецкий национализм.

В феврале 1915 г. приморские словенцы и младолибералы из Крайны, вместе с хорватскими политиками, уполномочили круг югославянских эмигрантов в Риме содействовать установлению контактов со странами Антанты по вопросу создания Югославии. Также на двух секретных конференциях в апреле 1915 г. в Триесте они обсудили возможные действия против притязаний Италии на Приморье и Далмацию и отправили двоих бывших депутатов рейхсрата в качестве своих представителей в Югославянский комитет, возглавляемый хорватским политиком А. Трумбичем.

СНП вновь возродила хорватско-словенскую программу государственного объединения. Крек присутствовал на тайной конференции хорватских священников в марте 1915 г. в Риеке, где они составили меморандум, адресованный Папе Римскому, с просьбой о создании неделимого сообщества хорватов и словенцев. Участники конференции также выразили готовность создать союзное государство с Сербией во главе с династией Карагеоргиевичей, как главное средство в борьбе против итальянских притязаний. Сообщение об этом было тайно передано русским представителям в Риме и Трумбичу. Но добиться содействия Антанты не удалось.

26 апреля 1915 г. страны Антанты заключили с Италией тайный Лондонский договор, определивший условия вступления Италии в войну. Италия обязалась не позднее чем через месяц объявить войну Австро-Венгрии, а также выступить (без указания точного срока) против «всех врагов» Антанты. В качестве «платы за кровь» Италии были обещаны Трентино (Цизальпийский Тироль), вся Юлийская Крайна (с Горицей и Градишкой), вся Истрия, почти вся Далмация с островами и английский заем в 50 млн. фунтов стерлингов²⁸.

Как мы видим, в плату за итальянское участие входило разделение словенских земель. Из-за Сочанского фронта апатичное отношение к войне словенского населения прошло, словенцы были готовы сражаться за свою землю, но в то же время круги, которые сочувствовали Антанте, особенно младолибералы, были политически парализованы.

Политическую инициативу ВВП подавлял раскол в ее рядах — между христианским социалистом Я.Е. Креком и руководителем партии, консерватором и австрофилом И. Шуштершичем, который призывал к борьбе против Сербии и настаивал, чтобы партия во время войны оставалась политически бездеятельной²⁹.

Новый австрийский премьер-министр граф К. Штюргк, как и сам император, не имел программы для оздоровления монархии. Штюргк понимал войну не просто как продолжение внешней политики иными средствами, а прежде всего как возможность реализации внутренней политики иными средствами. Его государственной идеей было разрушение связей между славянскими партиями, уничтожение любого вида югославизма — даже весьма лояльного триализма. Штюргк был твердо настроен не созывать парламент до конца войны и внести поправки в конституцию

Австрии в соответствии с пожеланиями крупной австрийской буржуазии. Эти пожелания были выражены в известной программе «Немецкие интересы» («Die Deutsche Belange»), опубликованной весной 1916 г. В ней предусматривалось передать Далмацию Венгрии (тогда бы она имела все хорватские земли), в отношении словенцев — закрепить немецкий язык в качестве государственного и консолидировать немецкое господство в словенских землях. Единственная работа словенцев заключалась бы в обслуживании германского пути в «южный немецкий порт» Триест; а их будущим являлась германизация³⁰.

Убийство премьер-министра Штюргка социал-демократами 21 октября 1916 г., смерть старого императора Франца-Иосифа 21 ноября 1916 г. и приход к власти нового императора Карла I возобновили надежды на перемену политики в отношении парламента. Однако вскоре стало ясно, что смена личностей на высших постах в империи никак не изменила ситуации. Новый император не разделял идеи бывшего наследника престола принца Франца Фердинанда, который планировал отложить принятие присяги венгерской и австрийской конституциям для того, чтобы «освободить руки» для общегосударственной реформы. Карл намеревался присягнуть венгерской конституции и тем самым подтвердить дуалистическую систему, но при этом отложить присягу конституции Австрии и таким образом получить возможность внесения конституционных изменений в пользу австрийцев.

Если проследить факторы влияния на развитие идеи словенского государственного строительства за весь период с самого начала войны вплоть до февральских событий 1917 г. в России, очевидно, что на политическую мысль влияли больше внутриимперские причины, чем внешние.

В последующий военный период, начиная с марта 1917 г., главным фактором стали события за рубежом и ход военных действий. Под влиянием Февральской революции в России и вступления США 6 апреля 1917 г. в войну с Германией опасность внешнего, военного поражения заставила императора Карла возобновить работу рейхсрата, но при этом опасения из-за внутривластной неустойчивости привели к тому, что в середине апреля 1917 г. император и правительство Г.К. Клам-Мартиница отказались от мысли о возможности конституционной реформы в Австрии: император

вообще отказался от присяги австрийской конституции, получив возможность отложить реформу на неопределенный срок. Идея пересмотра конституции, таким образом, перестала быть актуальной.

В этих условиях публикация и последующее обсуждение в обществе «Немецких интересов», возобновление работы рейхсрата способствовали консолидации словенских партий, ускорили подготовку собственной политической программы и объединение всех югославянских депутатов в единый Югославянский клуб в рейхсрате, который увидел единственный путь выхода из сложившейся ситуации в активной борьбе за триализм.

30 мая 1917 г. на заседании рейхсрата глава ВВП и председатель Югославянского клуба А. Корошек от имени всех его членов зачитал «Майскую декларацию». В ней выдвигалось требование государственного объединения всех словенцев, хорватов и сербов империи, что шло вразрез с австро-венгерским дуализмом, но в одном пункте совпадало с политикой двора и правительства: за домом Габсбургов-Лотарингов признавалось право на императорский скипетр. Двор и правительство удовлетворились основным фактом, что Югославянский клуб признал югославянский вопрос внутренним делом империи, рассчитывая продолжать вести прежнюю политику.

Еще до середины июля 1917 г. были сильны надежды на то, что новый правитель стремится к скорейшему заключению империей мирного соглашения и к немедленным фундаментальным внутриполитическим реформам как неотъемлемой части своей мирной политики.

В словенских землях началось так называемое «декларационное движение», в поддержку программы Югославянского клуба были собраны сотни тысяч подписей³¹.

Югославянский клуб перешел к оппозиционной политике и заявил, что Майская декларация является минимальной программой, которую любое правительство, рассчитывающее на поддержку Югославянского клуба, должно принять полностью как свою собственную программу. Такой радикализации способствовало сотрудничество с чехами, деятельность югославянской эмиграции (работа Югославянского комитета и принятие Корфской декларации в июле 1917 г., словенские добровольцы в сербской армии)³², а затем и Октябрьская революция в России.

К весне 1918 г. декларационное движение стало всесловенским, превратилось в мощную социальную силу. В нем отражалось общее желание закончить войну, оно защищало идею югославянского государственного единства и независимости «до последнего горного гнезда»³³. После определенных колебаний, частично обусловленных опасениями левых социалистов, к этому движению присоединилась ЮСДП. В то же время ВНП преодолела свой внутренний раскол, постепенно политически изолировав И. Шуштерчика. Эта партия под руководством А. Корошеца успешно руководила растущим движением.

Заявление премьер-министра Э. Зайдлера 3 мая 1918 г. о том, что словенские земли должны остаться немецкими провинциями, запрет декларационного движения — все это указывало на необоснованность ожидания реформ. Последним разочарованием для всех тех, кто еще доверял Габсбургам, стало обещание императора немцам, живущим на словенских землях, никоим образом не допустить отделения этих территорий от немецко-австрийских земель³⁴. В середине мая 1918 г. произошли три восстания словенских солдат в долине реки Мура, в которых ведущую роль сыграли солдаты, вернувшиеся из русского плена³⁵.

27 мая 1918 г. последовало заявление всех словенских партий о том, что словенский народ настаивает на своем праве на самоопределение.

Началом падения империи Габсбургов на словенских землях стало создание первого элемента собственной государственности, Национального совета в Любляне (16 августа 1918 г.) и его региональных комитетов в Мариборе, Целовце (Клагенфурте), Горице и Триесте, а также местных комитетов. Национальный совет в Любляне сразу же объявил себя частью будущего единого Народного Веча в Загребе³⁶. Создание Национального Совета частично осуществило программу Объединенной Словении: словенские земли были объединены, имели собственное руководство. Но под итальянской оккупацией осталось Приморье; два прекомурских округа находились в Венгрии; Каринтия и Штирия, провинции с преобладанием словенского населения в сельских местностях на юге и немецкого на севере и в городах, находились в сложном этническом положении, их последующий раздел представлял немало проблем.

Народное Вече в Загребе было сформировано только 6 октября 1918 г., его председателем стал словенец, глава ВВП А. Корошец. 29 октября 1918 г. в Загребе было провозглашено создание «Государства словенцев, хорватов и сербов». В тот же день в Любляне, на большом народном собрании, было объявлено об отделении словенских земель от Габсбургской империи и об их вхождении в состав нового государства, а также о создании Национального правительства в Любляне, в котором были объединены все ключевые ветви исполнительной власти. Национальное правительство 31 октября 1918 г. провозгласило загребское Народное Вече «высшим органом Государства словенцев, хорватов и сербов». Внутреннее устройство Государства СХС было конфедеративным, и словенцы впервые в своей национальной истории стали суверенной нацией. Правительство стало коалиционным, и в бурное время распада империи и фронтовой неразберихи ему пришлось решать насущнейшие внутривластные задачи и пограничные проблемы. Как доказывает Ю. Перовшек, правительство действовало согласованно и слаженно в решении всех вопросов³⁷.

Главным внешним фактором развития событий с самого начала войны стало то, что словенские земли рассматривались обеими воюющими сторонами как разменная монета. Внутренние факторы были многочисленны: смерть престолонаследника, мобилизация, введение военного положения, перестройка экономики на военный лад, роспуск имперского рейхсрата, введение жесткой цензуры, запрет оппозиционных обществ и печати, политические репрессии против словенских национальных деятелей в виде высылки, арестов и судов, а также широкая волна немецкого национализма в словенских землях. Все это оказало исключительно сильное влияние на развитие словенской государственно-политической мысли и привело колеблющихся словенских политиков к мысли о собственной слабости и острой необходимости югославянской коалиции; политические репрессии против югославистов любой этнической принадлежности, в том числе и хорватов, сплотили их в эмиграции в Югославянском комитете.

Если до Первой мировой войны словенская политическая мысль следовала за политической практикой, находя теоретические обоснования политическим действиям, то во время войны

она развивалась гораздо быстрее практической политики, которой приходилось лавировать под давлением военного положения, разделившись на внутреннюю и эмигрантскую. Только в конце войны, под действием также и внешних факторов, особенно обеих революций в России, словенская политическая мысль, еще ориентированная на югославизм, начала приходить в соответствие с политическими действиями, требующими государственного строительства на национальной основе — создания своих национальных органов законодательной и исполнительной власти.

Тот факт, что Национальный Совет в Любляне был создан очень рано, еще в августе, за полтора месяца до созыва Народного Веча в Загребе (6 октября), говорит о том, что словенская национальная идея была уже достаточно крепкой и ее поддерживали широчайшие слои населения. Однако тот факт, что Совет сразу же объявил себя частью будущего Веча в Загребе, показывает слабость словенских политиков, прежде всего, преобладающей в нем силы — политического католицизма. Само название государственных органов — Национальный совет в Любляне, Национальное правительство в Любляне — не содержало четкого определения «словенское», что подтверждает мысль о том, что словенские политики были неуверенны в необходимости создания самостоятельного, словенского национального совета и правительства. В конце войны у них не было детально разработанной программы государственного строительства. Они оказались не готовы к стремительным изменениям во внешней, внутренней политической ситуации и к полному захвату государственных полномочий, ограничив себя только функциями защиты своей автономии.

Национальная идея — основной постулат которой — объединение народа, разделенного какими-либо границами, или факторами, учитывает, прежде всего, главный этнический признак — язык. Кроме того, национальная идея характеризует народ с точки зрения его национальной истории, исторической миссии и смысла существования. Государственная идея, главным образом, призвана защищать национальную идею и формировать политические, юридические, социально-экономические условия для ее осуществления; а политика призвана воплощать национальную идею на практике. В целом можно сделать вывод, что в рассматриваемый период для словенцев эти три понятия были разделены; краткий

период существования Государства СХС дал возможность объединить эти три начала, но скорое объединение с Королевством Сербия не позволило процессу развиваться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do 1918. Ljubljana, 1966. S. 102.

² *Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении. СПб., 2011. С.251–284.

³ *Podgoršek N.* Hrvaška Stranka prava in njen odnos do Slovencev v devetdesetih letih 19. stoletja // *Zgodovinski časopis*. 2005. № 3 / 4. S. 430.

⁴ *Marušić D.* Jugoslovanski mladini! // *Zvonček*. № 2. 18.10.1934. S. 40.

⁵ Первый Югославянский Государственный съезд состоялся 20 сентября 1904 г. в Белграде. Приглашающая сербская сторона организовала бесплатный проезд и ночлег в Белграде для словенских участников. Словенские делегаты намеревались принять участие в торжествах 21 сентября по случаю коронации короля Петра I. См.: *Jugoslovanski dijaški kongres v Belgradu* // *Slovenski narod*. 23.07.1904. S. 4; *Pisma iz Srbije* // *Slovenec*. 14.09.1904. S. 2.) На съезд приехало 77 словенских депутатов. Председателем съезда был словенец Г. Жерьяв. (*Slovinci v Belemgradu* // *Slovenec*. 19.09.1904. S. 2.) В сентябре 1905 г. в Триесте прошел съезд словенского национально-радикального студенчества, где также председательствовал Г. Жерьяв, который затем редактировал брошюру по материалам этой акции «Из народа за народ!», автором которой был участник съезда Й. Приятель (*Prijatelj I. Iz naroda za narod!*; I. shod narodno-radikalnega dijaštva od 5. do 8. kimavca 1905. Trst, Ljubljana, 1905).

⁶ *Pleterski J.* Politika „novog kursa“, jadranski kompromis i Slovenci // *Jugoslovanski istorijski časopis*. 1975. № 3 / 4. S. 49.

⁷ *Rahten A.* Trialistične zamisli slovenskih in hrvaških politikov v letih pred prvo svetovno vojno // *Prispevki za novejšo zgodovino*. 1999. Št. 2. S. 66.

⁸ *Popovici A.C.* Die Vereinigten Staaten von Groß-Österreich. Politische Studien zur Lösung der nationalen Fragen und staatrechtlichen Krisen in Österreich-Ungarn. Leipzig, 1906. 308 f.; *Нестеров А.Г.* Австро-Венгрия как интеграционный проект: опыт для Центрально-Восточной Европы XXI в. // *Европа в меняющемся мире: Материалы IV Международной научной конференции* (21 апреля 2012 г., Екатеринбург). Екатеринбург, 2013. С. 70.

⁹ *Isac I.-N.* The United States of Greater Austria – a step towards European Union? // *Europe as viewed from the margins. An East-Central European perspective during the long 19th Century*. Târgoviște, 2007. P. 184 – 185.

¹⁰ *Pleterski J.* Trializem pri Slovencih in jugoslovansko zedinjenje // *Zgodovinski časopis*. 1968. Št. 3 / 4. S. 172.

¹¹ *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države: slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2006. S. 149.

¹² *Pleterski J.* Trializem pri Slovencih. S.172.

¹³ *Ibid.* S. 172–173.

¹⁴ *Kristan E.* Narodno vprašanje in Slovenci // *Knjižnica Čas. «Naprej» v Ljubljani*. Št. 11. Ljubljana, 1908. S.47.

¹⁵ *Pleterski J.* Študije o slovenski zgodovini in narodnem vprašanju. Maribor, 1981. S.115; *Klopčič F.* Slovenska socialna demokracija in makedonsko vprašanje pred prvo svetovno vojno // *Prispevki za zgodovino delavskega gibanja*. 1971. Št. 1–2. S. 289.

¹⁶ *Tuma H.* Jugoslovanska ideja in Slovenci. Gorica, 1907. S. 48.

¹⁷ *Pleterski J.* Študije o slovenski zgodovini in narodnem vprašanju. S. 114–115.

¹⁸ *Ibid.* S. 259.

¹⁹ *Gestrin F., Melik V.* Op. cit. S. 273, 289.

²⁰ *Lončar D.* Politično življenje Slovencev: (od 4. januarja 1797. do 6. januarja 1919. leta). Ljubljana, 1921. S. 80.

²¹ *Žerjav G.* Jugoslovansko kraljestvo v okviru habsburške monarhije // *Naš list*. Kamnik, 1908. Št. 50–51. 12. in 19. december. S. 49–50; *Prunk J.* Žerjav, Gregor (1882–1929) // *Slovenski biografski leksikon 1925–1991*. Elektronska izdaja. Ljubljana, 2009 // <http://www.slovenska-biografija.si/oseba/sbi898500/>

²² Dolinar F. Odsotnost slovenske državne misli v prevratu 1918 // Zrenja in uvidi: Zbirka. II. Buenos Aires, 1971. S. 11.

²³ Густинич Д. Национальное движение словенцев накануне и в период войны 1914–1918 гг. // Историк-марксист. 1941. № 5. С. 86.

²⁴ Если в XVIII в. словенцы составляли большинство населения Триеста, то в начале XIX в. – уже только 31 %. Возраставший поток итальянских колонистов усугублял эту тенденцию. Однако славянский характер Триеста не вызывал сомнений. Об этом говорил в парламенте в 1886 г. премьер-министр Италии А. Ламармор, писал британский историк А. Тойнби в главе «Триест и Италия». См.: *Toynbee A.J. Nationality and the War* CH. London, 1915. Позже данный факт активно использовался советской и югославской дипломатией. См.: *Сальков А.П. Проблема Юлийской Крайны (Венеции-Джулии) в советской международной политике (1918–1945 гг.)* // Российские и славянские исследования. М., 2009. Вып. 4. С. 10.

²⁵ Pleterski J. Študije o slovenski zgodovini in narodnem vprašanju. S. 115–116.

²⁶ Pleterski J. Ibid. S. 228–229; Slovenci skozi čas: Kronika slovenske zgodovine. Ljubljana, 1998. S. 213–216.

²⁷ Valiani L. The end of Austria-Hungary. London, 1973. P.127.

²⁸ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гт. Серия III: 1914–1917. Т. VII, Ч. II. М.-Л., 1936. С. 253–258.; Сборник договоров России с другими государствами. 1856 – 1917. М., 1952. С. 436–441.

²⁹ Pleterski J. Prva odločitev slovencev za Jugoslavijo: politika na domačih tleh med vojno 1914–1918. Ljubljana, 1971. S.11–12, 33, 49, 56.

³⁰ Pleterski J. Študije o slovenski zgodovini in narodnem vprašanju. S. 231.

³¹ Stavbar V. Deklaracijsko gibanje / Slovenija 1848–1998: iskanje lastne poti. Ljubljana, 1998. S. 257–261.

³² Jankovič D. Srbija i jugoslovensko pitanje 1914–1915. godine. Beograd, 1973. S. 574.

³³ Pleterski J. Študije o slovenski zgodovini in narodnem vprašanju. S. 263.

³⁴ Pleterski J. Slovenci v politiki dunajske vlade in dvora med prvo svetovno vojno // Zgodovinski časopis. 1970. Letnik 24. S. 177.; Rumpler H., Hussarek M. Nationalitäten und Nationalitätenpolitik in Österreich im Sommer des Jahres 1918. Graz, Köln, 1965. S. 87.

³⁵ Pichlik K. Iz ruskega ujetništva v boj proti vojni. Ljubljana, 1968. Š. 189; Ude L. Upori slovenskega vojaštva v avstro-ogrski armadi // Zgodovinski časopis. 1968. Št. 3/4. S. 185.

³⁶ Pleterski J. Študije o slovenski zgodovini in narodnem vprašanju. S. 264.

³⁷ Perovšek J. V zaželjeni deželi: slovenska izkušnja s Kraljevino SHS / Jugoslavijo: 1918–1941. Ljubljana, 2009. S. 24–25.

Отношения между Австро-Венгерским государством и словенским клиром во время Первой мировой войны

Первая мировая война для Австро-Венгрии означала не только войну против других государств, или внешних врагов, она являлась также войной против так называемых внутренних врагов, среди которых с самого начала значилось и словенское духовенство.

Власти вели наблюдение за деятельностью движений, с их точки зрения «враждебных государству» (*staatsfeindliche Bewegungen*). Национальная борьба в многонациональной Австро-Венгрии — в словенских землях между немцами и словенцами, в Хорватии между хорватами и венграми — во время Первой мировой войны обострилась, хотя на общественной жизни из-за военного режима и строгой цензуры это не сказалось так сильно. Поскольку война велась между Австро-Венгрией с одной стороны, и славянскими государствами Сербией и Россией, с другой, всякое сотрудничество, прежде всего, словенской и хорватской интеллигенции с представителями Сербии и России, рассматривалось как враждебное, а выражение каких-либо симпатий к обоим государствам трактовалось как русофильство и сербофильство и считалось крайне отягчающим обстоятельством. Так читаем в одном докладе: «Среди славянского населения появился ирредентизм, который развивается наряду с итальянским. Его цель — отделение югославянских областей от Австрии и Венгрии и создание собственного государства»¹.

Австро-венгерские власти волновал и итальянский ирредентизм, который был распространен в южном Тироле, Горице, Триесте, Приморье, на Кварнерских островах и стремился к политическому объединению всех итальянцев, но его опасность власти недооценивали, уделяя больше внимания славянскому ирредентизму. На территории современной Хорватии итальянский ирредентизм был распространен в Риеке и на островах Паг, Лошинь и

Црес. Его не возглавляло итальянское духовенство. Эта территория была тесно связана со словенским Приморьем благодаря реорганизации епархий и их границ в 1830 г., когда было воссоздано Горицкое архиепископство, в которое вошли епархии Люблянская, Триестинско-Коперская, Поречско-Пульская и епархия на острове Крк. Словенские и хорватские священники играли большую роль в организации образования на родном языке, так как государственные школы были большей частью немецкими, а в Приморье итальянскими. Они организовывали воскресные школы в приходах, в которых обучали детей читать и писать на родном языке. В первой половине XIX в. из рядов духовенства вышли многочисленные лингвисты, этнографы, историки, а также знатоки сельского хозяйства и виноделия, профессиональные писатели и поэты.

Хотя епархия на острове Крк находилась на территории распространения хорватского языка, она, как подчинявшаяся Горицкому архиепископству, была включена в словенское культурное пространство. В Горице находилась богословская семинария, в которой обучались семинаристы из епархии Крк (в нее входили острова Крк, Црес и Лошинь). Эти острова до 1797 г. находились в составе Венецианской республики, которую ликвидировал Наполеон. Венецианская республика разрешала вести богослужения на латинском и на старославянском языке, которым пользовалась глаголическая церковь. После ликвидации Иллирийских провинций в 1813 г. эта территория вместе с Далмацией отошла к Австрийской империи.

Австрийские власти не были так толерантны к глаголической церкви, как некогда венецианские, ибо в славянском богослужении видели опасность хорватского национализма. Это явилось одной из причин того, что во второй половине XIX в. епископами не назначали хорватов, но только словенцев (Андрей Штерк, 1894–1896 гг.; Антон Махнич, 1897–1919 гг.). Однако словенские епископы не были против славянского богослужения, что стало причиной возникновения у них конфликтов с правительством в Вене и церковными властями в Риме².

Во второй половине XIX в. и накануне Первой мировой войны некоторые священники являлись видными словенскими политиками, парламентскими депутатами, организаторами культурной жизни словенцев. В своей деятельности они употребляли словен-

ский язык, за исключением некоторых городов, где имелось немецкоговорящее духовенство, и в Приморье, где имелись италоязычные священники.

Когда в 60-х гг. XIX в. после введения конституции обострились национальные противоречия между немцами, итальянцами и словенцами, наиболее активно действовало словенское духовенство. Его национально-политическая деятельность вызывала отпор у немцев и итальянцев, а также у провинциальных и венских властей.

Уже перед Первой мировой войной, во время Балканских войн 1912–1913 гг., когда многие словенские священники открыто выражали свои симпатии к Сербии и сербам, еще более обострились национальные отношения. После сараевского покушения, в результате которого были убиты наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга София, прежде всего немецкая журналистика, но также и правительственные круги обвинили словенское духовенство в сербофильстве. Эти обвинения не ограничились только словенскими землями, но касались и Хорватии, прежде всего территории епархии Крк.

Эта область после начала войны между Австро-Венгрией и Италией (24 мая 1915 г.) попала в сферу действия 5-ой (Сочанской) армии, которой командовал Светозар Бороевич. Военное начальство опасалось мощного «сербо-хорватского» ирредентизма на острове Крк, о котором можно прочесть в тайных донесениях. Там говорилось, что во время Балканских войн на Крке появилось сильное сербофильское движение, к которому примкнули некоторые представители интеллигенции. Сторонниками этого враждебного Австрии движения якобы являлось хорватское духовенство во главе с епископом острова Крк Антоном Махничем. О нем сложилось мнение, что он всегда конфликтует с церковными властями в Риме и государственными органами из-за своеволия, как в церковных, так и в национальных вопросах. В конце говорилось о целесообразности проведения богослужений на старославянском языке и использовании глаголицы. Несмотря на то, что венские и церковные власти в Риме декретами от 1898 г. и 1908 г. запретили распространение такого богослужения³, Махнич это богослужение поддерживал и даже установил в 1902 г. на острове Крк старославянское училище для обучения глаголических священников. Венские власти сочли это национализмом.

За епископом Махничем во время войны была установлена слежка. Один из священников в донесении по поводу политических взглядов Махнича выражал мнение, что он выступает за объединение всех хорватов и словенцев под властью Габсбургов. Относительно внешней политики автор донесения утверждал, что Махнич корректен, но что касается внутренней политики — он радикальный реформатор. В донесении упомянутого священника приводились также жалобы духовенства епархии на острове Крк с просьбой повлиять на епископа Махнича. Информатор советовал некоторых священников немедленно переместить, а за епископом Махничем продолжить наблюдение. Епископ Махнич священников своей епархии решительно защищал как перед политической властью, так и перед командованием 5-й армии. Военное начальство особенно внимательно относилось к национальным взглядам духовенства. Духовенство представляло собою наиболее образованный слой населения и составляло значительную часть интеллигенции. Среди народа оно пользовалось величайшим доверием. Немало священников было задействовано в сфере экономики, но большинство занималось политической деятельностью и распространением национальных идей.

Но наиболее решительно государственная власть выступала против духовенства Штирии и Каринтии⁴. В начале войны было арестовано 27 человек по обвинению, что они якобы выдали австрийские военные планы Италии. Большинство арестованных, в конце концов, отпустили, но военная цензура запретила обнародовать решение суда и тем самым «реабилитировать их честь»⁵. Не опровергнутое обвинение в предательстве означало для словенских священников великий позор. В связи с арестом словенских священников особо широкий отклик получила статья профессора грацкого университета Иоханна Уде, напечатанная в журнале «Бонифатиус Корреспонденц» (*Bonifatius Correspondenz*), в которой он обвинял словенское духовенство в измене⁶.

Арестованные священники были обвинены в предательстве из-за своей верности национальным идеям, которые они ставили выше, чем католицизм. Их измена Австрии заключалась уже в том, что они, вместо того, чтобы в решающие моменты быть верными родине, симпатизировали убийцам наследника престола Франца Фердинанда в Сараево, а также сербам, которые не являются

католиками, и их защитникам русским, и все это из-за того, что словенцы вместе с сербами и русскими принадлежат к огромной славянской семье. Статья Уде резко осуждала словенских епископов, епископ Еглич был назван в ней «очень нелояльным и критическим по отношению к словенскому духовенству»⁷. Статья имела широкий отклик в государстве. Однако обвинения против Уде отверг венский кардинал Фридрих Густав Пиффл в проповеди, произнесенной в главном соборе Вены. В ней он защищал духовенство (в том числе словенское и русинское) от упреков в недостаточном патриотизме и предательстве. Люблянский епископ Антон Бонавентура Еглич, горицкий архиепископ и триестинский епископ выразили венскому кардиналу благодарность за эту проповедь⁸.

В Любляне также арестовали нескольких священников по обвинению в измене. Вскоре их всех, за исключением двух, выпустили. Обвинения, предъявленные им, были странными. Одного священника военное начальство объявило изменником за то, что он купил в Черногории открытки, среди которых имелась фотография дороги из Котора на Ловчен и Цетинье. «Но в этом нет ничего страшного», — прокомментировал Еглич. Некий францисканец (члены орденов не принадлежали к духовенству) был обвинен в том, что в Пазине кричал: «Кто мне может запретить кричать “Да здравствует Сербия!”». Андрейчич, настоятель прихода из епархии Махнич, на каком-то собрании в начале войны заявил: «Сербы наши братья, не нужно стрелять в них». Епископ Еглич также отмечал, что австрийские власти выпустили на свободу как невиновных 17 представителей духовенства из Лавантинской епархии (Марибор) и 6 — из Кркской епархии (Целовец, нем. Клагенфурт). В тюрьме остались один каринтийский и один лавантинский священники, а также настоятель прихода Муршец, который, как пишет Еглич, «хотел перед людьми защитить императора, подписавшего декрет о начале войны, такими аргументами: «Император стар, дети мои, и подписывает всё, что ему предлагают». Он думал сделать хорошо, когда сказал о беспамятстве, и это не является предательством»⁹.

Каринтийский священник Сватон был осужден на один год каторги потому, что в проповеди по поводу мессы нового священника сказал: пусть он молится «за родителей, за императора и за победу над братьями сербами». Год тюрьмы он получил за «братьев-сербов». Еглич записал также, что в тюрьме со священниками очень плохо

обращались, им говорили: «Псы, жрите, что хотите». По дороге в тюрьму специально подговоренные люди их ругали, оплевывали, били. Генерал-майор Маттанович требовал ареста даже лавантинского епископа, поскольку он возглавляет этих священников¹⁰.

22 сентября 1914 г. штирийский наместник (Statthalter) Манфред граф фон Клари и Алдингем заявил, что якобы на исповеди священники в Целье подговаривали военных резервистов не стрелять в своих сербских братьев. Расследование, которое провел по этому делу мариборский ординариат, было безуспешным, так как солдаты уже ушли на фронт¹¹. Хотя мы не располагаем точными данными о количестве словенцев, арестованных по политическим мотивам во время Первой мировой войны, мы знаем, что от 27 июля и до конца 1914 г. в Градце (нем. Грац) военным судом было арестовано 910 человек, из них 117 были священниками, осуждены же только трое¹².

Словенские епископы с опаской ожидали конца войны. Они не желали победы Центральным державам, среди которых была Австро-Венгрия, а это считалось предательством. В случае их победы епископы ожидали усиления национального давления, германизации австрийской и мадьяризации венгерской части государства. 9 октября 1914 г. у горицкого архиепископа и митрополита Франциска Седея собрались триестский епископ Карлин, люблянский епископ Еглич и Антон Махнич. Они приняли решение послать петицию Папе с просьбой, чтобы в случае победы Австрии он содействовал тому, чтобы хорватские и словенские земли объединились в границах Австрии. Епископы полагали, что такое решение будет лучшим для словенцев и хорватов, чем их разделение между австрийской и венгерской половинами монархии. Эту идею они воплотили весной 1915 г. в меморандуме, который подписали словенские и хорватские епископы (за исключением триестского и лавантинского). Епископ Еглич записал об этом в своем дневнике: «Я охотно подписал это, так как иначе нам, словенцам, грозит полная гибель»¹³.

Из-за стремления осуществить объединение словенцев и хорватов итальянские власти летом 1919 г. изгнали из Триеста тамошнего епископа Андрея Карлина.

С военным начальством люблянский епископ Еглич не имел трудностей. Он был в контакте также с фельдмаршалом коман-

диром 5-ой Сочанской армии Светозаром Бороевичем. Преследование священников в Крайне не было таким жестоким, как в Штирии и Каринтии, к ним не было такого сильного недоверия со стороны властей, как например, в епархии Крк Махнича. Несмотря на это, также и Еглич испытал на себе последствия недоверия воинского начальства к духовенству, которое поддерживали гражданские власти.

В 1915 г. граф Хорынский в качестве представителя венского правительства потребовал от Еглича, чтобы он переместил постоянного декана Эзерья. Еглич прямо приказу не воспротивился, но отправился к военному начальству в Постойну, у которого узнал истинную причину недовольства военных кругов деканом. «Декан сам по себе корректен, его ни в чем нельзя упрекнуть, но на людей он не имел влияния. Они хотели бы молодого декана, который смог бы воодушевить людей австрийским патриотизмом». Еглич направился к Бороевичу и с трудом добился встречи с ним. Об этой встрече он пишет: «Он (Бороевич) удивился, услышав о требовании сместить декана, и сказал: “Декан совершенно корректен и достоин уважения, но о его отношениях с людьми он не берется судить. Если он в чем-либо допустил ошибку, которая бы мешала успешным военным действиям, требование следовало бы предъявить Вам, а не правительству. В другие дела я не вмешиваюсь”». Еглич рассказал об этой встрече, декан очень обрадовался, ведь в Постойне уже три дня говорили о его переводе¹⁴. Еглич был тоже очень доволен, поскольку в бумаге Бороевича говорилось, что, прежде всего, необходимо известить епископа официально.

Епископ Еглич был хорошо информирован о событиях на фронтах от священников, находившихся в армии. Так, например, один из них сообщил ему даже о новых итальянских минах, действие которых «страшнее наших самых больших грозных орудий. Наши окопы разрушены, много убитых. Многие сошли с ума». Интересны также сообщения об отношении австрийских офицеров к словенским солдатам. Так некий священник сообщал ему, что словенские полки посылают туда, где идут наиболее тяжелые бои, и они несут большие потери, некоторые приходят к выводу, что это делают нарочно. Священники также жаловались, что военное начальство заставляет говорить солдат по-немецки, а венгры требуют общения на венгерском языке, что противоречит равноправию.

Епископ был даже извещен о том, что вся польская интеллигенция в армии настроена русофильски, так как она уверена, что только в России Польша может достичь полной самостоятельности¹⁵. Еглич отмечал в дневнике и другие моменты, так, например, 20 сентября он записал: «словенцы унижены», «со всех сторон слышно, что словенцев презирают, особенно немцы». Раненый писал из Вены: «Нам, словенцам, мало доверяют». С фронта написал словенский поручик, который «с некоторым успехом сдал экзамены»: «Словенцами сильно пренебрегают». Солдат с Сочанского фронта сообщал: «Немцы нас страшно презирают»¹⁶. Еглич был также извещен о недовольстве словенских и хорватских солдат, поскольку, хотя словенцы, хорваты и далматинцы героически сражаются, их военное начальство не хвалит, отличия получают, прежде всего, немцы и венгры. Наиболее интересные свидетельства присылали словенцы с Сочанского фронта — что их никогда не отличали в военных донесениях, самое большее их хвалил высший офицер¹⁷.

Интересно также донесение военного куратора Шкерьянца, который служил в горах. Епископу он писал, что во время одиннадцатого наступления на Сочанском фронте было много убитых и что уже идет подготовка к новой битве. «Страшные приготовления ведутся, будет великое побоище, потоками будет литься кровь». Он был с солдатами также 18 августа, когда шли страшные бои, помогал солдатам и даже под шквальным огнем проводил богослужение. Своими поступками он вызвал симпатию майора, который прежде «как злобный немецкий националист обзывал его ультра-словенцем». Майор наградил его Крестом с мечами и Карловским крестом с такими словами: «Военный священник не только исполнял свои обязанности в полном объеме, но даже сам показывал всем своим героическим поведением добрый пример. Под шквальным огнем он провел богослужение». Письмо было датировано 1 октября 1917 г.¹⁸

В начале Первой мировой войны имелось 11 военных священников из словенцев в пехотных войсках и еще шесть на флоте¹⁹. В 1914–1918 гг. на действительной военной службе находилось 130 словенских священников из епархий и 22 из различных орденов²⁰. В основном военное начальство заботилось, чтобы словенские священники служили в словенских подразделениях, однако это не всегда было возможно осуществить, особенно в смешанных полках священники не всегда знали словенский язык.

Вмешательство военного начальства в деятельность священников епархии на острове Крк

В епархии на острове Крк положение было иным, чем в Люблянской епархии. Она была расположена далеко от поля боя, но находилась под бдительным наблюдением как гражданских, так и военных властей. Отношение военного начальства к духовенству ухудшилось после начала войны, жалобы на это стали приходить уже во время Балканских войн. Кркский епископ Махнич находился в другом положении по сравнению с люблянским епископом Егличем, прежде всего, он не имел возможности напрямую связываться с военным начальством и гражданскими властями по поводу текущих проблем. В национально-политическом отношении Махнич стоял на стороне хорватского населения и поддерживал идею хорватско-словенского объединения. Своей поддержкой глаголицы и глаголического богослужения он вызывал недовольство как со стороны Вены, так и со стороны Рима.

В начале 1914 г. епископа Антона Махнича предлагали наградить, но он награду не получил. Причину этого в 1917 г. раскрыл триестский наместник барон С. Фрис: во время военных действий, которые начались вскоре после представления Махнича к награде, из-за некоторых событий в епископстве Крк возникло сомнение в патриотизме местного духовенства и руководства епархии. Таким образом, уже в начале Первой мировой войны власти обратили внимание как на духовенство епархии Крк, так и на епископа Махнича.

Триестский наместник Сkene Фрис в 1917 г. отметил: «Фактом является то, что на острове Крк перед началом войны, а именно во время Балканских войн, среди хорватского населения началось интенсивное национальное движение, которое стало причиной многочисленных сербофильских собраний. Агитацию вели, прежде всего, либеральные круги интеллигенции, а также приезжавшие на лето на остров Крк чехи, и она носила ярко выраженный антигосударственный характер. Поэтому неудивительно, что после начала войны с Сербией на острове Крк оказалось большое число интернированных и осужденных военным судом политически неблагонадежных сербофилов»²¹. Однако надо добавить, что вина большинства из них не была доказана.

Власти не знали об обвинениях против духовенства и епископа Махнича. С обвинениями они были ознакомлены только в начале 1917 г., когда вопрос о награждении большинства австрийских епископов стал компетенцией министра просвещения Макса фон Гусарека. Он направил епископу Махничу обвинения, среди прочего и в сербофильстве. На эти обвинения Махнич ответил в обширном письме²².

Начальство 5-ой армии, которое возглавлял Светозар Борович, в письме к наместничеству в Триест от 1 октября 1915 г. потребовало ограничения личной свободы для многих священников и других «сомнительных личностей» на острове Крк²³. Среди причин необходимости этого шага указывалось, что уже во время Балканских войн существовало сильное всеславянское или сербофильское движение, в котором активно действовали учителя, духовенство и чешские туристы. Сербофильская агитация, по мнению начальства, после начала войны отошла на второй план, но в последнее время снова усилилась, особенно в среде священников.

Военное начальство было обеспокоено общим отношением населения острова Крк к Австро-Венгерскому государству. Оно констатировало, что перед войной государственные знамена на острове Крк являлись большой редкостью, что некоторые музыканты там не умели играть имперский гимн, его не знали школьники, не исполняли и в церкви. Духовенство представлялось наиболее опасным элементом. Относительно епископа Махнича писали, что он аскет, несгибаем в церковных делах, верен императору, но является «радикально-национальным хорватом», воодушевленным сторонником старославянской литургии и находится под вредным влиянием ближайшего окружения, которое имеет большое воздействие на остальное духовенство и пытается его привлечь к своим «анти-государственным югославянским целям».

Среди священников от ближайших сотрудников епископа до настоятелей приходов военное начальство не нашло ни одного, кем бы оно было довольно. Обвинения, которые предъявлялись духовенству, были следующие: противодействие сбору пожертвований для Красного креста и для армии, препятствие прославлению австрийских военных побед, пропаганда хорватского государственного права в противовес существующему законодательству венгерской части государства, агитация против войны, отказ благословлять

уходящих на фронт солдат. Некоторые священники даже не проводили благодарственные богослужения в честь побед австрийской армии над сербами и обосновывали свой отказ тем, что в случае победы немцы станут слишком сильными. Некоторые священники выступали против изучения в школе немецкого языка. Относительно покушения в Сараево они говорили людям, что за него отвечают лишь покушавшиеся, а не сербское правительство. Один из настоятелей прихода был, например, осужден за то, что, будучи председателем Народного дома, не повесил в зале портрета императора, в то время как там висели картины, посвященные Балканским войнам, которые только после повторных требований главы округа были устранены, а портрет черногорского князя заменили портретом императора. Другой настоятель противодействовал военному займу и говорил, что нельзя отдавать продовольствие Германии. Начальство требовало ради государственных и военных интересов отстранить обвиненных священников от службы и перевести их в тыл или на остров Лошинь под надзор полиции.

Вне подозрений были только епископские священники, а также францисканцы, над которыми епископ не имел власти. Среди сомнительных личностей числился и глава Порады в округе Малинска патер Карел Брайкович, которому вменяли в вину то, что он в 1914 г., после того как не получил от государства средств на реставрацию монастыря, заявил: «Пусть пропадет это гнилая, вшивая Австрия. Под властью Сербии и даже Черногории нам, славянам, было бы много лучше, чем здесь». На замечание, что священник не должен так говорить, он ответил, что католическая церковь в Сербии имела бы больше свободы, чем в Австрии, и тут же выразил симпатии «сербским братьям», и критиковал военные постановления. Военное начальство требовало, чтобы его немедленно выслали с острова Крк туда, где он «своими панславистскими, особенно сербофильскими, симпатиями» не сможет навредить, и установили за ним строгий надзор. Кроме того, против него было выдвинуто официальное обвинение.

Военное начальство также требовало заменить главу округа Эмиля Муту, которого обвиняло в том, что он полностью находится под влиянием епископа Махничча. В своих донесениях он защищал как епископа, так и других представителей духовенства.

В донесении от 3 февраля 1917 г. Скене Фрис указывал, что прежде всего младшее духовенство епархии неприязненно относится к

австрийскому государству и высказывает сербофильские взгляды. При этом епископа Махнич Фрис упрекал, что он как епископ слишком терпим по отношению к этим политически радикальным элементам из-за своих национальных убеждений и под влиянием окружения не выступает против национальных бесчинств. Он говорил, что военное начальство должно оказать воздействие на епископа, чтобы он принял решительные меры, и потребовать от него изменений в его окружении.

На основании этих донесений министр М. фон Гусарек отправил резкое письмо Махничу. Признавая все его заслуги, он писал, что знает о трудностях, проистекающих из межнациональных отношений в епархии, и сообщил ему о тех обвинениях, которые ему предъявляются в указанных донесениях. От епископа министр требовал добиться от духовенства, чтобы оно ставило свои религиозные обязанности выше национальных, и в этом смысле влияло бы на население, чтобы вместо односторонней национальной идеологии у него преобладала бы идея общего австрийского государства. Еще он потребовал от епископа, чтобы тот привлек духовенство к соблюдению государственных интересов, иначе государство добьется этого другими средствами.

Только благодаря этому письму Махнич узнал об обвинениях, выдвинутых против духовенства в епархии. Он ответил на него письмом в 27 страниц, в котором защищал духовенство от обвинений и объяснял собственное видение положения. О каждом священнике он написал отдельно и, отвергая обвинения против них, доказывал их невиновность.

Триестский наместник Скене Фрис внушил Махничу великую боязнь перед итальянской ирредентой. Немного времени спустя после окончания войны факты показали, что страх Махнич имел основания. Так как остров Крк после войны перешел к Италии, итальянские власти убрали Махничу из епархии и отправили под надзор в Рим, через два года (в 1920 г.) его, больного, выпустили. В том же году Махнич умер.

Заключение

В начале Первой мировой войны государственные власти Австрии резко выступили против словенского духовенства, многие священники были арестованы по обвинению в отсутствии патрио-

тизма и симпатиях по отношению к славянам, особенно к русским и сербам. Больше всего арестов было в Каринтии и Штирии, немалое внимание военное начальство уделило также епархии Крк, хотя она была значительно удалена от полей сражений. Интересно и то, что власти серьезно относились к идеологическим угрозам со стороны сербов и русских. Но прав оказался епископ Крка Антон Махнич, указавший на значительно большую опасность для Австро-Венгрии со стороны Италии.

(Перевод со словенского И.В. Чуркиной)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Kriegsarchiv Wien/NFA 5.A:K: (Q. Abt. Pol. G.) Karton 1279. K.u.K Kommando der Süd-West-Front. K. Nr. 11.862. Staatsfeindliche Bewegungen in Fiume und Kroatien sowie auf den Inseln im Quarnero. Im März 1916.

² *Milovčič I.* Mahnič i glagoljica // Mahničev simpozij v Rimu. Celje, 1990. S. 275 – 284.

³ *Rahten A.* Zaveznštva in delitve. Razvoj slovensko-hrvaških političnih odnosov v Habsburški monarhiji 1848 – 1918. Ljubljana, 2005. S. 110.

⁴ *Pleterski J.* Politično preganjanje Slovencev v Avstriji 1914–1917. Poročili vojaške in vladne komisije. Viri 1; *Pleterski J.* Politično preganjanje Slovencev v Avstriji 1914–1917. Priloge poročilom vladne komisije (izbor). Viri 2. Ljubljana, 1982.

⁵ *Bister F.J.* Anton Korošec, državnozborni poslanec na Dunaju. Ljubljana, 1992. S. 144.

⁶ Bonifatius-Korrespondenz. Apologetische Mitteilungen für den hochw. Klerus und gebildete Laien. Prag, 1914. S. 261; Nationalismus. Hochverrat. Von k. k. Universitätsprofessor Dr. Johann Ude. Graz.

⁷ Jegličev dnevnik. 09.10.1914. S. 95.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. S. 96.

¹⁰ Ibid. 06.11.1914. S. 98.

¹¹ *Pleterski J.* Prva odločitev slovencev za Jugoslavijo. Ljubljana, 1971. S. 17.

¹² *Šimac M.* Vojaški kurati iz osrednjih slovenskih dežel v avstro-ogrskih oboroženih silah v prvi svetovni vojni. Doktorska disertacija. Ljubljana, 2013. S. 160.

¹³ *Pleterski J.* Prva odločitev... S. 51; Jegličev dnevnik. 31.03.1915.

¹⁴ Jegličev dnevnik. 22.09.1915. S. 151 – 153.

¹⁵ Ibid. 01.09.1915. S. 145. Сообщил ему священник 17 полка в Галиции Куловец.

¹⁶ Ibid. 20.09.1915. S. 150.

¹⁷ Ibid. 03.11.1915. S. 161.

¹⁸ Ibid. 18.10.1917. S. 108, 109.

¹⁹ *Šimac M.* Op. cit. S. 154.

²⁰ Ibid. S. 211, 213.

²¹ AVA KUM, Pr. 1929, Triest, am 22. Mai 1917.

²² Krk (Veglia) am 16. April 1917.

²³ K.u.K. 5. Armeekommando Qu. Abt. Z. K. Nr. 10918. Slavophile auf der Insel Krk.

Словенские солдаты в годы Первой мировой войны

Введение

Словенский опыт мировой войны 1914–1918 гг. был исключительно разносторонним, о чем красноречиво говорит разнообразие «ролей», которые примерили на себя жители словенских областей – в Крайне, Штирии, Каринтии и Приморье. Словенское население было полностью вовлечено в различные действия военного и невоенного характера, хотя его участие в войне трудно сравнить с участием других европейских народов, которые значительно превосходят словенцев по численности. Но для словенской национальной единицы как таковой оно было немалым и в военном опыте опять-таки трудно сопоставимым с каким-либо другим воюющим европейским народом. Большинство словенцев и других жителей словенских земель в начале Первой мировой войны были призваны в австро-венгерскую армию, что позволило им последовательно примерить на себя различные роли, по мере накопления военного опыта. Так они стали пленниками четырех европейских фронтов, дезертирами, повстанцами и ветеранами, инвалидами и калеками.

Словенские солдаты в австро-венгерской армии

Австро-Венгрия в годы Первой мировой войны мобилизовала от 7 млн 800 тыс. до 8 млн человек. Когда 31 июля 1914 г. была объявлена всеобщая мобилизация, в строй встали 54 тыс. офицеров и 2 млн 846 тыс. солдат в возрасте от 17 до 52 лет¹. Империя вступила в войну, имея в своем распоряжении 102 объединенных пехотных полка, к концу войны их число увеличилось до 141². Словенские солдаты служили в полках единой имперской и королевской армии: в австрийском ландвере и венгерском гонведе. По некоторым подсчетам сразу после мобилизации на фронт ушло около 30 тыс. словенцев, а за время войны в целом около 160 тыс.³ Из Преко-

мурья до конца августа 1914 г. было направлено 20 тыс. солдат⁴. В военных частях австро-венгерской армии в начале войны на сто солдат смешанной армии приходилось двадцать пять немцев, словенцев же только два. Из 20 тыс. офицеров австро-венгерской армии 78,8 % офицеров были немцами, словенцы же составляли 0,5 %⁵. Большинство словенских солдат служило в пятидесяти австро-венгерских пехотных полках. Назовем некоторые из них: 17-й пехотный полк «краньских Янезов», 47-й нижнештирийский пехотный полк, 87-й сельский пехотный полк, триестский 97-й пехотный полк, люблянский 27-й полк (2-й стрелковый полк), 26-й мариборско-сельский пехотный полк (26-й стрелковый полк), 7-й егерский батальон, 26-й и 27-й полки территориальной армии. Они были приписаны к 3-му корпусу армии со штабом в Граце. Корпус был после начала войны отправлен на русский фронт, состоял он из 50 тыс. солдат, из них 60 % были словенцы. Эти подразделения приняли участие в сражениях уже в первые дни войны на Восточном фронте. Так 17-й пехотный полк в первых боях столкнулся с противником при Майдане-Гологорском и в сражении потерял половину состава, участвовал в битве при Волчине и в начале ноября 1914 г. отошел в Карпаты на переход Дукля. В Карпатах оставался до февраля 1915 г., после чего вернулся в Галицию, весной ушел на Днестр, осенью 1915 г. был перемещен на Сочанский фронт. 47-й пехотный полк начал войну также в Галиции, в битве при Злочеве понес тяжелые потери. Еще участвовал в битвах при Гнилой Липе (Тироксин), при Грудеке, при Перемышлянах, Хоровце и Волжной долине, зимой 1914 г. в Бескидах и на Вислоке. 25 марта 1915 г. на его позиции при Конечной напали три русских полка и словенский полк потерял 1 тыс. 100 человек. Летом участвовал в боях на Пруте и Днестре, в середине августа 1914 г. был переброшен на итальянский фронт. 87-й пехотный полк вступил в первые бои при Злочеве 26 августа 1914 г., зимой он был в Карпатах. Также в Галиции свой боевой путь начал 97-й пехотный полк, он остался на русском фронте (кроме десятого батальона) вплоть до конца войны и участвовал в боях с русскими во время великого Брусиловского наступления в 1916 г. Конец войны он встретил на Украине, где после распада Австро-Венгрии был переименован в 1-й словенский полк «Нанос». Подобным был боевой путь остальных словенских военных частей на Восточном фронте.

Словенские военнопленные в России

На Восточном фронте больше всего потерь понесли австро-венгерские войска, было много погибших и военнопленных. Общая численность австро-венгерских военнопленных на всех фронтах варьировалась между 1 млн 691 тыс. и 2 млн 770 тыс.⁶, включая и тех солдат, которые попали в плен после распада монархии⁷, из них в русском плену оказалось от 2 млн 104 тыс. 146⁸ до 2 млн 111 тыс. 146 человек⁹. Такое количество военнопленных ставило под угрозу военную мощь и эффективность австро-венгерской армии, командующий австро-венгерской армии маршал Франц Конрад фон Гетцендорф был тоже убежден, что солдаты чешской, сербской, итальянской и русинской народности нелояльны и в значительном количестве перешли на сторону противника¹⁰. Причинами дезертирства были, прежде всего, некомпетентные командиры, насильственные методы обучения и низкий уровень морали призывников. Количество пленных зависело от событий на фронтах, большая часть австро-венгерских военнопленных появилась после масштабных сражений на Восточном фронте, который, в отличие от Западного не отличался статичностью. После этих сражений следовали большие земельные приобретения и захват большого количества военнопленных. Национальный состав австро-венгерских военнопленных в России еще мало изучен. Российский историк Копылов В.Р. написал, что в русский военный плен попало от 400 тыс. до 500 тыс. австрийских немцев, столько же венгров, от 200 до 250 тыс. южных славян и около 150 тыс. румын¹¹. Рахамимов А. сообщает, что от 500 до 700 тыс. австро-венгерских солдат было немецкоязычными, от 500 до 600 тыс. венграми, от 200 до 300 тыс. чехами и словаками и около 200 тыс. южными славянами¹². Согласно данным австрийского историка Гаутмана в русском военном плену было 1,4 млн славян, 500 тыс. венгров, 200 тыс. австрийских немцев¹³. О национальной принадлежности военнопленных двуединой монархии, которые тогда находились в Сербии, сообщает представитель датского Красного креста, который был посредником в делах военнопленных в России. Он приводит следующие данные по состоянию на середину июня 1919 г.: 31% венгры, 30% немцы, 7 % румыны, 5 % поляки, по 3% чехов и словаков, 3% южные славяне, 2,5 % евреи и 0,5 % итальянцы¹⁴. Число словенских солдат в русском военном плену неизвестно.

Проблему военнопленных в России решали в соответствии со всеобщим уставом, изданном в октябре 1914 г., который подготовило русское правительство совместно с Красным крестом, Военным министерством, Верховным командованием русской армии и Министерством иностранных дел. Для России наиболее остро стояла проблема содержания тысяч пленных, которые нуждались в жилье, провизии, одежде и врачебном обслуживании. Военнопленными занимался специальный Центральный комитет по делам военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного креста. Несмотря на тщательные приготовления, справиться с таким большим количеством пленных было трудно.

Пребывание в русском плену произвело сильное впечатление на словенцев, что было отражено в их воспоминаниях, опубликованных в тематическом номере журнала «Zgodovinski časopis» (*Zgodovinski časopis*) «Первая мировая война и словенцы»¹⁵. Из них можно узнать о жизни словенцев в плену от первых дней и до возвращения домой¹⁶. В воспоминаниях ничего не говорится о насилии русских солдат в отношении пленных, больше всего военнопленные переживали из-за того, что у них отнимали личные вещи и одежду. Детально описан путь от места пленения в тыл до лагерей. Он был необычайно долгим и тяжелым, прежде всего из-за плохого обеспечения питанием¹⁷. Военнопленные, сначала располагались в тылу фронта, в первую очередь на Украине, лагеря находились в пригороде Киева в Дарнице, а также под Москвой на перегоне Угрешская – Кожухово, куда они добирались после многодневных пеших маршей или по железной дороге, истощенные, в тяжелом физическом и психическом состоянии.

В этих лагерях пленные сначала регистрировались, властям сообщались личные данные и сведения о полковой принадлежности, однако из-за большого количества пленных удавалось опросить далеко не всех. Пленные, как только оказывались в лагере, получали возможность послать домой открытку или письмо. После регистрации они разделялись по группам в зависимости от чина и национальности, в соответствии с полученной информацией их отправляли в лагеря, где им подбирали род деятельности. Пленные офицеры, согласно Гаагской конвенции, пользовались теми же правами и привилегиями, что и офицеры страны, захватившей их в плен: они получали более сносные условия проживания, еже-

месячные выплаты и освобождались от работ. Русские власти соблюдали эти правила вплоть до Октябрьской революции¹⁸. К тому же русское Верховное командование издало особый указ, согласно которому немецких и австрийских солдат отделяли от славян и пленных из Эльзаса и Лотарингии. Пленные славяне получали более удобное жилье, одежду и продукты, а также пользовались большей свободой передвижения, в отличие от остальных, хотя пребывание в лагерях в значительной мере зависело от местных условий и от лиц, управляющих лагерями. Славянские и эльзаско-лотарингские пленные имели возможность присоединиться к военным частям и участвовать в военных операциях против Германии и Австро-Венгрии¹⁹.

Изначальное намерение оставить славянских пленных в европейской части России и обеспечить их улучшенными жилищными условиями так и не стало реальностью для большинства словенских пленных. По мере увеличения количества пленных возникали новые лагеря, в первую очередь, в европейской части России, а также в Сибири и Центральной Азии. Словенские военнопленные чаще всего писали из следующих городов: Москва, Киев, Уфа, Чистополь, Углич, Курган, Челябинск, Рязань, Рыбинск, Красноуфимск, Красноярск, Омск, Петропавловск, Калуга, Ташкент, Казань²⁰. В большей части лагерей для пленных сложились тяжелые условия существования. Люди жили в переполненных бараках, казармах, пустых школах и других непригодных для жизни зданиях. В лагерях действовали строгие правила и жесткий распорядок дня, передвижение было ограничено, обеспечение едой, одеждой и обувью — плохим. Часто словенские военнопленные сообщали о суровых климатических условиях, холодных зимах и сильных морозах, о высокой влажности и жаре летом: «зима была там очень тяжелой, обычно 36–40 градусов, а иногда доходило до минус 52»²¹. В 1915 г. русские власти начали широко использовать пленных на различных работах: на полях (особенно в весенние месяцы) на строительстве, на рудниках, где условия были очень тяжелыми и рабочий день длился по 12–18 часов²². Самые тяжелые условия сложились на строительстве железной дороги длиной 1438 км между Санкт-Петербургом и Мурманском (1915–1916 гг.), которую с весны 1915 г. и до осени 1916 г. строило около 70 тыс. военнопленных. Из них из-за плохого питания, болезней и тяже-

лых условий 25 тыс. погибло, около 32 тыс. заболело различными болезнями²³. Использование пленных в качестве рабочей силы на Мурманской железной дороге было прекращено в октябре 1916 г. Тогда же изменилось и настроение писем военнопленных из России. В них говорилось об улучшении условий жизни, о более легкой работе у крестьян, а также о браках словенцев с русскими.

Русские власти в среде военнопленных проводили панславистскую пропаганду, связанную с призывом славянских и итальянских военнопленных в войска Антанты, большой успех пропаганда имела в среде чешских пленнх. Также велась систематическая антигерманская и антисемитская агитация. Для «антигабсбургских» добровольцев славянского происхождения были организованы так называемые «пропагандистские» лагеря в Тюмени, в Царицыно — для чехов, в Одессе — для южных славян, в Кирсанове — для итальянцев. Те пленные славяне, которые не вступили в ряды славянских добровольцев, направлялись на тяжелые работы²⁴.

После Октябрьской революции были сделаны попытки использовать пленнх в качестве большевистских агитаторов. Октябрьская революция для военнопленных означала конец войны на Восточном фронте, но не конец войны как таковой. Первые пленные вернулись из России на родину зимой 1917—1918 гг. Ранее, при содействии Красного креста, в ходе двустороннего обмена вернулось около 22 тыс. тяжело раненых и 1 тыс. 226 инвалидов из числа австро-венгерских пленнх²⁵. После заключения в Брест-Литовске в марте 1918 г. сепаратного мира между Россией и Германией была провозглашена амнистия для военнопленных, которая, однако, не означала автоматического возвращения на родину. Согласно данным австрийского военного министерства, до 18 октября 1918 г. из русского плена вернулось 670 тыс. 508 пленнх, только 27 % из них было доставлено организованно²⁶. Возврат военнопленных из России австро-венгерские военные власти воспринимали с опаской. Прежде всего, они были озабочены тем, каким образом их быстро вернуть в строй, снова подчинить военному порядку и дисциплине и подготовить к новым подвигам в австро-венгерской армии. Кроме того, власти были озабочены возможными инфекционными заболеваниями, которые пленные могли занести в австрийский тыл, не доверяли вернувшимся из России словенцам и итальянцам из-за идеологической большевистской обработки, которой они подверг-

лись, и которая, по их мнению, явилась причиной вооруженных восстаний в австро-венгерской армии в 1918 г.

Возвращение на родину осложнилось еще больше, когда немецкая армия захватила Украину и территорию у Балтики, тем самым перекрыв пути передвижения по европейской части России. Путь увеличился, иногда из отдаленных сибирских лагерей нужно было пройти полмира, прежде чем вернуться домой. Переброска югославянских добровольцев была организована из Владивостока, где их весной 1920 г. приняла югославская миссия. Через Панамский и Суэцкий проливы в Триест прибыли два корабля добровольцев. Возвращение домой для многих военнопленных стало новым испытанием, часто родственники их уже не ждали, они вернулись в новое государство, в новое гражданское окружение, которое к ним не благоволило, прежде всего, из-за страха перед распространением большевистских идей, с которыми пленные познакомились в ходе русских революций²⁷.

Словенские солдаты на Балканском фронте

Словенские полки после начала Первой мировой войны были направлены на Восточный фронт, за исключением 4-го батальона цельского 87-го пехотного полка, который был послан на Балканский фронт. Кроме того, словенские солдаты служили во многих других подразделениях и в их составе воевали против Сербии и Черногории. Батальон цельского пехотного полка сталкивался с сербской армией на высотах Борине и Бьелины, в сентябре 1914 г. участвовал в боях при Ягодине и оставался на Балканском фронте на протяжении всего 1915 г. На Балканском фронте в течение первого (календарного) года войны в сербский плен попало от 60 до 70 тыс. австро-венгерских солдат, из них 20 тыс. славянского происхождения²⁸. Сербия не была готова принять такое большое количество военнопленных, поскольку государство было в тяжелом экономическом положении. Из-за эпидемий инфекционных болезней сложилась критическая ситуация и в здравоохранении. У военнопленных отбирали все личные вещи, одежду и белье, помощь для них должна была поступить от австрийского Красного креста, который в Сербию посылал все необходимое, но часть этих посылок оставалась в «сербских руках»²⁹. В сербском плену офицеров отделяли от солдат, и первые получали довольно сносные

условия жизни. Поскольку среди них было много врачей, власти использовали их для улучшения медицинского обслуживания как в армии, так и среди гражданского населения. Размещение военнопленных представляло большую проблему для сербов, которые для этих целей использовали любые свободные постройки. Поскольку количество рабочих значительно сократилось, их заменили пленные. Вопреки сербской цензуре и через решето австрийской цензуры прошло 70 % писем, в которых о Сербии и о жизни в плену сообщались неприглядные вещи.

По некоторым подсчетам, осенью в сербском плену оказалось около 40 тыс. австро-венгерских военнопленных, их количество значительно сократилось с конца 1914 г. из-за эпидемии тифа, туберкулеза, голода и мороза³⁰. Австро-венгерские пленные в Сербии после наступления Центральных сил с 25 октября 1915 г. и далее, когда был издан указ об отступлении, были вынуждены вместе с сербской армией и гражданским населением бежать в Албанию. Отступило от 150 тыс.³¹ до 200 тыс.³² сербских солдат, на албанское побережье пришло 110 тыс. солдат и 2350 офицеров и военнопленных. В итоге на албанском побережье ожидали эвакуации на остров Корфу, в Бизерту, в Эпир и Солунь 140 тыс. беженцев³³. Военнопленные отбывали в Италию и Францию. Итальянцы для временного размещения выбрали остров Аси나라. Власти особо были озабочены эпидемией тифа и холеры. За восемь недель (с середины декабря 1915 г.) на Асинару было переправлено 24 тыс. австро-венгерских военнопленных, но из-за эпидемии холеры во время двухдневного пути 1527 человек умерло³⁴. Около 16 тыс. пленных передали французским военным властям³⁵. В числе военнопленных были 4 тыс. 874 серба, 3 тыс. 309 чехов, 2 тыс. 387 венгров, 2 тыс. 317 хорватов, 1 тыс. 393 немца, 897 румын, 443 поляка, 294 русских, 299 итальянцев, 187 болгар, 132 словака, 93 словенца, 50 турок, 9 греков³⁶.

Словенские солдаты на итальянском фронте

Переломным моментом в словенском восприятии и понимании войны стало вступление в нее Италии 24 мая 1915 г. Бывшие некогда союзники открыли новый европейский фронт – Юго-западный. Протяженность итальянско-австрийского фронта была 600 км, он начинался у перехода Стельвио на швейцарско-итальянско-австрийской границе через Тироль, Крайну и Посочье до Адриати-

ческого моря. Самым важным участком итальянско-австрийского фронта был южный, который проходил через словенские этнические земли, чья протяженность составляла 90 км. Это был так называемый Сочанский фронт, австрийская защитная линия, которая начиналась с Ромбона (2208 м) и продолжалась по возвышенностям на левом берегу р. Соча, через Толминские перевалы, Баньские плато, верхнекраинские перевалы, Крас до впадения реки Тимава в Адриатическое море.

Австро-венгерскими войсками на р. Соча командовал генерал 5-й армии (позднее фельдмаршал) Светозар Бороевич фон Бойна, прозванный «сочанский лев». Командующим итальянскими частями был начальник главного штаба итальянской армии граф генерал Луиджи Кадорна, Сочанским фронтом командовали генерал граф Дука д'Аоста (3-я армия) и генерал Пьетро Фругони (2-я армия).

На Сочанском фронте произошло одиннадцать итальянских и одно австро-немецкое наступление, после чего фронт «ушел» со словенской территории. Одиннадцать сочанских битв итальянской армии не принесли желаемого успеха, в шестой сочанской битве (6 августа – 17 августа 1916 г.) были освобождены Горица и Добердобское плато. Ближе всего к военному успеху итальянская армия была в одиннадцатой сочанской битве (17 августа – 15 сентября 1917 г.), когда попыталась достигнуть решительных перемен на Сочанском фронте, и на Баньшском плато продвинулась приблизительно на 10 км вглубь австрийских позиций. Самое тяжелое сражение шло за гору Шкабриел, которая защищала вход в Випавскую долину. В битве за Шкабриел храбро сражались два словенских полка: цельский 87-й пехотный полк и люблянский 2-й горный стрелковый полк. Итальянский стратегический успех в одиннадцатой сочанской битве на Баньшском плато представлял угрозу австрийской защите Сочанского фронта, и если бы наступление было продолжено, то фронту угрожал бы прорыв. Поэтому уже в ходе одиннадцатой битвы началась подготовка к австрийско-немецкому наступлению или к двенадцатой сочанской битве (24 октября – 27 октября 1917 г.). Из-за сокращения австрийских частей император Карл I просил о помощи своего военного союзника, немецкого императора Вильгельма II. План, названный «Истина в оружии» (Waffentreue), подготовил немецкий генерал Крафт фон Деллменсинген. Сражение должно было

происходить в верхнем течении реки Соча, между Бовецем и Толмином, козырем была внезапность, применение газа и неожиданные совместные акции пехоты и артиллерии. Была создана 14-я австрийско-немецкая армия, состоявшая из пятнадцати дивизий, подчиненных немецкому штабу, который возглавлял Крафт фон Деллменсинген, 100 тыс. солдат командовал Отто фон Белов. Австрийско-немецкой армии на р. Соча противостояла 2-я итальянская армия генерала Луиджи Капелло, территорию между Бовецем и Толмином защищал 7-й и 27-й корпус. Двенадцатая сочанская битва началась 24 октября 1917 г. в два часа утра, когда на итальянские окопы начало опускаться густое облако газа, при поддержке артобстрела. Его осуществляли 2 тыс. пушек и 1 тыс. минометов. После падения Бовеца, Кобарида, после тяжелых боев на Ромбоне, захвата Стола, который открыл вход в Фурландскую низину и падения Матаюрья, когда нападающие легко стали пробираться по Надишским долинам, а генерал Борович начал наступление на Баньяшицы, оборона была прорвана. Командующий итальянской армией 27 октября приказал начать отступление на Тилмент (Тимаво), в последующие дни итальянская армия дошла до реки Пьява. Фронт между Италией и Австро-Венгрией отодвинулся от словенских территорий, в Посочье стала возвращаться жизнь, и началось восстановление разрушенных домов.

На Сочанский фронт прибыли и словенские полки. Уже в начале мая 1915 г. к границе с Италией отправились походные 17-й, 47-й, 97-й батальоны и 2-й боснийско-герцеговинский пехотный полк, постепенно на Сочанский фронт пришли все словенские полки, кроме 97-го пехотного полка, который состоял из солдат, набранных с прилежащих к фронту территорий. В наступлении они участвовали как на Сочанском фронте, так и на Тирольском. Полк “краньских Янезов” сражался, прежде всего, на территории верхнекраинских перевалов, а весной 1916 г. был направлен в качестве подкрепления на Тирольский фронт, где проходило большое весеннее наступление австро-венгерской армии. Полк участвовал также в июньском наступлении на итальянском фронте. Конец войны встретил снова в Тироле, где его солдаты попали в итальянский плен, откуда вернулись только в июне 1919 г. 47-й пехотный полк сражался на Итальянском фронте в области Крас и в Тироле, а также принимал участие в последней стадии наступле-

ния на Сочанском фронте. В ноябре 1917 г. он был на Тальяменто, а в ноябре 1918 г. на Монте Пертика, где встретил конец войны и распад монархии. Осенью 1915 г. на Сочанский фронт прибыл 87-й пехотный полк, который, как и 17-й полк, был послан в качестве подкрепления в Тироле весной 1916 г. После успешных сражений осенью того же года он вернулся на Сочанский фронт и отличился в десятой и одиннадцатой сочанских битвах.

Бои на Соче вывели из строя 1,5 млн человек (мертвых, раненых, плененных солдат), от этого числа убитых было 187 тыс. По некоторым данным в боях на Сочанском фронте погибло от 2 до 3 тыс. словенских солдат.

С открытием нового европейского фронта между Австро-Венгрией и Италией 23 мая 1915 г. появились новые военнопленные. В плен в Австро-Венгрию и в Германию попало около 600 тыс. итальянских солдат³⁷. Почти четверть состояла из пленных, которые в Италии оказались после эвакуации из Албании, большая же часть попала в плен после шестого сочанского наступления в августе 1916 г. и позднее. В начале столкновений для содержания военнопленных использовали различные крепости (первая была Цитаделла ди Алессандрия), замки и казармы, позднее начали организовывать для них лагеря. При распределении пленных пытались учитывать их национальную принадлежность. Это было необходимо для того, чтобы избежать межнациональных столкновений, которые произрастали из ощущения напряженности и всеобщего национального подъема в государстве³⁸. Таким образом, словенские военнопленные были отделены от немецких и венгерских. Офицеры жили отдельно от солдат, особо содержались дезертиры из австро-венгерской армии. Югославянские пленные, прежде всего, использовались в тылу. В городе Остуния в районе Апулия собрали пленных, которые выразили желание вступить в сербскую армию³⁹. Набор добровольцев активизировался после римского конгресса угнетенных народов 10 апреля 1918 г., тогда югославянские офицеры и солдаты начали собираться в городе Ночера Умбра в провинции Перуджа. В итальянские или сербские военные части вступило 5% южнославянских военнопленных⁴⁰.

После начала союзного наступления при Витторио Венето 24 октября 1918 г. проблема военнопленных получила драматическое развитие. В первые дни наступления итальянская армия

захватила 5 тыс. солдат, 30 ноября 1918 г. их было уже 50 тыс., на следующий день их число удвоилось. Перемирие между Италией и Австро-Венгрией привело к тому, что итальянские военные власти захватили отступающие австро-венгерские войска. Из 300 тыс. попавших в плен после перемирия (и в последние дни сражений на Пьяве) четверть составили австрийские немцы, остальные были славяне, румыны и итальянцы, около 30 тыс. из них погибло в итальянском плену.

О национальной принадлежности захваченных итальянцами австро-венгерских солдат мало данных. По данным Б. Храбака, например, во время июньского наступления на Пьяве между 14 и 30 июня 1918 г. в плен попало 3 тыс. 268 югославян, из них 688 словенцев, 2 тыс. 555 хорватов и сербов. Между 19 и 24 июля того же года — 1 тыс. 790 австро-венгерских южнославянских солдат, из них половина боснийцев⁴¹. Людевит Пивко полагает, что в итальянском военном плену в начале 1918 г. было 30 тыс. югославов⁴². Согласно доступным данным, после распада австро-венгерской армии в Италии было 400 югославянских офицеров и 50 тыс. южнославянских солдат⁴³.

Казалось, что австро-венгерские военнопленные, которые были захвачены после подписания перемирия между Италией и Австро-Венгрией останутся ненадолго в плену, однако их пребывание там растянулось на десять месяцев⁴⁴. Из Италии до 1 июня 1919 г. из 477 тыс. пленных домой вернулось около 90 тыс. солдат, которые пополнили уже новые национальные армии. Около 11 тыс. из них было освобождено на «очищенных» территориях, вернулось также 17 тыс. 633 инвалида и нетрудоспособных. К тому времени, согласно итальянским данным, в военном плену погибло 18 тыс. 049 пленных и 537 сбежало из плена⁴⁵.

Словенцы в армиях Антанты

Словенцы сражались в составе итальянской и сербской армий. В армии Королевства Италия в качестве итальянских граждан служили словенцы из области Венецианская Словения. В сербскую армию словенцы вступали по собственному желанию и их называли добровольцами. Это были граждане Австро-Венгрии, которые в объединенном государстве словенцев, хорватов и сербов видели единственную возможность для свободного политического, наци-

онального, экономического и социального развития. Свое стремление добровольцы подкрепляли тем, что в Первой мировой войне с оружием в руках воевали против Австро-Венгрии⁴⁶.

Добровольческое движение начало развиваться во время Балканских войн. Сразу после начала Первой мировой войны живущие в Сербии словенцы присоединились к сербской армии, что явилось результатом провозглашения Нишской декларации 7 декабря 1914 г., главной целью которой являлось государственно-правовое решение югославянского вопроса в Австро-Венгрии. Решение о вступлении в добровольческие отряды было рискованным, поскольку дезертирство из австро-венгерской армии считалось государственной изменой и каралось смертной казнью⁴⁷. Словенские добровольцы в сербской армии служили в так называемых четнических отрядах, в составе которых участвовали в сражениях на горе Цер (16–20 августа 1914 г.) и в битве при Колубаре (15 декабря 1914 г.), в ходе которой 2 декабря 1914 г. от австрийской оккупации был освобожден Белград. В этих сражениях участвовало 12 тыс. добровольцев, 24 из них были словенцы, четыре из которых погибли⁴⁸. Словенские добровольцы являлись частью отступающей зимой 1915–1916 гг. через Албанию на Корфу сербской армии и были направлены на Солунский фронт. Словенские солдаты попадали в сербскую армию и из русского плена, русские власти содействовали призыву словенских (южнославянских) военнопленных в сербскую армию.

Добровольческое движение развивалось также и в итальянском плену. Однако итальянское правительство не было склонно создавать добровольческие отряды из-за Лондонского договора и своих территориальных претензий. Под лозунгом «Борись против Австрии» подполковник Людевит Пивко 18 сентября 1917 г. открыл перед итальянской армией линию фронта для прорыва Тирольского фронта, но итальянцы не воспользовались этим. Пивко создал подразделение из добровольцев, так наз. «Независимое подразделение Паolini (Пивко)», в котором служили военнопленные. В начале 1918 г. к отряду Пивко присоединились чешские военнопленные, и он был переименован в чешско-югославянский отряд. С апреля 1918 г. югославянский добровольческий батальон капитана Пивка насчитывал 33 офицера, из которых 12 были словенцами, 14 хорватами, 6 сербами и сремскими русинами⁴⁹, и 910 солдат, из кото-

рых 130 были словенцами, 170 хорватами и 637 сербами. Батальон Пивка в первую очередь осуществлял разведывательную деятельность, участвовал также в последнем итальянском наступлении на Пьяве. После наступления батальон разоружили, и он отступил в Дубровник, где в феврале 1919 г. был включен во 2-й югославянский полк.

Под лозунгом «Восстань, Словения» развивалось добровольческое движение в среде словенских переселенцев в северной Америке. Южнославянские эмигранты уже 10–11 марта 1915 г. созвали конгресс в Чикаго, на котором потребовали освобождения югославянских народов от Австро-Венгрии и объединения с Сербией в единое государство. Не менее успешно работал и Югославянский комитет. Добровольческое движение достигло большого размаха, возможность воевать на Солунском фронте появилась после вступления в войну США. На фронт прибыли из Северной Америки 6 тыс. 243 добровольца, потом еще 2 тыс. Из них 27 были словенцами⁵⁰. Из Южной Америки в качестве добровольцев прибыло 475 эмигрантов⁵¹. В добровольческое движение включились эмигранты из Новой Зеландии и Австралии⁵². В движение югославянских добровольцев, которые сражались на различных фронтах и в различных военных подразделениях, и под различным командованием было включено около 2 тыс. словенцев⁵³.

3 ноября 1918 г. Австро-Венгрия после мощного наступления Антанты при Виттория Венето, на Вилла Джусти возле Падуи заключила перемирие. После провозглашения новых независимых государств — Польши, Чехословакии, Государства словенцев, хорватов и сербов — Австро-Венгерская монархия распалась. Большинство словенских полков к тому времени находилось за пределами словенских границ, словенские офицеры также были разбросаны по различным фронтам и полкам; 17-й пехотный полк был на тирольском фронте, 97-й пехотный полк на Украине, 87-й и 2-й горские полки находились на фронте у Пьявы. Словенские солдаты бывших австро-венгерских полков после возвращения вступили в народную стражу и создали ядро формирующейся словенской армии.

(Перевод со словенского Н.С. Пилько)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Österreich-Ungarns letzter Krieg: 1914–1918. Bd. 2. Das Kriegsjahr 1915. Wien, 1931. Tabela 4.
- ² Švajncer. J. Svetovna vojna 1914–1918. Maribor, 1988. S. 31–32.
- ³ Mušič J. Ognjeni krst slovenskih fantov 1914: (ob petdesetletnici) // Kronika 13, zv. 2, 1965. S. 84.
- ⁴ Kuzmič F. Vojaki iz Prekmurja v Prvi svetovni vojni in njihova spominska obeležja // Pomurje 1914–1920. Čakovec, Csáktornya, 2011. S. 224.
- ⁵ Rozman F. Generali in admirali slovenskega porekla v avstro-ogrski armadi v zadnjih letih habsburške monarhije // Vojaki iz slovenskega prostora na tujih tleh v preteklosti. Ljubljana, 2011. S. 299–306.
- ⁶ Rachamimov A. POWs and the Great War : captivity on the eastern front. Oxford, New York, 2002 (2011), S. 31.
- ⁷ Österreich-Ungarns letzter Krieg, VIII, beilage 37.
- ⁸ Данные Международного Красного креста см. Wurzer G. Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. Tübingen, 2001. S. 22.
- ⁹ Wurzer G. Op. cit. S. 22.
- ¹⁰ Rachamimov A. Op. cit. S. 32.
- ¹¹ Wurzer G. Op. cit. S. 22.
- ¹² Rachamimov A. Op. cit. S. 44.
- ¹³ Wurzer G. Op. cit. S. 22–23. no Hautmann H. Geschichte der Rätebewegung in Österreich 1918–1924. Wien, Zürich, 1987.
- ¹⁴ Wurzer G. Op. cit. S. 22; Krammer A. Soviet Propaganda Among German and Austro-Hungarian Prisoners of War in Russia, 1917–1921.
- ¹⁵ Svoljšak P. Prva svetovna vojna in Slovenci // Zgodovinski časopis 47. 1993. Št. 2. S. 263–287; Št. 4. S. 547–562.
- ¹⁶ Ličan A. Spomini iz Sibirije. Dogodki slovenskega vojaka – ujetnika v svetovni vojni. Ljubljana, 1936; Muc M. Skozi Sibirijo. Zgode in nezgode slovenskega vojaka v svetovni vojni I, II. Ljubljana, 1933, 1934; Šest O. Enaintrideset in eden. Knjiga o vojnem ujetništvu. Ljubljana, 1937; Grčar J. Preko morij v domovino. Celje, 1937; Grčar J. Deviška zemlja v krvi. Zapiski iz Sibirije. Celje, 1936; Grdina J. Štiri leta v ruskem ujetništvu. Ljubljana, 1935; Vadnjal L. Zapiski vojaka// Borec XLI, 1989. S. 1244–1395; Habe T. Pogled iz malega sveta.
- ¹⁷ Rachamimov A. Op. cit. S. 54.
- ¹⁸ Ibid. S. 55.
- ¹⁹ Ibid. S. 57.
- ²⁰ Svoljšak P. Slovenci v primežu avstrijske cenzure // Velika vojna in Slovenci. Ljubljana, 2005. S. 109–127.
- ²¹ Orešič J. Moje dogodjaji in življenje o svetovni vojni od 27.7.1914 do 17.9.1920. Рукопись, хранится в: Zgodovinski inštitut Milka Kosa ZRC SAZU. S. 12.
- ²² Svoljšak P. Slovenci v primežu... S. 118–119.
- ²³ Ibid. S. 112.
- ²⁴ ÖSA, KA, AOK, Evidenzbüro 1917, Kart. 3748, Res. 4441. betreffs zwangsweiser Einreihung unserer Kfg. in das russische Heer. Sonderbericht. Slowenische Gruppe, 15.1.1917.
- ²⁵ Rachamimov A. Op. cit. S. 191.
- ²⁶ Ibid. S. 192–193.
- ²⁷ Vadnjal L. Op. cit. S. 1395.
- ²⁸ Gorgolini L. I dannati dell'Asinara: l'odissea dei prigionieri austro-ungarici nella prima guerra mondiale. Torino, 2012. S. 23.
- ²⁹ Ibid. S. 26.
- ³⁰ Ibid. S. 53.
- ³¹ Brill's encyclopedia of the First World War. Boston, 2012. II. S. 896.
- ³² Mitrović A. Serbia's Great War 1914–1918. London, 2007. S. 152.
- ³³ Gorgolini L. Op. cit. S. 63.

³⁴ Ibid. S. 77.

³⁵ *Tortato A.* La prigionia di guerra in Italia: 1915–1919. Milano, 2004. S. 33.

³⁶ *Gorgolini L.* Op. cit. S. 120.

³⁷ Ibid. S. 18.

³⁸ *Tortato A.* Op. cit. S. 37.

³⁹ *Hrabak B.* Jugosloveni zarobljenici u Italiji I njihovo dobrovoljačko pitanje 1915–1918. Novi Sad, 1980. S. 55–60.

⁴⁰ Ibid. S. 233.

⁴¹ Ibid. S. 30–31.

⁴² Ibid. S. 30.

⁴³ Naši vjetniki v Italiji / Slovenski narod. № 70. 22.03.1919.

⁴⁴ *Tortato A.* Op. cit. S. 141–146.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ *Melik V.* DR. Ernest Turk (Ljubljana 16.12.1895 – Ljubljana 21.2.1979) / Zgodovinski časopis 33 / 1979. №. 3. S. 473.

⁴⁷ Ibid. S. 16.

⁴⁸ Ibid. S. 19.

⁴⁹ *Hrabak B.* Op. cit. S. 186.

⁵⁰ *Sekulić M.* Slovenački dobrovoljci u srpskim oslobodilačkim ratovima 1912–1918. 2010. S. 32.

⁵¹ Ibid.

⁵² *Turk E.* Op. cit. S. 97.

⁵³ *Sekulić M.* Op. cit. S. 39–40.

◇ ◇ ◇

Австро-венгерский военный лагерь Штернталь и судьба находившихся в нем русских военнопленных

На северо-западе Словении, недалеко от г. Птуй, на территории современного села Кидричево, во время Первой мировой войны располагался крупный австро-венгерский военный лагерь. В состав его были включены лагерь для военнопленных, лагерь для беженцев, лагерь так называемых резервных военных госпиталей, а также многочисленные вспомогательные объекты для снабжения и организации досуга воинов. Этот населенный пункт тогда назывался Штернталь. Название «Штернталь» в исторических источниках впервые было упомянуто в 1823 г. Считается, что оно происходит из немецкого языка и переводится как «хлев для овец»¹. Еще в начале XIX в. эта территория не была заселена и использовалась главным образом для выпаса овец. Первое крупное здание, дворец Штернталь, построил здесь около 1870 г. граф Шендорф на основе фермы, основанной графом Адольфом Шенфельдом в 1830 г.² Строительство дворца практически положило начало формированию поселения. В 1890 г. в Штернтале было три дома и 19 жителей³, и до Первой мировой войны количество домов и число жителей увеличилось незначительно.

С 1860 г. через Штернталь проходила Восточная железная дорога, с 1861 г. связывавшая это поселение через Велико-Канижу (венг. Надьканижа) с Будапештом. В Прагерско она пересекалась с Южной железной дорогой, соединявшей Вену с Триестом⁴. Уже в 1890 г. в Штернтале появился полустанок⁵. Из сообщений прессы того времени известно, например, что в 1901 г. к нему еще даже не была подведена дорога⁶. Однако еще в 1906 г. станция в привычном понимании этого слова — с залом ожидания, камерой хранения и другими необходимыми объектами — так и не была построена. Вместо нормального здания стояло маленькое деревянное строение⁷. Станции не было и в 1910 г. Несомненно, что на решение

австро-венгерских властей начать строительство лагеря для русских военнопленных в Штернтале повлияло прежде всего то обстоятельство, что этот населенный пункт был расположен вблизи важных железнодорожных путей. Естественно, нельзя забывать и о том, что Штернталь находился на территории Дравской равнины, далеко от линии Восточного фронта (на этой местности начиная с XVIII в. проходили маневры австрийской армии), и рядом с городом Птуй, где были размещены саперные отряды австро-венгерской армии⁸.

Строительство лагеря для русских военнопленных

Австро-венгерская армия 1 января 1915 г. взяла в аренду у местных жителей землю сроком на десять лет без возможности расторжения договора по желанию одной из сторон⁹. Первые известия о том, что в Штернтале, возможно, будет построен лагерь для русских военнопленных, были опубликованы 12 января 1915 г.¹⁰ В марте и апреле 1915 г. в прессе сообщалось, что в лагере хватит места для 20 000, 30 000, 40 000 и даже 60 000 военнопленных¹¹. Конечно, эти предположения прессы были нацелены прежде всего на создание сенсаций в средствах массовой информации. По приблизительной оценке Я. Фишер во всех словенских землях за все время Первой мировой войны находилось от 20 до 30 тысяч русских военнопленных¹².

Уже с конца марта 1915 г. в ежедневной прессе сообщалось о том, что строительство барачных корпусов ведется ускоренными темпами¹³. Во второй половине апреля отмечалось, что бараки подготовлены для приема военнопленных. Начальником лагеря назначили полковника в отставке Антона Пруггмайера, охрана военнопленных была поручена венгерским солдатам¹⁴. Во второй половине мая 1915 г. в лагере для военнопленных в Штернтале было проведено электричество, завершилось строительство водопровода, еще строились купальни и сооружались резервные колодцы глубиной от 8 до 10 метров¹⁵. 30 мая 1915 г. в лагерь привезли 1 тыс. русских военнопленных, и, скорее всего, это была уже не первая группа военнопленных, размещенная в Штернтале¹⁶. В октябре 1915 г. лагерь располагался на территории более 7,4 гектаров, в нем находилось 24 барака с 2 400 спальными местами, 18 барачных корпусов для санитарных и других целей¹⁷.

Нет необходимости особо подчеркивать, что жизнь русских военнопленных в австро-венгерских лагерях была трудной, во всех лагерях блока Центральных держав пленные жили в очень тяжелых условиях, и их использовали на самых изнуряющих и опасных физических работах. Принудительный труд военнопленных как в Австро-Венгрии, так и в Германии являлся важным элементом обеспечения функционирования их военных экономик¹⁸. К каким работам привлекались военнопленные в Штернтале точно не известно. Учитывая то обстоятельство, что лагерь был расположен в сельской местности, вероятно, что здесь, как и в других подобных регионах, где не хватало мужской рабочей силы, русских использовали на сельскохозяйственных работах. Известно, что во второй половине мая 1915 г. планировалось перевезти из Фельдбаха в Штернталь 500 русских, преимущественно ремесленников, для строительства дополнительных бараков¹⁹. Из сообщений о несчастных случаях на работе можно сделать вывод, что русские военнопленные были заняты на физически тяжелых работах во время строительства лагеря²⁰. Условия жизни в Штернтале мало отличались от таковых в других лагерях. Были проблемы с продовольственным обеспечением — об этом свидетельствуют многочисленные жалобы местных жителей, что «не хватает кур, у работающих в поле нет ни хлеба, ни питья, ни даже картошки»²¹. В июне 1915 г. было опубликовано известие о побеге из лагеря 4 русских военнопленных²².

Лагеря австро-венгерских резервных военных госпиталей

Вступление Италии в войну на стороне сил Антанты и ее нападение на Австро-Венгрию 23 мая 1915 г. оказало значительное влияние на жизнь штернтальского лагеря. Из-за сражений, начавшихся в Посочье, гражданское население оставляло свои дома и неорганизованно бежало в Горицу, Крас, Випавскую долину, тем самым создавая препятствия для продвигавшихся к месту боя подразделений австро-венгерской армии. Это побудило власти двуединой монархии принять решение о переселении беженцев из Приморья во внутренние области страны. Отправляли их и в лагерь в Штернтале²³. В связи с открытием Сочанского фронта в Австро-Венгрии увеличилось количество раненных и заболевших воинов,

которым нужно было обеспечить лечение в тылу. Поэтому осенью 1915 г. в Штернтале достроили еще пять дополнительных лагерей, где были размещены резервные госпитали²⁴. Функционировали они лишь на протяжении срока найма их помещений основными госпиталями, и названия свои получили по тем госпиталям, откуда из-за нехватки мест перевозили в них раненых и больных²⁵. Первых больных и раненых резервные госпитали в Штернтале приняли в июле – сентябре 1915 г. Некоторые госпитали были специализированными. Так, «Санок» и «Лукавац» предназначались для лечения венерических заболеваний, «Младо Болеслав» сначала был инфекционным госпиталем, позже стал санаторием для туберкулезных больных. Осенью 1915 г. в лагерях Штернтала находилось 14 100 человек, из них примерно 9700 раненых и больных, 2400 военнопленных и 2000 человек персонала (охрана, медицинские работники, чиновники и др. специалисты и рабочие)²⁶. Помимо барачков для больных были построены столовые, кафе, барак для культовых обрядов (заменивший церковь), кинотеатр, библиотека, купальня с бассейном. Всего в лагере насчитывалось 295 барачков, расположенных на площади свыше 230 га²⁷.

Госпитали в Штернтале предназначались в первую очередь для раненых и больных воинов, сражавшихся на Восточном фронте и в Карпатах, однако там находились и те, кто сражался на Сочанском фронте, а также военнопленные из Франции, Италии, Румынии, России и Сербии²⁸. В октябре 1915 г. в Штернтале было более 3000 раненых²⁹, а в конце декабря уже 5950. В августе 1918 г. в пяти резервных госпиталях оставалось еще 6340 больных³⁰. Смертность среди больных и раненых была достаточно высока. По воспоминаниям медсестры Марии Саблер, ежедневно умирало по 20, а иногда и по 100 человек. Из-за высокой смертности Штернталь саркастически стали называть «Штербталем», т. е. «долиной смерти»³¹. На основании сохранившихся документов невозможно определить точное число умерших здесь во время Первой мировой войны, поскольку в нашем распоряжении имеются только списки умерших в резервных госпиталях «Младо Болеслав», «Клатови» и «Дунай XIX». В первых двух из них с 14 сентября 1915 г. до 4 ноября 1918 г. умерло 464 человека – прежде всего, от туберкулеза и других легочных заболеваний, тифа и паратифа, дизентерии, инфицирования ран и т. д.³²

Конец Первой мировой войны в лагере Штернталь

В октябре 1918 г., накануне окончания Первой мировой войны и распада Австро-Венгрии, в бараках резервных госпиталей «Клатови» и «Младо Болеслав» находилось более 10 000 больных, а всего в лагере — более 1000 русских и итальянских военнопленных. Днем 31 октября 1918 г. мимо Штернталья стали проезжать поезда из Прагерско, битком набитые возвращающимися домой иностранными солдатами, а вечером того же дня произошло восстание воинов венгерского отряда, охранявшего лагерь. Они с боем расчистили себе путь, перед уходом разгромив склад с оружием и боеприпасами. Вскоре после этого из лагеря сбежало большинство военнопленных, остались только тяжелобольные и раненые и часть персонала резервных госпиталей³³.

В ноябре 1918 г. лагерь в Штернтале (переименованном по-словенски в Стрнишче) перешел в ведение Отдела социальной политики словенского Провинциального правительства. 23 ноября на заседании Национального правительства словенцев, хорватов и сербов было выдвинуто предложение временно поселить инвалидов в бараки в Стрнишче, где они смогли бы заниматься надомным ремеслом. На этом заседании также было принято решение переселить беженцев из Горицы из австрийских лагерей для беженцев в Стрнишче до тех пор, пока они не смогут вернуться в свои дома³⁴. После чего в бараках в Стрнишче поселились беженцы из Приморья, которые во время войны находились в лагерях «Брук на Лейте» и «Вагна у Липницы». Тут же обосновались и некоторые местные жители, и словенцы, вернувшиеся из русского плена. Сюда же правительство посылало словенских беженцев из районов, оккупированных Италией³⁵.

Русские эмигранты, Крымский и Донской кадетские корпуса в Стрнишче

Следующая волна беженцев хлынула в Стрнишче, когда подходила к концу Гражданская война в России. Это были русские эмигранты, противники большевиков, многие из них находились ранее в составе Крымского и Второго Донского им. императора Александра III кадетских корпусов, а после поражения белогвардейской

Русской армии генерала барона П.Н. Врангеля бежали за границу. Крымский кадетский корпус покинул Россию, эвакуировавшись 1 ноября 1920 г. из Ялты, а Второй Донской — на следующий день из Евпатории. Оба корпуса прибыли в Стамбул, откуда через несколько дней на пароходе «Владимир» отплыли в Королевство СХС. 8 декабря кадеты и другие русские эмигранты добрались до порта Бакар, откуда кадетские корпуса продолжили путь по железной дороге в Загреб и 23 декабря прибыли в Стрнишче. Оба кадетских корпуса разместили в бараках бывшего австро-венгерского резервного госпиталя «Клатови», к западу от дворца Штернталь. Крымский корпус занял 13 деревянных бараков, Донской — 3. Жилищные условия были очень плохими — бараки уже пришли в негодность. В стенах появились большие дыры, сквозь которые дул ветер и залетал снег, крыши прохудились, полы сгнили, водопровод и канализация не функционировали, электропроводка сгнила.

Бараки предназначались не только для размещения эмигрантов. Несмотря на очень плохие для учебного заведения условия, обучение кадетов продолжалось. Из-за нехватки помещений несколькими классам приходилось одновременно заниматься в одном бараке. Школьного инвентаря не хватало, поэтому во время занятий одни кадеты стояли, другие сидели на кроватях и на полу. Писали, положив тетради на колени или на спину соседа. Преподавателям доской служили вошьенные холсты или просто двери барака. Первый школьный год в Стрнишче начался 2 января 1921 г. и продолжался до 15 октября следующего года. В каждом бараке обучалось по 3—4 группы кадетов 2—8 классов. Раздельное обучение стало возможным лишь тогда, когда потеплело и занятия перенесли на улицу. В первом школьном году в Стрнишче обучение успешно закончили 78 кадетов и 5 учащихся других российских образовательных учреждений, для которых присоединение к кадетскому корпусу стало единственной возможностью завершить учебу в сложившихся условиях. В следующем учебном году, после православного Рождества, стало просторнее, т.к. Донской кадетский корпус сменил место проживания. Таким образом, Крымский кадетский корпус получил в свое распоряжение еще два барака.

Кадеты находились в отчаянном материальном положении. В 1922 г., посетив лагерь для беженцев в Стрнишче, представитель Министерства просвещения Радован Кошутич написал министру,

что в Королевстве СХС арестанты живут в лучших условиях, чем эти молодые люди. Оба кадетских корпуса оказались не только в тяжелых жилищных и материальных условиях — из-за пережитых ужасов войны и страшной нужды в них был подорван моральный дух. Грубость, ссоры, пьянство, кражи и насилие стали обычным явлением среди кадетов. Группа кадетов Крымского корпуса объединилась в тайное общество «Цука», члены которого издевались над слабыми. Начали распространяться слухи о существовании тайного «клуба самоубийц». До нашего времени дошли лишь очень скудные сведения о том, что в действительности происходило в кадетском корпусе. Согласно одной из версий, в 1921 г. в нем в течение нескольких месяцев по утрам находили трупы застреленных кадетов. Старшие кадеты будто бы заставляли младших вступать в «клуб самоубийц». Они бросали жребий, и один из младших кадетов должен был застрелиться до наступления утра. Якобы так погибло около 10 человек. Впоследствии бывшие кадеты Крымского корпуса отрицали, что такое происходило в действительности, и заявляли, что это плод фантазии некоторых лиц. О самоубийствах среди кадетов в 1922 г. сообщал и Кошутич. По его мнению, их причиной было плохое психическое состояние молодых людей, вызванное потерей родителей, родины, ужасными условиями в лагере и общим низким моральным духом, царившем в корпусе. Покончили жизнь самоубийством и некоторые тяжело заболевшие кадеты. Кошутич писал, что из-за многочисленных смертей по причине болезней распространяются ложные слухи «... о том, что кадеты в Стрнишче вешаются, ложатся на рельсы, чтобы их задавил поезд и т. д.».

Гражданская война оказала разрушительное воздействие также на психическое и моральное состояние преподавателей. Между ними вспыхивали ссоры, в которые они часто вовлекали и своих подопечных. Так, во время пребывания в Стрнишче произошел крупный конфликт между кадетами и педагогами Донского кадетского корпуса из-за отставки любимого кадетами директора генерал-майора Ивана Ивановича Рыковского и замены его на этом посту генерал-майором Александром Ивановичем Бабкиным.

Генерал-майор Бабкин ввел в Донском кадетском корпусе строгую дисциплину и позаботился о внешнем виде кадетов. Он приобрел для них униформы младших классов Военного реально-

го училища в Мариборе (бывшего австро-венгерского Кадетского корпуса). В 1921 г. в нем продолжали обучение только 6 и 7 классы, поэтому униформа для младших классов больше не была нужна. И хотя русские кадеты не использовали полный комплект австро-венгерской униформы, светло-голубые брюки и рубашки стали частью парадной униформы 2-й сотни. Бабкин добыл для кадетов еще и пижамы, а в конце осени 1921 г. вдобавок снабдил их американскими военными униформами.

Оценка знаний в кадетских корпусах со временем стала такой строгой, что иногда никто из учеников ни в одном из классов не заканчивал школьный год на «отлично». Именно поэтому бывшие кадеты зарекомендовали себя как лучшие студенты в югославских институтах. Русские эмигранты в Стренише вели разностороннюю деятельность. Крымский корпус открыл различные ремесленные мастерские. В столярном цеху кадеты изготовили для школьных нужд около 100 столов и столько же скамеек. Помимо этого, они работали еще в обувной мастерской, мастерской по изготовлению ключей, в студии фотографии, возделывали огороды. Один из барakov преобразовали в православную церковь, в которой пел кадетский церковный хор. Однако эта церковь просуществовала недолго. Управляющий имением, на территории которого временно размещалась школа, приказал сломать барак, в котором русские совершали религиозные обряды, и с тех пор их, из-за нехватки помещений, проводили на открытом воздухе.

В корпусах, насколько это было возможно, проводили и культурные мероприятия. Крымский кадетский корпус в 1922 г. открыл читальню для кадетов. В бараке № 20 его учащиеся организовали любительский театр³⁶. Особую известность приобрел духовой оркестр Крымского кадетского корпуса, возглавлявшийся бывшим капельмейстером Лейб-гвардии Преображенского полка известным дирижером Цибулевским. Летом оркестр сопровождал отряды кадетов, отправлявшихся осматривать достопримечательности Птуя. По воспоминаниям Бориса Павлова, бывшего воспитанника этого заведения, выступления оркестра пользовались большим успехом в округе. В Птуе горожане якобы сразу высыпали на улицы, когда в городе появлялся Крымский кадетский корпус со своим оркестром. Вскоре по приезде в Стренише, 26 декабря 1920 г., представители Крымского кадетского корпуса совместно с муж-

ким хором Донского кадетского корпуса провели русский музыкальный вечер³⁷.

Уделялось внимание и спортивным занятиям воспитанников. Так, например, кадеты совершали учебные военные походы и организовывали различные спортивные состязания. Они даже создали свою футбольную команду³⁸. Кадеты Крымского кадетского корпуса организовали в Стрнишче и секцию спортивного общества «Сокол». 14–15 августа 1922 г. они приняли участие в I-м слете «Югославянского Сокола», проходившем в Любляне. Газета «Ютро» (Jutro) сообщила 13 августа, что вечерним поездом в Любляну прибыло 300 членов общества «Сокол» из мариборской жупании. Среди них были упомянуты и 60 русских кадетов из Марибора. Наверняка в этом сообщении шла речь о воспитанниках Крымского кадетского корпуса в Стрнишче, поскольку ни в Мариборе, ни в иных словенских землях в августе 1922 г. не было представителей каких-либо еще русских кадетских корпусов. Помимо кадетов Крымского кадетского корпуса в люблянском слете приняли участие и другие русские эмигранты. Так, тем же поездом из Марибора прибыли 27 кубанских казаков³⁹. Вероятно, это были представители Первой Кубанской дивизии, до 1924 г. занятые на строительстве железной дороги между городами Ормож и Лютомер⁴⁰.

Русские кадеты организовали в Стрнишче и несколько танцевальных вечеров. Первый из них состоялся уже на православную Пасху 1921 г. Тогда в гости к русским кадетам пришли воспитанники мариборского Военного реального училища. В честь этого события сначала прошел военный парад Донского и Крымского кадетских корпусов, а вечером устроили танцы. Несколько танцевальных вечеров было устроено и в 1922 г. Например, 8 января состоялся танцевальный вечер для кадетов, 10 января семейный танцевальный вечер для персонала кадетского корпуса, 14 января – танцы для кадетов старших классов, 17 января – снова семейный вечер для персонала...⁴¹

Численность русских эмигрантов в Стрнишче увеличивалась вплоть до отъезда Донского кадетского корпуса. Сюда прибыли преподаватели обоих корпусов, члены их семей, а также другие русские эмигранты, не имевшие отношения к кадетским корпусам. Сколько было в лагере последних определить невозможно – сведений об этом мало, и в большинстве случаев они кажутся сомни-

тельными. Согласно данным переписи населения, состоявшейся в Королевстве СХС в конце января 1921 г., в Ловренце на Дравской равнине (к нему относился и лагерь Стрнишче) проживало 1013 русских. Все они являлись эмигрантами, покинувшими Россию во время Гражданской войны, т.к. в Стрнишче к тому времени уже не осталось никого из военнопленных периода Первой мировой войны. По сведениям от 6 февраля 1921 г. численность только представителей кадетских корпусов увеличилась уже до 1095 чел. В печати того времени публиковались известия о том, что в Стрнишче находятся 1500, и даже 3300 русских эмигрантов (последняя цифра явно завышена).

Этих людей, помимо жилья, нужно было обеспечить продовольствием и медицинской помощью. Большой вклад в осуществление этой задачи внесли гуманитарные организации русских эмигрантов. Всероссийский Земский союз⁴² открыл для русских эмигрантов в Стрнишче кухню с дешевой едой на 100 человек. Под патронажем русского общества Красного креста уже в 1921 г. здесь открылась стоматологическая амбулатория, в которой бесплатно пломбировали зубы⁴³.

Русские эмигранты, проживавшие в Стрнишче, вероятно, происходили из тех же слоев общества, что и эмигранты, разместившиеся в других областях Королевства СХС. В целом среди них преобладали интеллигенты, дворяне, офицеры высоких рангов⁴⁴. Этот вывод в определенной степени подтверждает публикация 1921 г. в газете «Птуйский лист» (Ptujski list). В ней указывалось, что среди русских эмигрантов были инженеры, техники, землемеры, агрономы, имеющие высшее образование, руководители промышленных предприятий, учителя, профессора, священники, врачи, стоматологи, ветеринары, музыканты, мастера различных профессий, а также ремесленники и крестьяне. Большинство из них владели французским, немецким и английским языками⁴⁵. Трудоустройством русских эмигрантов в Стрнишче занимался представитель Государственной комиссии по делам русских эмигрантов в Мариборе Борис Смирнов. Сам он жил в Стрнишче, а информацию о возможностях трудоустройства его соотечественников ему предоставлял Никифор Пивиякович, проживавший в Мариборе на Александровой улице, д. 25. Для решения вопроса о трудоустройстве русских эмигрантов в словенских землях был создан «Рабочий отдел Госу-

дарственной комиссии по делам русских эмигрантов в Словении и Хорватии», организовавший в декабре 1921 г. в целях облегчения выполнения своей задачи ряд курсов словенского языка. Эти курсы были тогда проведены и в Стрнишче. Помощь соотечественникам в трудоустройстве старался оказывать и Всероссийский Земский союз. Он открыл в Стрнишче предприятие по пошиву постельного белья и одежды, на котором стали работать русские эмигрантки. Одежду они шили по заказу Отделения одежды для военнослужащих Королевства СХС⁴⁶. Однако некоторым русским эмигрантам в Стрнишче пришлось пробиваться в жизни, рассчитывая только на свои силы. Кое-кто пытался заработать на хлеб пением. Так, 5 января 1921 г. в Птуе прошло выступление хора русских эмигрантов под руководством полковника Пограничного⁴⁷, 4 мая 1921 г. русские эмигранты дали концерт в Мариборе⁴⁸, а 8 и 9 октября 1921 г. русский хор из Стрнишче выступил в Целье. Хор состоял из 30 певцов и певиц. В программе выступления были русские народные песни и религиозные песнопения, украинские народные песни и пляски. Еще до концертов в Целье, Птуе и Мариборе, этот хор с большим успехом выступил в Вараждине⁴⁹.

Среди русских эмигрантов, не имевших отношения к кадетским корпусам, оказалось дети школьного возраста. Для них уже в 1921 г. стараниями Всероссийского Союза городов⁵⁰ (организации, с 1920 г. занимавшейся главным образом открытием и финансированием русских приютов и школ) была открыта школьная группа в Стрнишче. Учеников в ней распределили по нескольким классам — имелись младший и старший подготовительные классы, 1, 4 и 6 классы. Руководителем школьной группы назначили В.А. Озаровского⁵¹.

Закрытие лагеря для эмигрантов в Стрнишче

31 января 1922 г. Областное правительство Словении приняло решение ликвидировать лагерь для эмигрантов в Стрнишче из-за больших расходов на его содержание (составлявших около 140 000 крон ежемесячно)⁵². После этого вся материальная помощь лагерю была прекращена, кухню и больницу закрыли⁵³. Ко времени ликвидации лагеря в Стрнишче еще оставалось 1541 чел., из них 186 местных жителей, 32 железнодорожных служащих, 819 русских эмигрантов, 503 беженца из Приморья и 1 итальянец⁵⁴. Через не-

сколько дней после выдачи последних продовольственных пайков начался голод. Из-за нехватки топлива эмигрантам грозил лютый холод⁵⁵. Вспыхнула эпидемия скарлатины⁵⁶. Вынести все эти тяготы обитателям лагеря немного помогла экономическая комиссия Областного правительства в Любляне по проведению демобилизации, выделившая 15 февраля 1922 г. Отделу социальной политики в Любляне 500 000 крон для помощи эмигрантам в Стрнишче⁵⁷. Благодаря этому существование лагеря продлилось до 30 августа 1922 г. Большинство приморских беженцев в 1922 г. покинуло Стрнишче, однако некоторые из них, несмотря ни на что, остались там до 1928 г.⁵⁸ Крымский кадетский корпус находился в Стрнишче в условиях крайней нужды до 20 октября 1922 г., затем он переехал в город Бела Црква. Тогда же покинули лагерь и остальные русские эмигранты⁵⁹.

Наследие австро-венгерского лагеря Штернталь

Из важных объектов некогда крупного военного комплекса до наших дней сохранилось только заброшенное и полуразрушенное военное кладбище. Сколько людей здесь похоронили, точно не известно. Предположительно, на кладбище захоронено от 2250 до 3000 воинов⁶⁰. Известны имена и фамилии по меньшей мере 50 российских военнопленных, нашедших здесь последний приют. Это: Иван Михайлов, Виктор Архипенко, Никита Лесин, Юрий Черныш, Иван Яковчук, Антоний Булич, Яков Михайлов, Авраамий Шахматов, Феодосий Бондаренко, Иван Герц, Иван Белозеров, Сергей Кузьмин, Захарий Фирсон, Август Бойк, Петр Белехонов, Антоний Здажгаров, Иван Новиков, Петр Тейсов, Василий Кукушкин, Федор Самолук, Никита Бергман, Димитрий Иванцев, Прохор Данюшенко, Василий Моисеев, Иосиф Кульда, Иван Черемнеин, Павел Семляк, Иван Чехович, Павел Дьяченко, Петр Курьячий, Кирилл Иванович, Иван Роушин, Адриан Козакевич, Илья Корзилов, Георгий Бизго, Димитрий Клименко, Карл Герасимчук, Антоний Величко, Иван Шулепа, Сава Гулишевский, Петр Волков, Владимир Бабушкин, Василий Ерохин, Павел Савицкий, Сисой Литвин, Иосиф Лебедев, Иван Исаков, Иван Бакуменко, Александр Ищенко и Василий Рыбалко⁶¹. На нем захоронены и 11 кадетов Крымского кадетского корпуса, а именно: Алексей Альф-

тан, Кесар Струменко, Анатолий Ильяшевич, Анатолий Пылев, Евгений Беляков, Сергей Албаков, Григорий Экстен, Григорий Козлов, Сергей Смагин, Глеб Фридман, Николай Есаулов и, вероятно, ряд других русских эмигрантов, сведениями о которых мы не располагаем⁶². После Первой мировой войны кладбище еще оставалось действующим, здесь устраивали места погребения вплоть до конца Второй мировой войны.

(Перевод со словенского Л.А. Кирилиной)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Masten M.H. Zgodovina prostora občine Kidričevo s prikazom nekdanje občine Sveti Lovrenc na Dravskem polju / Zbornik Občine Kidričevo. Kidričevo, 2010. S. 127, 128.

² Register nepremične kulturne dediščine // <http://giskd2s.situla.org/rkd/Opis.asp?Esd=23737>, 16.01.2013; Krajevni leksikon dravske banovine, Krajevni repertorij z uradnimi topografskimi, zemljepisnimi, zgodovinskimi, kulturnimi, gospodarskimi in tujskoprometnimi podatki vseh krajev Dravske banovine. Ljubljana, 1937. S. 513; *Slekovec M.* Župnija sv. Lovrenc na Dravskem polju. Krajepisno – zgodovinske črtice. Maribor, 1885. S. 111.

³ Special – Orts – Repertorien der im Österreichischen Reichsrathe vertretenen Königreiche und Länder, Neubearbeitung auf grund der Ergebnisses der Volkszählung vom 31. December 1890/ Herg. von der K. K. Statistischen Central-Commission, IV. Steiermark, Wien, 1893. S. 280 (далее – Special – Orts – Repertorien, 1890).

⁴ Kolar N. Železnica na Ptujju od 1860 do 1918 // Kronika, časopis za slovensko krajevo zgodovino. Št. 3. Ljubljana, 1998. S. 47 – 54.

⁵ Special - Orts – Repertorien, 1890. S. 280.

⁶ S ptujskega polja // Slovenski narod. Ljubljana. Št. 165. 08.05.1901. S. 2.

⁷ Iz Cirkovec niže Pragerskega // Domovina. Št. 100. 29.08.1906. S. 2.

⁸ Več o manevrih na Dravskem polju / Kolar N. Vojaške vaje in manevri na Dravskem in Ptujskem polju v 18. in 19. stoletju // ČZN, 40 – 75. 1. zvezek, 2004. S. 91 – 103.

⁹ Kolar N. Prispevki k zgodovini Kidričevega v luči prve svetovne vojne / Zbornik Občine Kidričevo. Kidričevo, 2010. S. 143, 145 (далее – Kolar N. Prispevki k zgodovini Kidričevega v luči prve svetovne vojne).

¹⁰ Vjeti Rusi v mariborski okolici // Slovenski narod. Št. 8. 12.01.1915. S. 4.

¹¹ Ruski tabor pri Sterntalu na Štajerskem // Slovenec. Št. 90. 22.04.1915. S. 5; Sterntal // Slovenski gospodar. 01.04.1915. S. 6; Nov ujetniški tabor na Štajerskem // Slovenec. Št. 73. 01.04.1915. S. 5; Drobne novice s Štajerskega // Slovenski narod. Št. 71. 30.03.1915. S. 3; Ujetniški tabor pri Pragerskem // Slovenec. Št. 62. 17.03.1915. S. 5.

¹² Fischer J. Ruski vojni ujetniki na ozemlju Republike Slovenije 1914–1918 // Zgodovinski časopis. Št. 3–4. Ljubljana, 2009. S. 350.

¹³ Drobne novice s Štajerskega // Slovenski narod. Št. 71. 30.03.1915. S. 3.

¹⁴ Ruski tabor pri Sterntalu na Štajerskem // Slovenec. Št. 90. 22.04.1915. S. 5. Drobne novice s Štajerskega // Slovenski narod. Št. 92. 24.04.1915. S. 5.

¹⁵ Šterntal // Slovenski gospodar. 20.05.1915. S. 6.

¹⁶ Šterntal // Slovenski gospodar. 17.06.1915. S. 6.

¹⁷ Rojic V. Iz zgodovine Strnišča in Kidričevega // ČZN, 20=55. 1. 1984. S. 61–65.

¹⁸ Pulko R. Ivan Dubrovski – ruski vojak, vojni ujetnik, borec za severno slovensko mejo // Vojnozgodovinski zbornik. Št. 43. Logatec, 2011. S. 31–33.

¹⁹ Šterntal // Slovenski gospodar. 20.05.1915. S. 6.

²⁰ Šterntal // Slovenski gospodar. 17.06.1915. S. 6.

²¹ Sv. Lovrenc // Slovenski gospodar. 22.04.1915. S. 6.

- ²² Šterntal // Slovenski gospodar. 10.06.1915. S. 5.
- ²³ Šuligoj L. Primorski begunci med svetovnimi vojnami na ptujskem območju // ČZN, 43–78. 2–3 zv. 2007. S. 155–156.
- ²⁴ Kolar. Prispevki k zgodovini Kidričevega v luči prve svetovne vojne. S. 143.
- ²⁵ Rojic. Op. cit. S. 60.
- ²⁶ Rojic. Ibid. S. 65.
- ²⁷ Šuligoj. Primorski begunci med svetovnimi vojnami na ptujskem območju. S. 160, 161; Kolar N. "Oj fanti kaj pa zdaj?!", Vojaška taborišča in rezervne bolnišnice v Strnišču med letoma 1915–1918. Ptuj, 2007. S. 16.
- ²⁸ Z italijanske fronte // Slovenski narod. Št. 53. 06.03.1916. S. 3.
Rojic. Op. cit. S. 66, 71.
- ²⁹ Sternthal pri Ptujju // Štajerc. Št. 43. 24.10.1915. S. 5.
- ³⁰ Rojic. Op. cit. S. 67.
- ³¹ Lipuš V. Marija se je dvakrat zavrtela, Lazarett Sterntal, del zgodovine Strnišča in Kidričevega // Večer. 24.03.1999. S. 20.
- ³² Rojic. Op. cit. S. 70–73.
- ³³ Pulko R. Strnišče in okoliški kraji ob razpadu Avstro-Ogrske. Iz zgodovine občine Kidričevo (8) // Ravno polje, Glasilo občine Kidričevo. Št. 2. Junij 2010. S. 18–20.
- ³⁴ Iz seje Narodne vlade SHS dne 23. novembra 1918 // Slovenski narod. Št. 282. 27.11.1918. S. 2; Sejni zapisniki Narodne vlade Slovencev Hrvatov in Srbov v Ljubljani in Deželnih vlad za Slovenijo 1918–1921. 1. del: od 1. nov. 1918 do 26. feb. 1919. Ljubljana 1998, Zapisnik 22. seje Narodne vlade SHS v Ljubljani z dne 23. 11. 1918. S. 130.
- ³⁵ Šuligoj. Op. cit. S. 156, 161–163.
- ³⁶ В Историческом архиве г. Птуй сохранилась афиша украинской оперетты «Наталка Полтавка». В ней сообщается, что представление прошло в баракке № 13. В оперетте выступили служащие Крымского кадетского корпуса. ZAP, SIZAP 206, Rodbina Simonič – Blumenau, skatla 4, Krimski korpus in ruska gimnazija.
- ³⁷ Pulko R. Taborišče ruskih beguncev v Strnišču // Zbornik Občine Kidričevo. Kidričevo, 2010. S. 158–173.
- ³⁸ Кадетские Корпуса за рубежом 1920–1945. Нью Йорк, 1970 (Russian Cadet Schools Outside of Russia, Published by Association of Russian Cadets Graduated outside of Russia, Inc.). S. 300.
- ³⁹ Zmagoslavni prihod sokolskih armad. Sijajen uspeh naše vrste na mednarodni telovadni tekmi // Jutro. Št. 190. 13.08.1922. S. 1.
- ⁴⁰ Подробнее см.: Pulko R. Družbeno življenje ruskih emigrantov na Slovenskem 1918–1941. Magistrsko delo, Univerza v Mariboru. Maribor, 2009. S. 50, 51.
- ⁴¹ Кадетские Корпуса за рубежом 1920–1945. S. 57, 58, 245, 300.
- ⁴² Всероссийский Земский Союз.
- ⁴³ Pulko R. Taborišče ruskih beguncev v Strnišču. S. 158–173.
- ⁴⁴ Pulko R. Ruska emigracija na Slovenskem 1921–1941. Logatec, 2004. S. 25.
- ⁴⁵ Pozor! // Ptujski list. Št. 26. 03.07.1921. S. 2.
- ⁴⁶ Pulko R. Taborišče ruskih beguncev v Strnišču. S. 158–173.
- ⁴⁷ Этот мужской хор не был хором Донского кадетского корпуса, он состоял из других русских эмигрантов, находившихся в Стрнишче. В том же номере газеты «Птужский лист» особо отмечено, что концерт Донского кадетского корпуса состоится в ближайшие дни. См.: Ruski koncert v Ptujju // Ptujski list. Št. 3, 16.01.1921. S. 2.
- ⁴⁸ Preložen koncert v Mariboru // Slovenski narod. 01.05.1921. S. 4.
- ⁴⁹ Ruski koncert v Celju // Slovenski narod. 08.10.1921. S. 3; Ruski koncert v Ptujju // Ptujski list. Št. 3. 16.01.1921. S. 2.
- ⁵⁰ Всероссийский Союз Городов.
- ⁵¹ Pulko. Taborišče ruskih beguncev v Strnišču. S. 158–173.
- ⁵² Šuligoj. Op. cit. S. 165.
- ⁵³ Rojic. Op. cit. S. 79.

⁵⁴ *Šuligoj*. Op. cit. S. 165.

⁵⁵ *Rojic*. Op. cit. S. 79.

⁵⁶ *Šuligoj*. Op. cit. S. 168.

⁵⁷ *Rojic*. Op. cit. S. 80.

⁵⁸ *Šuligoj*. Op. cit. S. 165, 168.

⁵⁹ *Rojic*. Op. cit. S. 79 – 83.

⁶⁰ *Idid*. S. 69, 72.

⁶¹ Письмо в редакцию // Возрождєніє, Органъ русской національной мысли. № 4173. 03.03.1939. S. 13.

⁶² Кадетские Корпуса за рубежом. S. 169, 170.

Юлия Владимировна Лобачёва

Словенские эмигранты в США накануне и в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)

В данной статье речь пойдет о словенской эмиграции в США в конце XIX – первых десятилетиях XX в.¹ Мы рассмотрим некоторые социокультурные и политические аспекты ее истории и постараемся показать, что представляла собой словенская диаспора в то время и как на ее жизни отразились события Первой мировой войны.

Массовая эмиграция словенцев из Австро-Венгрии² в Соединенные Штаты началась в конце XIX в.³ Ее обусловили преимущественно экономические причины, дополненные действием социальных и политических факторов. Так, тяжелый экономический (сельскохозяйственный) кризис, продолжавшийся в словенских землях с 1860-х до середины 1890-х гг., вызвал массовое разорение крестьян и явился главной причиной их эмиграции в европейские страны и Америку⁴. К примеру, в «Славянском обозрении» за 1892 г. встречаем такое сообщение из Целья (Штирия) о переселении словенцев: «Процесс обезземеливания словенцев быстро продвигается вперед. Он вызвал уже в их среде эмиграцию как на восток, в земли мадьярские..., так и на запад, за океан в Северную и Южную Америку»⁵.

Позднее, в 1917 г., российский консул в Чикаго А.М. Волков писал о славянской эмиграции следующее: «Первыми потянулись в Штаты чехи, как особо давимые режимом Австрии; за ними – их ближайшие родственники словаки, затем хорваты и далматинцы, словенцы, босняки и герцеговинцы и австрийские сербы. На эти выселявшиеся славянские элементы, кроме того еще действовала и экономическая политика Австрии с ее сравнительно новой идеей колонизации славянских становищ немцами, сделавшая в экономическом отношении жизнь славян невозможной: малокультурные элементы их либо поглощались более развитыми немцами,

либо, если сопротивление славян было значительнее ожидавшегося, в данной местности на помощь немцам приходило правительство с репрессиями по отношению к коренным славянам, и последним приходилось — или терять свой национальный облик, или бежать»⁶.

В начале XX в. численность словенцев в США составляла приблизительно 200 тыс. человек. Например, российский консул в Питтсбурге Г.В. Чирков сообщал в 1916 г., что словенцев в США и Канаде было 200 000 человек⁷. В том же году словенец Фердинанд Лев Тума в записке «О словенцах в Америке» подтверждал эти цифры: «В течение последних сорока лет эмигрировало из Австрии очень много словенцев; их количество оценивается, по крайней мере, в 250 000 (при 1 500 000 оставшихся дома). Большинство из них проживает в Северо-Американских Соединенных Штатах, но небольшие словенские колонии (всего около 50 000) можно найти также в Канаде, в Южной Америке, в Новой Зеландии и в Египте»⁸. Добавим, что по данным хорватского историка И. Чизмича, накануне Первой мировой войны словенцев в США насчитывалось около 150 000 чел.⁹, а по сведениям американского историка Г. Пррича — 250 000 чел.¹⁰.

Обращаясь к вопросу о социальном составе словенских переселенцев, отметим, что среди них преобладали крестьяне. По словам Ф.Л. Тумы, словенскую эмиграцию из Австрии составляли «почти исключительно крестьяне»¹¹. Из наблюдений же А.М. Волкова следует, что социальная картина славянских колоний накануне Первой мировой войны в общих чертах была такой: «Самая история и техника славянских поселений в Штатах создали каждую отдельную колонию — в том числе и русскую — так: подавляющее большинство ингредиентов составляет элемент исключительно трудовой и чернорабочий и только небольшие группы составляют сознательный класс этих колоний, причем количество сознательного элемента прямо пропорционально степени давности колоний»¹².

Прибывая в США, словенцы поселялись в наиболее благоприятных с экономической и культурной точек зрения регионах. Российский дипломат в Бремене Г. Томашевский в 1902 г. сообщал, что они ехали в Монтану, Вайоминг и Мичиган¹³. Согласно данным И. Чизмича, в период массовой эмиграции словенцы направ-

лялись в те же области, что и хорваты, а именно: Пенсильванию, Огайо, Иллинойс, а самые многочисленные их колонии были в индустриально развитом Кливленде (Огайо) и на территории Миннесоты¹⁴. По другому источнику, в 1880-х гг. словенцы направлялись либо в Мичиган, Миннесоту, Монтану, юго-восточный Канзас, либо в угольные центры Пенсильвании, где их крупные колонии были в Джонстауне, Стилтоне, Питтсбурге. В 1890–1900-х гг. большие группы словенских эмигрантов обосновались в районе Чикаго – Джолиет (Иллинойс) и Кливленде¹⁵.

Словенские переселенцы были в основном заняты в различных отраслях промышленности или сельском хозяйстве. «В Америке словенцы занимались или разрабатыванием и обработкой девственной земли в степях и лесах, или же поступали в качестве чернорабочих в разные горнопромышленные копи и заводы. Весь заработок они обыкновенно посылали домой на улучшение хозяйства», – констатировал Ф.Л. Тума¹⁶.

В США славянские эмигранты из Европы сталкивались с новой экономической и социокультурной средой, к которой постепенно приспосабливались. Преодолевать социальные и экономические трудности переселенцам помогали их ранее прибывшие соотечественники, а также создававшиеся эмигрантами организации взаимопомощи.

В повседневной жизни и профессиональной деятельности эмигранты неизбежно соприкасались с американским образом жизни, общественными и культурными традициями. Индустриальное общество с его ценностями и установками оказывало на переселенцев свое влияние, вырабатывая у них адекватные этой культуре модели поведения¹⁷. Проживание в городах и мегаполисах трансформировало мировоззрение эмигрантов из сельских областей, к которым относились и словенцы, «раскрестьянивая» их. Со временем многие эмигранты нашли в этой стране свое место и приняли американское гражданство.

Уместно привести здесь слова Ф.Л. Тумы о жизни словенцев за океаном: «Благодаря своей природной смывленности и энергии, они извлекли из американской цивилизации много пользы. Многие заняли видное место в торговле и промышленности своей новой родины. Понемногу развивалась среди них также своя интеллигенция. Очень деятельным и популярным интеллигентом

является известный архитектор Иван Ягер (Jager)¹⁸ в Миннеполисе¹⁹... Особенно процветают словенские колонии в промышленных штатах между Нью-Йорком и Миссисипи (в самом Нью-Йорке, в штате Огайо и др.). Во многих городах словенцы уже имеют своих представителей в городских думах. Они, конечно, охотно меняют австрийское подданство на американское, но будучи американскими гражданами, они остаются сознательными славянами»²⁰.

Несмотря на влияние новой обстановки, славянские переселенцы стремились сохранить свой этнокультурный опыт, поддерживали связь с родиной. Более того, их социальная жизнь в значительной степени определялась этнической или национальной принадлежностью и протекала внутри определенной общности или диаспоры. Именно необходимость выжить, адаптироваться в чужой среде и в то же самое время сохранить свою национальную культуру явилась причиной образования эмигрантами колоний и создания их собственных организаций, одной из функций которых было поддержание языка и религиозных традиций — этих важнейших компонентов самоидентификации. Взаимоотношения же между отдельными этническими группами складывались по-разному — имели место и сотрудничество, и разногласия.

В конце XIX — начале XX в. словенцы, как и другие славянские эмигранты в США, основывали различные собственные организации — общественные и благотворительные, культурные и политические, а также периодические издания. В 1917 г. российский консул в Номе и Сизтле Н. Богоявленский отмечал, что «словенцев в Америке, по-видимому, не так много; по крайней мере, о своем существовании они заявляют менее, чем другие славяне. Тем не менее, они соединены здесь в общества разного характера...»²¹. А годом ранее Ф.Л. Тума писал, пусть не без преувеличения: «Нельзя сказать, чтобы наши эмигранты в Америке забывали о своей родине и национальности. Правда, они целиком воспринимают американскую цивилизацию, но благодаря очень развитым организационным способностям, они в Америке точно также, как у себя на родине, устраивают повсюду кружки и общества с ярко национальной окраской, издают свои газеты и книги, выписывают все, что издается на родине и т. д. Каждый эмигрант считает своим национальным долгом участвовать одновременно в нескольких разных кружках (в гимнастическом, певческом, литературно-политичес-

ком, театральном и проч.). Благодаря этому среди американских словенцев насчитывается до тысячи кружков»²².

Словенцы создавали как региональные, так и местные общества страхования и взаимопомощи. «Для экономической поддержки американские словенцы образовали около 80 вспомогательных обществ, которые обеспечивают семьям членов известную сумму на случай смерти главы семьи. Главными такими обществами являются «Югославянский католический союз» (*Jugoslovenska Katolička Jednota*) в Миннесоте и «Краинский католический союз» (*Krajnska Katolička Jednota*) в Джулайте», — сообщалось в «Славянском веке» за 1902 г.²³.

Согласно данным И. Чизмича, 2 апреля 1894 г. был основан «Краинско-словенский католический союз» («*Kranjsko-slovenska katolička jednota*»), а десять лет спустя «Словенское национальное общество взаимопомощи» («*Slovenska narodna podporna jednota*»), которое стало самой большой и известной благотворительной и культурной организацией словенцев в Северной Америке²⁴. Другими известными благотворительными обществами являлись «Словенский либеральный союз взаимопомощи» («*Slovenska svobodomiselna podporna zveza*»), «Словенское рабочее вспомогательное и пенсионное общество» («*Slovensko delavsko podporno in penzijsko društvo*») и «Словенское национальное общество взаимопомощи “Согласие”» («*Slovensko narodno podporno društvo “Sloga”*»)²⁵.

Американский исследователь Дж. Двайер отмечает, что большое влияние на формирование и деятельность словенских организаций оказывали периодические издания. Например, с помощью газеты «Американский словенец» («*Amerikanski Slovenec*») было основано несколько независимых словенских католических обществ взаимопомощи, а затем и первый централизованный союз в 1894 г. («Краинско-словенский католический союз»), официальным печатным органом которого с самого начала она и являлась. А четыре года спустя газета «Голос народа» («*Glas naroda*») финансировала создание второго союза, «Югославянского католического союза», и позже стала его официальной газетой²⁶.

В крупных колониях словенцев существовали «дома культуры». Первоначально подобных домов было лишь несколько, но с 1910 г. интерес к их строительству возрос. Следствием этого стало появле-

ние большого «дома культуры» в Кливленде, где находилась самая крупная колония словенских переселенцев, ознаменовавшее начало там активной общественно-культурной жизни, в частности, изучения английского языка словенскими переселенцами и словенского языка их детьми, рожденными в Америке²⁷. Помимо этого, эмигранты создавали католические храмы и приходы. По замечанию Ф.Л. Тумы, словенцы «в каждом приходе» «содержат своих словенских священников и словенские школы»²⁸. Иногда хорваты и словенцы посещали один и тот же храм²⁹.

До Первой мировой войны политические объединения словенцев были социалистического характера. При этом развивать социалистическое движение среди югославян начали именно словенские эмигранты. Их первый социалистический клуб был основан в Чикаго в 1900 г., а к 1909 г. активную деятельность вели уже 11 объединений³⁰.

Зарождение словенской периодики в США относится к 90-м гг. XIX в. В 1891 г. словенские эмигранты организовали в Чикаго издательство своей первой газеты под названием «Американский словенец». В 1893 г. в Нью-Йорке появилась вторая еженедельная словенская газета — «Голос народа». Ее основал, финансировал и редактировал банкир и известный деятель Фран Саксер³¹. По другому источнику, «Голос народа» выходил с 1892 г. и был единственной ежедневной газетой словенцев³². Как замечает Дж. Двайер, между издателями газет «Американский словенец» и «Голос народа» существовало противостояние и соперничество, так как первая представляла католическое направление, а вторая — либеральное и социально радикальное³³. По всей видимости, уже в начальный период именно эти издания были наиболее влиятельны среди эмигрантов³⁴.

Испытывая необходимость в собственной прессе, словенцы Кливленда и Пуэбло (Колорадо) основали в 1899 г. три новые газеты, а именно: ежемесячную «Национальное слово» («Narodna beseda») и еженедельные «Новое отечество» («Nova domovina») и «Мир» («Mir») ³⁵. Наряду с этим, в конце XIX в. словенские социалисты начали выпускать газету «Заря» («Zoga»), а с 1907 г. рабочие из социалистических клубов издавали газету «Пролетарий» («Proletarec»), редактором которой был известный в Америке социалист Йозе Завертник³⁶.

Время расцвета словенской журналистики в США приходится на первое десятилетие XX в. Тогда появилось 21 новое периодическое издание, большая их часть выходила в Пуэбло³⁷. Кроме того, с 1903 г. в Чикаго еженедельно печатался «Голос свободы» («Glas svobode»). Эта газета стала первым официальным печатным органом «Словенского национального общества взаимопомощи» и представляла другие благотворительные организации³⁸. Первыми словенскими журналами были «Надежда» («Nada»), издание которой началось в 1904 г. в Чикаго, и «Образовательная библиотека» («Izobraževalna knjižnica»), которые, однако, долго не просуществовали³⁹.

Как видим, на рубеже XIX–XX вв. словенцы образовали целую сеть различных организаций и периодических изданий, что говорит о довольно высоком уровне их этнокультурной жизни.

Югославянские эмигранты и их организации не ограничивались решением социально-экономических вопросов. Постепенно ими приобретался опыт участия в культурной и общественной жизни Соединенных Штатов и европейских стран. И хотя только с началом Первой мировой войны из национально-культурного движения славян выделились и оформились политические движения, определенная общественно-политическая деятельность эмигрантов прослеживается еще в довоенный период. Она могла носить как общеславянский, так и национальный характер и реализовывалась в виде финансовой помощи «старому краю», проведения собраний и манифестаций и т. д. Также ее отличала тесная связь с политическими и культурными событиями в Европе.

Можно привести ряд примеров общественных акций славян в Америке в конце XIX – начале XX в. в ответ на события в Европе, в которых более или менее заметное участие принимали и словенские эмигранты⁴⁰. Это, вместе с упомянутой выше деятельностью словенских организаций, свидетельствует об их развитии национально-культурном движении накануне Первой мировой войны.

События Первой мировой войны оказали большое влияние на жизнь югославян в США, способствовав, в частности, активизации их общественно-политической деятельности. Появившиеся в прессе известия о покушении 28 июня 1914 г. на австрийского престолонаследника Франца Фердинанда в Сараево были по-разному прокомментированы югославянскими эмигрантами. По

крайней мере, можно указать, на две противоположные позиции — просербскую и проавстрийскую, приверженцы которых проявили себя сразу и открыто⁴¹.

Начало же войны повлекло за собой и более активные манифестации переселенцев. Наряду с оформлением политических предпочтений, у них возникли и первые разногласия относительно возможности реализации национальных интересов. Так, определенная часть хорватских эмигрантов выступила на стороне Австро-Венгрии. С другой стороны, возникло антиавстрийское движение сербов и хорватов, часть которых уже тогда разделяла общие идеи югославянского единства. Вместе с тем, среди хорватских эмигрантов заявили о себе сторонники создания независимой Хорватии, а среди сербских — защитники интересов собственно Сербии⁴².

Словенские переселенцы, по данным И. Чизмича, заняли особую позицию. Они сдержанно отнеслись к югославянскому движению. Почти все их благотворительные организации приняли предложение «Словенского национального общества» о формировании «специального комитета», который должен был следить за ходом политических событий в Европе и их влиянием на судьбу словенцев и направлять обществам эмигрантов предложения о деятельности в интересах словенского народа. В то же время большая часть словенской периодики заняла решительную антиавстрийскую позицию⁴³.

Иначе описывал настроения словенцев Ф.Л. Тума в мае 1916 г.: «До чего у них сильно славянское сознание и стремление к славянскому объединению, достаточно доказывает факт, что уже в самом начале нынешней войны все американские словенцы без исключения стали на сторону Сербии и России. Они массами поступали на заводы для изготовления снарядов, заказанных союзниками, собирали деньги в пользу сербов и проявили сразу же такую враждебность по отношению к Австрии, что австрийское правительство сочло нужным отправить в американские словенские колонии специального агитатора — Этбина Кристана⁴⁴, бывшего австрийского офицера, а затем вождя незначительной словенской социал-демократической партии»⁴⁵. Впрочем, несколько себе противореча, он отмечал далее и проавстрийские настроения эмигрантов: «Ярко выраженной партийной борьбы среди американских словенцев не наблюдается. Есть, конечно, и среди них трения между либерала-

ми, консерваторами и социалистами, но эти трения не выходят из рамок политических газет и отдельных кружков. Консерваторы находят поддержку в той части словенского священства, которое все еще льнет к Австрии — льнет больше из религиозных, чем национальных соображений»⁴⁶.

Очередная веха в развитии общественного движения югославыян связана с приездом в США в январе 1915 г. представителя Югославянского комитета⁴⁷ хорвата Франко Поточняка. Его цель состояла в организации «коллективной манифестации народного единства всех сербов, хорватов и словенцев» и получении «решительного заявления» переселенцев, «в котором бы требовалось народное освобождение и объединение в одно государство югославыян, проживающих в Австро-Венгрии и Сербском Королевстве»⁴⁸. Эта акция была призвана обосновать саму идею югославянской государственной интеграции и подтвердить легитимность деятельности Комитета⁴⁹. Сербское правительство во главе с премьер-министром Николой Пашичем, заявившее свою программу объединения югославыян в декабре 1914 г. (Нишская декларация), поддержало план поездки Ф. Поточняка в США и оказало ему материальную и организационную помощь⁵⁰.

Впрочем, как выяснилось, реальная ситуация в кругах сербских, хорватских и словенских эмигрантов в США отнюдь не способствовала их совместному выступлению. Вследствие этого Ф. Поточняк приступил к пропаганде среди них югославянских идей, склоняя их видных деятелей к проведению коллективного выступления. Получив же принципиальное согласие югославянских лидеров, он начал с их помощью подготовку конгресса, стараясь убедить переселенцев поддержать общую идею государственного объединения сербов, хорватов и словенцев⁵¹.

Подчеркнем, что под влиянием деятельности Ф. Поточняка началось формирование первой национально-политической организации словенцев в США — «Словенской лиги» («Slovenska liga»). На ее учредительном собрании, состоявшемся за день до открытия конгресса в Чикаго, присутствовали представители 27 словенских обществ. Они приняли «Резолюцию» и обращение к словенцам в Америке. В обращении определялась цель организации — достижение культурной, политической и экономической самостоятельности словенцев, выражался призыв к словенским переселенцам

вступить в нее, независимо от их статуса, религиозных и политических убеждений, и говорилось об образовании ее филиалов в США и Канаде.

В «Резолюции» содержался ряд политических положений и требований, нацеленных на преобразования в словенских землях. В частности, переселенцы высказывали протест против «немецкого насилия», «жестоких мучений народов, невинных жертв австро-венгерского господства», «бесстыдного обращения со словенскими областями», а также «передачи словенского Приморья или какой-либо другой части словенской территории Италии или другой стране»; требовали объединения всех словенцев на основе принципов свободы, равноправия и братства. Эмигранты констатировали, что «осознают потребность братства, дабы мы как малый народ объединились со своими кровными соседями в “Югославянскую федерацию”»⁵². Следовательно, часть словенских эмигрантов видела возможность защитить национальные интересы своего народа (сохранение национальной идентичности и государственное объединение всех словенских территорий) в создании единого федеративного югославянского государства.

10–11 марта 1915 г. в Чикаго прошел первый югославянский конгресс, собравший 563 делегата от югославянских колоний США и Канады, а также представителей чешских и словацких эмигрантов⁵³. Председателем съезда был избран Нико Гршкович⁵⁴, а его заместителями Анте Бьянкини⁵⁵ от хорватской группы, Пая Радосавлевич⁵⁶ от сербской и Ф. Саксер⁵⁷ от словенской.

Ф. Поточняк произнес программную речь, а затем участники составили и единогласно приняли резолюцию конгресса. В ней были выражены идея народного единства сербов, хорватов и словенцев и стремление югославян из Австро-Венгрии разорвать все связи с Габсбургской империей и войти в одно государство с Королевством Сербия; содержалось обращение к странам Антанты поспособствовать осуществлению этих «обоснованных и единственно спасительных устремлений» югославян⁵⁸. Делегаты также организовали Народный югославянский комитет (НЮК) для реализации принятых решений. В его состав вошли по 11 представителей от сербов, хорватов и словенцев, а председателем стал А. Бьянкини⁵⁹.

Таким образом, несмотря на различия политических воззрений югославянских эмигрантов, идея государственной интеграции

сербов, хорватов и словенцев получила здесь достаточно широкую поддержку, а сам Чикагский конгресс стал первым шагом в рамках их уже политического движения. Переселенцы утвердили в основных чертах программу югославянского объединения и создали основы для организации своей политической деятельности, имевшей целью оказание помощи соотечественникам в Европе по созданию сербо-хорвато-словенского государства. Решения конгресса имели важное идеологическое и пропагандистское значение для европейского югославянского движения, руководители которого – сербское правительство и Югославянский комитет – не только дали политическое направление, но и после Чикагского съезда поддерживали тесный контакт с эмигрантами за океаном. К слову сказать, в письме Н. Пашичу словенец Нико Жупанич, член Югославянского комитета, называл югославян в США «армией комитета» и говорил, что «если бы они не были согласны с нами, мы выглядели бы как генералы без солдат»⁶⁰.

Чикагский конгресс стал импульсом к дальнейшей деятельности сторонников югославянского объединения в Северной Америке, среди которых, как мы видели, были и словенские эмигранты. Вместе с тем, ситуация в югославянском движении и вокруг него складывалась непросто. Не говоря уже о проавстрийски настроенной части югославянских переселенцев. Резолюцию конгресса в Чикаго отверг его участник хорват Даворин Крмпотич, а также сербский журналист Милан Ефтич; югославянские социалисты были противниками как агитации Поточняка, так и проведения конгресса; позже выявились разногласия и среди словенских эмигрантов⁶¹.

Летом 1915 г. политические вопросы, обойденные на съезде в Чикаго (например, о взаимоотношениях сербов, хорватов и словенцев, политическом устройстве будущего государства), снова стали предметом дискуссии⁶². «Даже в самом центральном комитете местных эмигрантов (НЮК. – Л. Ю.) дело дошло до серьезных столкновений на политической основе, которые подвергали опасности единство дальнейшей деятельности. В то время как у словенцев все сильнее проявлялись республиканские настроения, а среди хорватов – федералистские тенденции, среди сербов люди Пашича опять вели пропаганду за Великую Сербию», – замечал член Югославянского комитета хорват Анте Мандич⁶³.

В целом же, после отъезда Ф. Поточняка югославянское движение в США пошло на спад, в частности, вследствие организационных трудностей и сильной проавстрийской пропаганды. С целью его интенсифицировать, сербское правительство и Комитет организовали летом 1915 г. поездку туда Николая Велимировича, сербского священника и проповедника, для разъяснения переселенцам смысла югославянского объединения и подтверждения приверженности Сербии югославянской идее⁶⁴. Однако, как и в случае с «миссией» Ф. Поточняка, усилия Н. Велимировича способствовали активизации деятельности югославян, но оказались недостаточными для преодоления слабых сторон американского движения.

В конце октября 1915 г. в Нью-Йорке появился представитель Югославянского комитета Милан Марьянович для пропаганды государственного объединения «трехименного народа», набора добровольцев и сбора средств для Комитета. Однако, пробыв там около месяца и оценив обстановку на месте, он понял, что о решении практических задач не могло быть и речи. По его впечатлению, хуже всего дело обстояло со словенцами, среди которых было мало сторонников объединительного движения; сербы были заняты «внутренней полемикой» и ощущали «безнадежность» сильнее, чем хорваты. Среди последних он выделил «австрияков», сторонников объединения и «смутьянов»⁶⁵.

При поддержке югославянских лидеров Марьянович начал агитацию переселенцев (сначала в Нью-Йорке, а в декабре он отправился в поездку по разным штатам), устраивая лекции, печатая статьи в газетах, распространяя брошюры, где доказывалась необходимость объединения югославян в одно государство и оспаривались взгляды оппонентов интеграции⁶⁶.

Однако спад югославянского движения продолжался. При этом достаточно противников объединения было и в рядах самих эмигрантов. Так, на протяжении 1916 г. на страницах некоторых хорватских и словенских изданий появлялись статьи в поддержку Габсбургской монархии. А в начале февраля 1916 г. Д. Крмпотич и 14 словенских и хорватских священников выступили с заявлением («Наша декларация»). В ней они осуждали деятельность по созданию югославянского государства и призывали к борьбе за образование автономного Хорватского государства, к которому могли бы присоединиться и словенские земли⁶⁷.

Обеспокоенные слабостью заокеанского движения, руководители Югославянского комитета направили в США Н. Жупанича с целью агитации словенцев, в то время как М. Марьянович вел пропаганду югославянских идей среди хорватов и сербов. Со временем (особенно к осени 1916 г.) деятельность европейских и американских югославын по подъему объединительного движения начала давать некоторые результаты. К примеру, Н. Жупаничу удалось склонить на свою сторону некоторую часть словенских переселенцев, реорганизовать «Словенскую лигу» и получить деньги для югославянской эмиграции в Европе⁶⁸.

Вместе с тем, сохранялись политические колебания и дискуссии переселенцев (сербов и хорватов) вокруг программы интеграции и самого движения (позиции его руководителей) и организационные сложности. Скажем, из «отчета» Жупанича следовало, что, наряду с поддержкой идеи югославянского объединения, «у югославын отсутствует твердое мнение и политическое убеждение»; североамериканское движение развивается благодаря работе нескольких хорватских деятелей — Гршковича в Кливленде, Бьянкини в Чикаго и Марохнича⁶⁹ в Питтсбурге; словенцы — самые «несознательные»; 60 % переселенцев из Далмации «фанатичные противники Сербии и Югославии»; большой вред движению наносит пропаганда «австрийских наемников» и «священников»⁷⁰.

С целью реформировать и укрепить объединительное движение у М. Марьяновича возникла идея созыва нового съезда югославянских эмигрантов, получившая поддержку американских югославянских деятелей и одобрение сербского правительства и Югославянского комитета.

Второй югославянский конгресс состоялся в Питтсбурге 29 и 30 ноября 1916 г. и собрал 615 делегатов от югославянских колоний США и Южной Америки⁷¹. На нем были представлены все крупные югославянские общества в США. В их числе: «Народное хорватское сообщество», «Хорватское сообщество Иллинойса», «Хорватский союз на Тихоокеанском побережье», Союз объединенных сербов «Согласие», Сербский православный союз «Защитник сербов», «Хорватский союз», «Словенская лига», «Югославянский сокольский союз». А также общества из Южной Америки — «Югославянская народная оборона» (Вальпараисо (Чили)) и «Народная оборона» (Перу). Участвовали в нем эмиссары Югославянского

Комитета — М. Марьянович и Мича Мичич — и сербского руководства — подполковник Милан Прибичевич, прибывший в США в октябре 1916 г. для вербовки волонтеров на Салоникский фронт.

В «Резолюции» съезда эмигранты еще раз провозгласили «неоспоримое» единство хорватов, сербов и словенцев, которое должно было стать «основой всей деятельности каждого серба, хорвата и словенца, невзирая на их политические, социальные или религиозные различия»; констатировали готовность австро-венгерских югославян объединиться в единое государство с Сербией под скипетром династии Карагеоргиевичей; выразили доверие действиям и программе Югославянского комитета как представителю интересов югославян в Австро-Венгрии и решимость практически его поддержать⁷².

Участники объявили о создании единой организации сербов, хорватов и словенцев под названием Югославянское народное вече и ее намерении вступить в контакт с обществами югославян в Южной Америке, Новой Зеландии и Австралии, «чтобы добиться успехов в реализации решений, принятых на этом конгрессе»⁷³. Они высказались и за формирование добровольческих отрядов и учредили новую организацию — «Югославянское сокольство» («Jugoslavensko Sokolstvo»), которую возглавил М. Марьянович⁷⁴. Делегаты также направили приветственные телеграммы, в которых в тезисной форме излагались основные постановления съезда, королю Петру I Карагеоргиевичу, престолонаследнику Александру, Н. Пашичу, Югославянскому комитету, Югославянской народной обороне в Вальпараисо и генералу Живковичу в Одессу⁷⁵.

Для югославянского движения в Европе Питтсбургский конгресс стал весьма значимым, поскольку в переломный момент войны в ноябре 1916 г. представители югославянской диаспоры провозгласили намерение югославян из Австро-Венгрии объединиться с Сербией в единое государство.

Подводя промежуточный итог, отметим, что в первые годы войны в социально-политической жизни словенских эмигрантов в США произошли существенные изменения — их политические предпочтения обрели более отчетливые формы и получили выражение в практической деятельности. В частности, в их кругах можно было встретить и сторонников Австро-Венгрии, и приверженцев объединения югославян в одно государство (некоторые из них

выступили в 1916 г. за интеграцию под скипетром сербской династии, другие склонялись к федеративному устройству), и сочувствовавших объединению словенских земель с автономной Хорватией. Процесс политического определения словенцев имел продолжение и в 1917–1918 гг.

На протяжении 1917 г. национально-политическая деятельность югославы в США разворачивалась в основном в проавстрийском или проюгославянском направлениях.

Во главе объединительного движения в США после Питтсбургского конгресса находилось Югославянское народное вече (ЮНВ), управлявшее организациями переселенцев в разных штатах. Югославянская канцелярия, основанная в 1916 г. М. Марьяновичем, осуществляла функции секретариата Исполнительного комитета ЮНВ. Она начала устанавливать контакты с официальными и политическими кругами США и выпускать еженедельный Бюллетень для информирования югославянских переселенцев и Югославянского комитета о важных политических событиях, с апреля 1917 г. выходивший еще и на английском языке для осведомления американской общественности, государственных деятелей и политиков о югославянском движении в Европе и Америке⁷⁶.

В первые месяцы 1917 г. Вече пыталось реорганизовать и интенсифицировать югославянское движение. Из письма М. Марьяновича от 1 мая узнаем, что эмигрантам «удалось сделать достаточно, хотя определенных политических результатов еще мало». Очень тяжело обстояло дело с журналистикой, зато успешно шла организация «Хорватского союза» и «Сербской народной обороны» (конфликты между сербами в основном прекратились) и началась работа среди словенцев. «“Словенская газета” (“Slovenski List”) финансируется М. Пупиным⁷⁷. Газета уже приобрела известное влияние, и потому я надеюсь, что словенцы заинтересуются югославянскими акциями и сделают денежные вклады», — заключал югославянский политик⁷⁸.

Вместе с тем, весной 1917 г. положение в югославянском движении было достаточно сложным. Наряду с разобщенностью и пассивностью большей части эмигрантов, деятельность сторонников объединения отягощали финансовые трудности. Помимо этого, тормозившую ее развитие пропаганду активно вели проавстрийски настроенные переселенцы. Так, в цитированном выше письме

Марьяновича говорилось, что в югославянской среде «дела шли почти по-старому»: «Ни разрыв отношений с Германией, ни война с Германией, ни разрыв с Австрией не повлияли на эмигрантов так, как мы надеялись. Руководство “австрияков”, особенно газеты, действуют как раньше, разве что не хвалят открыто Германию и Австрию, пишут в пользу Америки, нас ругают сильнее, чем раньше, прикрываясь своей лояльностью к США, которую мы будто бы используем, действуя в пользу иностранных государств, а не Америки»⁷⁹.

Однако, невзирая на препятствия, сторонники объединения югославян продолжали свое дело. Постепенно совместными усилиями М. Прибичевичу, Любомиру Михайловичу (сербскому посланнику в Вашингтоне) и ЮНВ удалось интенсифицировать югославянское движение по всей стране. Хорошо шла добровольческая агитация. Устраивались многочисленные парады и антигабсбургские демонстрации, собрания и съезды, откуда часто отправлялись приветственные телеграммы президенту США⁸⁰.

14–15 июня состоялись заседания Исполнительного комитета ЮНВ, на которых обсуждались актуальные вопросы югославянского движения, были подведены некоторые его итоги и составлено сообщение «Югославянская акция в Америке», опубликованное в Бюллетене Югославянской канцелярии⁸¹.

В нем, в частности, указывалось, что Югославянская канцелярия за короткий период своей работы заслужила доверие и признание американского правительства. Констатировалось, что к ЮНВ присоединились «Хорватский союз», «Сербская народная оборона», «Словенская лига», «Югославянский сокольский союз», Союз объединенных сербов «Согласие», Сербский православный союз «Защитник сербов», «Хорватский союз на Тихоокеанском побережье» и местные клубы и общества. Отмечался рост с 1 января по 15 июня 1917 г. вкладов переселенцев в фонд Югославянского комитета (общая сумма за этот период составила примерно 9166 долларов), из которого финансировалась и акция в США⁸².

Следует подчеркнуть, что в 1917 г. под влиянием заявлений В. Вильсона о самоопределении народов и революционных событий в России среди югославянских эмигрантов росла популярность революционных, социалистических и республиканских идей. С целью приблизить к этим настроениям программу югославянс-

кого объединительного движения его руководители, опасавшиеся потерять поддержку переселенцев, дополнили ее пунктами о революционном характере деятельности югославян, борьбе против империалистического порабощения и угнетения, заявили свою приверженность политическим принципам В. Вильсона (равноправие народов и право нации на самоопределение). Это нашло отражение в июньском сообщении ЮНВ.

Опасения же ЮНВ остаться без поддержки эмигрантов имели вполне реальные основания. В 1917 г. начало формироваться оппозиционное возглавляемому им объединительному движению республиканское движение эмигрантов. 29 июня 1917 г. группа словенских общественных деятелей из Чикаго во главе с Этбином Кристаном⁸³ опубликовала «Чикагскую декларацию», ставшую программной основой республиканского югославянского движения в США.

В «Чикагской декларации» особо подчеркивалось право нации на самоопределение в качестве основного завоевания войны и утверждалось, что единственное успешное решение югославянского вопроса лежит в политической интеграции югославян в рамках их федеративной республики. Помимо федеративной организации, гарантирующей каждому югославянскому народу свободное развитие и независимость, необходимо провести самые широкие демократические и конституционные преобразования. Согласно этой декларации, объединение югославян не могло благополучно осуществиться ни в одном из уже существующих государств. Поскольку интересы сербов, хорватов и словенцев слишком противоречивы, оно означало бы аннексию. Поэтому следует создать новое государство — демократическую республику, в которую югославяне вступили бы добровольно.

С точки зрения ее авторов, «Чикагская декларация» выражала мнение большинства американских словенцев, являвшихся противниками Австро-Венгрии и выступавших за объединение югославян, но на основе свободы и равноправия. Этот документ был призван стать основой деятельности новой организации — «Словенского республиканского союза» («Slovensko republikansko združenje»). Консолидация словенцев вокруг нее была первым запланированным шагом, затем предполагалось привлечь широкие круги югославян, разделяющих принципы Декларации⁸⁴. «Чикаг-

ская декларация» получила одобрение части словенских эмигрантов. Ее опубликовали и некоторые хорватские издания, а известный хорватский журналист и владелец газеты «Новый хорват» («Novi Hrvat») Иван Крешич⁸⁵ начал агитацию в пользу югославянской федеративной республики⁸⁶.

Публикация Корфской декларации, подписанной Н. Пашичем и А. Трумбичем 20 июля 1917 г. и содержавшей общий (сербского правительства и Югославянского комитета) проект создания югославянского государства (конституционной, демократической, парламентской монархии во главе с династией Карагеоргиевичей)⁸⁷, еще больше усилила разногласия югославянских переселенцев по политическим вопросам. Руководители объединительного движения в США, понимая, что склонявшиеся к федерализму и республиканским идеям эмигранты Декларацию не поддержат, издали 18 августа еще и свой Манифест, являвшийся ее толкованием⁸⁸.

Несмотря на это, Корфская декларация вызвала острую критику американских югославын. Сначала хорватов и словенцев, возглавляемых Д. Крмпотичем, а затем хорватских республиканцев. Наиболее сильное сопротивление ей оказали Э. Кристан и его сторонники, аргументы которых были направлены против деятельности Югославянского комитета, сербского правительства и ЮНВ. Намереваясь дать отпор оппонентам и получить поддержку хорватских и словенских переселенцев, ЮНВ опубликовало в октябре новое объяснение Декларации, которое дал член Югославянского комитета Хинко Хинкович, участвовавший в ее подготовке и находившийся в то время в США⁸⁹. Однако и это ее толкование вызвало протест.

Различные интерпретации и дискуссии югославын в США вокруг Корфской декларации обеспокоили Югославянский комитет и сербское руководство. Югославянский комитет, не желая противоречий с сербским правительством, остро отреагировал на обсуждение эмигрантами Корфской декларации и толкование Х. Хинковича⁹⁰. Именно тогда возникли первые разногласия между ЮНВ, занявшим сторону Х. Хинковича, и Комитетом, которые имели продолжение и в 1918 г.

В 1918 г. отношение американских властей к славянскому движению в Америке изменилось. Так, в донесении от 8 июня 1918 г. российский консул в Сан-Франциско Ю.С. Романовский отме-

чал, что «американское правительство, глухое и немое к славянам в прошлые годы, ныне всячески старается поощрить такого рода движение. Правда известные концессии, данные югославянам Италией, и намерение Соединенных Штатов вызвать соответственную местным славянам революцию в Австрии, во многом пришли на помощь югославянскому движению, как пришли на помощь движениям чехов, поляков»⁹¹.

28 июня 1918 г. последовало заявление правительства США о том, что «все ветви славянского народа должны быть полностью освобождены от немецкой и австрийской власти». Оно оказало влияние и на развитие югославянского движения.

Американские власти пригласили в Вашингтон на празднование дня независимости 4 июля в числе особых гостей А. Бьянкини. Многие югославянские организации направили туда делегатов и тысячи эмигрантов приняли участие в празднестве и параде перед Капитолием, ставшим уникальным историческим событием – никогда больше в американской столице не собиралось так много югославян⁹².

10 июля Л. Михайлович сообщил А. Трумбичу о том, что ЮНВ обратилось к правительствам США, Англии и Франции с просьбой признать его как часть Югославянского комитета в качестве законного представителя югославян в США, принимая во внимание и акцию по формированию югославянской дивизии⁹³. Однако Вече так и не получило официального признания.

К осени 1918 г. нестабильность в югославянском движении усилилась, а затем начался и серьезный кризис. Ему способствовал, в частности, рост республиканского движения югославян, находившего все больше сторонников, особенно среди словенцев и хорватов. 1 июня 1918 г. в Чикаго был основан «Хорватский республиканский союз» («Hrvatsko republikansko udruženje»), немалая заслуга в этом принадлежала и самому Э. Кристану. В сентябре 1918 г. подобные организации появились и в других городах, а Р. Лансингу⁹⁴ была направлена резолюция, в которой хорватские эмигранты высказались за югославянскую федеративную республику. Словенцы массово вступали в «Словенский республиканский союз». Более того, в сентябре 1918 г. их самая крупная благотворительная организация – «Словенское национальное общество взаимопомощи» – одобрила резолюцию в пользу федеративной республики и

приняла решение выделить «Словенскому республиканскому союзу» финансовые средства⁹⁵.

На заседаниях Исполнительного комитета ЮНВ 7 и 8 октября А. Бьянкини информировал его членов о крайне тяжелой ситуации в югославянском движении, о потере доверия переселенцев к его руководителям и сербскому правительству. В ответ на предложение Н. Гршковича Исполнительный комитет согласился обсудить положение среди сербов, хорватов и словенцев⁹⁶.

В ходе дискуссии словенец Драго Марушич⁹⁷ сообщил о том, что критика некоторых положений Корфской декларации «Словенским республиканским союзом» получала все более значительную поддержку среди эмигрантов, и попросил Вече потребовать у Югославянского комитета и руководителей Сербии заявления о полном и последовательном принятии принципа самоопределения народов. Н. Гршкович предупредил Вече, что среди хорватов активно распространялись социалистические идеи, которые он назвал деструктивными, но указал, что такая ситуация обусловлена реакционной позицией сербского правительства, которое поэтому, по сути, само являлось пропагандистом республиканизма. Милош Тривунац⁹⁸, заявил, что социалистические идеи находили одобрение и у сербов, которые несколько раз хотели организовать республиканский союз. По мысли Йована Крайновича⁹⁹, сербы оказались в особо тяжелом положении, так как, с одной стороны, считали себя обязанными поддержать династию Карагеоргиевичей, а, с другой, были не в состоянии идейно бороться против республиканизма¹⁰⁰.

Дальнейшее рассмотрение ситуации показало, что почти все члены Веча осудили политику сербского правительства. В итоге, 8 октября Вече обратилось к Югославянскому комитету с просьбой одобрить заявление для эмигрантов о том, что сербы, хорваты и словенцы принимают принцип В. Вильсона о праве каждого народа самостоятельно определять форму государства. По мнению руководителей движения, поскольку значительная часть переселенцев разделяет республиканские идеи, необходимо провозгласить неограниченное право самоопределения народа, иначе югославянское движение может стать политическим банкротом. Также утверждалось, что ответ Комитета ожидается не позднее 20 октября, после чего подобное заявление будет сделано¹⁰¹. Поскольку Ко-

митет не удовлетворил запрос Веча, 3 ноября оно опубликовало в газете «Югославянский мир» («Jugoslavenski svijet») свой манифест для эмигрантов¹⁰².

В «Манифесте Югославянского народного веча в США югославянскому народу хорватам, сербам и словенцам в США», подписанном Н. Гршковичем и Х. Хинковичем 1 ноября в Вашингтоне¹⁰³, был представлен взгляд на развитие событий в югославянском движении в Европе и США с момента опубликования Корфской декларации. В нем лидеры движения в Америке подвергли критике позицию и деятельность сербского правительства по югославянскому вопросу. Они также заявили, что отступают от борьбы за создание югославянского государства на основе Корфской декларации, подразумевавшей образование Королевства сербов, хорватов и словенцев во главе с сербской династией, разрывают отношения с сербским правительством и призывают югославян поддержать правительство в Загребе. Это выступление эмигрантов явилось следствием обострения разногласий между участниками движения и ускорило его раскол.

«Манифест» ЮНВ был осужден сербским правительством и Югославянским комитетом; не получил он полного одобрения и у многих членов самого Веча. В то же время широкие слои югославянских эмигрантов в США восприняли его положительно. 6 ноября ЮНВ и «Словенский республиканский союз» пришли к соглашению о совместной деятельности. После отказа Веча от борьбы за монархическую Югославию хорваты начали активнее вовлекаться в борьбу за республику. С другой стороны, американские сербы не поддержали массово республиканское движение. В марте 1919 г. «Словенский республиканский союз» был переименован в «Югославянский республиканский союз» («Jugoslavensko republikansko udruženje») и постепенно расширил свою деятельность¹⁰⁴. На смену объединительному движению пришло республиканское движение югославянских эмигрантов в США.

В заключение подчеркнем, что американские словенцы, являвшиеся в годы Первой мировой войны участниками югославянского движения в пользу государственного объединения югославянских народов, внесли свой вклад в его развитие, способствовав тем самым созданию Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г. Наряду с этим, эволюция политических взглядов и деятельности

словенских эмигрантов привела в 1917 г. к возникновению и распространению в их кругах республиканского движения, которое сначала получило одобрительный отклик, а начиная со второй половины 1918 г. и более широкую поддержку среди югославын в США.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее эта тема освещена и в других работах автора. См., например: *Лобачёва Ю.В.* Югославянское движение в Америке в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). М., СПб., 2014.

² Они эмигрировали, в частности, из ее австрийских провинций – Крайны, Штирии, Каринтии, Горицы и Триеста (*Prpic G.* The South Slavs // The Immigrants' Influence on Wilson's Peace Policies. Lexington, 1967. P. 174).

³ *Čizmič I.* Jugoslavenski iseljenički pokret u SAD i stvaranje Jugoslavenske države 1918. Zagreb, 1974. S. 11.

⁴ Подробнее об экономической ситуации в словенских землях см.: История Словении / Л.А. Кирилина, Н.С. Пилько, И.В. Чуркина; отв. ред. И.В. Чуркина. СПб., 2011. С. 203–205.

⁵ Славянское обозрение. 1892. Том. II. № 10. С. 255.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Посольство в Вашингтоне, № 170. Оп. 512/1. Д. 417. 1917 г. Л. 2об.

⁷ *Шемякин А.Л.* «Главнейшие задачи юго-славян». Донесение российского консула в Питтсбурге Г.В. Чиркова в посольство России в Вашингтоне 1916 г. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 109.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. ДП. ОО. 1916 г. Д. 231. Т. 2. Л. 133.

⁹ *Čizmič I.* Op. cit. S. 11.

¹⁰ *Prpic G.* Op. cit.

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1916 г. Д. 231. Т. 2. Л. 133.

¹² АВПРИ. Ф. 170. Оп. 512/1. Д. 417. 1917 г. Л. 6об – 7.

¹³ Сборник консульских донесений. 1903. Вып. 3. С. 235.

¹⁴ *Čizmič I.* Op. cit. S. 10–11.

¹⁵ Dictionary of American Immigration History. London, 1990. P. 676.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1916 г. Д. 231. Т. 2. Л. 133об.

¹⁷ *Klemenčič M.* Proletarec and the Acculturation of Slovene Workers in the United States // The Press of Labor Migrants in Europe and North America. 1880s to 1930s. Bremen, 1985. P. 475.

¹⁸ Активный участник югославянского движения в годы Первой мировой войны.

¹⁹ Миннеаполисе.

²⁰ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1916 г. Д. 231. Т. 2. Л. 134–134об.

²¹ АВПРИ. Ф. Особый политический отдел, № 135. Оп. 474. Д. 347. 1917 г. Л. 39.

²² ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1916 г. Д. 231. Т. 2. Л. 133об–134.

²³ Славянский Век. 1902. № 44. С. 555–556. Также см., например: Славянские известия. 1903. № 5. С. 46.

²⁴ *Čizmič I.* Op. cit. S. 15.

²⁵ Ibid. S. 19.

²⁶ *Dwyer J.* The Slovene-American Press // The Ethnic Press in the United States. A Historical Analysis and Handbook. New York, 1987. P. 373.

²⁷ *Čizmič I.* Op. cit. S. 15.

²⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1916 г. Д. 231. Т. 2. Л. 134об.

²⁹ *Čizmič I.* Op. cit. S. 22.

³⁰ Ibid. S. 23.

³¹ *Dwyer J.* Op. cit. P. 371. Также см., например: Славянские известия. 1902. № 2. С. 43–44.

³² Rosental H. A List of Russian, other Slavonic and Baltic Periodicals in the New York Public Library. New York, 1916. P. 34. Также см., например: *Срндовић С.* Библиографија Југословенске исељеничке периодике у Северној и Јужној Америци до 1945. Београд, 2008. С. 30–31.

³³ Dwyer J. Op. cit.

³⁴ Так, в 1902 г. в «Славянском веке» сообщалось, что «словенцы имеют 5 газет, из которых “Amerikanski slovenec” и “Glas naroda” наиболее распространены» (Славянский Век. 1902. № 44. С. 556).

³⁵ Dwyer J. Op. cit. P. 372.

³⁶ Čizmić I. Op. cit. S. 19. Также см., например: *Срндовић С.* Указ. соч. С. 65, 87.

³⁷ Dwyer J. Op. cit. P. 371–372.

³⁸ Čizmić I. Op. cit.

³⁹ Dwyer J. Op. cit. Также см., например: *Срндовић С.* Указ. соч. С. 52.

⁴⁰ Так, вместе с сербами они поддержали американских хорватов в их ответных действиях после событий в Хорватии в 1903 г., приняв участие в митингах протеста и сборе помощи «для пострадавших в Хорватии» (Čizmić I. Op. cit. S. 25). Подробнее об отклике славян на русско-японскую войну см., например: Славянский Век. 1904. № 78. С. 171–173. О деятельности американских славян в связи с аннексией Боснии и Герцеговины в 1908 г. и Балканскими войнами 1912–1913 гг. см., например: *Grečić V. Uloga Mihajla Pupina u organizovanju srpskog iseljeničtva u SAD // Život i delo Mihajla Idvorskog Pupina. Novi Sad, 1985; Karanović M. Doprinos Mihajla I. Pupina Srbiji i Crne Gori za vreme Balkanskih ratova // Život i delo Mihajla Idvorskog Pupina. Novi Sad, 1985 и др.*

⁴¹ Čizmić I. Op. cit. S. 37–38.

⁴² Подробнее о политических настроениях и акциях сербов и хорватов в начале войны см., например: Архив Југославије (АЈ). Ф. 80. Фасц. 20. С. 20–21 (*Једфмућ М.* Југословенски покрет у Америци.); *Paulova M. Jugoslavenski odbor. Zagreb, 1925. S. 68; Čizmić I. Op. cit. S. 38–43.*

⁴³ Čizmić I. Op. cit. S. 41–42.

⁴⁴ Этбин Кристан (1867–1953) – словенский политический деятель, писатель и журналист. До Первой мировой войны – теоретик и руководитель словенской социал-демократической партии. В 1914 г. Э. Кристан эмигрировал в США, где стал активным деятелем славянского движения в годы войны.

Следует отметить, что факту направления австрийским правительством Э. Кристана в США, о котором упоминал Тума, в других источниках и литературе мы подтверждения не нашли.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1916 г. Д. 231. Т. 2. Л. 134об.

⁴⁶ Там же. Л. 135.

⁴⁷ Югославянский комитет – политическая организация югославянских эмигрантов из Австро-Венгрии в Европе, выступавших за освобождение югославянских земель Австро-Венгрии и их объединение в одно государство с Сербией и Черногорией. Официально образован 30 апреля 1915 г. в Париже, председатель – Анте Трумбич, с 9 мая 1915 г. центр Комитета находился в Лондоне.

⁴⁸ АЈ. Ф. 80. Фасц. 21. С. 362–363.

⁴⁹ *Potočnjak F. Iz emigracije. D. III. Zagreb, 1926. S. 22–23.*

⁵⁰ *Ibid. S. 23–27.*

⁵¹ Подробнее см.: *Potočnjak F. Iz emigracije... S. 40–48.*

⁵² Čizmić I. Op. cit. S. 54–56.

⁵³ Подробнее о конгрессе см., например: *Potočnjak F. Iz emigracije... S. 75–109, 159–162; Paulova M. Op. cit. S. 69–71; Čizmić I. Op. cit. S. 56–61.*

⁵⁴ Председатель «Хорватского союза», редактор газеты «Хорватский мир» («Hrvatski svijet»), один из лидеров югославянского движения в США в годы Первой мировой войны.

⁵⁵ Издатель и редактор газеты «Хорватское знамя» («Hrvatska zastava»), один из лидеров югославянского движения в США.

⁵⁶ Профессор университета, председатель крупной сербской благотворительной организации «Защитник сербов» («Србобран»).

⁵⁷ В то время председатель «Словенской лиги».

⁵⁸ Полный текст резолюции см., например: *Potočnjak F. Iz emigracije... S. 94–96; Šišić F. Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. 1914–1919. Zagreb, 1920. S. 20–21.*

⁵⁹ *Čizmić I. Op. cit. S. 61.*

⁶⁰ А. Ф. 80. Фасц. 4. С. 318.

⁶¹ *Čizmić I. Op. cit. 62–68.* Также см., например: *Prpic G. Op. cit. P. 178–179.*

⁶² Об этом сообщали Н. Пашичу его эмиссары в Америке черногорцы Т. Божович и Ђ. Джонович (А. Ф. 80. Фасц. 4. С. 623).

⁶³ *Mandić A. Fragmenti za historiju ujedinjenja. Zagreb, 1956. S. 26.*

⁶⁴ Подробнее о деятельности Н. Велимировича см., например: А. Ф. 80. Фасц. 4. С. 632–636; *Čizmić I. Op. cit. S. 69–71.*

⁶⁵ А. Ф. 80. Фасц. 19. С. 523–526.

⁶⁶ Там же. С. 526–529.

⁶⁷ *Čizmić I. Op. cit. S. 97–99; Храбак Б. Идеје о федеративној Југославији у првом светском рату // Врањски гласник. Кн. XXI. Врање, 1988. С. 25.*

⁶⁸ См., например: А. Ф. 80. Фасц. 19. С. 151–155, 178–180, 545–546.

В частности, по сообщению в газете «Хорватский мир», 20 августа в Чикаго состоялась крупная манифестация. Наряду с Бьянкини, Б. Граховцем и другими югославянами, там присутствовал и выступал Н. Жупанич (Jugoslovenske manifestacije u Chicagu // *Hrvatski svijet*. 27. VIII. 1916).

⁶⁹ Йосип Марохнич – председатель «Народного хорватского сообщества», владелец газеты «Хорватский вестник» («Hrvatski glasnik»).

⁷⁰ А. Ф. 80. Фасц. 19. С. 171–177.

⁷¹ О ходе и решениях Конгресса см., например: А. Ф. 80. Фасц. 19. С. 303–305, 330–331; *Šišić F. Op. cit. S. 74–80; Ђорђевић М. Србија и Југословени за време рата: 1914–1918. Београд, (1922) 1991. С. 21–23 и др.*

⁷² *Šišić F. Op. cit. S. 77.*

⁷³ *Ibid. S. 78.*

⁷⁴ А. Ф. 80. Фасц. 19. С. 331.

⁷⁵ *Šišić F. Op. cit. S. 79; Шемякин А.Л. «Главнейшие задачи юго-славян»... С. 111.*

⁷⁶ *Čizmić I. Op. cit. S. 121.*

⁷⁷ Михайло Пулин (1858–1935) – видный сербский ученый-физик и профессор Колумбийского университета. В 1909 г. избран председателем Союза объединенных сербов «Согласие». С 1911 г. – Почетный генеральный консул Королевства Сербия в США и Канаде.

⁷⁸ А. Ф. 80. Фасц. 21. С. 211.

⁷⁹ Там же. С. 212.

⁸⁰ *Prpic G. Op. cit. P. 186–187; Чизмић И. Југославенски исељенички покрет у САД према политици Србије // Научни скуп «Србија 1917. године». Београд, 1988. С. 203.*

⁸¹ Подробнее об этом заседании см., например: Архив Србије (далее – АС). Ф. Varia. Фасц. 962. С. 29–31; *Čizmić I. Op. cit. S. 127–131.*

⁸² АС. Ф. Varia. Фасц. 962. С. 29.

⁸³ Стоит заметить, что еще до Первой мировой войны Э. Кристан первый среди австрийских социал-демократов выдвинул программу культурно-национальной автономии, подробно изложив ее в 1898 г. в пражском журнале «Академия». Он полагал, что в любом государстве – будь то самодержавие, конституционная монархия или республика – «народы должны иметь равные права и свободно развивать свою культуру». Проведение же «принципа национального равноправия в жизнь приведет к исчезновению государств и границ, и произойдет это благодаря культурному объединению всех представителей того или иного народа все зависимости от того, где они проживают». Национальный вопрос, по его мнению, являлся частью социального, и «решение его невозможно без социалистической революции в Австро-Венгрии. Когда же национальное равноправие осуществится, он будет иметь исключительно культурное значение» (Подробнее см.: История Словении... С. 263–265). Более того, на югославянской социал-демократической конференции 1909 г. в Любляне, посвященной в основном национальному вопросу, на основе доклада Э. Кристана была одобрена Тиволийская резолюция, «в которой провозглашалась цель объединения всех югославян Австро-Венгрии, независимо от их диалектов, письменности, религии и территориальных границ» (Подробнее см.: История Словении... С. 272).

⁸⁴ *Чизмић И.* Акције за Југославенску републику међу нашим исељеницима у Сједињеним Америчким Државама за вријеме првог свјетског рата // Научни скуп «Србија 1918. године и стварање југословенске државе». Београд, 1989. С. 156–157.

⁸⁵ Эмигрировао у США у 1906 г., какво-то време радио радником хрватског издања «Народна газета» («Narodni list»).

⁸⁶ *Čizmić I.* Op. cit. S. 162.

⁸⁷ Текст Корфске декларације см., на пример: *Šišić F.* Op. cit. S. 96–99; Дипломатска преписка српске владе 1917. год. Збирка докумената / Приред. М. Зечевић, М. Милошевић. Београд, 1984. С. 321–324.

⁸⁸ Подробнее см., на пример: *Čizmić I.* Op. cit. S. 135–138.

⁸⁹ *Čizmić I.* Op. cit. S. 138–142.

⁹⁰ Ibid. S. 144.

⁹¹ АВПРИ. Ф. Росийское генеральное консульство в Сан-Франциско, № 279 / 1. Оп. 1. Д. 27. 1918 г. Л. 6.

⁹² Града о стварању Југословенске државе / Приред. Д. Јанковић, В. Кризман. Београд, 1964. Књ. 1. С. 226; *Prpic G.* Op. cit. P. 194–195.

⁹³ Града о стварању Југословенске државе... Књ. 1. С. 226.

⁹⁴ Роберт Лансинг – у 1915–1921 гг. государственный секретарь США.

⁹⁵ *Čizmić I.* Op. cit. S. 162.

⁹⁶ Ibid. S. 277.

⁹⁷ В октабру 1917 г. был кооптирован в Исполнительный комитет ЮНВ. Ранее состоял на службе в сербском посольстве в Вашингтоне.

⁹⁸ Председатель «Сербской народной обороны». В октабру 1917 г. был кооптирован в Исполнительный комитет ЮНВ.

⁹⁹ Член Исполнительного комитета ЮНВ.

¹⁰⁰ *Чизмић И.* Акције за Југославенску републику... С. 158.

¹⁰¹ *Čizmić I.* Op. cit. S. 278–279; Града о стварању Југословенске државе... Књ. 1. С. 344–345.

¹⁰² *Čizmić I.* Op. cit. S. 282.

¹⁰³ Текст «Манифеста» см., на пример: Града о стварању Југословенске државе... Књ. 2. С. 444–448; *Ђорђевић М.* Указ. соч. С. 282–289.

¹⁰⁴ *Чизмић И.* Акције за Југославенску републику... С. 157, 159–161.

Янко Лаврин во время Первой мировой войны

Янко Лаврин родился в 1887 г. в деревне Крупа в словенской области Белая Крайна. Когда-то, в XV–XVII веках, в этих местах по указанию императора Священной римской империи немецкого народа поселяли ускоков, т.е. беженцев из хорватских и сербских земель, захваченных турками. Им давали надель, оружие, и за это они должны были охранять границы империи от турецких набегов. Белокраинцы отличались от других словенцев особым характером — будучи католиками, они сохранили некоторые обычаи православных предков. По-видимому, сам Лаврин не ощущал себя полностью словенцем. Его приятельница О.И. Лешкова отмечала в своих записках: «По национальности Янко полусерб, полусловенец и знаток литератур всех народов»¹.

Янко Лаврин окончил гимназию в Сушаке, недалеко от хорватского порта Риека. После этого он, опасаясь призыва в австро-венгерскую армию, продал полученное им наследство и уехал из родных мест. Покинув Австро-Венгрию, Лаврин путешествует по Европе, посещает Норвегию, Париж, затем в Праге слушает лекции в университете. В Россию Лаврин приехал осенью 1907 г.² Желание обосноваться в России он объяснял впоследствии тем, что у него было несколько знакомых в Петербурге. Помимо этого он «хотел избавиться от мелочности словенских отношений, особенно зависти. Он был уверен, что в России найдет все возможности для осуществления своих идей»³.

В Петербурге Лаврин слушал лекции в Петербургском университете, поступил в Археологический институт и окончил его. Такие сведения он предоставил при поступлении в Университетский колледж Ноттингема в Англии на должность преподавателя русского языка⁴. Однако эти сведения не подтверждаются документами архива института. Там обнаружено только прошение Лаврина о зачислении его в институт, помеченное датой 18 сентября 1914 г.

Слушал ли Лаврин курс лекций в Археологическом институте, окончил ли его — документов не сохранилось⁵. Если принять во внимание деятельность Лаврина в годы Первой мировой войны, времени у него для этого просто не было. Однако учебу Лаврин продолжал. Есть сведения, что он в марте 1913 г. слушал лекции в университете Осло, а в июне этого же года — в университете Гельсингфорса (Хельсинки)⁶. Получил ли Лаврин высшее образование или нет — вопрос остается открытым. Во всяком случае, необыкновенная любознательность Лаврина, его выдающиеся лингвистические способности сделали его одним из образованнейших людей, серьезным знатоком литературы, искусства, истории, прежде всего, славянских народов. В уже упомянутом заявлении при поступлении на должность преподавателя русского языка в Университетский колледж Ноттингема от 6 сентября 1918 г. Лаврин указывал, что владеет русским, сербским, польским, чешским, английским, французским, итальянским, немецким языками⁷. Этот перечень не полон: Лаврин в нем не упомянул свой родной словенский язык.

В России Лаврин познакомился с обширным кругом интересных людей, прежде всего тех, кто увлекался славянским вопросом. В начале XX в. в России славянская идея, развивавшаяся в русском обществе с 30-х гг. XIX в., приобрела новую форму — неославизм. Неослависты решительно отделяли себя от славянофилов и панславистов. Они объявили своею целью организацию культурного и экономического сотрудничества славянских народов на основе равенства, свободы и братства. В рядах неославистов объединялись и октябристы, и либеральные кадеты, и представители демократически настроенной интеллигенции.

Официально Лаврин не считал себя неославистом, но с самого своего приезда в Россию стал активно пропагандировать славянскую идею. В 1908—1911 гг. он был издателем и соредактором журнала «Славянский мир». Всего вышло 14 выпусков. Соредакторами Лаврина были сначала Матрона Шильдер, а затем польская пианистка и переводчица Мария Хруцкая. Они, по-видимому, оказывали журналу финансовую поддержку, идеологом же его был Лаврин, который писал в него под псевдонимами «Лев Савин», «И.Г.Л.», «Л.», «Л.С.» и др.⁸ Помимо теоретических статей о славянском вопросе, написанных обычно самим Лавриным, «Славянский мир» публиковал переводы произведений славянских писа-

телей. Так, там были напечатаны сочинения словенских писателей И. Цанкара и А. Ашкерца, сербских – Б. Нушича и Р. Домановича, хорватов – А. Шеноа и Р. Каталинича-Еретова, чехов – Я. Врхлицкого и Ю. Зайер и др. В журнал писали статьи приват-доцент Петербургского университета А.И. Яцемирский, профессор Харьковского университета А.Л. Погодин, профессор Петербургского университета П.А. Лавров, основоположник русской психоневрологии В.М. Бехтерев, славянские деятели Л. Пиштелич, И. Костеж, Л. Лесковец, М. Дилянов и др. Таким образом, «Славянский мир» достаточно широко освещал славянскую тематику с помощью квалифицированных авторов. Поэтому журнал вызывал интерес у славянской интеллигенции, в том числе у таких ее крупных представителей, как Т. Масарик и Л.Н. Толстой. Так в письме к О.В. Мудровой от 17 октября 1980 г. Лаврин писал: «Журналом интересовался также Масарик, который был в то время профессором Пражского университета. Я был с ним в личной переписке, и в мае 1910 года получил от него карточку-открытку из Ясной Поляны, которую он кончил словами: “Лев Николаевич Толстой шлет Вам сердечный привет!”»⁹.

В первом номере «Славянского мира» редакция заявляла: «Мы будем касаться наиболее прогрессивных сторон жизни, наиболее культурных начинаний, освещая их с научно-объективной, вполне беспристрастной точки зрения. В политическом отношении мы беспартийны». В этом же номере была опубликована большая статья Лаврина «Русский язык и славяне». Указывая, что славянство могло бы стать огромной культурной силой, он с горечью отмечал, что вместо этого «тянется красной нитью, заполняя целые века, взаимная ненависть, рознь и братская вражда». Эта вражда существует и в настоящее время между русскими и поляками, болгарами и сербами, сербами и хорватами и т.д. Помимо этого славянам пришлось потратить много сил и энергии для борьбы с внешним врагом: татарами, турками, немцами, Римом. Именно поэтому они стали той пищей, которой кормились различные политические спруты вроде Австрии. Но теперь, продолжал Лаврин, славяне поняли, что улучшить свое положение они смогут, лишь прекратив междоусобные распри и объединившись «в совместной работе для лучшего будущего, которое должно принадлежать им». Лаврин подчеркивал, что речь идет не о политическом слиянии славян, эти

идеи остались далеко в прошлом, «но зато тем сильнее обозначается стремление к объединению культурному». Для культурного объединения необходим единый дипломатический славянский язык. Лаврин считал, что им может стать русский язык, язык Тургенева, Толстого, Достоевского. «Язык, на котором говорит 2/3 всех славян, понимаемый от Балкан до Ледовитого океана, от Австрии и Германии до границ Китая, язык, давший миру одну из лучших литератур, больше всех имеет право сделаться языком взаимных сношений всех славян»¹⁰.

Как можно видеть, на взгляды Лаврина относительно культурного объединения славян оказали значительное влияние идеи русского слависта В.И. Ламанского, который в течение нескольких десятилетий пропагандировал принятие русского языка в качестве общеславянского. Лаврин, несомненно, был знаком с произведениями знаменитого слависта, на что указывает тот факт, что он применял в своих статьях то же название для словенцев, которое ввел Ламанский, — «словинцы».

Однако спустя некоторое время введение общеславянского языка не стало для Лаврина конечной целью. В очерке «Славянская идея и мы», опубликованном через три года, он рисовал картину развития мировой культуры. В начале очерка Лаврин решительно отвергал навешивание на современную славянскую идею отрицательных ярлыков «панславизм» и «москвофильство». Цель новой славянской идеи «не разделять человечество на враждебные и непримиримые лагеря, а объединять наиболее родственные части человечества по линии их наибольшего родства и взаимного понимания». Объединение должно происходить на основе «взаимного уважения, взаимного знания и знакомства, взаимной справедливости и прежде всего равенства для всех без исключения». Исходный пункт развития исторического прогресса человек, завершающий — человечество. Нации являются изменяющимися величинами, они без ущерба могут объединяться в более крупные группы на основе близости языков. Лаврин в данной статье отошел от прежнего своего убеждения, что общеславянским языком должен стать русский язык. Здесь он предлагал сделать им какой-либо нейтральный язык, не указывая прямо какой именно. Лаврин считал, что затем эти языковые группы образуют единое человечество, которое должно будет базироваться на христианской морали, не

принимая во внимание различий между разными ветвями христианской религии¹¹.

Мечты о «всечеловечестве» в начале XX в. имели хождение среди некоторых кругов русской интеллигенции, в частности, об этом писал русский философ В.С. Соловьев. Идеи «всечеловечества» или глобализации, как они называются теперь, захватили одно время и Лаврина, который пытался сочетать с ними свое понимание славянской идеи. Но уже к 1913 г. Лаврин от них отказывается. В статье «Славянский вопрос и художественно-литературное сближение» он резко выступил против увлечения «всечеловечеством» некоторых русских интеллигентов, сделав вывод, что именно они «больше всего мешают русскому видеть самого себя». «Русский интеллигент, — продолжал Лаврин, — культурный евнух: в своем лакейском ухаживании за Европой он настолько обезличил себя, что утерял всякую органическую, живую связь со своим народом». Лаврин утверждал: «Каждая нация, каждая раса может внести в сокровищницу общеевропейских ценностей новые ценности, только оставаясь сама собою, исходя из своей самобытности, из своей индивидуальности и развивая ее, а не из подражания, из жизни за чужой счет, которая всегда приводит к культурному паразитизму, культурной беспомощности, лени и лакейству». В связи со своими новыми взглядами Лаврин затронул вопрос о культуре и цивилизации. Он считал, что культура не может быть интернациональной, интернациональной может быть только цивилизация. Он опасался смешения культуры с цивилизацией, полагая, что цивилизация в этом случае «съест» культуру, что приведет к «новому, самому ужасному варварству — варварству цивилизованному». И это, несомненно, должно отрицательно сказаться на культурном развитии человечества, «творчество таланта может быть космополитичным, творчество гения всегда национально»¹². Итак, Лаврин за первый период своего пребывания в России, увлекаясь различными течениями славянской идеи, в конце концов, остановился на идее национальной.

Таким блужданиям словенского деятеля способствовала его необыкновенная коммуникабельность, умение найти общий язык с представителями разных слоев интеллигенции. Легче всего ему удавалось вращаться в художественно-богемных кругах литераторов и художников. Много лет спустя в письме к О.В. Мудровой он

вспоминал о своих русских друзьях В.В. Хлебникове, Б.М. Кустодиеве, А. Белом, М.В. Ле-Дантю¹³. Ле-Дантю был талантливым художником, создавшим художественно-литературную группу «Бескровное убийство», с которой Лаврин общался с 1912 г.

Но Лаврина привлекали и политические, и научные деятели. Российские исследователи жизненного пути Лаврина В.И. Барановский и И.Б. Хлебникова с удивлением отмечают, что «по приезде в Россию Лаврин необъяснимо быстро, с поистине удивительной активностью включается в литературную жизнь Петербурга»¹⁴. Во всех его контактах решающую роль играл интерес данного человека к славянской идее. Помимо издания «Славянского мира» (почти сразу же после приезда в Петербург!), он активно сотрудничает в изданиях «Славянин», «Баян», «Аргус», а во время войны – в сборниках «Перун», «Молодая Русь». В 1912–1913 гг. Лаврин вместе с поэтом Сергеем Городецким издал первый альманах русских и инославянских писателей «Велес». Лаврин активно общается и с русскими научными кругами. Вместе с видными научными деятелями (академиками В.М. Бехтеревым и М.М. Ковалевским, профессорами М.П. Чубинским, Д.И. Семизом, П.А. Лавровым), а также членом IV Государственной Думы А.М. Александровым Лаврин стал одним из семи учредителей Общества славянского научного единения. Его устав министерство внутренних дел утвердило 13 июля 1912 г. В уставе общества были определены его цели: «а) способствовать знакомству между собою ученых различных специальностей и взаимному ознакомлению с их трудами; б) содействовать их общению для совместной научной работы и в) распространению в обществе сведений о научно-культурной и художественной жизни славянства»¹⁵. В 1913 г. силами общества был издан сборник «Славянский вопрос в его современном значении»¹⁶. Статья Лаврина «Славянский вопрос и художественно-литературное сближение», в которой, как было указано выше, он отказывался от своих глобалистских взглядов на развитие культуры, скорее всего, была написана не без влияния слависта П.А. Лаврова. Определенное влияние на изменение взглядов Лаврина оказало и начало Балканских войн, которые прогрессивная интеллигенция рассматривала как последний бой славян с турками за свое освобождение.

В феврале 1913 г., как раз в то время, когда началась Вторая Балканская война, в которой Болгария выступила против своих

прежних союзников Сербии, Черногории и Греции, в Петербурге стала выходить газета «Славянин». Она издавалась с 14 февраля по 21 июля 1913 г. Ее редакция провозглашала своею целью содействие духовному, политическому и экономическому единению славян. В издании газеты принял участие и Лаврин. Он, в частности, способствовал публикации в ней стихов поэта В.В. Хлебникова, посвященных черногорцам¹⁷, а кроме того напечатал в «Славянин» свой рассказ «На горных высотах. Из путевых заметок».

В 1913 г. у Лаврина завязываются сношения с представителями радикального словенского движения «Препород» (Возрождение), объединявшего студентов и гимназистов и пропагандировавшего объединение южных славян. В Петербург к нему приезжал один из руководителей «Препорода» Ловро Клеменчич, который уговаривал Лаврина написать что-нибудь для их газеты, а также посетить Любляну для знакомства с членами общества. Во время своего пребывания в Петербурге Л. Клеменчич жил в семье богатого купца И. Коса, тоже приехавшего из Словении и помимо торговой деятельности занимавшегося шахматами. Вместе с первым русским шахматистом М.И. Чигориным Кос издавал первый шахматный журнал в России «Шахматный листок», который частично финансировал. Кос умер в 1907 г. Скорее всего, Лаврин знал семейство Коса и до приезда Клеменчича. Клеменчич также, по словам Лаврина, посоветовал ему писать в русские газеты статьи об объединении южных славян в духе идей «Препорода». В беседе со словенским историком Я. Плелерским в 1972 г. Лаврин указывал, что после этого он завязал знакомство с издателем консервативной газеты «Новое время» М.А. Сувориным¹⁸. В марте 1913 г. М.А. Суворин предложил ему стать международным корреспондентом своей газеты, пообещав освободить его от репортажей о политике царской России¹⁹.

Лаврин принял приглашение Суворина. Осенью 1913 г., после путешествия по Европе, он нелегально переходит границу Австро-Венгрии, в которой его могли арестовать за уклонение от воинской службы. Сначала он остановился в Триесте, а затем перебрался в Любляну. Здесь он встретился с либеральным публицистом И. Лаксом, с которым договорился о распространении русских книг в словенских землях, вел переговоры с препородовцами, познакомился с писателем Иваном Цанкаром, который им симпатизировал. Его

молодые друзья сумели сделать ему паспорт на имя Михи Чопа, с которым Лаврин отправился в Белград. В Белграде ему удалось договориться с издательством «Книжара Напредок» и Белградским университетом о доставке туда русских книг. Об этом он писал Михаилу Васильевичу Аверьянову, заведовавшему книжным складом книгоиздательства писателей в Москве. А 7 октября 1913 г. Лаврин сообщал Аверьянову об установленных им контактах по поводу продажи русских книг в Любляне и Загребе. Особенно радовал его заказ на русские книги, сделанный владельцем книжного магазина в Загребе «Славенска книжара», одним из основателей Хорватской народной крестьянской партии Степаном Радичем, которого он характеризовал как одного из самых известных и популярных хорватских политических и культурных деятелей²⁰. По-видимому, поручение Аверьянова по распространению русских книг на Балканах стало одной из причин поездки Лаврина по южнославянским землям.

По свидетельству М. Юнггрена весну 1914 г. Лаврин провел в Париже, затем отправился на Пиренеи и именно там узнал о выстреле в Сараево. В Петербург он вернулся только осенью 1914 г.

Уже в начале Первой мировой войны Лаврин, по его словам, был призван в русский Генеральный штаб и ему дали поручение переправить контрабандным путем в Австрию прокламацию великого князя Николая Николаевича, главнокомандующего русской армии, предназначенную для распространения среди славян. Вместе с ним в Генштаб был вызван чех Коничек, получивший такое же задание²¹. В конце сентября 1914 г. Лаврин отправился в Италию, а Коничек – в Швейцарию. В Италии Лаврину удалось наладить связи с будущими представителями Югославянского комитета Анте Трумбичем, Иваном Мештровичем, Нико Жупаничем. Югославянский комитет во время Первой мировой войны действовал на стороне Антанты, руководил движением югославян Австро-Венгрии против держав Тройственной коалиции, выступая за дальнейшее их объединение с Сербией и Черногорией в единое государство. В Венеции Лаврин наладил контрабандную переправу прокламаций. Эти прокламации переправлялись сначала в вагонах с зерном, затем в пассажирских поездах вперемежку с туалетной бумагой. Вернувшись в конце 1914 г. в Петербург, уже переименованный в Петроград, Лаврин через Генштаб передал составленный

при его участии меморандум на имя великого князя Николая Николаевича. В меморандуме выражалось стремление южнославянских народов Австро-Венгрии освободиться от немецкого гнета. Россию и Антанту призывали не идти ни на какой компромисс с Австро-Венгрией²².

Вероятно, такое поручение Генерального штаба России Лаврин получил при содействии М.А. Суворина, имевшего тесные связи с российскими правительственными кругами.

Во время активных военных действий на Балканах в 1915 г. Суворин предложил Лаврину поехать в качестве корреспондента в сербскую армию. Лаврин, не колеблясь, принял предложение Суворина и 10 мая 1915 г. приехал в Ниш, куда из Белграда перебралось сербское правительство.

Особый интерес для Лаврина среди сербских политиков представлял премьер-министр Н. Пашич. Он сумел встретиться с ним буквально в первую неделю своего пребывания в Нише. Лаврин взял у премьер-министра интервью, которое и было опубликовано в «Новом времени» 3/16 марта 1915 г. В разговоре с Плетерским Лаврин отмечал, что Пашич вел с ним беседу на русском языке. Пашич спросил Лаврина, будет ли в России революция, на что тот ответил, что будет, если война продлится еще два года²³. Как можно видеть, разговор был достаточно откровенным. Это интервью получило широкий отклик в мире, его перепечатали газеты в странах Антанты²⁴. В интервью Пашич выразил полную уверенность в победе Антанты, «так как державы борются за великую правду, которая должна восторжествовать, хотя потребует много жертв и много времени». Особо останавливался Пашич на позиции Болгарии, которая как раз в то время стояла перед дилеммой: остаться нейтральной, примкнуть к Германии и Австро-Венгрии или поддержать Россию и страны Антанты. Повернув в сторону Германии и Австро-Венгрии, Болгария «совершит глубокую ошибку», указывал Пашич, ибо после их победы она испытает на себе удары Германии, борющейся против славянства. «Я верю, однако, — продолжал Пашич, — что болгарские правители сумеют понять всю важность момента и решатся идти за Россией, освободительницей, борющейся за осуществление славянских идеалов». Пашич подчеркивал, что в случае присоединения к России Болгария получит и территориальные выгоды. Указав на тяжелое положение Сербии,

Пашич высказал твердое убеждение, что Сербия перенесет все испытания, так как она убеждена «в правоте нашего дела». «Мы ничего не боимся, благодаря словам ободрения России, Франции и Англии, мы перенесем, что угодно, и поможем нашими маленькими силами сломить страшного врага. Мы считаем счастьем участвовать в борьбе за великие идеалы освобождения народов от оков германского милитаризма»²⁵. После этого интервью Пашич проникся доверием к Лаврину и с тех пор всегда принимал его, когда тот просил его об этом.

Весной-летом 1915 г. Лаврин познакомился в Сербии с некоторыми югославянскими деятелями, бежавшими из Австро-Венгрии. Особенно тесные отношения у него завязались с молодым словенским инженером, близким к препородовцам Драгоотином Густиничем. Они все время спорили, ибо Густинич являлся сторонником социалистических идей, которые Лаврин считал неприемлемыми. Словенскому историку Плетерскому Лаврин характеризовал Густинича как догматика-социалиста, честного, но очень амбициозного²⁶. И все же во второй половине августа – первой половине сентября они вместе отправились в поездку по Старой Сербии, Албании, Черногории²⁷. Во время этой поездки Лаврин встретился с черногорским королем Николаем, который наградил его черногорским орденом, с албанским правителем Эссад-пашой²⁸. Особый интерес у него вызвала встреча с русским игуменом сербского Дечанского монастыря Варсонофием, который рассказал ему, что он является последним живым членом группы «Народная воля», организовавшей в 1879 г. покушение на Александра II. Варсонофию удалось бежать в Бухарест, оттуда на Афон, где он принял постриг, и наконец, он обосновался в монастыре Дечаны²⁹.

По возвращении в конце сентября 1915 г. в Ниш Лаврин взял интервью у сербского министра внутренних дел Л. Йовановича, которое было опубликовано в «Новом времени» 22 сентября. Именно в этот день в Сербию началось массированное вторжение германских и австро-венгерских войск, к которым 1 октября присоединилась и болгарская армия. Сербы вынуждены были отступить под ударами превосходящих сил. Вместе с ними – армией и беженцами – отступил и Лаврин. 16/29 ноября в «Новом времени» выходит его статья «Беседа с Пашичем». В этой статье Лаврин передает слова сербского премьер-министра: «Наша страна переживает такие

тяжелые минуты, как никогда. Все существование поставлено на карту... Почти половина Сербии наводнена врагами. Самые богатые места несчастной страны разорены и разорено будет, вероятно, еще больше. Все же мы не поддаемся ни пессимизму, ни отчаянию. Все поправимо, пока дух нашей армии не ослаб. Во всяком случае Сербия будет бороться до конца всеми силами за те идеалы, которые вдохновляли ее до сих пор»³⁰.

В октябре—декабре 1915 г. Лаврин вместе с отступающей сербской армией и беженцами прошел путь Ниш—Кральево—Рашка—Митровица—Приштина—Митровица—Призрен. Из Призрена сербское правительство и двор с частью сербской армии и беженцев отправились через Черногорию к Адриатическому морю, а оттуда они были эвакуированы на греческий остров Корфу. Лаврин отправился с другой частью сербов через албанские земли в город Флорину, а оттуда в Салоники³¹. Затем из Салоник через Корсику он прибыл в Париж, а оттуда и в Лондон. В Лондоне Лаврин встретился с членами уже действующего Югославянского комитета, с его председателем А. Трумбичем и др. Они произвели на него впечатление провинциальных адвокатов. Член Югославянского комитета, словенский либерал Богумил Вошняк удостоился тоже не слишком положительной характеристики, как честный человек, но не выдающаяся личность.

Деятельность Лаврина в пользу Антанты против Австро-Венгрии была известна габсбургскому правительству. В Австро-Венгрии был выписан ордер на его арест и объявлена награда за его голову³².

В феврале 1916 г. Лаврин через Берген и Стокгольм вернулся в Петроград. Там он встретился с несколькими югославянами, в том числе со словенцем Фердинандом Львом Тумой, чиновником страховой компании. Тума хотел издавать газету для военнопленных словенцев. В этом же году в Петрограде была опубликована книга Лаврина «В стране вечной войны. Албанские эскизы», которую цензура с трудом допустила к печати. Она охватывает впечатления Лаврина от двух его поездок. Первая состоялась в августе—сентябре 1915 г., когда Лаврин вместе с Густиничем посетил Косово, Черногорию, Албанию. В это сравнительно спокойное время Лаврин большое внимание уделял этнографическим моментам, запутанной политической ситуации. Последние три главы отражают события

октября—декабря 1915 г., когда Лаврин вместе с сербской армией и беженцами отступал через Косово и Албанию к Салоникам³³.

Исследовательница этого труда Лаврина Т.И. Чепелевская дает ему высокую оценку. «Книга Янко Лаврина, — пишет она, — представляет собой удивительный по глубине восприятия событий начала XX в. в одной из самых горячих точек Европы того времени художественный документ... Его путевые очерки, несомненно, помогают нам представить и понять систему ценностей, основы мировосприятия албанцев, одного из народов Балкан, с которым соседям-славянам приходилось сосуществовать в далеком прошлом и, конечно, придется сосуществовать в будущем»³⁴.

Во второй половине октября 1916 г. Лаврин уехал на Корфу, где в то время находилось сербское правительство, снова в качестве корреспондента «Нового времени». 6/19 ноября 1916 г. в «Новом времени» появилась его небольшая заметка о деятельности австрийцев в оккупированной Сербии и боснийских землях. «Все недвижимые имущества Сербии, владельцы которых покинули страну, — писал Лаврин, — продаются с аукциона. В Сараеве начат слушанием процесс о государственной измене, подсудимых 39 человек»³⁵. 13/26 ноября 1916 г. «Новое время» публикует последнее интервью Пашича, взятое у него Лавриным. В нем сербский премьер-министр с удовлетворением отмечал, что сербская армия, поддержанная союзниками, отвоевывает у немцев родную землю. «Недалеко то время, — указывал Пашич, — когда будет освобождена вся сербско-хорватско-словенская территория и объединена в единое государство, дабы навсегда положить предел стремлению Германии на восток». Пашич обещал, что в новом государстве сербы будут защищать православие, тем более, что славяне-католики все чаще склоняются в пользу славянской литургии. Остановливаясь на судьбе Болгарии, Пашич подчеркивал, что сербы не желают ее уничтожения, однако он указывал, какие территории Сербия хотела бы от нее получить: округ Видина и долину Струмы. Дипломаты должны поставить Болгарию в такие условия, чтобы она не могла стремиться к гегемонии на Балканах и нападать на русских и сербов. «Передайте русским братьям, — заключил свое интервью Пашич, — что истстрадавшаяся Сербия никогда не забудет, что Россия сделала для сербов, и передайте России наше восхищение великолепными действиями русских войск, ведущих ныне бой на сербской территории»³⁶.

В январе–феврале 1917 г. Лаврин находился в Париже, где к нему пришла весть о Февральской революции в России. После этого известия он вновь отправился на Корфу, где продолжало оставаться сербское правительство. По словам Лаврина, Февральская революция в России произвела сильное впечатление на Пашича, ведь в то время никто не предполагал, что к власти придут большевики. Поздней весной или в начале лета Пашич обратился к Лаврину с вопросом, что можно было бы сделать в Петрограде, чтобы ускорить решение югославянского вопроса. Лаврин предложил начать там издавать газету в революционном духе и славянской ориентации³⁷.

Как можно видеть, у Лаврина завязались хорошие отношения с сербским премьер-министром. Когда на Корфу приехали его старые знакомые из Югославянского комитета для переговоров с представителями сербского правительства, Лаврин принял в них участие. О его активной деятельности во время пребывания Югославянского комитета на Корфу свидетельствуют записи в дневнике Б. Вошняка. В начале июля 1917 г. на Западном фронте началось русское наступление, кстати, окончившееся неудачей. В честь него Лаврин организовал на Корфу внушительную демонстрацию, свидетелем которой был Вошняк. «Лаврин — истинный словенец, — записал он в своем дневнике, — организовал большую демонстрацию по поводу русского наступления, такого не бывало на Корфу, вероятно, со времен Одиссея. Масса людей собралась около Англетера и дома Пашича. Югославянский комитет был встречен бурными приветствиями, Трумбич воскликнул громким молодецким голосом: “Да здравствует Сербия, объединенная со всеми сербами, хорватами и словенцами!”»³⁸. Приезд на Корфу делегации Югославянского комитета ознаменовался принятием 20 июля 1917 г. Корфской декларации, подписанной ей и сербским правительством. В ней заявлялось о создании единого югославянского государства, объединявшего все югославянские земли Австро-Венгрии, Черногорию и Сербию. Предполагалось, что оно будет конституционной монархией с династией Карагеоргиевичей во главе. Через несколько десятилетий Лаврин совсем по-другому обрисовал Плетерскому свою роль в корфских событиях. Он утверждал, что не общался с югославянскими политиками, поскольку политика его уже очень утомляла³⁹. Мне кажется, Лаврин лукавил: не мог же Вошняк выдумать ту демонстрацию на Корфу, которую там устроил Лав-

рин! Тем более, что Вошняк делал эту запись в личном дневнике, не рассчитанном на публикацию, которая была осуществлена уже через много лет после его смерти.

В июле же 1917 г. Лаврин отправился в Париж, в надежде оттуда вернуться в Россию. По-видимому, одной из его задач была организация югославянского издания в Петрограде, о котором он говорил с Пашичем. Во всяком случае, он взял с собою Л. Клеменчича, которого Пашич освободил от воинской службы по просьбе Лаврина. Но события, разворачивавшиеся в России, пугали его. Позднее, 27 января 1985 г., он так характеризовал словенскому эмигранту, покинувшему родину после Второй мировой войны, Р. Ленчику свои размышления по этому поводу: «Дезинтеграция царской армии и ранние симптомы возможной гражданской войны заставили меня прервать мою поездку и остановиться в Лондоне с тем, чтобы подождать и посмотреть, что будет происходить. В то время как ситуация в России менялась от плохой к худшей (становилась все хуже и хуже), я вынужден был остаться в Лондоне, моя газета также была приостановлена, и я был в одночасье лишен средств к существованию»⁴⁰. Те же самые причины отказа от возвращения в Россию сообщил Лаврин своему английскому коллеге М.В. Джунсу⁴¹. Что касается Клеменчича, то он отправился в Россию один. Позднее Лаврин встретился с Д. Густиничем и Л. Клеменчичем. Оба они к тому времени уже были видными коммунистами.

К причинам, побудившим Лаврина не возвращаться в Россию, стоило бы добавить и известие о смерти его друга, художника Ле-Дантю, погибшего 25 августа 1917 г. во время железнодорожной катастрофы в прифронтовой полосе. Лаврин был убежден, что его убили большевики. И наконец, Лаврина могло беспокоить то, что его участие в разведывательной деятельности русского Генштаба будет отрицательно оценено новыми властями. Надо еще иметь в виду, что вообще революционные события вызывали у Лаврина неприязненное отношение. Еще в 1910 г. в статье «Культурное движение южных славян в XIX веке» он, с восторгом описывая иллирийское движение южных славян, с горечью замечал: «Эту зарю закрыла огромная туча, которая незаметно все время надвигалась. Это был несчастный 1848 год»⁴². Революцию 1848 г., которую прогрессивное человечество называло «весной народов», Лаврин рассматривал как несчастный год!

В Англии Лаврин прожил остальные 70 лет своей жизни. Он сделал там хорошую карьеру: в 1918–1952 гг. занимал должность заведующего славянским отделением Ноттингемского университета, в 1921 г. стал одним из создателей международной писательской организации «ПЕН клуб», долгое время возглавлявшейся английским писателем Д. Голсуорси. В 1965 г. Лаврин организовал на озере Блед в Словении ПЕН конгресс. Однако Россия, в которой он пробыл менее 10 лет, навсегда осталась главным предметом его интересов. Лаврин не только всю жизнь преподавал русский язык, он является автором многочисленных трудов о русских писателях: Н.В. Гоголе, М.Ю. Лермонтове, И.А. Гончарове, Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом. А в 1973 г. Лаврин выпустил в свет исследование «Панорама русской литературы». «Янко Лаврин, — справедливо отмечает русская исследовательница Ю.А. Созина, — сам называл себя человеком мира, но всегда оставался словенцем, славянином. Россия дала ему очень много для развития его как личности и как ученого, и он оставался верным ей до конца своих дней»⁴³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Косик О.П.* Воспоминания о знакомстве с Лавриным (к публикации писем Я.Лаврина к автору) // Янко Лаврин и Россия. М., 2011. С. 177.

² *Барановский В.И., Хлебникова И.Б.* Хронология жизни Янко Лаврина в России: 1907–1917 // Янко Лаврин и Россия. С. 309–310.

³ Там же. С. 309–310.

⁴ *Джоунс М.В.* Лаврин в Британии (1917–1986) // Янко Лаврин и Россия. С. 90.

⁵ *Барановский В.И., Хлебникова И.Б.* Указ. соч. С. 312.

⁶ Там же. С. 320.

⁷ *Джоунс М.В.* Указ. соч. С. 91.

⁸ *Созина Ю.А.* Восприятие работ Янко Лаврина в Современной России // Янко Лаврин и Россия. С. 11 (прим.3), 12.

⁹ Письма Янко Лаврина к О.В. Мудровой // Янко Лаврин и Россия. С. 265–266.

¹⁰ Славянский мир. СПб., 1908. № 1. С. 1, 43–45.

¹¹ Славянский мир. 1911. № 1. С. 1–7.

¹² *Лаврин Я.* Славянский вопрос и художественно-литературное сближение // Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913.

¹³ Письма Янко Лаврина к О.В. Мудровой. С. 274.

¹⁴ *Барановский В.И., Хлебникова И.Б.* Художественно-литературная группа «Бескровное убийство» и Янко Лаврин как основной персонаж одноименного журнала // Янко Лаврин и Россия. С. 55.

¹⁵ *Барановский В.И., Хлебникова И.Б.* Хронология... С. 316.

¹⁶ Там же. С. 55.

¹⁷ *Юнгрен М.* Янко Лаврин и «славянская идея»: воспоминания о России // Янко Лаврин и Россия. С. 19.

¹⁸ *Pleterski J.* Pogovor s profesorjem Jankom Lavrinom // Melikov zbornik. Ljubljana, 2001. S. 185.

- ¹⁹ *Юнгрен М.* Указ. соч. С. 21.
- ²⁰ Письма. Я. Лаврин к М.В. Аверьянову // Янко Лаврин и Россия С. 251–254.
- ²¹ *Pleterski J.* Op. cit. S. 186.
- ²² *Барановский В.И., Хлебникова И.Б.* Хронология... С. 324.
- ²³ *Pleterski J.* Op. cit. S. 186
- ²⁴ *Барановский В.И., Хлебникова И.Б.* Художественно-литературная группа... С. 59.
- ²⁵ Сообщения военного корреспондента на Балканах в газете «Новое время» (1915–1916) // Янко Лаврин и Россия. С. 258–259.
- ²⁶ *Pleterski J.* Op. cit. S. 186.
- ²⁷ *Барановский В.И., Хлебникова И.Б.* Хронология... С. 325–326.
- ²⁸ *Юнгрен М.* Указ. соч. С. 23–24.
- ²⁹ *Pleterski J.* Op. cit. S.187.
- ³⁰ Сообщения военного корреспондента на Балканах... С. 243–244.
- ³¹ *Барановский В.И., Хлебникова И.Б.* Хронология... С. 327.
- ³² *Барановский В.И., Хлебникова И.Б.* Художественно-литературная группа... С. 59–60.
- ³³ Там же. С. 60.
- ³⁴ *Чепелевская Т.И.* Албанцы в «Албанских эскизах» Я. Лаврина (по материалам книги «В стране вечной войны» // Янко Лаврин и Россия.
- ³⁵ *Лаврин Я.* Австрийское хозяйничанье в Сербии // Янко Лаврин и Россия. С. 244.
- ³⁶ Сообщения военного корреспондента на Балканах Я. Лаврина // Янко Лаврин и Россия. С. 244–245.
- ³⁷ *Барановский В.И., Хлебникова И.Б.* Хронология... С. 331.
- ³⁸ *Vošnjak B.* Dnevnik iz prve svetovne vojne. Ljubljana, 1994. S. 203.
- ³⁹ *Pleterski J.* Op. cit. S. 188.
- ⁴⁰ *Барановский В.И., Хлебникова И.Б.* Хронология... С. 332.
- ⁴¹ *Джоунс М.В.* Указ. соч. С. 89.
- ⁴² *Лаврин Я.* Культурное движение южных славян в XIX веке // Янко Лаврин и Россия. С. 206.
- ⁴³ *Созина Ю.А.* Указ. соч. С. 10–12.

Ф.Л. Тума и его газета «Югославия»

Газета «Югославия» стала первым словенским периодическим изданием в России. Выпускал ее в Петрограде в 1916–1917 гг. словенский патриот Фердинанд Лев Тума. Он, пожалуй, являлся самой значительной фигурой среди словенцев, волею судеб оказавшихся в России в годы Первой мировой войны. Несмотря на неблагоприятные для его начинаний обстоятельства, Тума сделал в это переломное время все, чтобы помочь своим соотечественникам и оказать посильное влияние на определение дальнейшей судьбы своего маленького народа, в течение многих веков входившего в состав империи Габсбургов и вставшего лицом к лицу с проблемой выживания, сохранения своей национальной идентичности при вероятном будущем переделе государственных границ.

Национально-патриотическая деятельность этого человека не привлекла еще, к сожалению, серьезного внимания словенских историков. Пожалуй, до сих пор наиболее полно она освещена в статье Д. Кермавнера в «Словенском биографическом лексиконе»¹. Почти не изучен и важнейший период жизни Тумы в России в годы Первой мировой войны. В начале 1920-х гг. очень кратко упомянули о деятельности Ф.Л. Тумы (главным образом, в связи с изданием его газеты «Югославия») словенский историк Д. Лончар², а также чешская исследовательница М. Паулова³. Из российских историков первым обратился к деятельности Ф.Л. Тумы в России Е.Ф. Фирсов, осветивший в своих статьях ряд ее аспектов⁴.

Ф. Л. Тума (1883–1961 гг.) был племянником Хенрика Тумы, одного из крупнейших теоретиков социал-демократического движения в словенских землях. Отец его был сапожником. Родился Тума в Любляне, закончил Академию внешней торговли в Вене, затем изучал экономику и страховое дело в университетах Геттингена и Лондона. Страховым делом он, кстати, решил заняться во многом под впечатлением от блестящей финансовой карьеры одного из лидеров словенских либералов, русофила И. Хрибара. Ф.Л. Тума

был широко образованным человеком, знал 8 иностранных языков. Параллельно с работой по профессии он занимался литературным творчеством, публицистикой, общественно-политической деятельностью. В 1905 г. он начал издавать журнал «Нови эссеи» (Novi Esseji), в 1905–1906 гг. являлся главным редактором газеты младолибералов «Наш лист» (Naš List), в 1907 г. стал корреспондентом либеральной газеты «Словенски Народ» (Slovenski Narod). На протяжении многих лет Тума поддерживал сотрудничество со словенскими как социал-демократическими («Наши Записки» Naši Zapiski, «Делавски лист» Delavski List), так и либеральными: («Единост» Edinost, «Словенски народ») изданиями. Во время Первой мировой войны он продолжал присылать свои корреспонденции в «Единост», «Глас свободы» (Glas Svobode, орган югославянских эмигрантов в Чикаго) и др.

По политическим убеждениям Тума был сначала младолибералом, но уже в 1907 г. вступил в Триесте в ряды Югославянской социал-демократической партии. Его югославянские симпатии ярко проявились во время Балканских войн. В начале Первой Балканской войны, воодушевленный первыми победами балканских славян, Тума совершил поездку в Белград и Софию, а вернувшись, 20 ноября 1912 г. прочитал лекцию на собрании политического общества «Напреј» (Naprej) в Целье, в которой рассказал «об истории балканских югославян и о впечатлениях, полученных во время посещения Сербии и Болгарии»⁵.

Как и многие словенские интеллигенты того времени, Ф.Л. Тума проявлял большой интерес к России как к великой славянской державе, потенциальной «защитнице» славян в их борьбе против немецкого ига. В 1903 г. он впервые побывал в России (доехал до Одессы), о чем оставил незаконченную статью «Как я ездил в Россию». В период российской революции 1905 г. Тума подчеркивал необходимость перехода от прежнего русофильства к ориентации на новую, революционную Россию, которая, став современным парламентским государством, сможет лучше понимать и защищать интересы австрийских славян.

В 1910–1913 гг. Ф.Л. Тума работал в Триесте в Союзе страховых обществ Адриатики, а весной 1914 г. он отправился в Петербург в качестве представителя датской фирмы «Саламандра». Все время Первой мировой войны он провел в Петрограде, где активно

включился в общественно-политическую жизнь югославыян в России. Сблизился Тума прежде всего с кругом хорватского эмигранта К. Геруца, хорватского сепаратиста, придерживавшегося антисербских позиций. М. Паулова, на наш взгляд, справедливо охарактеризовала его идеологию как «смесь славянофильства и франковских идей»⁶.

Благодаря связям Геруца в российском МИДе Тума имел возможность напрямую обращаться к властям. Уже в августе 1914 г. он послал на имя министра иностранных дел С.Д. Сазонова «Записку о Триесте», в которой доказывал, что Триест должен принадлежать словенцам⁷. Остальные записки, посланные Тумой в МИД, датированы 1916 г. Это рукописный очерк «О словенцах в Америке» (май), «Очерк словенской политики с древних времен до войны 1914 года» (июнь), характеристика словенского либерала, члена Югославянского комитета Б. Вошняка (ноябрь).

Активное участие он принимал в деятельности созданного в 1915 г. по инициативе К. Геруца хорватско-русского Общества памяти Ю. Крижанича, хотя формально и не являлся его членом⁸. Это общество ставило своей задачей политическое, экономическое и культурное объединение славянства, главная роль в осуществлении этого отводилась России⁹. Его членами велась большая культурно-просветительская работа, устраивались публичные лекции по истории, культуре и литературе славян. Отдельное заседание общества было посвящено теме «Словенцы, их история и литература»¹⁰.

Общество памяти Ю. Крижанича выдвинуло инициативу оказания поддержки находящимся в России военнопленным славянам. Оно включилось в формирование добровольческих отрядов из южных славян, прежде всего Сербского добровольческого корпуса¹¹. Сербский добровольческий корпус был создан летом 1916 г. в Одессе, и среди 19 тыс. вошедших в него добровольцев оказалось немало словенцев.

Познакомившись еще весной 1915 г. с приехавшим в Петроград членом Югославянского комитета хорватом Ф. Супило, Тума предложил организовать издание газеты для военнопленных югославыян. Эту идею Югославянский комитет поддержал и даже выслал своему представителю в Петрограде А. Мандичу 100 фунтов стерлингов на первые расходы. Однако из-за разногласий между Мандичем и кругом Геруца, к которому был близок Тума, издание газеты тог-

да не было осуществлено¹². И не только из-за них. Следует учитывать и политические обстоятельства. В серии очерков «Россия в 1914–1918 гг.», опубликованной в триестской газете «Единост» в 1919 г., Тума справедливо отмечал: «Ситуация была такова, что в России о словенцах вообще ничего не знали, и стремления словенцев ни у кого не находили поддержки», и открытию словенской газеты «русское правительство создавало большие препятствия»¹³. Еще в феврале 1914 г. И. Хрибар во время встречи с С.Д. Сазоновым рассказал российскому министру иностранных дел, ничего не знавшему о словенцах, о своем народе, но у словенского русофила сложилось впечатление, что Сазонов считал, что словенцы из-за своей малочисленности и небольших размеров территории являются слишком незначительным фактором, чтобы русская политика принимала его во внимание¹⁴. Весной 1915 г. Ф. Супило из бесед с Сазоновым также вынес впечатление, что тот не знает ни того, кто такие словенцы, ни того, что они вообще существуют¹⁵.

К тому же российский министр, будучи человеком глубоко верующим, в целом негативно относился к идее создания югославянского государства, считая, что присоединение к православным сербам католиков – хорватов (словенцев он, разумеется, вообще в расчет не принимал) ослабит влияние России в Сербии¹⁶. Пока он занимал пост министра иностранных дел, даже выпуск газеты под названием «Югославия» был невозможен. Так, издававшейся с начала 1916 г. в Одессе газете для югославянских военнопленных пришлось дать название «Славянский юг»¹⁷.

В сентябре 1915 г. по инициативе Ф.Л. Тумы было создано словенское общество «Югославия». Той же осенью словенцы, проживавшие в Петрограде, приняли решение о немедленном установлении печатного органа для словенских военнопленных, однако осуществить его удалось только через год.

Словенский исследователь У. Липушчек в опубликованной в 2012 г. монографии отмечает, что «русская политика оставалась по отношению к словенцам совершенно жесткой, равнодушной и беспощадной вплоть до развала царской России»¹⁸. Это утверждение кажется слишком категоричным. В июле 1916 г., с назначением на должность министра иностранных дел близкого ко двору Б.В. Штюрмера, а затем сменившего его на этом посту Н.Н. Покровского (30 ноября 1916 г. – 2 марта 1917 г.) ситуация несколько изме-

нилась. Штюрмер не желал усиления Сербии и, в противовес ей, поддерживал национальные движения католических славян – словаков, хорватов и словенцев¹⁹. Позиции Геруца, считавшегося «человеком Штюрмера», и Тумы укрепились. По мнению Ф.Л. Тумы, осенью 1916 г., после ряда военных поражений, российское правительство «стало намного больше интересоваться вопросом австрийских славян, поскольку считалось с вероятностью того, что одной богатырской силой невозможно будет раздробить Австрию, и что решить эту задачу следует путем расширения революционного движения среди славянских народов Австро-Венгрии»²⁰. С этой целью в Министерстве иностранных дел был создан департамент по особым политическим делам, возглавил который бывший российский генеральный консул в Будапеште Михаил Григорьевич Приклонский, в чьем ведении находилась Австро-Венгрия. «Лишь тогда, – писал Тума, – русское правительство начало изучать и югославянский вопрос и собирать материалы, и позвало в министерство также одного словенца в качестве профессионала-консультанта»²¹.

Судя по всему, этим консультантом стал сам Тума, к тому времени отправивший в Министерство иностранных дел уже довольно много материалов (см. выше). К тому же, еще весной 1916 г., когда Тума выразил желание получить работу в одном из русских страховых обществ, для чего ему было необходимо подтвердить право на проживание в Петрограде, за его благонадежность поручился А.Ю. Геровский, являвшийся в то время экспертом по австро-венгерским и балканским делам при Министерстве иностранных дел. Он дал краткие биографические сведения о Туме, подчеркнув его сотрудничество в органах печати «либеральной (т.е. антикатолической, русофильской) партии»²², и подытожил: «Его (Тумы. – Л.К.) политические воззрения мне хорошо известны: он убежденный русофил, желающий возможно более тесного единения славян под главенством России»²³.

В пользу того, что словенским консультантом МИДа стал именно Тума, говорит и тот факт, что, когда члены Югославянского комитета И. де Джули, И. Баньянин, Д. Тринайстич и Б. Вошняк в ноябре 1916 г. хлопотали о разрешении приехать в Россию с целью пропаганды идеи объединения всех югославянских земель²⁴, министерство обратилось к Туме и к хорвату В. Мандичу с просьбой

охарактеризовать этих югославянских деятелей (на предмет благонадежности).

Так что, призывая в первом номере газеты «Югославия» своих соотечественников присылать ему подробные известия обо всем, что происходит на родине, о настроениях словенцев, Ф.Л. Тума не без оснований утверждал, что является единственным словенцем, «которому открыт путь к русскому правительству», и что только он «имеет возможность информировать властные круги о настоящих желаниях и стремлениях словенцев»²⁵.

8 октября 1916 г. 1–2 номер газеты «Югославия» наконец увидел свет. Газета выходила как «орган словенцев» и лишь в последнем ее номере была переименована в «независимый югославянский орган». Сначала редакция собиралась распространять газету среди американских словенцев и получать от них материальную поддержку (Тума имел хорошие связи с органом югославянских эмигрантов в Чикаго «Глас свободы» и часто посылал туда свои публикации). Однако, как упоминал в № 7–8 сам Тума, «почти одновременно с началом выхода газеты старое русское правительство запретило посылать из России все газеты. Для «Югославии» это был очень тяжелый удар», поскольку выпуск ее стал зависеть исключительно от добровольных пожертвований, надежды на которые не оправдались²⁶. Поэтому Тума издавал газету, в основном, на личные средства (отдавал в типографию «свои последние рубли»). Цена годовой подписки была 5 рублей, военнопленным, не имевшим средств, газета посылалась бесплатно. Тираж газеты сначала составлял 1200 экземпляров, позже увеличился до 3000²⁷.

Всего с октября 1916 г. по сентябрь 1917 г. вышло 9 номеров «Югославии», все, кроме последнего, сдвоенные. Официальным редактором издания сначала значился преподаватель гимназии чех Антон Микш. В первых номерах газеты печатались статьи на русском и словенском языках. Летом 1917 г. «Югославия» стала официальным органом, по словам Тумы, также «тех сербов и хорватов, которые встали на югославянскую позицию». Функции ее редактора взял на себя выпускник Загребского университета, юрист, хорват Звонимир Шврлюга. Членами редакции являлись Тума и словенец из г. Ипавы Цирил Кобал. В 7–8 и 9 номерах газеты все материалы уже печатались на словенском и сербо-хорватском языках. Расходы на газету стремительно росли и, когда для выпуска одного ее но-

мера потребовалось уже 800 рублей, «Югославия» прекратила свое существование²⁸. Октябрьская революция в России окончательно поставила точку на этом предприятии.

Единственная полная подшивка газеты находится в Рукописном отделе Национальной и университетской библиотеки в Любляне. Его подарил библиотеке в 1919 г. сам Тума, к тому времени вернувшийся на родину.

Очевидно, что Тума ставил перед своим изданием двойную задачу. С одной стороны, это первое в России словенское издание осуществлялось с целью продолжить борьбу за национальное существование словенцев, по словам Тумы, «пополнить нашу (словенскую. — Л. К.) национальную организацию за пределами своей родины»²⁹. В составленном Тумой списке соотечественников значилось более 700 словенцев, но это «лишь малая часть». В статье «Сколько нас в России?» Тума обратился ко всем «сознательным словенцам» с просьбой откликнуться, сплотиться в единую словенскую организацию для борьбы за свои права и для «облегчения нашего будущего положения»³⁰. Он объявил об открытии им учреждения для помощи нуждающимся, предлагая бесплатно следующие услуги: советы и посредничество при подаче прошений, помощь в ведении переписки, посылка книг и газет, помощь специалистам в трудоустройстве и т.д. Отметив, что в России для словенцев нет никаких фондов поддержки, он призвал всех соотечественников по возможности помогать нуждающимся.

С другой стороны, изначально газета была адресована не только словенскому, но и русскому читателю. В первых шести ее номерах печатались обширные статьи на русском языке. Наиболее значительными из них являются вводная статья «От редакции и издательства» (№ 1—2), «Борьба словенцев за свою свободу» (№ 3—4), «Югославянская идея в прошлом и настоящем» (№ 5—6). Во всех этих публикациях Тума старался ознакомить российскую общественность с историей и культурой словенцев, их надеждами и чаяниями, подчеркивал тесную взаимосвязь и общность задач словенского, хорватского и сербского народов и необходимость их объединения. Очевидно, что издатель «Югославии» стремился пробудить интерес и сочувствие к судьбе своего народа в широких кругах российской интеллигенции, используя для этого не только обращения к правительству (записки в МИД), публичные выступления, но и свою газету.

Тума, по-видимому, сам писавший большую часть статей, выдвинул независимую политическую программу, которая, по его словам, была посвящена «исключительно словенской национальной, а не партийной политике» (тем самым он отмежевался от всех словенских политических партий). Программа его действительно не походила на все остальные словенские партийные программы, хотя и включала в себя многие положения, характерные, впрочем, скорее для либералов-русофилов, чем для социал-демократов:

Итак, основные пункты программы, представленной Тумой в статье «Чего мы хотим?»:

1. Создание Объединенной Словении, т. е. объединение всех словенских земель в автономную во внутренних вопросах «Словению».
2. Объединение с хорватами и сербами в государство «Югославия», построенное на федеративной основе, а также установление его непосредственной территориальной связи с будущим свободным чешско-словацким государством.
3. Союз всех славянских государств под эгидой России «для полной победы над немцами» и тесное сближение славян с русской национальной культурой и русским образом мысли³¹.

Эти основные тезисы, варьируясь, развивались и обосновывались в разных статьях в каждом номере газеты. Главным для Тумы было объединение словенцев как гарантия их дальнейшего существования и свободного развития. В ряде статей подчеркивается, что хотя словенцы являются «самой меньшей ветвью славянского племени», «в отношении развития и культурности народных масс» они занимают среди южных славян первое место, а из австрийских славян уступают в этом отношении только чехам. Немцы веками угнетали словенцев, а словенцы боролись за свое национальное существование. Мировую войну Тума рассматривал (вполне в духе других словенских политиков) как «борьбу не на жизнь, а на смерть между немцами и славянами». Если бы Австрия победила, для словенцев наступили бы тяжелейшие времена. «Прошло бы менее ста лет, и от нас осталось бы только воспоминание». Поэтому у словенцев только один путь – прочь от Австрии!³²

Малочисленность словенцев издавна побуждала их искать союзников среди родственных им славянских народов – хорватов и сербов. Каждый из югославянских народов сам по себе мал и слаб,

но, объединившись, они станут «великой силой»³³. Именно словенцы, по мнению Тумы, явились «пионерами» югославянского объединения и «дали этой идее ее глубокое культурное содержание»³⁴. Только словенцы «никогда не проявляли национальной нетерпимости» и не имели конфликтов ни с сербами, ни с хорватами, ни с болгарам. Объединение должно основываться на полном равноправии «Великой Сербии», «Великой Хорватии» и «Великой Словении». Если в начале Первой мировой войны Тума выступал за образование Югославии только при условии, что в нее войдут и болгары, то после вступления Болгарии в войну против России его симпатии к болгарам сошли на нет. В статье «Югославянская идея в прошлом и настоящем» он писал: «Болгары сейчас как будто больше не существуют для нас», и включить их в состав Югославии не предполагается³⁵.

Границей между будущими дружественными чехословацким и югославянским государствами должен был, по мнению Тумы, стать «коридор к морю», т. е. непосредственная связь западных славян с Адриатическим морем через словенские земли к Триесту (по штирийско-венгерской границе)³⁶.

Славянские народы, по глубокому убеждению Тумы, должны опираться на «своего старшего брата — Россию». Тума подробно развивает эту мысль в статье «Что значит для нас Россия». В сближении с русской культурой он видит «единственную возможность бороться за сохранение нашей национальности против немецкого гнета». Поэтому «борьба России и ее союзников против Австрии, — утверждает Тума, — это тоже и наша борьба»³⁷. Русофильство для него — путь спасения, поскольку именно с Россией, выказавшей себя защитницей югославян, связаны все надежды славян. Чтобы русские, мало знающие о словенцах, поняли, что они с ними «одно и то же», словенцы должны «показать не на словах, а на деле», что они — за Россию. Русский язык должен стать для словенцев «вторым родным языком». Вернувшись из России домой, — писал Тума, — «и дома мы будем учить русскому своих друзей, своих детей». Знание языка «станет ключом к культуре самого могущественного из славянских народов», преградой «немецкому морю», связующим звеном между всеми славянами. Культурное сближение славян приведет к сближению политическому и экономическому, а также проложит путь «к окончательному объединению всех

славян в одно великое и могучее всеславянское государство под руководством России»³⁸.

Таковы вкратце основные идеи, пропагандировавшиеся Тумой в газете «Югославия». Очевидно, что в этот период своей жизни в России он проявил себя как убежденный словенский патриот, сторонник равноправной федеративной Югославии и русофил с панславистским уклоном. Вполне вероятно, впрочем, что многие из его высказываний о России были продиктованы политической необходимостью (учитывая, что он находился в России и связывал с ее поддержкой свои планы) и стремлением привлечь внимание и симпатии русской общественности к словенцам.

В газете «Югославия» освещались самые разнообразные темы – российская и европейская политика, в том числе и политические акции разных славянских народов, положение словенцев в России, ситуация в словенских и других югославянских землях и т.д. Например, в 1–2 номерах газеты была помещена статья «Югославянский комитет в Лондоне», в которой давалась подробная характеристика задач комитета и его деятельности, напечатан манифест Югославянского комитета «Британскому народу и парламенту» (15 мая 1915 г.)³⁹.

В 3–4 номерах подробно освещалось одно из крупнейших событий в словенской национально-политической жизни – раскол в клерикальной Всесловенской народной партии, являвшейся безусловным политическим лидером в словенских землях. После начала войны разногласия, давно уже существовавшие между ее консервативным течением, возглавлявшимся лидером партии И. Шуштершичем, и христианскими социалистами во главе с Я.Е. Креком обозначились еще резче, а в 1916 г. дело дошло до раскола в ее рядах. И. Шуштершич и его единомышленники были настроены проавстрийски и антисербски. Я.Е. Крек, А. Корошец и их приверженцы придерживались югославянских взглядов (в рамках австрославизма) и ориентировались на государства Антанты. Открытый конфликт произошел весной 1916 г., когда Шуштершич самовольно исключил Крека из партии⁴⁰. В «Югославии» давалась подробная характеристика двух лидеров католиков – И. Шуштершича и Я. Крека, причем симпатии автора явно были на стороне Крека – он дал высокую оценку деятельности лидера христианских социалистов и даже назвал его «маленьким словенским Клемансо».

Редакция «Югославии» выразила свое отрицательное отношение к расколу, произошедшему тогда, когда народу «нужно собрать все свои силы вокруг общей программы защиты своих границ»⁴¹.

В разделе «Домашние известия» публиковались последние новости о том, что происходило в Крайне, Штирии, Каринтии, Горице, Триесте, Истрии, а также в Хорватии. В рубрике «Разное» помещались разнообразные интересные сведения о жизни словенцев в словенских землях и за рубежом, в том числе — о судьбах словенских национальных деятелей, о преследованиях их со стороны австрийских властей. Поскольку Тума энергично занимался проблемой облегчения участи словенских (и вообще югославянских) военнопленных и защиты их национальных прав, особое внимание в этой рубрике уделялось судьбе словенских воинов. Указывалось, кто ранен или погиб, кто вступил в сербский корпус и т. д. В разделе «Помощь словенцам» приводились сведения о добровольных пожертвованиях на различные нужды словенцев.

В 1916 г. в Сербском добровольческом корпусе разгорелся конфликт, причиной которого был шовинизм сербских офицеров, не желавших считаться с национальными правами хорватов и словенцев. Общество памяти Крижанича резко осудило действия сербского командования корпуса и выдвинуло ряд требований с целью обеспечить в нем равноправие словенцев и хорватов: переименовать Сербский корпус в югославский, уравнять в правах использование латиницы и кириллицы, организовать отдельные хорватские и словенские полки, не смешивать католиков с православными. Сербское военное руководство корпуса воспротивилось этим инициативам. Возглавлявший сербский корпус генерал М. Живкович и представитель Югославянского комитета в России Ф. Поточняк при посредничестве сербского посла Мирослава Спалайковича обратились к российскому правительству, настаивая на закрытии Общества памяти Крижанича и запрещении выпуска газеты «Югославия». Правительство на их пожелания не отреагировало, а в декабре 1916 г. генерал Живкович уже пересмотрел свою позицию и обратился к сербскому правительству с просьбой заменить название корпуса на «югославянский»⁴². После Февральской революции хорваты и словенцы выступили с осуждением сербского шовинизма и заявили, что воюют за создание равноправной Югославянской федерации. Реакция сербского командования на эти выступления

была резко отрицательной, после чего многие хорваты и словенцы вышли из состава корпуса и вступили в ряды русской армии. В этих условиях сербское командование пошло на уступки, переименовав Сербский добровольческий корпус в Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев.

Странно, что Югославянский комитет в Лондоне, по утверждению М. Пауловой, усмотрел в публикациях газеты «Югославия» тенденцию «пробудить антипатию к сербам и расколоть сербский отряд»⁴³. Первые статьи, сообщавшие о расколе в Сербском добровольческом корпусе, были напечатаны в № 7–8 газеты, в том же самом номере, в начале которого Тума упомянул о «травле» газеты. Он поведал о безуспешных попытках, предпринимавшихся окружением М. Спалайковича, «уничтожить «Югославию», а ее издателя отправить «на сибирскую каторгу или даже на виселицу, и с этой целью обвинить газету в том, что она якобы выходит на средства австрийского правительства, а издателя в том, что он состоит на тайной австрийской службе». Слухи о проведении в его квартире обыска Тума решительно опроверг⁴⁴. И лишь начиная с этого номера (в 7–9 номерах «Югославии») стала печататься статья на сербо-хорватском языке «Сербский добровольческий корпус» (незавершенная публикация)⁴⁵, в которой подробно описывались причины конфликта в корпусе и его развитие, злоупотребления сербского руководства корпуса, притеснения сербами словенских и хорватских солдат и офицеров. В первых шести номерах газеты не было публикаций, имеющих антисербский характер. Скорее всего, причиной требования запретить наряду с Обществом памяти Крижанича и газету «Югославия» стали не столько предшествовавшие публикации газеты, сколько активное сотрудничество Тумы с Обществом памяти Крижанича и его близость к К. Геруцу, выступавшему с антисербских позиций.

В статье «Югославянский революционный отряд» выражалось удовлетворение по поводу образования югославянского корпуса, к хорватам и словенцам был обращен призыв вступать в его ряды⁴⁶.

Октябрьская революция, полностью изменившая все политические декорации в России, свела на нет и планы Тумы. Газета «Югославия» прекратила свое существование. Ее редакторы хорват Шврлюга и словенец Ц. Кобал бежали из Петрограда в марте 1918 г. В том же году и сам Тума был отозван руководством фирмы

в Копенгаген и уехал из большевистской России вместе с семьей. В письме к своей тете Марии (от 24 мая 1918 г.), посланном еще из России, Тума писал: «Этих Содома и Гоморры не может представить себе никто, кто их не видел своими глазами и не слышал своими ушами». Он не принял новую власть и установленные ею порядки. «Я в будущность большевизма не верю, тем более в России», — писал он тете в 1919 г.⁴⁷ Тот год он провел в Любляне и Загребе, в 1920 г. ненадолго вернулся в Россию. С 1923 г. по 1946 г. (до пенсии) Тума являлся директором Первого чешского страхового банка в Праге. С 1947 г. и до смерти жил в г. Мальме (Швеция).

Издание газеты «Югославия» стало одной из важных вех политической и культурно-просветительской деятельности Ф.Л. Тумы в России. В этой газете поднимались важнейшие вопросы, касающиеся дальнейшей судьбы словенского народа, велась широкая просветительская и пропагандистская работа. Ее публикации способствовали сплочению словенцев, волею судеб оказавшихся в России в переломные годы Первой мировой войны, а также оформлению у них югославянской политической ориентации, развитию идей славянского единства. Для многих из них она стала единственным звеном, связывавшим их с родиной.

В то же время газета «Югославия» выполняла и другую немаловажную задачу — знакомила российских читателей со словенцами, их историей, культурой и национальными чаяниями. В ней, как и в докладных записках, адресованных российскому Министерству иностранных дел, Тума стремился как можно подробнее ознакомить правительственные круги и общественность России с экономической, политической и культурной жизнью словенцев, с их нуждами и желаниями — в надежде, что Россия обратит внимание на тяготы маленького славянского народа и при осуществлении своей внешней политики будет учитывать и его интересы. Убежденность Тумы в особой роли России как опоры славян оставалась незыблемой вплоть до Октябрьской революции. Позже он утверждал, что у русского правительства сложилось благоприятное мнение о словенском народе — что он «надежен и заслуживает доверия» и является «среди всех славянских народностей в России наименее склочным». Особенно же импонировал российским правительственным кругам, по мнению Тумы, высокий уровень культурного развития словенцев по сравнению с другими славянами (за исклю-

чением чехов)⁴⁸. Сложно судить, насколько соответствовали действительности эти утверждения словенского патриота, не вызывает сомнений одно: он сделал все возможное для того, чтобы привлечь внимание России к судьбе своего народа и помочь соплеменникам, оказавшимся в трудные военные годы на чужбине.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Slovenski biografski leksikon 1925–1991. Elektronska izdaja. Ljubljana, 2009. / <http://www.slovenska-biografija.si/oseba/sbi732523/>

² Lončar D. Politično življenje slovencev. Ljubljana, 1923. S. 96–97, 173–174.

³ Paulova M. Jugoslavenski odbor. Zagreb, 1925.

⁴ Фирсов Е. Ф. Югославяне К. Геруц и Л. Тума – создатели и меценаты славянских культурных обществ в прежней России / Югославянская история в новое и новейшее время. М., 2002; Фирсов Е. Lev Tuma in Krunislav Heruc: Ustanovitelja in meceni jugoslovanskih kulturnih društev v carski Rusiji. // Anthropos. Ljubljana, 2005.

⁵ Slovenski narod. Ljubljana, 1912. № 270. S. 4.

⁶ Paulova M. Op. cit. S. 44. Франковцы – представители хорватской «чистой» Партии права, выступавшие за решение хорватских проблем в рамках Австро-Венгрии и занимавшие антисербские позиции.

⁷ Подробнее см.: Кирилина Л.А. Триест – словенцам. Записка Ф.Л. Тумы о Триесте // «Родина». М., 2012. № 2.

⁸ Фирсов Е. Lev Tuma in Krunislav Heruc: Ustanovitelja in meceni jugoslovanskih kulturnih društev v carski Rusiji. // Anthropos. Ljubljana, 2005. 1/4. S. 469.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 579. Оп. 1. Д. 1578.

¹⁰ Фирсов Е. Ф. Югославяне К. Геруц и Л. Тума... С. 180.

¹¹ Očak I. Hrvatsko-ruske veze. Zagreb, 1993. S. 122–123.

¹² Paulova M. Op. cit. S. 171.

¹³ Edinost. Trst, 07.08.1919. № 213.

¹⁴ Hribar I. Moji spomini. II. Del. Ljubljana, 1984. S. 74–75.

¹⁵ Lipušček U. Sacro egoismo. Slovenci v krempljih tajnega Londonskega pakta. Ljubljana, 2012. S. 163.

¹⁶ Paulova M. Op. cit. S. 143.

¹⁷ Ibid. S. 171.

¹⁸ Lipušček U. Op. cit. S. 148.

¹⁹ Paulova M. Op. cit. S. 43.

²⁰ Edinost. 07.08.1919. № 213.

²¹ Ibid.

²² По всей видимости, такую характеристику словенского либерализма дал Геровскому сам Тума. К тому же, в представлениях русской интеллигенции той поры понятие словенского либерализма прочно связывалось с деятельностью И. Хрибара – пожалуй, единственного тогда хорошо известного в России словенского либерала и русофила. И хотя для словенского либерализма начала XX в. в целом русофильство не было характерным явлением, на его позициях стояли совсем немногие политики, а против католицизма и из этих немногих русофилов выступали единицы, российской общественностью русофильство и антикатоличество воспринимались как характерные черты словенского либерализма.

²³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. «Особый политический отдел». Оп. 474. Д. 208. Л. 15.

²⁴ АВПРИ. Ф. «Особый политический отдел». Оп. 474. Д. 208. Л. 23.

²⁵ Jugoslavija. Petrograd. № 1–2. 8.10.1916. S. 12.

²⁶ Ibid. № 7–8. 09.07.1917. S. 37.

- ²⁷ Edinost. № 213. 07.08.1919.
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ Jugoslavija. № 1–2. 8.10.1916. S. 2.
- ³⁰ Ibid. S. 11–12.
- ³¹ Jugoslavija. № 1–2. 8.10.1916.
- ³² Ibid. S. 1–3.
- ³³ Ibid. № 5–6. 27.03.1917. S. 26.
- ³⁴ Ibid. № 3–4. 20.12.1916. S. 15.
- ³⁵ Ibid. S. 27–28.
- ³⁶ Ibid. № 1–2. S. 4.
- ³⁷ Ibid. S. 2.
- ³⁸ Ibid. № 3–4. S. 16–17.
- ³⁹ Ibid. № 1–2. S. 3–4.
- ⁴⁰ *Rahten A.* Zadnji slovenski avstrijakant: Prispevek k politični biografiji dr. Ivana Šusteršiča // *Zgodovinski časopis* 53. Ljubljana, 1999. N 2. S.198–200.
- ⁴¹ Jugoslavija. № 3–4. S. 19–20.
- ⁴² *Paulova M.* Op. cit. S. 254–255.
- ⁴³ Ibid. S. 254.
- ⁴⁴ Jugoslavija. № 7–8.09.07.1917. S. 37.
- ⁴⁵ Jugoslavija. № 7–8. S. 40–43; № 9. 01.09.1917. S. 55–56.
- ⁴⁶ Ibid. № 9. S. 49–50.
- ⁴⁷ <http://www.tuma.si/Strani/FerdinandLevTuma.html>
- ⁴⁸ Edinost. 07.08.1919. № 213.

Сергей Александрович Романенко

Славянско-итальянские отношения и проблема будущего Австро-Венгрии в русской печати и публицистике (февраль–октябрь 1917 г.)

26 апреля 1915 г. страны Антанты — Великобритания, Франция и Россия, с одной стороны, и Италия, — с другой, подписали Лондонский договор. Согласно этому документу, Италия отказалась не только от провозглашенного 3 августа 1914 г., нейтралитета, но и от своих обязательств перед Германией и Австро-Венгрией, взятых ею при вступлении в Тройственный союз в 1882 г.¹

Это решение Рим принял, поскольку не смог добиться уступок со стороны Вены в территориальных вопросах, касавшихся областей, на которые претендовала Италия. Трентино, Южный Тироль, Триест, Истрия, Далмация и многие острова в Адриатическом море — все эти территории для проживавших на них итальянцев были родиной; в соответствии с принципами естественного и исторического государственного права, общеитальянское национальное самосознание и традиция воспринимали их как свои исконные земли. Поэтому итальянское государство преследовало геополитические, военно-стратегические, экономические и «империалистские» цели в Адриатическом регионе, а также в своей политике основывалось на этнонациональных устремлениях значительной части всех итальянцев. Сложности этому клубку добавляла и проблема Фиуме (Риеки), на которую в рамках внутриимперских законов также претендовала и вторая часть дуалистической монархии — Венгрия².

После вступления Италии в войну 23 мая 1915 г. для воевавших на Итальянском фронте словенцев, хорватов и сербов (да и мусульман-босняков) присяга императору и королю Францу Иосифу и общеимперский патриотизм совпали по содержанию и направленности с важнейшими элементами их этнонационального сознания — своим собственным этнонационализмом и патрио-

тизмом вкупе с южно- и общеславянским этнонационализмом³. Даже южные славяне, критически относившиеся к империи, монархии и системе австро-венгерского дуализма, не могли согласиться с присоединением к Италии тех областей, которые хорватское, словенское и сербское национальные движения (также на основании исторического и естественного права) считали своими этнонациональными территориями, — тех же Триеста, Истрии и Далмации.

Лондонский договор имел противоречивые последствия. Он не только не облегчил, но и усложнил положение Антанты. Прежде всего, это касалось России, которая начала войну под лозунгами «защиты славянства»⁴. Во внешней политике России периода Первой мировой войны соединились два вопроса — по преимуществу этнополитический — славянский, и в большей степени геополитический — адриатический.

Отношение российского политического класса к южным славянам Австро-Венгрии было сложным. Во-первых, это были народы, этнически и культурно родственные русскому, а, следовательно — ему ментально близкие. Поэтому, полагали в Петербурге, их мировосприятие, многие их цели и интересы должны были если не полностью совпадать, то быть весьма близкими русским и российским. На них можно было опереться в случае конфликта с соседней империей. Во-вторых, австро-венгерские славяне, за исключением сербов и частично русин, принадлежали к иной конфессии (римо- и греко-католики) и даже иной религии (мусульмане Боснии). В глазах российской власти и части аналитиков и публицистов это препятствовало сотрудничеству России с ними. Кроме того, западные и южные славяне воспринимались и как носители чуждого — «западного» — мировоззрения. В-третьих, до начала мировой войны — прямого вооруженного конфликта с монархией Габсбургов, официальная Россия с большой осторожностью относилась к деятельности национальных движений славянских народов, опасаясь как испортить отношения с соседней империей, так и поставить под вопрос жизненно важные для нее самой монархические и имперские принципы, даже несмотря на нараставшие противоречия между двумя государствами. Во время войны официальная Россия все более склонялась к различным вариантам раздела Австро-Венгрии⁵.

Со своей стороны, многие российские социал-демократы не «жаловали» славян Австро-Венгрии и их национальные движения. Во-первых, они исходили из ортодоксальной трактовки позиции К. Маркса и Ф. Энгельса, негативной по отношению к славянам как к «контрреволюционным» народам, к тому же находящимся на более низкой стадии политического и цивилизационного развития по сравнению с романо-германскими народами⁶. Во-вторых, для них были неприемлемы этноконфессиональные «славянские мотивы» внешней политики царского правительства и поддерживавших его черносотенцев, консерваторов и либералов, они видели в ней как империализм, так и национализм, противоречивший «пролетарскому интернационализму». Наконец, они вполне обоснованно не видели у национальных движений славян Австро-Венгрии дорогого их сердцу стремления к разрушению империи и свержению монарха.

Весной 1915 г. в Лондоне Россия согласилась на изменение государственной принадлежности земель, на которых проживали южные славяне Австро-Венгерской империи – словенцы, хорваты и сербы, и передачу их Италии, лишая тем самым значительную часть южнославянских народов возможности самоопределения и политико-административного объединения их этнических территорий. Заключение секретного Лондонского договора вызвало глубокое разочарование в кругах южнославянских политиков, открыто поставивших своей целью отделение от Австро-Венгрии и создание нового государства, независимо от видения будущего устройства этого государства.

Для России адриатический вопрос во время Первой мировой войны заключался в выборе между этнополитическими устремлениями суверенного государства Италии и устремлениями национальных движений южных славян, еще только стремившихся к созданию как общей, так и отдельной этнонациональной суверенной государственности. В среде югославянской эмиграции – в Лондоне и в Сербии, а затем на острове Корфу эта государственность виделась исключительно вне границ Монархии. Политики, действовавшие в Австро-Венгрии, до конца 1916 – начала 1917 гг. сохраняли верность династии, монарху и империи. Адриатический вопрос практически сразу после начала войны стал болезненной точкой для российского политического класса. В дипломатическом, во-

енном, экспертно-аналитическом, научном, журналистском сообществах были сторонники и того, и другого. Полемику и соперничество между двумя лагерями в 1915–1917 гг. можно проследить на страницах печати, секретных докладов и в мемуаристике⁷.

Февральская революция 1917 г. изменила не только судьбу России, но и соотношение сил на политическом, идеологическом и военном театре Первой мировой войны.

Наряду с остальными внешнеполитическими проблемами славянский и адриатический вопросы после Февраля достались по наследству Временному правительству и Петроградскому совету. Не обошла их вниманием и новая политическая сила – большевики.

Временное правительство имело возможность с бóльшей легкостью и эффективностью, чем это делало царское правительство, «использовать во внешней политике принцип национальностей». Это касалось и Средней Европы, где лидер партии кадетов и Прогрессивного блока, министр иностранных дел в первом составе Временного правительства, созданного 2(15) марта 1917 г., П.Н. Милюков хотел в будущем освободить славянские народы от «немецкого ига», в частности путем создания независимых чешско-словацкого и сербско-хорватского государств. Согласно его планам, Австро-Венгрия должна была по национальному признаку «понести территориальные потери в пользу Италии и Румынии». С одной стороны, он не мог отказаться от выполнения Россией Лондонского договора. С другой, – министр иностранных дел, сохраняя в неизменности «традиционное покровительство Сербии» ради достижения не менее традиционной цели – получения Россией Черноморских проливов, обещанием территориальных компенсаций надеялся перетянуть Болгарию на сторону Антанты⁸. Однако и Лондонский договор 1915 г., отдававший Италии ту часть побережья Адриатического моря, которую южные славяне считали своими этническими территориями, а династия Габсбургов – «коронными землями» (в этом случае совпали принципы естественного права южных славян и исторического государственного права монархии), и «покровительство Сербии» шли вразрез с интересами и целями национальных движений хорватов и словенцев Австро-Венгрии.

В телеграмме министра от 4 (17) марта 1917 г. российским дипломатическим представителям о внешней политике Временного правительства ни Австро-Венгрия, ни южные славяне не упоминались,

также как упоминание о них отсутствовало в сопроводительной ноте к декларации Временного правительства от 18 апреля (1 мая)⁹.

Временное правительство «было очень удивлено», когда министр иностранных дел сообщил «о соглашении с Италией 1915 г., согласно которому Италии в награду за вступление в войну на стороне Антанты были обещаны славянские территории вдоль всего Адриатического моря (в отличие от Югославянского комитета и правительства Сербии, которые знали о договоре еще в процессе его подготовки. — С. Р.) Владимир [Николаевич] Львов (обер-прокурор Святейшего Синода в первом составе Временного правительства. — С. Р.), человек крайне консервативного склада ума, вскочил с места и, возбужденно размахивая руками, воскликнул: «Мы никогда, никогда не признаем этих соглашений!»¹⁰.

Почитателем Милюкова был один из видных деятелей Югославянского комитета, демократ и сторонник федерализма Франьо Супило. 15 апреля 1917 г. он написал министру иностранных дел обширное письмо, в котором обосновывал свой выход из Югославянского комитета политикой Сербии, в которой он видел «чужие аппетиты и ретроградные критерии собственных братьев», «завоевание, а не объединение». При этом Супило полагал, что наследник сербского престола Александр Карагеоргиевич согласен с его, Супило, планами и взглядами, но что во всем виновато «старшее поколение сербов». Далее он в духе хорватских и словенских документов 1915–1916 г. членов Югославянского комитета, находившихся во время войны в России хорватов Анте Мандича и Франко Поточняка, словенского югослависта Фердинада Льва Тумы, боснийского серба Николы Стояновича и неизвестного «австрийского подданного»¹¹, агитировал Милюкова за решение проблемы с Италией в духе югославянских представлений. Он предлагал также «закрыть в Адриатике ворота и [возможность] для реванша Дранг нах Остен». Он видел будущее «югославянское и балканское [основанное] на основе демократических национальных принципов». «Хорватская нация против кого угодно будет защищать свою индивидуальность и целостность», — заканчивал он¹².

П.Н. Милюков писал главе Чехословацкого национального совета Т.Г. Масарику в марте 1917 г., что «Россия открывает перед цивилизованными нациями новые перспективы в окончательной трансформации средней и юго-восточной Европы. Естественное

решение, созданное историей, требует объединения всех югославянских стран». Югославянский комитет 30 марта поблагодарил Милюкова за его «мужественные слова». В другом заявлении Милюков потребовал освобождения угнетенных народов Австро-Венгрии: «Мы предлагаем создать прочно организованную Югославию. Вокруг славной Сербии мы создадим барьер, который не смогут преодолеть германские амбиции на Балканах, — отметил Комитет вполне в духе многочисленных обращений и аналитических записок югославянских деятелей в российский МИД, поступивших в 1915—1917 гг.¹³.

Италия рассматривала возможность «ухода России с Балкан» и ставила своей целью овладение «русским наследством», чего можно было достичь посредством территориальной сделки с Сербией и южными славянами Монархии. Поскольку Италия исходила из договора 1915 г., с ней необходимо было торговаться. Но торговля не удалась¹⁴. В этом отношении характерен один из документов сербского правительства, адресованный премьер-министру Сербии, радикалу Николе Пашичу, по-видимому, в июне—июле 1917 г. (точная дата отсутствует) и озаглавленный «Сербия и Италия». «Интересы сербского и итальянского народов не противоречат один другому. Конечно, если развитие и прогресс обоих народов идет естественным путем. Они могут стать общими и солидарными, если не будут сильно нарушены. Поскольку Италия поднялась на принципе национальности, а Сербия поднимается на том же самом принципе, — писал неизвестный автор (или авторы). — Если бы Сербия освободила и объединила своих братьев, она не была бы столь крупной страной, как Италия. А это означает, что Сербия сама по себе никогда не может быть опасной для Италии. Но Италия может быть опасной для Сербии, если она перестанет придерживаться принципа национальности и ею овладеют империалистические устремления. Сербский народ никогда не требовал чужой земли и подчинения других народов, сербский народ симпатизирует каждому народу, который стремится к свободе и борется за нее, в особенности итальянскому народу, который борется за свободу и объединение против того же врага, который является врагом и сербского народа. И ныне стремление к национальному объединению объединило Италию и Сербию против германской попытки подчинить себе балканские народы»¹⁵.

Россия, как и в имперские времена, оставалась ареной борьбы между различными воевавшими сторонами, а также соперничавшими между собой союзниками. В данном случае речь идет о территориальных противоречиях между Италией и правительством Сербии, а также Югославянским комитетом. В мае Петросовет посетила делегация итальянских парламентариев-социалистов – Инноченцо Каппа, Орацио Раймондо, Джованни Лерда и Артуро Лабриола. Последнего Ленин еще в 1915 г. назвал «итальянским шовинистом»¹⁶. В январе 1917 г., находясь в эмиграции, на страницах «Социал-демократа» в статье «Поворот в мировой политике», опубликованной 18 (31) января 1917 г., вождь большевиков заметил, что читатель может возразить Плеханову: «Присоединение итальянских земель Австрии к Италии есть шаг вперед? – Подобными соображениями и прикрывают себя защитники [Филиппо] Турати (лидер Итальянской социалистической партии. – С. Р.) и [Карла] Каутского (идеолог германской и мировой социал-демократии. – С. Р.), не замечая, что из революционных марксистов они превращаются тем в дюжинных буржуазных реформистов»¹⁷.

По-видимому, приезд делегации итальянских парламентариев был частью деятельности социалистов Англии, Франции, Бельгии и Италии. Французский социалист Альбер Тома, бельгийский Эмиль Вандервельде (председатель Международного социалистического бюро) и британский лейборист Артур Гендерсон, а также вышеназванные итальянские представители посетили Петроград для того, чтобы прояснить ситуацию и стимулировать Россию продолжать войну. Некоторые отголоски поездки итальянских парламентариев встречаются в статьях И. Каппы того времени. Однако история самой поездки, возможные контакты ее участников в Петрограде и ее результаты остаются малоизученными историками. Закончив визит в Петроград, итальянская делегация направилась в Стокгольм¹⁸.

«Члены делегации отметили, что вопрос о Далмации считается вопросом очень сложным и что они очень не хотели бы, чтобы русское общество было бы ошибочно осведомлено о положении национальностей в Далмации. Члены делегации отметили, что в Далмации значительную часть населения составляют итальянцы и кроаты-католики, связанные с итальянцами общностью культуры и религии»¹⁹. Иными словами, итальянская делегация

защищала Лондонский договор 1915 г. между Великобританией, Францией и Россией, с одной стороны, и Италией — с другой, гарантировавший территориальные приращения Италии за счет областей Австро-Венгрии, населенных южными славянами в соответствии с геостратегической и этноисторической аргументацией Рима. Отождествление этнического и конфессионального принципов, а также отрицание индивидуальности хорватов и словенцев было налицо.

Соредактор эсеровской «Воли народа» Е. Сталинский еще 23 мая (5 июня) выступил против принуждения правительства Италии к отказу от притязаний на Далмацию, поскольку «ни правительство, ни народ добровольно никогда не согласятся оставить под властью Габсбургов Трентино и Триест». итальянцы, проживавшие на этих землях, обращались «с мольбой об освобождении»²⁰. Однако в данном случае имелось в виду освобождение от Австро-Венгрии.

«Единство», издававшееся основоположником русской социал-демократии Г.В. Плехановым, выступавшим за продолжение войны, 28 мая (10 июня) приветствовало приезд в Петроград итальянской делегации²¹.

29 апреля (12 мая) «Русское слово» опубликовало изложение взглядов итальянского социалиста Франческо Арка, сделанное для газеты ее корреспондентом А. Вернером. Арка охарактеризовал устройство Австрии как «противное принципу национальной свободы». По его мнению, «русские социалисты не должны говорить “без аннексий и контрибуций”, но должны ставить в основание своей программы охрану прав угнетенных ныне национальностей. Предоставление Франции Эльзаса-Лотарингии и Италии Трентино и других итальянских земель побережья Адриатики — вовсе не аннексия, а лишь возвращение территорий, взятых силой в нарушение международного права»²².

В то же время некоторые деятели Петросовета ставили на одну доску как союзников — Великобританию, Францию и Италию, так и противников — Германию и Австро-Венгрию. Выступая на общем собрании Совета, перешедший от большевиков к меньшевикам член ВЦИК, экономист В. С. Войтинский заявил, что «Англия, Франция и Италия предпринимают наступление для достижения своих завоевательных целей. Все эти три [державы] намереваются отнять у Германии ее колонии и Эльзас-Лотарингию, у Австро-

Венгрии важнейшую гавань – Триест с прилегающей Триестской областью, у Турции – Константинополь, и о разделе Малой Азии названные государства ведут между собою переговоры». При этом докладчик не упомянул о территориальных притязаниях (в том числе на тот же Константинополь) самой России, хотя именно притязания, а вовсе не «братство» с Сербией и ее защита были одной из главных причин участия России в мировой войне²³.

В начале мая «Речь» приветствовала успехи итальянской армии на австрийском фронте, используя итальянский (р. Изонцо), а не словенский (р. Соча) топоним²⁴.

«Биржевые ведомости» 25 мая (7 июня) сообщили о выступлении Артуро Лабриола в Народном доме. Итальянский политик сообщил русской публике, что «Польше должна быть возвращена независимость, Франции – Эльзас-Лотарингия, Италии – Трентино, *Триест и Зара* (выделено мной. – С. Р.), заслуженная награда (по словам французского политика Луи Барту) за мученичество итальянского народа, некогда разорванного на части династическими аннексиями. Бельгия, Сербия, Румыния должны быть восстановлены согласно национально-политическим стремлениям»²⁵.

31 мая (13 июня) «Известия» проинформировали своих читателей, что «члены итальянской делегации отметили, что вопрос о Далмации остается вопросом очень сложным и что они очень не хотели бы, чтобы российское общественное мнение было бы ошибочно осведомлено о положении национальностей в Далмации. Члены делегации заметили, что в Далмации значительную часть населения составляют итальянцы и кроаты-католики, связанные с итальянцами общностью культуры и цивилизацией»²⁶.

Отставной министр Милюков не оставил поприще международной политики и по-прежнему играл в глазах иностранных журналистов роль оракула. 12 июня 1917 г. итальянская газета «Secolo» опубликовала интервью с профессором. «Не опасаетесь ли вы, что в недалеком будущем могли бы ухудшиться отношения между Италией и Россией? – задал вопрос корреспондент. – В один момент нам казалось, что значительная часть русского общественного мнения не рассматривает благожелательно наши (Италии. – С. Р.) отношения с Сербией». Милюков отвечал: «Я считаю, что это уже невозможно. Разумеется, не только панславистские, но и либеральные партии в России требуют, чтобы вопрос, из-за

которого вспыхнула война, был разрешен на основе принципа национальности. Наши симпатии, как либералов и славян, абсолютно на *сербско-хорватской* (выделено мной. — С. Р.) стороне. Но мы признаем, что в некоторых случаях невозможно разрешить национальные проблемы топором — напротив, необходимы умеренность и справедливый компромисс. Это достигнуто в Адриатическом вопросе, как свидетельствуют последние заявления Пашича. Мы в России полностью убеждены в том, что действуем в интересах всех, следовательно и Сербии, как и уважаем без малейшей дискуссии решения, которые о том приняли итальянское и русское правительства. Если интересы славянства должны быть принесены в жертву, это не вызовет в России никаких протестов, точно также как и Италия не будет протестовать, если итальянскими интересами должно пожертвовать, поскольку обе стороны убеждены, что только путем взаимных уступок можно достичь успеха и продолжительного согласия»²⁷.

«Новая жизнь» 20 июня (3 июля) поместила статью колебавшегося между эсерами и меньшевиками публициста Раф. Григорьева (наст. им. Р.Г. Крахмальников) «Италия и русская революция». Эта статья как источник ценна и тем, что сам Григорьев побывал в Италии, откуда уехал 21 мая 1917 г. «Монархия и правительство не могут явиться к собственному народу иначе как с полной победой (т. е. он признал, что в «народе» существуют устойчивые и сильные националистические настроения! — С. Р.), ибо в противном случае — даже полупобеда была бы равносильна для Италии поражению — карта и того и другой будет бита». Григорьев, в отличие от автора «Воли народа», был настроен по отношению к итальянскому союзнику объективистски-скептически. «Характерно, что (министр иностранных дел Италии... — С. Р.) [Сидней] Соннино не опубликовал текста полученной им от (сменившего Милюкова на посту министра иностранных дел... — С. Р.) [М.И.] Терешенко приветственной телеграммы, справедливо полагая, что антианнексионистская формула мира в устах союзного министра вряд ли будет содействовать пропаганде необходимости присоединения Далмации к Италии, провозглашения “независимости” Албании, оккупации Янины и прочая и прочая»²⁸.

Возможно, Григорьеву принадлежит и следующая заметка в газете на ту же тему под названием «Итальянские “интервенты” и ан-

нексионизм» 30 июня (13 июля). В ней критиковались те представители итальянского политического класса, которые «забрасывают грязью югославянское национальное движение»²⁹.

У большевиков имелись свои специалисты по балканской и адриатической проблемам». Ими были Л.Б. Каменев и А.В. Луначарский.

После амнистии 3(16) марта 1917 г. кооптированный еще в 1910 г. в состав ЦК РСДРП большевик Л. Б. Каменев опубликовал брошюру «Империализм и балканская республика», написанную им в конце 1916 г., по-видимому, во время пребывания с 1914 г. в административной ссылке в Енисейской губернии. В частности, в брошюре, изданной во время или после Солунского процесса (28 мая – 5 июня 1917 г.), он дал характеристику геополитического положения региона и его развития. Вполне в духе идей Ленина он писал: «Территория, на которой империалистические мотивы самым причудливым образом сплетаются со стремлениями, порожденными незавершенностью демократических движений к созданию национально-государственных объединений, может быть приблизительно обозначена треугольником, вершина которого лежала бы у Кенигсберга, а стороны спускались к устью Днестра и к Триесту. Эта полоса земли обнимает, таким образом, кроме частей России с польским и украинским населением, славянские области Австро-Венгрии и балканские государства». По мнению Каменева, бросив взгляд на карту этой части Европы, можно «сразу заметить поразительное, нигде в других частях Европы не встречаемое несоответствие между политическими и национальными границами». По его мнению, это являлось «пережитками средневековья, результатом и показателем незавершенности даже первых стадий капиталистического развития»³⁰.

Каменев полагал, что «многочисленные славянские племена, составляющие основное население указанной области, частью совершенно утратили свою былую самостоятельность (поляки, чехи и т. д.), частью сумели создать в новейшее время зачатки национально-государственного объединения. Но ни одно из населяющих эту область племен не успело достигнуть полного национально-государственного объединения в своих собственных, или хотя бы в чужих государственных границах». Большевистский аналитик обратил внимание и на особенности геополитического

положения балканских народов и государств. «Сербия – Албанией, Грецией и славянскими областями Австро-Венгрии отгорожена от выхода к морю. Македония лишена своего естественного форта – Салоник. Железнодорожная линия, соединяющая Болгарию с ее собственными портами на Эгейском море, проходит своими средними участками по турецким владениям. Выход в Средиземное море из славянских земель, Австрии, из Албании и Черногории заперт господством Италии над Отрантским проливом». Одним словом, делал вывод Каменев, «перед нами то самое средневековье, когда товарный обмен в своем развитии должен был преодолевать десятки таможенных застав, считаться с самыми различными системами управления, права, юрисдикции и т.д. Это средневековье стоит сильнейшим препятствием на пути развития производительных сил края и полезно отнюдь не народным массам, а только иностранному империалистическому капиталу, который эксплуатирует отсталость страны и утверждает свое господство, пользуясь призрачной самостоятельностью и реальной борьбой бессильных и лишенных возможности самостоятельного развития мелких государств»³¹.

Бывший «отзовист»-«впередовец», во время войны – интернационалист-«межрайонец»³², делегат I съезда Советов, А.В. Луначарский в эмиграции сотрудничал в парижском «Нашем слове» Троцкого, а по возвращении – в «Новой жизни» М. Горького. На VI съезде РСДРП (б) он вместе с другими «межрайонцами» вступил в большевистскую партию и с августа 1917 г. работал уже в большевистской газете «Пролетарий», заменившей закрытую «Правду». Его брошюра «Италия и война» вышла из печати в Петрограде, учитывая упомянутые в ней даты – после 5 (18) мая 1917 г. Судя по основательности материала, Луначарский начал писать ее еще в эмиграции, будучи «межрайонцем». Это, впрочем, никак не сказалось на содержании книги и авторских оценках, которые были основаны не на упрощенных социалистических схемах, а на знании и понимании материала. Вначале Луначарский представил объяснение позиций Италии с точки зрения геостратегической и этнополитической. Причем сделал он это в чисто научном стиле, избегая «ярлыков» и оскорблений в адрес одной или всех конфликтующих сторон, которыми грешили авторы разных частей российского политического спектра.

По своей направленности и оценкам италяно-славянских отношений брошюра Луначарского стоит между статьями жившего в Италии с 1907 г. писателя и журналиста М.К. Первухина в журнале «Русская будущность» и брошюрой российского историка, члена-корреспондента Российской академии наук Н.И. Кареева³³. Первый поддерживал позицию Италии, второй — южных славян. Особая ценность брошюры Луначарского состоит не в применении марксистского метода к изложению истории и политической оценке межнациональных конфликтов, а в том, что Луначарский, в отличие от вышеназванных авторов, основывался не на официальной или полуофициальной позиции Рима или Петрограда, а описывал позиции триестинских итальянцев и знакомил с нею российского читателя, не избегая при этом ее критики.

«В войнах, имеющих характер борьбы за приобретение естественной стратегической границы, за возвращение отнятых областей или освобождение из-под ига соседей единоплеменников, живущих по ту сторону границы, война может носить оборонительный и справедливый характер в глазах нападающего народа, и казаться наступательной и разбойничьей — с другой стороны, — писал он. — В понятие оборона входит не только охрана территории, но и пресстижа страны, ее торговых интересов и т.п.»³⁴.

Цитируя знаменитого борца за свободу Италии в XIX в. Джузеппе Мадзини и современных ему итальянских авторов, Луначарский представил этноисторическую и стратегическую аргументацию итальянской стороны: «История (так в тексте, видимо: Истрия... — С. Р.) — наша. Но от Фиуме все восточное побережье Адриатики до реки Бояйны (река на границе Черногории и Албании. — С. Р.) и албанской границы идет зона, где, среди реликвий наших колоний, господствует славянский элемент». «Между тем различность этих неискупленных земель не просто только ранило национальное самолюбие и поражало естественное желание освобождения всех итальянцев полностью, нет, оно создавало для Италии невозможные условия существования, оно давало Австрии огромные стратегические шансы на случай войны с Италией, предоставляя ей крайне выгодные горные границы. Владение Триестом и всем восточным побережьем Адриатики не только делало Австрию госпожой этого моря, но вручало ей возможность в любой момент ранить беззащитный восточный берег Италии»³⁵.

Далее российский социал-демократ цитировал работу известного в то время триестинского деятеля Марко (видимо, опечатка в тексте; правильно: Марко... — С. Р.) Альберти «Море Адриатическое и море Средиземное»³⁶: «Италия не может быть вполне свободной и независимой, пока Триент будет играть роль австрийского клина, вонзенного в ее тело. Пока через прекрасные долины Венеции и Фиуме австрийцы (не венгры и не славяне! — С. Р.) смогут в любой момент схватить Италию за ее экономическое сердце, за долину По. Австрия в военном отношении госпожа наших земель. Можем ли мы при таких условиях вести политику здорового национального эгоизма?»³⁷.

Однако все это не помешало Луначарскому критически посмотреть на использование истории и этнодемографии в политических целях: «Конечно, при помощи сгущения красок и выбора черт (так в тексте... — С. Р.) можно доказать, что Далмация есть чисто венецианская провинция, до сих пор еще живущая той культурой, которую когда-то принесла ей республика Дожей. Д о к а з ы в а т ь это можно, но д о к а з а т ь непредубежденному человеку нельзя»³⁸.

Лишь однажды Луначарский позволил себе немного выйти за рамки академического тона и сугубо критически отозваться о притязаниях Италии на австрийско-венгерское (южнославянское) побережье Адриатики. «Итальянские империалистики склонны утверждать, что даже займи они Триест, допустим, и Фиуме, все же этого будет недостаточно. И в этом случае нельзя ручаться за полное владычество на Адриатике!»³⁹. Сделал он этот выпад в главе с концептуальным названием «от национализма к империализму»⁴⁰.

Особый интерес представляет изложение Луначарским связи в итальянском политическом сознании начала XX в. интересов Австро-Венгрии и интересов хорватского и словенского национальных движений и сербского государства: «Италия вступила в эту войну. Но, по словам одного из самых основательных знатоков итальянской политики на Балканах, — она сделала это, чтобы помешать Австрии, этому смертельному врагу славянства ускорить торжество славянства на Балканах! Победа Австрии — это победа славян на Адриатике. Такое утверждение может показаться парадоксом. Но так будет думать лишь человек, недостаточно знакомый с истинным положением дела на Балканах. Система триализма в Австрии, создание югославянского центра под скипетром Габс-

бургов, постепенная славянизация как Балкан, так и Австрии – все это были действительно неизбежные перспективы молекулярной работы социальных сил, против которых бессильны были как итальянские, так и венгеро-немецкие усилия, ибо рост населения и постепенное фактическое затопление прежде исключительно деревенским славянством городских центров Австро-Венгрии есть процесс стихийный и никем не могущий быть отрицаемым (выделено мной. – С. Р.)... На деле она увидела в столкновении Белграда с Веной источник бесконечных затруднений для стихийного процесса, опору для постепенного ослабления сербоедов. И для крайнего недоверия со стороны славян к более широко смотревшим на вещи немецким триалистам и федералистам (выделено мной. – С. Р.). (...) Победа Австрии в конечном счете должна, по мнению итальянских проникательных политиков, неизбежно должна через 10–20 лет привести к славянизации Адриатики»⁴¹. Таким образом, Италия обосновывала свою антиавстрийскую политику идеями, сходными с идеями антиславянски настроенных политиков Австрии и Венгрии.

Иногда, правда, итальянские публицисты путались в этнонимах и политических субъектах. Триестинский публицист «обвинял сербов с полным основанием в империализме. Кроатское королевство, говорит он, неминуемый результат победы Австрии – было бы концом Италии на восточном берегу и угроза ей на западном. Ведь югославы хотят взять и Фиуме, и Удине, которое называют Видем и саму Венецию, которая у них носит имя Бенетке! Кто мог бы сопротивляться страшному нашествию? И в будущем им рисуется Адриатика как славянское озеро. Думаете ли вы, что соединившись с частью Сербии, Австро-Венгрия стала бы препятствовать построению дунайско-адриатической железной дороги? Она стала бы покровительствовать ей!»⁴².

Согласно точке зрения Луначарского, итальянское политическое сознание и политический класс, как и государство в целом, оказались перед дилеммой: «или воспользоваться открывающейся возможностью присоединиться к колеснице могучих врагов Австрии, или потерять, быть может, навсегда надежду выйти из вассального отношения к Австрии и экономического вассального к Германии. (Эту же задачу провозглашала и Сербия. – С. Р.) Не только вышибить триентинский клин и создать для защиты удоб-

ную границу, но и вернуть Триест, захватить Фиуме, Далмацию, Албанию — стать госпожой Адриатики, а потом протянуть руки к богатому наследству европейской и азиатской Турции»⁴³. Напротив, «можно было ожидать, что Россия настоит, а Англия и Франция допустят создание великой Югославии с почти 20-миллионным населением в качестве непобедимого конкурента Италии на Адриатике», — полагал Луначарский⁴⁴.

Вышеупомянутый М. Альберти (по версии Луначарского) так оценивал возможные последствия победы Вены над Белградом: «Если бы Австрия подчинила Сербию — центр югославянского ирредентизма, то она должна была бы немедленно начать в своих южных провинциях, населенных славянами, политику, определенно благосклонную к ним, чтобы не раздражать столь большое число подданных. Против итальянцев, живущих по ту сторону Адриатики, поднялся бы целый прилив австро-славянских претензий. Пока мы можем еще называть Адриатику *mare nostrum*, потому что Триест, Фиуме, Зара, Спалато (соответственно, Риека, Задар, Сплит. — *С. Р.*) остаются еще итальянскими городами, хотя и под чужеземным игом». Наконец, автор приводит и экономическое обоснование притязаний: «Но в тот день, в который Италия отказалась бы окончательно от власти на восточном берегу, а этот день придет неминуемо, если мы не успеем воспользоваться благоприятными условиями нынешней войны, Италия потеряет Адриатику, ибо Триест, Фиуме и главнейшие порты Далмации обладают торговым флотом и обменом значительно больше, чем Венеция, Анакона, Бари, Бриндизи и все остальные наши порты на Адриатике»⁴⁵.

«Австрия запугала много добрых итальянских душ призраком панславистской опасности, между тем как она сама есть самая ужасающая славянизаторша, какая только существует в мире. Победоносная Австро-Венгрия несомненно при расширении своих владений перешла бы к триализму, идеал казненного Франца Фердинанда»⁴⁶. Тем самым итальянская точка зрения на возможные триалистические преобразования, за которые выступали часть хорватских и словенских национальных деятелей, смыкалась с позицией официального Будапешта и венгерского национального движения.

Представляется, что Луначарский по своему отношению и восприятию проблем итальяно-австро-славянских отношений был

близок к Р. Григорьеву, поскольку, как и он, провел некоторое время в Италии. Он не одобрял притязаний Италии, считая, что реализация их не принесет стране и народу пользы, однако объяснял их, минуя, впрочем, обоснование и анализ позиций остальных вовлеченных в спор и конфликт сторон. Луначарский, как и Зиновьев и Троцкий, обладал большим знанием конкретного материала и пониманием устремлений анализируемых им народов и государств (Австро-Венгрия, Италия, балканские государства), чем Ленин и Каменев.

Весной правое крыло партии эсеров в «Воле народа» критиковало позицию Австро-Венгрии, которая, как и Германия, «воздерживается от публикаций целей войны», а также отвергает предположение, что «австро-венгерское правительство признало основой прочного мира право национальностей на самоопределение». Хотя «Австро-Венгрия истощена войной и нуждается в мире, и тем более, что на почве войны обостряются внутренние противоречия лоскутной империи, усиливаются центростремительные тенденции составляющих ее наций», «король Карл V (так в тексте. Видимо, австрийский император и венгерский король Карл I (IV) Габсбург. — С. Р.) и его министры, верные традициям австрийской политики, никогда добровольно не признают принцип самоопределения народов, осуществление которого разрушило бы основу их господства», — писал Е. Сталинский⁴⁷. Однако существовал риск, и в этом отдавали себе отчет австро-венгерские консерваторы, независимо от национальности, что осуществление принципа национального самоопределения не только не положило бы конец Первой мировой войне, но и породило бы на территории империи войны нового типа — этногражданские. Автор статьи ставил вопрос о «защите австрийских народов, в том числе сербов, хорватов, чехов, итальянцев и т. д., подвергавшихся сейчас самым жестоким гонениям» со стороны властей Вены и Будапешта.

После прихода в МИД М.И. Терещенко, занимавший пост министра с 5 (18) мая до 25 октября (7 ноября) 1917 г., подход России к южнославянским проблемам несколько изменился. Новый руководитель российской дипломатии полагал, что «принцип свободного самоопределения будет благоприятствовать России больше, чем Германии, ибо балканские народы, имея свободу выбора, будут гораздо больше стремиться к сближению с Россией, чем с

Германией. Поэтому в отношении Австро-Венгрии выдвигался принцип самоопределения народов (то есть самоопределения славян. — *С. Р.*), под прикрытием которого можно присоединить Галицию, а на Балканах планировалось вокруг Сербии создать *южно-славянскую федерацию* (выделено мной. — *С. Р.*), в рамках которой выделить другие славянские земли»⁴⁸.

Временное правительство продолжило линию царского и поддерживало Сербию в наиболее важных вопросах, стремясь сохранить свое влияние, но делало это более осторожно. Часто проявлявшиеся непоследовательность и нерешительность в балканской политике Временного правительства, свойственные и царской России, в конце концов неизбежно привели к падению его авторитета как у сербского правительства, так и у Югославянского комитета. 18 июня посланник России в Греции Е. П. Демидов, отметил «временный упадок русского традиционного влияния на Балканском полуострове»⁴⁹, а также такое явление как «стремление к аннексиям, основанное на самоопределении народностей»⁵⁰.

Таким образом, Временное правительство не воспользовалось возможностью «эффективнее царизма использовать во внешней политике «принцип национальностей». Давая общую характеристику «славянской» политики России после февраля 1917 г. можно прийти к выводу: несмотря на то, что правительство было новым и Временным, но политика оставалась прежней и постоянной, унаследованной от предшественников.

В отличие от других газет социал-демократического направления, «Единство» Плеханова уделяло большое внимание национальным проблемам южных славян Балканского полуострова и Австро-Венгрии. Еще в апреле (мае) в статье «Без аннексий и контрибуций» математик по образованию и убежденный «оборонец», сторонник Плеханова В.А. Костицын критиковал позицию меньшевистской «Рабочей газеты», которая, в свою очередь, критиковала Временное правительство. По мнению «Рабочей газеты», оно «торжественно обещало, что кровь его (т. е. русского народа. — *С. Р.*) будет литься до тех пор, пока народы Австрии не будут отрезаны от моря, поделенного между Италией и Сербией, пока Румыния не получит свою плату за участие в войне, в виде Трансильвании». Если от этого отказаться, полагал Костинский, то «за счет итальянцев и сербов, единственных обитателей австрийского Адриатического

берега (о хорватах и словенцах он не упоминал! — С. Р.). “Рабочая газета” хочет обеспечить выход к морю для австрийских, а значит, для истинно-немецких немцев и для мадьяр. “Рабочая газета” во что бы то ни стало хочет гарантировать целостность Венгрии... Для “Рабочей газеты” подавленные национальности существуют только по эту сторону фронта, и империализм меняет название и сущность за этой чертой»⁵¹.

Меньшевистский «День» 7 (20) сентября 1917 г. опубликовал чрезвычайно интересный для аналитиков того времени и современных историков материал. Это была перепечатка из британской газеты «The Manchester Guardian», содержащая сравнительную таблицу условий мира, выдвигающуюся разными политическими силами и государствами. Любопытно, что влиятельная британская газета тех лет не включила в свой анализ позицию ни Временного правительства, ни набиравшей силу радикально-революционной организации — большевиков.

Что касается планов относительно Австро-Венгрии и проживавших в ней южных славян, то картина получилась такая:

«Союзники: Итальянцы, южные славяне, румыны, чехи и словаки должны быть освобождены из-под власти Австро-Венгрии;

Папа Бенедикт XV: Территориальные споры между а) Австрией и Италией и б) Германией и Францией должны быть разрешены в примирительном духе в соответствии с желанием населения в пределах возможной справедливости;

Лейбористы: австрийские итальянцы должны быть присоединены к своей родине Италии;

Большинство германской социал-демократии: принимается точка зрения австрийской социал-демократии;

Меньшинство германской социал-демократии: не делает определенных предложений по этим вопросам, только излагает общие принципы мира без аннексий и контрибуций. Исправление границ должно быть поставлено в зависимость от воли заинтересованного населения, а не производится силой. Но меньшинство германской социал-демократии считало, что все сербы должны быть объединены в одном национальном государстве⁵², которое должно образовывать вместе с остальными балканскими государствами Балканскую республиканскую федерацию;

Австрийские социалисты: народы Австро-Венгрии должны остаться в составе монархии, но должны быть наделены национальной автономией. Выход к морю Сербии, хотя бы посредством соединения с Черногорией;

Петроградский совет: мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов»⁵³.

В номере от 19 октября «Речь» опубликовала произнесенную накануне речь в Совете Республики бывшего министра иностранных дел Милюкова с критикой позиции Терещенко. Критикуя позицию своего «наследника» по многим вопросам, Милюков, тем не менее, отметил, что действующий министр «вступился за наших союзников, за румын, и осмелился сказать, что мы не можем не сочувствовать объединению Сербии с южными славянами. Он даже поддержал самоопределение чешской национальности, которая сражается в наших рядах»⁵⁴. Если судить по этим сообщениям, позиция Временного правительства была более благоприятной по отношению к требованиям национальных движений славянских народов Австро-Венгрии, нежели социал-демократов из Совета. Правительственный Петроград волновали не столько судьбы народов, сколько судьба Австро-Венгрии и послевоенное устройство и соотношение сил в Европе, отношение к которым было сформулировано еще до февраля, т. е. до революции.

Либерал Милюков, прозванный современниками Дарданелльским за поддержку войны России за Босфор и Дарданеллы, отметил, что самоопределение он понимает иначе, чем социал-демократы. Он сослался на позиции британских и французских деятелей — Э. Грэя, Г. Асквита, А. Бриана — и заявил, что «пока народности окончательно не самоопределились, трудно установить окончательные географические границы»⁵⁵. По мнению Милюкова, Терещенко «настаивал на приведение карты Средней и Восточной Европы в результате войны в такое состояние, при котором стремление народностей не противоречило бы искусственным границам, что можно сделать, лишь удовлетворив справедливые требования Италии, Румынии и славянских государств (национальные движения австрийских славян упомянуты не были. — С. Р.). Только когда уничтожатся причины скрытой войны вооружениями и человечество (выражение Асквита) первый раз в истории может сделать шаг в осуществлении идеала к созданию мировой по-

литики, объединяющей народы в союз, в котором справедливость будет фундаментом, а свобода краеугольным камнем»⁵⁶. Заметим, что много и охотно критикуя позицию Терещенко, ни социал-демократические газеты, ни либеральная «Речь», ни даже официоз Совета «Известия» не опубликовали саму речь Терещенко.

15 октября «Новое время» со ссылкой на Петроградское телеграфное агентство (ПТА) проинформировало читателей о речи министра иностранных дел Италии Сиднея Соннино 12 октября в палате депутатов: «В вопросе об Адриатике министр признал необходимость взаимных жертв и уступок, так как здесь в одинаковой мере заинтересованы итальянцы и славяне»⁵⁷.

18 (31) октября, в дни битвы при Капоретто — широкомасштабном наступлении австро-германских войск на итальянском фронте, Раф. Григорьев выразил «глубокое сочувствие итальянскому пролетариату, и народу в их трагическом положении, явившемся в результате преступной политики правящих классов». Он выразил надежду, что «грозный меч, занесенный над головой Италии ее врагами извне — будет отведен революционными усилиями трудящихся масс, которые смогут освободиться от влекущего страну к гибели хозяйничанья тайной дипломатии, сулящей Триесты и Далмации и дающей — поражение...»⁵⁸. Иными словами, автор «Новой жизни» полагал, что принятие этнотерриториальных требований Италии пойдет только во вред ей самой, и объективно выступил на стороне этнотерриториальных требований национальных движений хорватов и словенцев, а также правительства Сербии.

Правоэсеровская «Воля народа» 21 октября (3 ноября) в связи с наступлением австро-германских войск на итальянском фронте зывала: «Италия в опасности». «Германский милитаризм избрал для себя новую жертву; после Бельгии, Сербии, Румынии, России — Италия». Однако газету не столько волновала Италия, сколько ей требовалась иллюстрация «пагубности Циммервальда»⁵⁹. Принадлежа к «оборонцам», правые эсеры продолжали кампанию в пользу того, чтобы Россия вела войну ради освобождения захваченных Германией и Австро-Венгрией территорий и населявших их народов. Отказ от ведения войны они ставили в упрек большевикам. «Что им (Ленину, Троцкому, Радеку (лидеры большевиков, занимавшиеся проблемами «мировой революции» и внешней политики. — С. Р.) Польша, Литва и Курляндия, что им участь не-

счастливых Бельгии, Сербии, Румынии и Италии, какое им дело до Франции и Эльзас-Лотарингии, балканских народностей и т. п., что им, наконец, участь самой России, — задавался вопросом автор издававшейся этой фракцией газеты «Воля народа» Е. Сталинский. — Для людей, ведущих большую игру, претендующих на роль мировых геростратов, это все, конечно, мелочи»⁶⁰.

Февральская, а затем и Октябрьская революции 1917 г. вызвали противоречивые чувства современников и по-разному отразились на отношении южных славян к России. Прежде всего, естественно, и правительство Сербии, и Югославянский комитет беспокоило будущее участие России в войне, лишь победный исход которой мог позволить им осуществить свои близкие, но по-разному понимаемые намерения. «Падение царской России было судьбоносным событием, которое должно было иметь для югославян важные последствия. Заключались они в том, что Сербия и Югославянский комитет должны были отныне сами добиваться своих целей и относительно судьбы Австро-Венгрии, и относительно сопротивления притязаниям Италии. Изменилось и положение сербов в самом Югославянском комитете, — писал Б. Вошняк⁶¹. — Нашему вопросу не придавалось бы такое значение, если бы не было России», — говорил сербский премьер-министр Пашич летом 1917 г.⁶²

Таким образом, и Временное правительство, и Петроградский совет в 1917 г. были вынуждены выбирать между двумя союзниками — Сербией и Италией, а также между Италией и национальными движениями словенцев и хорватов Австро-Венгрии. В большей степени они, пожалуй, склонялись к поддержке Италии, с которой Россия была связана Лондонским договором 1915 г. Кроме того, в сознании социал-демократов Италия была более развитой и «культурной» страной, и знали они о ней несравненно больше, чем о южных славянах монархии Габсбургов. Сдержанное отношение к национальным движениям словенцев, хорватов и сербов Австро-Венгрии было связано с тем, что социал-демократы отвергали «славянскую политику» Российской империи, в которой видели проявление имперских устремлений, национализма и гипертрофированного конфессионального сознания. «Национальную революцию южного славянства» они видели лишь в укреплении независимых балканских государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Текст Лондонского договора, напр., см.: Договор союзников с Италией // Правда. 1917. 16(3) декабря; Царская Россия в мировой войне / С предисловием М. Покровского. Л., 1925. С. 289–296; *Temperley H.W.V. History of the Peace Conference of Paris. L., 1921. Vol. V. P. 384–393; Ibid. Vol. VI. L., 1924. P. 19–20; Frass O. Quellenbuch zur österreichischen Geschichte. III (Von Joseph II. Bis zum Ende der Großmacht). Wien, 1962. S. 332–334; Balkanski ugovorni odnosi. 1876–1996. Beograd: Službeni list SRJ, Tom I. 1876–1918. S. 441–445.*
- ² Напр., см. текст § 66 венгерско-хорватского соглашения 1868 г.: Hrvatske pravice. Sastavio P. Požar. Split–Zagreb, 1990. S. 167.
- ³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 134. «Война». Оп. 473. Д. 18. Манифесты и воззвания. Л. 26–27; Манифест императора Франца Иосифа «К моим народам» // Речь. 17(30) июля; Balkanski ugovorni odnosi. Tom I. S. 424–425.
- ⁴ См.: Русское слово. 1914. 21 июля (3 августа); Речь. 22 июля (4 августа); Русское слово. 1914. 27 июля (9 августа); Речь // 27 июля (9 августа); Русское слово. 1914. 1(17) сентября; Речь. 1914. 4(17) сентября; АВПРИ. Ф. 134. «Война». Оп. 473. Д. 18. Манифесты и воззвания. Л. 15, 17, 18; *Mandić A. Fragmenti za istroiju ujedinjenja. Zagreb, 1956. S.102–103.*
- ⁵ АВПРИ. Ф.135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 293. Записка статского советника А.М. Петряева; Ф. 140. Отдел печати и осведомления. Оп. 477. Д. 342. Австрия после войны.
- ⁶ Об этом, напр., см.: *Чернов В.М. Марксизм и славянство. Пг., 1917.*
- ⁷ Подробнее об этом, напр. См.: *Романенко С.А. Славяно-итальянские отношения в 1915–1917 гг. по материалам российского МИД и периодической печати // Историки-слависты МГУ. В.А. Тесемников. М., 2013. Кн. 9. С. 95–125.*
- ⁸ Там же. С. 547–548.
- ⁹ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 422–424.
- ¹⁰ *Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 170.*
- ¹¹ АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 282, 284, 286, 337, 434.
- ¹² *Шенић Д. Писма и меморандуми Франа Супила. 1914–1917. Београд, 1967. С. 176–177.*
- ¹³ *Vošnjak B. U borbi za ujedinjenu i narodnu državu. Ljubljana, Beograd, Zagreb, 1928. S. 173–175.*
- ¹⁴ Дипломатска преписка српске владе. С. 333.
- ¹⁵ Там же. С. 131.
- ¹⁶ *Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 27. С. 16.*
- ¹⁷ *Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 30. С. 344.*
- ¹⁸ Slovenec. 26.06.1917.
- ¹⁹ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. М., 2002. Том третий. 6 мая – 2 июля 1917 г. Т. 3. С. 246.
- ²⁰ Воля народа. 1917. 23 мая (5 июня).
- ²¹ Единство. 1917. 28 мая (10 июня).
- ²² Русское слово. 1917. 29 апреля (12 мая).
- ²³ Петроградский совет. Т. 3. С. 220.
- ²⁴ Речь. 1917. 6(19) мая.
- ²⁵ АВПРИ. Ф.140. Отдел печати и уведомления. Оп. 477. Д. 490. Л. 39.
- ²⁶ Известия. 1917. 31 мая (13 июня).
- ²⁷ Arhiv Hrvatske Akademije znanosti i umjetnosti (Arhiv HAZU). Jugoslavenski odbor (J.O). Fasc. 49. Dok. 49/26. Izjava prof. Miļukova o moreuzima i Jadranu. Str. 1–2.
- ²⁸ Новая жизнь. 1917. 20 июня (3 июля).
- ²⁹ Новая жизнь. 1917. 30 июня (13 июля).
- ³⁰ *Каменев Ю. Империализм и Балканская республика. Пб., 1917. С. 6. См. также перевод фрагментов на хорватский язык: Radošević M. Hrvatsko pitanje. Bolševizam i Jugoslavija. Socijalno-politička gasprava. Zagreb, 1925. S. 35.*
- ³¹ *Каменев Ю. Указ. соч. С. 7–8.*

³² «Вперед» – группа в РСДРП, существовавшая в 1909–1913 гг. (инициаторы А.А. Богданов и Г.А. Алексинский). «Межрайонная организация объединенных социал-демократов», созданная в С.-Петербурге, в 1913–1917 гг. объединяла представителей разных течений в РСДРП – «впередовцы», Л.Д. Троцкий и его сторонники, меньшевики-«партийцы» (Г.В. Плеханов) и большевики-«примиренцы» (В.П. Ногин, А.И. Рыков, И.Ф. Дубровинский).

³³ Русская будущность. 1916. № 30–31; Русская будущность. 1916. № 45; *Кареев Н.И.* Южные славяне и Италия на Адриатике. Пг., 1917.

³⁴ *Луначарский А.* Италия и война. Пг., 1917. С. 11.

³⁵ Там же. С. 18, 19.

³⁶ Напр., см.: *Costa G.* L'Austria luterana e la Dalmazia Italiana. Roma, 1916; Il mare Adriatico e la questione Balcanica per Giuseppe Gentilizza. Roma, 1909; In Istria. Due articoli del «Dritto Croaro di Pola. Scritti da Dinko Politeo. Zagreb, 1894; La Dalmazia alla vigilia della nostra guerra. Roma, 1916.

³⁷ *Луначарский А.* Указ. соч. С. 27–28.

³⁸ Там же. С. 51.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 37.

⁴¹ Там же. С. 54.

⁴² Там же. С. 55.

⁴³ Там же. С. 67.

⁴⁴ Там же. С. 67–68.

⁴⁵ Там же. С. 53.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Австрия и мир // Воля народа. 1917. 23 мая (5 июня).

⁴⁸ Цит. по: *Игнатъев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. С. 217. Также см. там же. С. 251–252.

⁴⁹ Там же. С. 253

⁵⁰ Цит. по: *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. М., 1990. С. 176.

⁵¹ Единство. 1917. 25 апреля (8 мая 1917 г.).

⁵² Новая жизнь. 1917. 27 июня (10 июля).

⁵³ День. 1917. 7 (20) сентября.

⁵⁴ Речь. 1917. 19 октября (1 ноября).

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ ДВПРИ. Ф. 140. Отдел печати и уведомления. Оп. 477. Д. 490. Вырезки из газет.

⁵⁸ Новая жизнь. 1917. 18(31) октября.

⁵⁹ Воля народа. 1917. 21 октября (3 ноября). На Циммервальдской конференции 4 сентября 1915 г. по инициативе В.И. Ленина оформилась интернациональная группа революционных социалистов – Циммервальдская левая. В 1915–1919 гг., выступала за «превращение империалистической войны в войну гражданскую», за организационный и идеологический разрыв с большинством II Интернационала. От РСДРП (б) в нее входили В.И. Ленин и Г.Е. Зиновьев.

⁶⁰ Воля народа. 1917. 23 октября (5 ноября).

⁶¹ *Вошьяк Б.* Југословенски одбор (1915–1918). Београд, 1940. С. 26. Также см.: *Стојановић Н.* Југословенски одбор (чланци и документи). Загреб, 1927. С. 62, 64.

⁶² *Вошьяк Б.* Op. cit. С. 30.

Надежда Сергеевна Пилько

Распад Австро-Венгерской империи и вопрос о югославской северной границе после Первой мировой войны

Впервые идея о территориальном разграничении между Австро-Венгрией и южными славянскими землями была официально озвучена 30 мая 1917 г., когда Югославянский клуб в венском рейхсрате обнародовал Майскую декларацию, призывавшую к объединению сербов, хорватов и словенцев на основе национального принципа и хорватского государственного права в самостоятельное демократическое государственное образование под габсбургским жезлом. Текст декларации на немецком языке зачитал глава Югославянского клуба Антон Корошец. Историческое значение Майской декларации для югославянских народов Австро-Венгрии заключалось в том, что это был первый документ, созданный и подписанный всеми представителями югославян империи, в котором они потребовали объединения всех территорий монархии, на которых проживали словенцы, хорваты и сербы в единое «государственное тело» под скипетром габсбургско-лотарингской династии. Майская декларация получила поддержку различных политических организаций и обществ, священнослужителей и простых граждан. Дальнейшее развитие событий на театре военных действий, революция в России недвусмысленно указывали на то, что мир начал меняться. Переменные успехи на фронтах заставляли австрийскую политическую элиту переходить из крайности в крайность. То она вынашивала новые планы о переделе мира, то искала новые пути преобразования империи. В передовице британской газеты «Таймс» (Times) отмечалось, что Габсбурги стоят перед выбором: либо продолжить союз с Германией и тогда превратиться в германских князей вроде королей баварских или саксонских, либо дать национальностям самоуправление и постараться поставить себя во главе новообразованной и мощной восточноевропейской конфедерации¹.

В конце января 1918 г. в Швейцарию для переговоров о мире с американской стороной отправился Г. Ламмаш². Переговоры велись в основном со швейцарским священником Георгом Герроном, посланником США в Берне Хью Вильсоном и Алленом Даллесом. Всего состоялось две встречи 31 января и 4 февраля. В ходе первой встречи речь шла о сохранении Австро-Венгрии в качестве монархии. Помимо этого Ламмаш выразил надежду на тесное сотрудничество с руководством США, которому он от лица правительства обещал возможность полного вмешательства во внутренние дела монархии³. Одно из требований в области внутренних реформ, выдвинутых американцами, было создание автономного югославского государства и превращение дуалистической монархии в триалистическую⁴. В связи с этим началось активное рассмотрение возможностей реформирования конституции. Австрийский премьер Э. Зейдлер пообещал национальным партиям, что если они проголосуют за военный бюджет, то правительство приступит к разработке проекта пересмотра конституции «на основе принципа национального самоопределения»⁵.

На словах все выглядело весьма привлекательно. Однако 25 мая 1918 г. император Австро-Венгрии Карл I в Бадене принял делегацию немцев, проживавших на словенских землях. В ходе этой встречи император подчеркнул, что словенские земли никогда не будут присоединены к югославянскому государству, он заверил, что правительство выступило резко против этого⁶. Данное заявление императора больно задело словенских политиков, которые спустя два дня выступили с меморандумом, в котором было подчеркнуто, что словенцы не откажутся от идеи создания югославянского государства, поскольку от этого зависит существование всего словенского народа⁷. Довольно агрессивный настрой немцев, проживавших на словенских территориях, явился одним из факторов, толкнувших словенских политиков в сторону югославского государства.

Австро-Венгрия стояла на пороге голода. Так 17 июня мучной паек был уменьшен до 82,5 грамма в день, то есть вдвое⁸. Страну начало лихорадить. В ряде городов вспыхивали голодные восстания. Немецкая пресса в Штирии и Каринтии была настроена весьма агрессивно в отношении словенцев. «Марбургер цайтунг» (Marburger zeitung) ругала Вильсона за его принцип самоопределения наций, называла его «кроважидным, скромным демократом»,

словенцев рассматривала в качестве смертельных врагов немецкого народа, которые ненавидят немцев больше, «чем все внешние враги»⁹. А газета «Тagespost» (Tagespost) писала, что альпийские немцы имеют полное право требовать, чтобы словенские земли, Триест и Истрия остались в немецкой Австрии, а словенцы получили бы только областное национальное самоуправление и культурную независимость¹⁰.

16 августа 1918 г. был создан Национальный совет для Словении и Истрии. 11 сентября образован Национальный совет в Триесте, 13 сентября в Верхней Крайне, 19 сентября в Каринтии и 26 сентября в Штирии. В октябре 1918 г. Национальный совет стал образовывать областные комитеты. 24 октября был опубликован «первый» указ Национального совета Штирии. В нем говорилось следующее: «Национальный совет Штирии оповещает все местные управления Нижней Штирии, что ни одна унция из реквизированных продуктов питания не должна быть отправлена за пределы области. На руководителей возлагается обязанность охранять продукты питания с целью обеспечения ими нужд своего края. Продукты питания пусть реквизируются в таком объеме, какой необходим для удовлетворения внутренних потребностей района и прилегающих территорий»¹¹. В это же время в октябре 1918 г. в Мариборе стала формироваться так называемая «национальная стража». Организацией этих групп занимался Франьо Жебот¹². Словенские земли постепенно начинали самостоятельное существование в разрушавшейся империи.

Руководство Австро-Венгрии предпринимало различные шаги для сохранения империи, так в сентябре 1918 г. Ганс Кельзен, юридический консультант военного министра, составил меморандум, основная идея которого сводилась к тому, что австрийская монархия может быть ликвидирована «совместной комиссией, назначенной императором и составленной из представителей различных национальностей, которая должна, прежде всего, создать и укрепить возможность объединения новых национальных государств в центральноевропейскую федерацию государств или федеративное государство. При назначении комиссии император должен был объявить, что он считает такую организацию формирующихся национальных государств необходимостью для Европы и что он изъявляет готовность стать в той или иной форме во гла-

ве федерации государств или федеративного государства, но что ни он, ни династия не должны быть помехой для создания такого союза»¹³. 1 октября 1918 г. на заседании австрийского парламента премьер-министр Макс фон Гусарек говорил о необходимости переустройства Австрийской империи путем создания национальных автономий. Венграм он пообещал присоединение Боснии и Герцеговины, Хорватии – присоединение Далмации. Над словенскими землями нависла угроза разделить судьбу побежденной Австрии, что, несомненно, означало потерю территорий.

16 октября 1918 г. Карл I выступил с манифестом «К моим верным народам Австрии». Он предложил трансформировать государство в федеративное, которое состояло бы из немецко-австрийского, венгерского, чешского и иллирского государств под скипетром Габсбургской монархии: «Австрия должна стать союзным государством, в котором каждый народ должен образовать на своей территории собственное государство... Созданные из депутатов рейхсрата каждой нации национальные советы должны регулировать взаимные интересы и осуществлять связь с моим правительством». Немцы не приняли манифеста. Немецкие депутаты отметили, что «идея союзного государства... ошибочна. Трудности подобного вида государства увеличились бы в геометрической прогрессии. Лучше бы этот манифест вообще не был опубликован и остался бы в качестве последнего ошибочного рецепта австрийских государственных врачей». В результате 27 октября 1918 г. ушло в отставку правительство Гусарека, его сменил Генрих Ламмаш, который в состав правительства пригласил Корошеца, но тот отклонил предложение. В словенских землях манифест вызвал негативную реакцию. Югославянские депутаты заявили, что «ни на волос не отступят от своих требований». Ламмаш управлял уже почти исчезнувшим государством до 10 ноября 1918 г. В октябре и первой половине ноября 1918 г. между дипломатами и специальными посланцами императора Карла и представителями Антанты и США проходили секретные переговоры в Швейцарии. Австрийский дипломат Менсдорф вел переговоры с английским посланником в Берне. «В Вену поступали сообщения, что США против пресловутой балканизации Центральной Европы. Вывод, сделанный на основе многих источников информации, заключается в том, что Антанта все еще активно добивалась сохранения Австро-Венгрии»¹⁴.

Образование Государства словенцев, хорватов и сербов (Государство СХС) 28 октября 1918 г. стало переломным моментом в истории словенского народа, который впервые получил независимость. 29 октября верховный законодательный орган Центральное народное вече заявило о выходе из Австро-Венгерской монархии. Государство провозглашалось суверенным с включением в его состав портового города Риека и югославянского населения бывшей Дунайской империи, независимо от того, на какой территории оно проживает. Вопрос о формах государственной власти и внутреннем устройстве югославского государства должно было решить учредительное собрание. Временная же верховная власть в стране передавалась Народному вече словенцев, хорватов и сербов с местом пребывания в Загребе. Однако главной проблемой нового государственного образования стало то, что оно не могло получить официального признания, а, следовательно, не могло установить свои границы.

Антанта, несмотря на заверения в союзнической лояльности со стороны политической элиты Государства СХС, не хотела признавать новое государство до начала мирной конференции. Общую напряженность усиливало довольно агрессивное поведение Италии, которая стремилась к реализации Лондонского договора, согласно которому к ней должна была отойти значительная часть земель, населенных словенцами. Помимо этого у Государства СХС не было полноценного государственного аппарата и главное – армии, которая бы могла в случае агрессии защитить его границы. Начался поиск пути для выживания. Хотя собственно рецепт был известен уже давно. 31 октября Народное вече официально заявило о выходе из войны и о своей нейтральной позиции, однако Антанта не считала Государство СХС союзническим и не торопилась признать его. Великие державы не имели общей позиции в отношении вопроса о статусе Государства СХС. Создание единого югославянского государства играло бы им на руку, особенно Англии и Франции для урегулирования отношений с Италией в вопросе о реализации Лондонского договора.

Что касается самой Австрии, то империя находилась в глубочайшем политическом и экономическом кризисе. Наряду с Временным национальным собранием функционировали местные органы власти и назначенное ранее правительство Ламмаша, поддерживав-

шее связи со двором. В Венгрии правительство М. Каройи заявило о разрыве с Веной, но тем не менее присягнуло 31 октября Карлу IV Габсбургу и только на следующий день дало присягу на верность нации¹⁵. После отделения от Австро-Венгерской империи словенцев, хорватов и сербов встал вопрос об установлении границы. Вопрос был весьма сложный, во-первых потому, что этой границы никогда не существовало, она должна была впервые появиться на карте мира. Во-вторых, ее определение усложняло и смешанное словенско-немецкое население, проживающее на спорных территориях. В-третьих, препятствием для переговоров на высшем уровне являлось неопределенное положение Государства СХС, которое не было признано. Если последний вопрос был отчасти решен после объединения с Королевством Сербия, то первые два продолжали сохранять остроту еще долгое время.

В это же время начались внутренние разногласия между Народным вече и организацией политических эмигрантов Югославянским комитетом по вопросу о том, кто будет официальным представителем югославян Австро-Венгрии на предстоящей мирной конференции. С правовой точки зрения правительством следовало считать Народное вече. В этом был уверен и глава Народного вече А. Корошец, который также полагал, что вести переговоры с сербской стороной может только Народное вече. Поэтому в ходе первой встречи с премьер-министром Королевства Сербия Н. Пашичем в Женеве он спросил председателя сербского правительства, одобряет ли он участие в конференции главы Югославянского комитета А. Трумбича, поскольку теперь «единственным представителем сербов, хорватов и словенцев Австро-Венгрии является Народное вече в Загребе»¹⁶. Кроме того, он заявил сербскому посланнику в Берне, что считает целесообразным создание однородного государства и выступает против федерации, которая скрывает в себе большие недостатки и зародыш разногласий, и что в «монархии вопросы легче и быстрее решаются»¹⁷. 6–10 ноября 1918 г. там же в Женеве состоялась встреча председателя Народного вече А. Корошеца с А. Трумбичем и Н. Пашичем. Каждый из ее участников преследовал свои цели. Корошец стремился добиться признания Сербией и ее союзниками Государства словенцев, хорватов и сербов, Трумбич настаивал на создании коалиционного общеюгославянского правительства с включением в его состав представителей Лондон-

ского комитета. Пашич же хотел рассеять сомнения европейской общественности насчет стремления Сербии к великодержавию¹⁸. Он признал Народное вече в качестве официального представителя югославян Австро-Венгрии. Кроме того, было составлено общее правительство с определенным кругом обязанностей. Прежде всего, это касалось внешней политики и создания учредительной скупщины. По мнению некоторых словенских историков, с заключением женеvского соглашения была упущена последняя возможность для признания нового югославянского государства.

29 октября император попросил перемирия, после его подписания в начале ноября итальянские части расположились вдоль демаркационной линии, установленной Лондонским договором. В газете «Истина» (Istina), политическом органе до последнего преданных Австрии словенцев, 2 ноября 1918 г. было написано: «Немцы, вытаращив глаза, смотрят, как происходит переворот. Не так давно они не хотели дать нам автономию, тормозили любое решение югославянского вопроса. Поэтому немцы стали могильщиками Австрии. Немецкая неуступчивость породила нашу свободу!».

Весть о создании Государства словенцев, хорватов и сербов была встречена в Мариборе весьма бурно. Прокатилась волна манифестаций, как немцев, так и словенцев. Причем выступления немцев были весьма агрессивными. Были разбиты окна словенских домов, а словенская типография «Кирилла» и Национальный дом забросали камнями¹⁹. В ответ на это лейтенант Иван Гранчер организовал словенскую манифестацию, в которой приняли участие как военные, так и гражданские лица. Собравшись у Национального дома, словенские солдаты сорвали с формы имперские знаки отличия. 30 октября на заседании Общинного совета Марибора, состоявшего из немцев, было заявлено, что «свободно избранный общинный совет немецкого города Марибор, основываясь на инициативе президента Вильсона о праве народов на самоопределение, провозглашает частью нового немецко-австрийского государства город Марибор вместе с прилегающим к нему немецким экономическим предместьем»²⁰. 12 ноября 1918 г. была провозглашена Республика немецкая Австрия, в нее вошли территории, оставшиеся после распада Австро-Венгерской монархии. 22 ноября временный парламент в Вене принял закон о землях и границах Республики, который определил: «Граница в Штирии на востоке идет по языко-

вой границе, затем по восточной границе Ленартского и Птуйского округов, до выхода р. Дравы из страны, оттуда через Прагерско на вершину Похорья и затем вдоль него до границы Каринтии южнее Дравограда, так что бассейн реки остается в границах немецких земель»²¹. Это означало, что словенцы, проживавшие в Нижней Штирии и Каринтии, оставались в составе нового немецкого государственного образования.

Следует отметить, что словенцы Каринтии, Дравской долины с Похорьем и Штирии с Марибором подвергались давлению со стороны немцев на протяжении всей истории сосуществования двух народов²². Однако так называемое «онемечивание» касалось не столько населения, сколько самих территорий. Словенцы сопротивлялись германизации в культурном плане, поэтому ассимиляция осуществлялась при помощи экономического давления. В первую очередь, путем переселения на эти земли немецкого населения. В своей статье «Немцы в Словении» Ф. Цвиттер²³ приводит следующие данные, свидетельствующие о массовом притоке немцев на словенские земли.

	1880	1890	1900	1910
Словенцы в городах Птуй, Марибор, Целье	5202	4851	6052	6458
Словенцы в других населенных пунктах Штирии и Каринтии	374 790	385 661	392 149	393 547
Всего	379 992	390 512	398201	400 005
Немцы в городах Птуй, Марибор, Целье	19 547	23 032	27154	30950
Немцы в других населенных пунктах Штирии и Каринтии	21 830	24 823	25 562	36875
Всего	41 378	47 855	52 716	67 825

Но не следует упускать из вида тот факт, что главным критерием для определения национальной принадлежности был разговорный язык. Следовательно, эти данные свидетельствуют не столько об увеличении немецкого населения как такового, сколько о наращивании немецкого влияния на этих словенских землях.

29 октября в Мариборе в типографии «Кирилла» состоялось заседание Национального совета Штирии, которое посетил майор Рудольф Майстер²⁴. На этом заседании Майстер отчитал Национальный совет Марибора за уступчивость немцам, особенно за то, что Национальный совет представляет немцам продовольственные квоты. Майстер писал: «Мне показалась наша услужливость неуместной, и в ходе заседания Национального совета 29 октября я еще раз подчеркнул, что мы должны, прежде всего, обеспечить Марибор, а уже потом предоставить немцам концессии»²⁵. На следующий день председатель Национального совета Верстовшек предложил немецким представителям обсудить национальный вопрос, однако получил отказ, который был мотивирован необходимостью решить экономические вопросы и проблемы безопасности. Переговоры о переходе власти к Национальному совету продолжались и 31 октября. Местные областные управы в Нижней Штирии перешли под контроль словенцев, в то время как Марибор с немецким общинным советом и армией в любой момент мог перейти в наступление и уничтожить словенские завоевания.

В ходе встречи с немецким командованием 1 ноября полковник Голик сообщил, что с фронтов приходят плохие вести, армия возвращается домой и по пути грабит склады у железных дорог. Он также отметил, что для Марибора наступают тяжелые времена, поскольку через него проходит значительная часть поездов. Полковник предложил план, согласно которому можно было бы сохранить мир и порядок в городе. Однако план этот начинался словами, что Марибор принадлежит немецкой Австрии²⁶. После этих слов, как пишет Майстер в своих воспоминаниях, он осознал, что судьба Марибора теперь зависит от него. Он обратился к военным, сказав, что взял на себя верховное командование и надеется, что, когда понадобится, солдаты встанут на службу Югославии. Эти слова вызвали высокую степень воодушевления²⁷. Поскольку звание майора не соответствовало тому уровню ответственности, который возложил на себя Майстер, он обратился к Национальному совету

в Любляне с просьбой возвести его в чин генерала, что вскоре и было осуществлено.

Однако численность словенских солдат была невелика, а угроза, нависшая над Марибором, становилась реальностью, поэтому 3 ноября Майстер заключил договор о создании совместной с немцами Службы безопасности (Schutzwehr). При этом немецкая сторона рассчитывала использовать этот шаг в свою пользу. Член исполнительного отдела нового военного объединения Хенрик Вастиан заявил следующее: «Мы должны вступить в отношения с противоположной стороной, с генералом Майстером, хотя это нам очень неприятно»²⁸. Майстер понимал опасность подобного рода сотрудничества: «Мне с самого начала было ясно, что, создавая Службу безопасности, местные власти имели в виду только одно: сохранить Марибор для себя»²⁹.

7 ноября Майстер пригласил на службу 150 сербов, возвращавшихся из австрийского военного плена. Это привело к тому, что часть немецких железнодорожников объявила о забастовке, потребовав отстранить сербов. Забастовки железнодорожников стали в те дни обычным явлением. Так, например, немецкие служащие объявили забастовку, когда словенские студенты на вокзале сбили надписи на немецком языке. Она продолжалась до тех пор, пока нанесенный ущерб не был устранен. 9 ноября без одобрения Национального совета в Любляне Майстер провозгласил своего рода мобилизацию: «Граждане, югославы! Мы получили новую, свободную и сильную родину. Но это не означает, что пришел конец нашим трудностям. Возвращаются к себе домой солдаты армий всех национальностей. Они тысячами проходят через наши земли, сжигая и грабя всех и вся на своем пути. Поэтому наш долг защитить свою родину, имущество и жизнь наших близких. С тем призываю всех мужчин, жителей Нижней Штирии, рожденных в годы с 1879 по 1900 гг., явиться в Марибор и Целье к 18 ноября. Того, кто не явится в указанные сроки, мы будем считать дезертиром и предателем родины»³⁰. Проведенная мобилизация значительно укрепила положение словенцев. 23 ноября Майстер начал проводить разоружение немецких частей. Был захвачен Почтамт и все почтовые отделения и телеграфы. Вскоре сложила оружие и Служба безопасности. В тот же день часть 26-го сербского пехотного полка захватила г. Шпилье, что побудило австрийскую сторону перейти к

переговорам о демаркационной черте. В Марибор прибыл полковник Рудольф Пасси. 27 ноября он заключил с Майстером договор о демаркационной черте, которая предусматривала, что части Штирийского пограничного командования займут линию Радгона – Придова – Шентвид при Вогаве – Ивник – Шентпавел – Словенски Шмихел – Крнски град – Бельяк – Шмохор. Но эта граница не была одобрена ни Веной, ни Любляной³¹. Майстера обвинили в превышении своих полномочий и запретили вести переговоры от носительно границ.

В начале декабря в Нижней Штирии началась всеобщая забастовка железнодорожных служащих. В этой ситуации на помощь Марибору пришла Любляна, которая обратилась к служащим словенской Южной железной дороги с просьбой прислать необходимое количество железнодорожников, что позволило быстро восстановить сообщение между Любляной и Марибором. Тем не менее, забастовки не помешали Майстеру 1 декабря захватить Радгону, 3 декабря Цмурек, Лучане, Радле у Дравы, Дравоград, Лабот и Шентпавел³².

29 августа 1919 г. было окончательно решено, что в Штирии не будет проведен плебисцит и что река Мура станет границей между Австрией и Королевством СХС. Кроме того, было решено, что Радгона переходит к Австрии, а Марибор к Королевству. С тем и была установлена граница в Штирии.

Что касается Каринтии, то здесь вопрос о границе решался несколько иным способом. Каринтийский ландтаг 25 октября 1918 г. принял решение о неделимости Каринтии. Несмотря на объединение Государства СХС и Королевства Сербии в декабре 1918 г., в Каринтии продолжались вооруженные столкновения. Главную вооруженную силу австрийцев составляли отряды Народной армии Австрии (Volkswehr), которая в феврале 1919 г. была пополнена добровольцами.

Из округа Целье в Каринтию стал пробиваться подпоручик, словенец по происхождению, Франьо Малгай, который занял Межицкую долину, Плиберк и Великовец, где в ноябре смог удержать натиск австрийцев из Целовца (Клагенфурта). Западная Каринтия с местечком Боровле после провозглашения национального правительства была занята сотником Альфредом Лавричем. Однако Национальное правительство в Любляне выступило против захвата

Целовца, объясняя это тем, что у него нет достаточного количества средств для обеспечения операции.

5 декабря 1918 г. каринтийский ландтаг принял решение сопротивляться всем попыткам «югославских отрядов» продвинуться вперед³³. Первое наступление по всей линии австрийские силы начали 5 января 1919 г. 7 января они перешли реку при Боровлье и оттеснили словенские части до подножия Караванк, тем самым были потеряны значительные территории. 19 января было подписано перемирие, согласно которому граница проходила по линии, на которой были остановлены сражения. 29 апреля 1919 г., когда стало ясно, что Королевство СХС не получит тех территорий в Каринтии, на которые рассчитывало, перемирие было нарушено. Словенские части перешли демаркационную линию. 2 мая австрийцы начали контрнаступление. В итоге словенские части распались и отошли в Межицкую долину. Австрийцы продвинулись до Словень Градеца. 28 июня началось новое наступление словенцев, которым командовал Майстер. Оно закончилось тем, что 6 июня были захвачены Целовец и Госпосветское поле.

Мирная конференция начала работу 12 января 1919 г. в Париже. Одним из ведущих политиков во время работы Парижской мирной конференции был словенский теолог, профессор, дипломат и политик Ламберт Эрлих. С 26 января по 6 февраля 1919 г. в Каринтию прибыла комиссия Шермана Милеса. Помимо него в нее входили полковник Ле Рой Кинг, географ из американского генерального штаба майор Лоренс Мартин и профессор из Колумбийского университета в Нью-Йорке Роберт Кернер. В ходе своей работы комиссия пришла к заключению, что словенская часть населения не настроена проюгославски. В одном из своих сообщений о деятельности комиссии Милеса, предназначенных Ивану Жоглеру, Эрлих сообщал, что из-за снежных заносов комиссия не посетила большей части словенских поселений в основных районах и передвигалась только по дорогам, вдоль которых проживает немецкое или онемеченное население. Кроме того, комиссия не посетила три района, населенных словенцами: долину реки Зила, территорию к северу от железной дороги Целовец—Бельяк и земли севернее и северо-западнее от Целовца³⁴. Комиссия предложила провести границу по вершинам Караванк, а словенским вооруженным частям предписывалось покинуть Каринтию, пока не будет окончательно

установлена государственная граница между Австрией и Королевством СХС. Это привело бы к тому, что 70 тыс. словенцев оказались бы в Австрии. Выводы комиссии в итоге не были приняты во внимание, они легли мертвым грузом в архив, откуда были извлечены только в 1953 г.³⁵. Несмотря на то, что выводы, сделанные комиссией Милеса, не были приняты во внимание, американская сторона продолжала настаивать на проведении границы по Караванкам.

Споры относительно этого вопроса продолжались довольно долго, пока не возникла идея плебисцита. 12 мая 1919 г. Совет четырех³⁶ принял решение провести границу между Австрией и Королевством СХС по Караванкам, а для Целовецкой котловины провести плебисцит. Югославская сторона приняла решение создать альтернативный вариант установления границы, который был разработан И. Жоглером, О. Рибаржем и Л. Эрлихом³⁷. В нем они предложили территорию, где будет проведен плебисцит, разделить на две части по черте от вершины Малошко Полдне в Караванках, далее западнее от Башкега озера до Дравы, по Драве до Рожека, по Глинице и Глини до устья Крки и по Крке вверх. Территориальная комиссия этого предложения не одобрила. 30 мая 1919 г. было принято решение провести плебисцит во всей Целовецкой котловине. Это предложение все же было более выгодным для югославской стороны, поскольку больше не поднимался вопрос о проведении границы только по Караванкам³⁸, хотя в этом районе немцы имели большинство и исход плебисцита был предreshен. Югославская делегация ответила на это предложение 31 мая. В ответе подчеркивалось, что югославская сторона не может избавиться от ощущения, что великие державы любым путем хотят изгнать югославы из Каринтии. Кроме того, указывалось, что за все время работы конференции не было принято ни одно из многочисленных югославских предложений³⁹.

4 июня Совет четырех принял решение разделить Целовецкую котловину на две зоны: «А» и «В». Зона «А» включала в себя юго-восточную часть Целовецкой котловины, что составляло 1768 кв. км с 73 488 человек, из которых 69,18 % считали словенский языком общения, и зона «В», куда вошел Целовец с окрестностями, что составило 352 кв. км. В этой зоне голосование должно было состояться только в том случае, если бы большинство в зоне «А» проголосовало за Королевство. Таким образом, плебисцит

сначала должен был пройти в зоне «А», потом в зоне «В». В этом районе продолжало функционировать прежнее руководство под контролем международной плебисцитной комиссии, что полностью исключало словенцев из управления этими территориями⁴⁰. Плебисцит состоялся 10 октября 1920 г. Голосовало почти 96 % жителей, обладавших правом голоса. За Австрию проголосовало 22 тыс. 025 человек, что составило 50,04 % от числа голосовавших. За присоединение к Королевству СХС 15 тыс. 279 человек, или 40,96 %. Поскольку на территории зоны «А» до войны проживало свыше 50 тыс. словенцев (что составляло более 69 %) и менее 31 % составляли немцы, то, по крайней мере, 10 тыс. словенских голосов было отдано за Австрию⁴¹. Каринтийские словенцы в 1920 г. окончательно решили остаться в Австрии. «Признать результаты плебисцита, — писал Б. Графенауэр, — значит признать все то насилие и те ошибки, которые свершили немецкие империалисты в Каринтии за последние сто лет над словенским народом»⁴².

Почему же 10 тыс. словенцев проголосовало за Австрию? В первую очередь, на их решение повлияла довольно агрессивная политика германизации, австрийская пропаганда, которая заявляла, что позаботится о словенском национальном меньшинстве и делает все возможное, чтобы словенцы чувствовали себя комфортно, кроме того, давила на «областной» патриотизм и подчеркивала выгоду проживания в социально обеспеченной демократической республике, где, в отличие от королевства СХС, не было воинской обязанности⁴³. Для крестьян, которые составляли большинство словенского населения, в первую очередь была важна финансовая составляющая, а именно торговая связь с Целовцем.

После подписания Сен-Жерменского договора с Австрией 10 сентября 1919 г. была завершена первая фаза дипломатической борьбы за югославно-австрийскую границу после Первой мировой войны⁴⁴. Окончательно граница между двумя зонами была установлена 21–23 июня 1919 г. Следует отметить, что Межицкая долина и Езерско отходили Югославии без плебисцита.

Таким образом, мы видим, что становление северной границы проходило весьма сумбурно. Граница со Штирией была результатом инициативы Майстера, который, не желая мириться с пассивностью Любляны, взял ситуацию под свой контроль и достиг неплохих результатов. Что касается границы с Каринтией, то она

была практически сразу взята под надзор международных сил, хотя и этот факт не сумел удержать стороны от кровопролития. Решение словенского населения Каринтии остаться в составе Австрии в первую очередь объясняется сугубо экономическими интересами. В новом Королевстве СХС не было железнодорожной связи между словенскими землями и Белградом. Словенское население, которое было представлено, прежде всего, крестьянством, не видело для себя иного рынка сбыта, кроме как австрийского, неизвестность, которая их ждала в новом государстве, пугала. Поэтому ни национальная идея, ни страх перед ассимиляцией не могли перевесить чашу весов, на которой покоилось экономическое благосостояние, пусть и относительное. Несомненно, что со стороны австрийских властей словенское население испытывало притеснения, но здесь действовала логика: если на протяжении нескольких столетий словенцев не удалось ассимилировать, то почему это должно произойти сейчас? Несмотря на то, что согласно Сен-Жерменскому договору Австрия обязалась обеспечить словенцам языковые права, эти обещания были выполнены частично. Словенцы продолжали подвергаться притеснениям, многие в итоге были вынуждены переселиться в Королевство СХС. Немалую роль в давлении на словенское население сыграла организация «Отечество — Каринтия» (Kärnter Heimatdienst).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Times. 05.04.1918.

² Ламмаш Генрих (1853–1920) австро-венгерский и австрийский государственный и общественный деятель, последний министр-президент Цислейтании.

³ Herron. Henrich Lamasch's suggestion for peace in Bern 1918 // Henrich Lamasch. Seine Aufzeichnungen, sein Wirken und seine Politik. Wien, 1922. S. 192.

⁴ Турок В.М. Очерки истории Австрии 1918–1929. М., 1955. С. 58.

⁵ Там же. С.59

⁶ Perovšek J. Slovenska osamosvojitve v letu 1918. Ljubljana, 1998. S. 14.

⁷ Ibid. S. 14.

⁸ Рубинштейн Е.И. Крушение Австро-Венгерской монархии. М., 1963. С. 284.

⁹ Marburger zeitung. 1918. №. 240–241. Цит. по Ude L. Boj za Maribor in Štajersko Podravje. 1918–1919 // Zgodovinski časopis. XV. 1961. S. 73.

¹⁰ Tagespost. 1918. № 285. Цит. по: Ude L. Op. cit. S. 73.

¹¹ Ude L. Op. cit. S. 75.

¹² Жебот Франьо, словенский журналист и политик (10 августа 1881 г., Сельница при Муре – 13 апреля 1945 г., Дахау). В качестве члена Национального Совета Штирии в 1918 г. в последние недели перед переворотом занимался организацией Национальной стражи во всей Штирии.

¹³ Турок В.М. Указ. соч. С. 103.

¹⁴ Там же. С. 102.

¹⁵ Писарева Ю.А. Образование югославянского государства. М., 1975. С. 313.

¹⁶ Janković D. Ženevska konferencija o stvaranju jugoslovenske zajednice 1918 godine / Istorija XX veka. Knj. V. Beograd, 1963. S. 236.

¹⁷ Ibid. S. 237.

¹⁸ Писарева Ю.А. Указ. соч. С. 322.

¹⁹ Ude L. Op. cit. S. 78.

²⁰ Marburger zeitung. 1918. № 51.

²¹ Нечак Д., Пене Б. Перелом 1914–1918. Мир и словенцы в Первой мировой войне. Любляна, 2012. С. 374.

²² Ude L. Op. cit. S. 68.

²³ Zwitter F. Nemci na Slovenskem // Sodobnost. 1938. Letnik 6. Št. 11 / 12. S. 494.

²⁴ Майстер Рудольф (1874–1934). Служил в армии Австро-Венгрии, затем в армии Королевства СХС, поэт. Принимал активное участие в отстаивании словенской северной границы и г. Марибор в 1918 г. С 1921 по 1923 г. был председателем комиссии по установлению границы с Италией.

²⁵ Slovenec. 01.11.1928. Št. 251.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ude L. Op. cit. S. 96.

²⁹ Ibid. S. 101.

³⁰ Ibid. S. 103.

³¹ Guštin D. Spopadi za meje // Slovenska novejša zgodovina. Ljubljana, 2005. S. 198.

³² Ude L. Op. cit. S. 81–88.

³³ Guštin D. Spopadi za Koroško // Slovenska novejša zgodovina. Ljubljana, 2005. S. 215.

³⁴ Perovšek J. «V zaželjeni deželi». Ljubljana, 2009. S. 95.

³⁵ Ibid. S. 91.

³⁶ Или Большая четверка – лидеры ведущих стран-союзников, встретившихся в январе 1919 г. после окончания Первой мировой войны на Парижской мирной конференции. В нее входили Вудро Вильсон (США), Дэвид Ллойд-Джордж (Великобритания), Витторио Орландо (Италия) и Жорж Клемансо (Франция).

³⁷ Grafenauer B. Slovenska Koroška v diplomatski igri 1919. Ljubljana, 1970. S. 327.

³⁸ Perovšek J. »V zaželjeni deželi«. S. 103.

³⁹ Ibid. S. 104.

⁴⁰ Grafenauer B. Op. cit. S. 350.

⁴¹ Нечак Д., Пене Б. Указ. соч. С. 382.

⁴² Grafenauer B. Koroški slovinci v zgodovini. Ljubljana, 1945. S. 31.

⁴³ Troha N. Koroški plebisit / Slovenska novejša zgodovina. Ljubljana, 2005. S. 215.

⁴⁴ Grafenauer B. Slovenska Koroška v diplomatski igri 1919. S. 364.

Тадей Корен, Петра Тестен

Воспоминание о Первой мировой войне. Роль пространства и наследия Сочанского фронта для жителей Посочья

Коллективная память – это то, что остается от прошлого в живой памяти народа, или же то, что этот народ создает на фундаменте этого прошлого.

Пьер Нора¹

Первая мировая война оставила огромный кровавый след и на словенской территории. Особенно в 1915–1917 гг., когда, после объявления Королевством Италией войны Австро-Венгрии, был открыт Сочанский фронт. Линия фронта между этими странами большей частью проходила по землям, где преимущественно проживали словенцы, иными словами, по территории современной Словении. Так, Первая мировая война пришла в словенские провинции, а населяющие их люди узнали о ней не понаслышке. Поэтому для историка и любого, кто размышляет о событиях прошлого, вполне уместен вопрос, как на самом деле происходит, что некое событие или происшествие настолько глубоко остается в народной памяти, что воспоминание о нем передается из поколения в поколение? От чего на самом деле зависит память, воспоминание об этом (или любом другом) событии или происшествии? Как последнее влияет на отдельного человека и как оно влияет на социум? Что есть память и что оказывает воздействие на ее формирование? Итак, речь пойдет о национальной памяти.

За последние десятилетия появилось много новых работ о коллективной памяти. Автор работы «Теории социальной памяти» Барбара А. Мишталъ высказала простую, но важную мысль, а именно, что воспоминания как таковые всегда притягивали внимание людей, поскольку они являются основой, позволяющей человеку

представлять мир². Подобным образом изложил свое видение вопроса один из исследователей теории памяти Джоффри Кьюбит в своей книге «История и память». Он отметил, что память стала одной из главных тем в изучении истории, и свое утверждение подкрепил словами, что память – это ключевое понятие (key term) в исторических исследованиях, и поэтому обязательная составляющая оценки новых и переоценки ранее сформулированных тем. Далее тот же автор констатирует, что сегодня память связывает и определяет своего рода различные теги, например, история народов, устная история или даже мифы, и в реальности оказывается некоей метаисторической категорией³.

Как только мы, исследователи, поднимаем вопрос о памяти, одновременно встает проблема ее субъективности и общественной значимости. Речь идет о всегда подспудно присутствующем вопросе, действительно ли память индивидуальна, т.е. зависима от каждого отдельного человека, и в какой степени это проявляется, или же она формируется обществом, культурным окружением, политической структурой или государством. При формировании этого всеохватывающего и внутренне монолитного процесса воспоминания, который объединяет поведение индивида и общую для некой группы людей действительность, речь идет не о замутнении смысла, т.е. о пренебрежении к различиям между этими составляющими, а именно о выделении этих различий (некая категоризация) для попытки раскрытия возможных связей между ними. Дело в том, что последнее может предоставить нам важные ответы на вопрос, как человек связан со своим прошлым и каковы последствия этой связи для индивидуальной или коллективной памяти. Со сложностью определения индивидуальной, общественной и культурной памяти и с проблемой динамики их взаимодействия сталкивались и продолжают сталкиваться многие. Границы между этими понятиями оказываются настолько прозрачными, почти невидимыми, и грань, где кончается одно и начинается другое, выделить почти невозможно. Не говоря уже о трудностях, которые добавляют столь отличающиеся друг от друга предлагаемые нам научной средой теории, чьи авторы пытаются понятие «память» заменить более понятными и уже устоявшимися терминами. А кроме того, размышление о памяти (воспоминании) – это важный процесс осмысления нас самих в пространстве, в котором мы живем и

работаем. Поэтому не будет излишним уделить внимание выбору, который нам предлагают для нашего собственного размышления источники.

Начнем с нескольких главных положений. Когда мы говорим об индивидуальной памяти, которая опирается, в первую очередь, на наш повседневный опыт и предположения, мы в действительности говорим об автобиографической памяти. Дж. Кьюбит пишет, что использование слова «память», когда это касается индивидуальной памяти, в целом не является проблематичным и когда речь идет об общих способностях человека, позволяющих ему воссоздать опыт прошлого⁴. Но, с другой стороны, у нас есть понимание памяти, которое затрагивает темы, обычно не имеющие личностной основы. Для этих процессов мы используем выражение «общественная» или «коллективная» память, которое употребляется и в Словении, в то время как подобные обозначения в англосаксонском мире более точно разделяются на «collective memory» и «social memory». Первый термин подразумевает общественную память, которую создает определенное общество, однако Кьюбитт приписывает ему и некую идеологическую составляющую, а она обусловлена понятием «social memory»⁵. Термин «social memory», вошедший в обиход позднее, на самом деле подразумевает совокупность процессов воспоминания, складывающихся из общественной и культурной деятельности, которая все время оказывает воздействие на сознание человека и его социальные отношения. Одновременно с определением «социальная память» («social memory») употребляется некое параллельное определение, которое многократно осмыслено и используется как синоним для обозначения материального наследия, которое имеет символическое значение для определенной общественной группы⁶.

Исследуя память, мы, историки, устремились к новой оценке ее содержания, а также к новым способам ее организации, обозначения и описания. Это, в свою очередь, оказало влияние на обобщение дисциплины и на выбор новых направлений, которые открывают полученные знания. Излишне напоминать, что такое последовательное расширение кругозора является желательным и необходимым явлением для научного процесса в целом, а одновременно надеждой на его дальнейшее успешное развитие. Таким образом, память можно определить как огромное и изменяющееся

историографическое поле⁷. При этом вызов найти некие новые намеки, брошенный как историкам, так и другим исследователям, и просто любознательным людям, интересующимся историей, поможет изучить и понять отношение к прошлому, которое складывается в обществе на индивидуальном и коллективном уровнях. Понятие «память», помогающее вновь попытаться осветить прежние и увидеть, осмыслить новые области исследования, устоявшиеся положения, а также установить новые (междисциплинарные) связи, послужит более глубокому и широкому пониманию истории. И, безусловно, «исследовательский поворот» историков к изучению памяти не изолированное или инновационное явление. Когда историки занялись изучением памяти, они столкнулись с необычайно пестрым, уже сложившимся междисциплинарным комплексом исследований⁸.

Итак, важный вопрос, с которым ученые постоянно сталкиваются, когда обращаются к изучению памяти, относится, прежде всего, к соотношению индивидуальной и общественной памяти. Что влияет на нас как индивидуумов, когда мы вспоминаем события прошлого? Пытаясь разобраться в механизмах собственных воспоминаний и отыскать причины определенного выбора, мы одновременно можем согласиться с Мэттом Мацуда, который писал: «Если история это событие, воспоминание – часть прошлого, которая находится в тесной непосредственной связи с людьми и событиями, и складывается впечатление, что оно (воспоминание) придает достоинство осознанию идентичности групп»⁹. Морис Хальбвакс¹⁰, один из первых, кто систематически исследовал память и углубленно занимался именно обоснованием концепции «коллективная память» («collective memory»), в своей фундаментальной работе «Коллективная память» («La Mémoire collective», 1950) скрупулезно изучал, каким образом наше прошлое влияет на то, что нас беспокоит в настоящем. При этом он развивал идею Э. Дюркгейма, что всякое общество нуждается в ощущении связи с прошлым¹¹. Автор рассматривал феномен коллективного воспоминания как многослойное явление. Он изучал соотношение между коллективной и индивидуальной памятью, между коллективной и исторической памятью и встраивал действие коллективной памяти во время и пространство. Поэтому исследователи не могут пройти мимо его основного тезиса, что индивидуальная память

отдельного человека не может работать без коллективной памяти группы, к которой он принадлежит. Тем самым Хальбвакс вышел за рамки сложившейся к тому времени традиции понимания памяти, разделившей ученых на две группы: одни понимали память как нечто индивидуальное, личное, в то время как другие — как нечто общественное; одни фокусировали внимание на внутренней субъективности, другие — на внешних проявлениях¹². Дополнительное разъяснение тезиса Хальбвакса нам предлагает Грегор Старк в рецензии на книгу французского ученого, вышедшую в переводе на словенский язык в 2001 г.: «Дело в том, что индивидуумы в течение своей жизни постоянно меняют свою принадлежность к той или иной группе — оставляют круг недавних друзей или семей и создают новые, переселяются из края в край и в новых условиях заново включаются в новые группы, прежние же могут вследствие возрастных или других причин исчезать, а с ними исчезает также их коллективная память, на основе которой переплетались связывающие отдельных индивидуумов нити»¹³. Иными словами, изменения происходят, когда индивид оставляет определенную группу, ведь тогда из его индивидуальной памяти постепенно исчезает все больше событий, которые связаны с этой группой. Именно в связи с этим для сохранения коллективной памяти недостаточно, чтобы некто представлял только свое свидетельство, нужно индивидуальное воспоминание постоянно сопрягать с памятью других и таким образом сохранять достаточное количество точек соприкосновения, чтобы события могли быть реконструированы на некоей общей основе¹⁴. Подобным образом понимает память и Кьюбитт, когда пишет, что ее следует определять с точки зрения индивидуальной памяти, с одной стороны, и коллективной (общественной) памяти — с другой¹⁵. Хальбвакс своим рассуждением пытался, прежде всего, показать, как обманчиво утверждать, что наши воспоминания ни от чего не зависят. Подобным образом рассуждала и Барбара А. Митчел¹⁶. О том, что размышление Хальбвакса о памяти в определенном смысле оказалось переломным моментом, свидетельствует также благодарность Поля Рикёра. Он адресовал ее Хальбваксу за значимое интеллектуальное решение, а именно за то, что тот связал память с коллективной общностью, названной им общественной группой. П. Рикёр главу из книги Хальбвакса под названием «Коллективная память и индивидуальная память»

резюмировал следующими словами: «Чтобы мы могли вспоминать, нам нужны другие»¹⁷.

Давайте бегло рассмотрим еще один фрагмент рассуждений Хальбвакса – историческую память, которую автор преподносит через анализ функционирования нации. Нация сегодня является одной из наиболее стабильных групп, но это не означает, что она не меняется, ей присуще свойство сохраняться и не исчезать внезапно. Нация функционирует как широкая группа, члены которой незнакомы между собой, но осознают свою общность¹⁸. В ее основе лежит коллективная память, ведь без нее существование нации не было бы возможным¹⁹. Именно в качестве феномена нации Хальбвакс определяет особую форму коллективной памяти, которую называет исторической памятью и противопоставляет ее памяти автобиографической. Согласно его определению, коллективной исторической памятью является внешняя память или заимствованная память, которую индивид не пережил, и которая не является частью его опыта. Хальбвакс обосновывает это следующим образом: «Я ношу с собой багаж исторических воспоминаний, который могу увеличивать при помощи разговоров или чтения. Но эта заимствованная память мне не принадлежит. В национальном сознании эти события оставили глубокий след не только потому, что они изменили общественные институты, но и потому, что связанная с ними традиция по-прежнему весьма жива в той или иной части группы... Для меня это понятия, символы; мне они представляются в более или менее популярной форме; я могу представить их себе, но я никак не могу помнить о них»²⁰. Этот тезис поддерживает также Роберт Гилдей, когда пишет, что память – это совместно построенное «здание прошлого», возведенное данной группой в настоящем²¹. И, как мы увидим далее в тексте, историческая память под крылом какой-либо нации является важным элементом при создании комплексной мозаичной картины воспоминания. Например, в районе Посочья все эти элементы складываются в историческое повествование, которое объединяет как то прекрасное, что можно наблюдать в природе и ощущать среди людей, живущих в долине реки Сочи, так и их историческое наследие. Поэтому, прежде чем заговорят люди, необходимо сказать несколько слов о значимости пространства в контексте размышлений о памяти.

Итак, сутью теории Хальбвакса остается идея, что универсальной памяти нет и что носителем любой коллективной памяти является группа людей, ограниченная пространством и временем²². Вот почему автор сделал особый акцент на размышлении о соотношении коллективной памяти и пространства, с одной стороны, и со временем, с другой. Дело в том, что говоря о последнем, он утверждает, что время не течет, а длится и сохраняется. Впрочем, как могла бы память путешествовать в противоположном (иллюзорном) направлении движению времени? Немаловажным является существование и сохранение коллективной основы для так называемых индивидуальных воспоминаний, ведь индивидуальное сознание — лишь пространство, сквозь которое движутся эти потоки коллективных воспоминаний, и именно оно является той точкой, где встречаются и пересекаются коллективные воспоминания разных эпох²³. Далее Хальбвакс разделяет социальное время — время пережитого события, и коллективное время — время осознания, присущее определенному коллективу; они не зависят друг от друга, но реальны благодаря своему содержанию, ведь оба обеспечивают индивидуальному мышлению материю событий и представляют собой пространство, в котором откладываются и сохраняются индивидуальные воспоминания²⁴. Автор при этом отмечает, что большинство людей долгое время вообще не интересовалось, что происходит по другую сторону границы их провинции. Поэтому существовало и все еще существует столько историй, сколько существует групп людей, или наций²⁵. Используя подобную логику, мы, вероятно всего, должны искать и анализировать причины и объяснения различным интерпретациям исторических событий, в том числе и тех, которые происходили в период существования Сочанского фронта.

Таким образом, коллективная память по Хальбваксу связана также с пространством. Группа находится в определенных пространственных рамках, но на это пространство еще дополнительно воздействует сила окружающего группу материального мира. Именно пространственное окружение Посочья и отношение к материальным артефактам Сочанского фронта, возможно, является самым значимым фактором, хотя восприятие и того и другого происходит несколько иначе, чем понимает и объясняет это Хальбвакс. Пространственная ограниченность с включением всех

материальных элементов оказала сильное воздействие на то, что коллективное воспоминание о Сочанском фронте у жителей Посочья оказалось столь сильным. Для того чтобы оно продолжало сохраняться на этом уровне, безусловно, необходима определенная поддержка. Иными словами, одним из способов сохранения коллективной памяти является забота о регионе или пространстве, где это воспоминание существует. Андреа Брайт в статье «Пространство Изонцо – транснациональное место памяти для австрийцев, итальянцев и словенцев» обосновывает и объясняет значение исторического места именно на примере территории вдоль реки Сочи (*итал.* Изонцо), понимая и представляя ее как транснациональное историческое пространство для австрийцев, итальянцев и словенцев²⁶. Здесь она выходит за рамки тезиса Хальбвакса о том, что воспоминание связано исключительно с пространством. Оно (пространство) может стать также средством для напоминания нам о событиях, которые там происходили. Пространство, в данном случае Посочье, становится «землей воспоминаний» всех тех, кто так или иначе связан с ним, например, местных жителей, а также и потомков тех, кто воевал в этом краю. Так, место памяти (*Gedächtnisort*) становится, по мысли А. Брайт, историческим термином. Ото Лутар, например, подчеркивает, что именно Первая мировая война в этом смысле явилась границей воспоминаний, он пишет: «Если мир до этого времени знал лишь несколько примеров типично локальных ‘коллективных воспоминаний’ (например, память сербов о Косовом поле и Милоше Обиличе (1389) или изгнание евреев из Испании (1492)), то Первая мировая война представляет собой первый образец глобальной коллективной памяти»²⁷. Для жителей Посочья связь с этим территориальным пространством значима потому, что они здесь проживают и ежедневно сталкиваются с наследием войны, но, с другой стороны, важное значение имеет и сознание того, что буквально у порога их жилищ была написана важная глава мировой истории. Потомки воинов, сражавшихся в Посочье, приезжают сюда отдать дань памяти своим предкам, с желанием увидеть и узнать места, о которых им рассказывали или они читали о них. Другая сторона медали – это предприимчивость местных жителей, среди которых все больше тех, кто осознает экономический потенциал данной исторической территории.

Пространство и сохранившееся материальное наследие оказывают, таким образом, большое влияние на процесс воспоминания. Более того, материальная среда, которая нас окружает и которую наша мысль способна ежесекундно реконструировать, сохраняет наши воспоминания²⁸. Это утверждение наглядно представляет и Хальбвакс, когда пишет, что «...мы переживаем период некомфортного состояния, когда какое-то событие заставляет нас переместиться в новое материальное окружение до того момента, пока мы не приспособимся к нему, как будто мы потеряли свою индивидуальность: это до такой степени реально, что устоявшиеся образы внешнего мира неотделимы от нашего “я”»²⁹. Тут Хальбвакс опирается на Огюста Конта, который заметил, что ментальное равновесие исходит из предшествующего опыта и, прежде всего, из того, как материальные предметы, с которыми мы оказываемся в постоянном контакте, не меняются или меняются незначительно, и поэтому создают ощущение постоянства и стабильности³⁰. Образы предметов, которые нас окружают, в реальности имеют именно такое значение. Вокруг нас словно присутствуют безголосые и недвижимые соседи. Хотя они не говорят, мы понимаем их, поскольку они имеют значение, которое мы способны расшифровать. И их неподвижность лишь кажущаяся; подобно тому, как изменяются общественные привычки и обычаи, кажется, что и предметы — например, старая мебель или надоевший нам интерьер какой-то комнаты — устаревают³¹.

Посочье относится к воссоздающим память местам³². Если мы осознаем этот факт, нам легче понять, почему именно здесь память о Сочанском фронте так долго сохраняется. То, что местные обычаи сопротивляются силе, которая тяготеет к их изменению, в первую очередь, указывает на то, как твердо коллективная память в группах опирается именно на пространственные формы, подтверждая тезис Хальбвакса³³. Он также отметил следующее: «Нет коллективной памяти, которая не существовала бы в пространственных границах»³⁴. Другими словами, пространство — это реальность, которая длится. На самом деле мы вообще бы не поняли, что можем снова вернуться в прошлое, если бы в действительности оно бы не сохранилось благодаря окружающей нас материальной среде. Вместе с тем, не следует забывать, что способов представлять себе пространство столько, сколько существует различных групп³⁵. Из-за стабильности иллюзий нам именно образ пространства дает ощущение, что со

временем и мы совершенно не изменились, и одновременно помогает обнаружить прошлое в настоящем. Также и воздействие памяти мы можем определить очень похожим способом: только пространство остается стабильным, это позволяет ему существовать и дальше так, что не теряется ни одна из его составляющих³⁶.

Теперь следует сказать несколько слов о развитии традиции посещения мест былых сражений, иными словами, паломничества по историческим местам. В настоящее время, например, с пространством воспоминания связаны семейные паломничества, о которых говорят Джей Винтер и Эммануэль Сиван, указывая либо на поколения, которые сами пережили Первую мировую войну, либо на их потомков, которые посещают места прежних боев (battlefieldstours)³⁷. Объяснение причин подобных паломничеств следует, вероятно, искать в том, что именно определение точного места (аутентичная локация) помогает паломникам пережить события и пробудить воспоминания о потерянных родных. И именно на этой основе строит свою работу Организация «Фонд Дороги мира в Посочье», которая несколько лет назад в аутентичных местах, связанных с Первой мировой войной, основала шесть музеев под открытым небом и в настоящее время заботится о сохранении материальных артефактов вдоль некогда существовавшей здесь линии фронта. Работающие на этих объектах люди уже со дня открытия музеев на протяжении длительного времени с интересом наблюдают за реакцией посетителей, их переживаниями, связанными с осознанием увиденного. Отклики спонтанны и часто весьма экспрессивны, вероятнее всего, именно из-за того, что их поражает, как сильно пространство воздействует на них, заставляя необычайно живо погрузиться в события столетней давности. Поэтому не будет ошибкой сказать несколько слов о работе этой организации, которая занимается сохранением памяти о Первой мировой войне и о многом другом. Но прежде, чем сделать это, взглянемся в образы жителей Посочья. Посмотрим, о чем они думают, отвечая на вопросы о Первой мировой войне, о ее значении для всех жителей бывшей прифронтовой зоны, о влиянии этого края и материальных артефактов военных действий того времени на людей спустя многие-многие годы после кровавых событий. И, наконец, как они оценивают эту память, что черпают из нее и как с ней живут.

Воспоминания жителей Посочья о Сочанском фронте

Для жителей, живущих в долине реки Соча, Сочанский фронт — это не только некое событие, которое произошло в прошлом и обречено храниться в чулане истории, но событие, последствия которого жители этого региона ощущают и поныне, обнаруживая следы происходившего в те годы буквально у своего порога. Можно было бы утверждать, что в определенном смысле они живут бок о бок с историей. Некоторые уже в прошлом сумели использовать ее для своей выгоды, поскольку добывали себе средства на жизнь, собирая и продавая предметы, оставшиеся после войны³⁸. Благодаря историям, которые рассказывали старшие, — те, кто сам пережил события Первой мировой войны, — память сохранялась, а параллельно укреплялась общая память об этих событиях. Сегодня Сочанский фронт — уже такое отдаленное во времени историческое событие, что людей, которые его пережили, нет среди нас. А содержание коллективной памяти переходит от поколения к поколению, как главная составляющая общественной идентичности, и часто восполняет пробелы в общественном сознании³⁹. Житель Кобарида, Дарко Кнез, например, вспоминает: «Когда я был совсем юным, то слышал разговоры моего отца, участника боев Первой мировой войны в Галиции, с друзьями нашей семьи. В моей памяти Галиция сохранилась как синоним страшных сражений в тяжелых природных условиях»⁴⁰. Так Хальбвак видит фактор сохранения и формирования памяти в непосредственной связи между разными поколениями, что он поясняет на примере ребенка, который через контакт со своими дедушками и бабушками и благодаря их воспоминаниям погружается в еще более отдаленное прошлое. При этом автор опирается на Марка Блока, который предлагает в качестве примера сельскую общину, где часто случается так, что самые младшие дети в течение целого дня, пока родители работают в поле и выполняют бесчисленное множество домашних дел, оказываются под присмотром дедушек и бабушек и от этих «стариков» получают намного больше знаний о повседневных обычаях и преданиях, чем непосредственно от собственных родителей⁴¹. Вот почему представляет большой интерес рассказ Мирко Куринчича из Дрежницы, который, буду-

чи ребенком в первые годы после Второй мировой войны, свою любознательность удовлетворял в обществе сельских стариков и старейшин общины. Они принимали его в свой круг, когда «устраивали сельские посиделки» и там рассказывали истории, пережитые ими в годы Первой мировой войны. Он вспоминает, что слушал их с открытым ртом, поскольку ничего подобного до этого никогда не слышал: «В школе мы этого не проходили, когда же я дома спрашивал об этом, мне отвечали, что я должен вести себя тихо и не задавать таких вопросов. Это были другие времена. В то время важной была только Вторая мировая война. А эти мужики ощущали себя преданными, ведь они рисковали своей жизнью за родину, а когда вернулись в новообразованное государство, то не смели рассказывать свои истории. Уже после Первой мировой войны они оказались под властью Италии, против которой сражались, и вынуждены были сидеть тихо. То же самое повторилось и в Югославии, после Второй мировой войны. Это их буквально разедало изнутри, и они чувствовали раздражение, когда говорили о родине»⁴². Куринчич стал одним из первых частных коллекционеров в Посочье, который хранит предметы, относящиеся к Сочанскому фронту; а его богатое собрание под названием «Личная коллекция Боготница» располагается в его доме в Дрежнице и относится к числу наиболее посещаемых⁴³. В настоящее время Куринчич сам рассказывает истории молодым и тем самым помогает им воссоздавать прошлое. С таким же ощущением предательства и не востребованности собственного опыта, которое переживали мужчины из Дрежницы, столкнулась и Петра Свольшак на примере словенцев, побывавших в русском плену и ставших свидетелями русской революции 1917 г. и гражданской войны. После возвращения домой они были вынуждены жить с этим опытом и не могли делиться им с другими из-за «опасности» быть обвиненными в большевизме⁴⁴. В Посочье таких историй было множество, и память о Сочанском фронте продолжала жить в сознании местных жителей, которые находили следы военных батальонов во время домашних и полевых работ, походов в горы и т. д. Для них это была живая история, которую они интерпретировали по-своему.

Жители Посочья, таким образом, представляют ту часть гражданского общества, которая — в том числе из-за территориальной близости — является соавтором в создании различных типов

воспоминаний о Сочанском фронте. А Посочье уже само по себе является пространством воспоминаний. Поэтому здесь кажется весьма уместной мысль Дж. М. Винтера, который указывает на необходимость освещать историю войн и воспоминания о военных событиях с более узкого, но при этом не менее значимого угла зрения, характерного для социальных субъектов, проживающих на определенной территории⁴⁵. На основе этого тезиса возникла идея, что было бы интересно услышать, что могут рассказать о наследии Сочанского фронта и об отношении к нему ежедневно с ним соприкасающиеся жители Верхнего Посочья, которые в конце концов оказываются соучастниками в создании памяти о нем. Группа опрошенных включала активных и непосредственно вовлеченных в процесс воссоздания памяти об историческом наследии людей, от куратора музея Кобарида до гидов, частного коллекционера, учителя, директоров музеев тех мест и других людей, знатоков и собирателей историко-культурного наследия⁴⁶. В ответах на предложенные вопросы выяснилось, прежде всего, то, что у всех участников наличествует сознание принадлежности к этому пространству и вовлеченности в работу по сбору материальных артефактов, которые и в настоящее время продолжают обнаруживать здесь в большом количестве. В этом смысле оказалось возможным выделить несколько направлений деятельности и размышлений опрошенных: в первую очередь, личное стремление отдельных людей, которое переросло в общественное коллективное сознание, а оно получило выражение в создании музеев, мемориалов под открытым небом и формировании личных коллекций, одновременно с фиксацией и оценкой событий столетней давности. Не последнюю роль сыграла хронологическая отдаленность событий, что, в свою очередь, создало необходимые условия для свободной, ничем не обремененной оценки прошлого. Участники опроса подчеркнули значение, которое в последние годы приобрели экономические факторы (маркетинг музеев и территорий), а также обратили внимание на значимость памяти и связанных с ней праздников, памятных дат. Их рассказы в целом имеют много общего и, как единое, живое повествование преобразуются в нечто целое.

Из вопросов и ответов на них возник некий коллаж из интересных мыслей. Позволим себе выделить несколько акцентов на этом живописном полотне. Прежде всего, следует подчерк-

нуть, что, по мнению опрошенных, изучение (не изучение) истории Сочанского фронта в школах до начала девяностых годов прошлого столетия было проблематичным⁴⁷. Только после того, как Словения провозгласила свою независимость, эта тема была признана одной из «государствообразующих». Не менее значимо также то, что некоторые из опрошенных впервые услышали об этих исторических событиях от более пожилых людей, когда те рассказывали истории, пережитые ими во время войны⁴⁸. А (не) материальное наследие Сочанского фронта, особенно в последние десятилетия, все больше становится частью самосознания населения. Примечательно то, как именно посетители долины реки Сочи и сохранившихся здесь свидетельств Первой мировой войны оценили роль этого наследия; своим поклонением прошлому они способствовали пробуждению сознания ценности и богатства этого наследия и среди жителей Посочья⁴⁹. Важные материальные свидетельства, которые сохранились в долине Сочи и действительно встречаются почти на каждом шагу, а потому по сей день являются отличительной чертой этой местности, остаются постоянной частью памяти каждого жителя края⁵⁰. Конечно, не следует пренебрежительно относиться к влиянию, которое оказывали очевидные следы боевых действий на жизнь гражданского населения в течение десятилетий после окончания войны, когда вынужденные уехать отсюда прежние владельцы хозяйств вернулись в свои почти полностью разрушенные дома, уничтожен был и весь край, в том числе сенокосы – важный источник жизни населения Посочья. Понадобилось много времени, чтобы затянулись самые глубокие «раны» – и те, что получила природа, и те, что достались людям⁵¹. В этой тяжелой жизненной ситуации «каждый вел себя по-своему»⁵². Так, материальные артефакты собирались, прежде всего, для строительства разных объектов и для их продажи в целях выживания. Хорошим примером служит использование жестяных кровель, которые в то время вытеснили соломенные крыши. Сегодня подобный облик края любому кажется естественным, и лишь единицы связывают отдельные, все еще хорошо заметные детали с последствиями войны⁵³. С другой стороны, война в жизни этого края имела и позитивные последствия; прежде всего, налаживание дорожной инфраструктуры, которая позднее упростила местным жителям доступ к земельным наде-

лам, а также облегчила их обработку⁵⁴. Нельзя не обратить внимание еще и на неразорванные в годы войны снаряды, которые в послевоенное время стали причиной гибели многих людей, чаще всего из-за невнимательности собирателей военных трофеев, которые пытались самостоятельно их деактивировать⁵⁵.

В любом случае, несмотря на то, что происходило, фактом остается сохранившийся и по сей день огромный интерес к материальному наследию Посочья, возможно, в меньшей степени из практических соображений, а в большей степени из-за осознания исторической памяти, а также страсти к сбору артефактов. Посочье одарено богатым историческим наследием. При этом, возможно, именно Сочанский фронт представляет собой в наибольшей степени материальное явление, и его легче всего представить, например, школьнику или любознательному посетителю этих мест. Это наследие, наконец, неотделимо от красот природы, что немаловажно, если мы говорим о таком явлении, как торговля историей⁵⁶. Дело в том, что в наши дни наследие Сочанского фронта известно также как экономическая и территориальная категория⁵⁷. Здравко Ликар, председатель правления Организации «Фонд Дороги мира в Посочье» и идейный отец-основатель Музея Кобарида, обобщает все эти размышления, отмечая, что наследие Сочанского фронта принесло людям многое: была возрождена память о трагических событиях, исторический туризм стал одним из важнейших источников дохода, для жителей края открылись новые возможности трудоустройства, а мир, в том числе и благодаря деятельности исторических и культурных обществ, открыл для себя Посочье. Именно Ликар в 1989 г., когда у него родился замысел создания музея в Кобарида, имел в виду решение следующих задач: соорудить постоянно действующий памятник страданиям тысяч жертв и создать нечто, что с пользой служило бы местным жителям на современном этапе. В наши дни он с удовлетворением констатирует, что исторический туризм, в первую очередь, благодаря заслугам Музея Кобарида⁵⁸, Толминского музея⁵⁹ и Организации «Фонд Дороги мира в Посочье», способствовал возрождению территории в долине реки Сочи, так как сюда приезжают более сотни тысяч туристов и гостей, которые обеспечивают заработок не только работникам учреждений культуры, но также и занятым в гостиничном бизнесе, торговле и других, связанных с ними, сферах деятельности⁶⁰. Иными словами,

исторический туризм в осенние и зимние месяцы помогает сократить «мертвый» туристический сезон⁶¹.

В Верхнем Посочье существует достаточно профессиональных организаций, которые, так или иначе, занимаются историей Первой мировой войны: Толминский музей, Музей Кобарида и Организация «Фонд Дороги мира в Посочье». К этому необходимо добавить еще усилия исторических обществ, отдельных коллекционеров, а также многочисленных активистов, которые способствуют сохранению памяти о Первой мировой войне. Музейные выставки, как и частные коллекции, которые доступны общественности, а также «Дорога мира», обустройство территорий былых сражений, которые стали музеем под открытым небом, проведение, помимо всего прочего, исторических симпозиумов, издание книг и организация торжеств, связанных с юбилейными датами, — сыграли большую роль в том, что за последние двадцать лет произошла настоящая популяризация наследия Сочанского фронта⁶². При этом, конечно, нельзя забывать, что, наряду с успешной популяризацией, речь все же идет о работе специалистов (историков), которая существенно способствует формированию исторической памяти⁶³. Не последнюю роль в достижении успеха этих начинаний сыграли и средства массовой информации: они регулярно сообщали о событиях прошлого и настоящего в Посочье⁶⁴.

Несмотря на это, а возможно и благодаря обстоятельствам, в которых возрождалось наследие Сочанского фронта, оно помимо значимости как историческое свидетельство имеет глубокую информационную важность, поскольку способствует развитию чувства взаимоуважения между людьми. Таким образом, это наследие все больше играет объединяющую роль, что выражается в создании различных обществ и объединений, в разработке проектов с привлечением в них представителей различных государств, некогда находившихся по разные стороны линии фронта, а также, не в последнюю очередь, в проведении многочисленных акций или культурных мероприятий⁶⁵. Все больше рождается идей, связанных с воссозданием художественно-эстетических интерпретаций событий исторического прошлого, поскольку подобные акции становятся источником вдохновения для музыкантов, драматургов и представителей других творческих профессий, стремящихся выразить себя в той или иной форме⁶⁶. И не в последнюю очередь на-

следие Сочанского фронта в наши дни стимулирует развитие междисциплинарного подхода при рассмотрении различных аспектов проблематики, относящейся к периоду столетней давности.

Можно сделать вывод, что сегодня размышление о событиях прошлого и сама жизнь в долине реки Сочи имеют, при постоянном присутствии материального наследия военного периода, прежде всего позитивную, объединяющую роль. Оно несет в себе информацию о ценности мира, и поэтому память занимает здесь особое место.

Организация «Фонд Дороги мира в Посочье» – ее возникновение, программа и деятельность за прошедший период

В заключение вернемся к поднятому ранее вопросу о деятельности Организации «Фонд Дороги мира в Посочье»⁶⁷, которая была создана Правительством Республики Словении в 2000 г. с целью сохранения и поддержания наследия Сочанского фронта. За прошедшие годы ее деятельности осуществлены многочисленные проекты. Главным, несомненно, стал «Дорога мира»⁶⁸, который охватывает все недвижимое наследие Сочанского фронта, музеи под открытым небом, информационный центр с интерактивной выставкой и услугами гида. Для того, чтобы деятельность развивалась в направлении научного и непрофессионального изучения, созданы учебный центр и библиотека⁶⁹, наряду с этим постоянно идет сбор материалов о Первой мировой войне. Эта база данных дает информацию о конкретных объектах. Не менее значимо и сотрудничество с другими профессиональными и научными учреждениями. Распространение идеологии мира и ненасилия является важной миссией Фонда. Поэтому его проекты приветствуются и с энтузиазмом воспринимаются, получая возможность развиваться дальше, а их содержание публикуется в виде книг и других форм изданий⁷⁰. Важно, что нужная информация становится доступной людям, прежде всего, школьникам и молодежи.

Для подобного вида деятельности Фонд располагает подходящими помещениями, где проходят как словенские, так и гастролирующие выставки, организуются различные творческие мастерские, читаются лекции, проводятся конференции и симпозиумы. Мероприятия готовятся собственными силами или в сотрудничестве

ве с различными словенскими и международными организациями. Одним из самых важных, например, был организованный 18 июня 2011 г. Международный симпозиум «На вершинах и в ущельях Балкан: война в Юго-Восточной Европе с периода Средневековья до III Рейха»⁷¹. Следует отметить также выставку, посвященную презентации наследия Сочанского фронта, которая была подготовлена Фондом во Дворце Совета Европы в Страсбурге в качестве акции, сопровождающей исполнение Реквиема композитора Августа Ипавца. Выставка, подготовленная Тадеем Кореном, называлась «Истории Сочи». Для того чтобы деятельность Фонда стала известной, в ее помещениях функционирует также информационный центр. В 2012 г. была завершена работа над созданием интерактивной выставки, дополнившей уже существовавшую экспозицию, она демонстрирует историческое наследие при помощи новых технических достижений. Информационный центр вместе с интерактивной выставкой образуют своеобразный комплекс для посетителей (Visitor Center). Создание данного комплекса стало возможным благодаря победе в конкурсе. Проект «Дорога мира» направлен на то, чтобы способствовать дальнейшему развитию Верхнего Посочья, исторический туризм увеличил продолжительность годового сезона за счет весенних и осенних месяцев, в то же время позволил создать единую туристическую систему, охватывающую социальный, частный и гражданский секторы. То, что это хорошая идея, доказывает факт, что в 2008 г. проект был удостоен почетного звания «European Destination of Excellence» («Европейские направления передового опыта»). Кандидатуру Фонд избрал вместе с туристическими организациями Бовеца и Толмина, а основной упор был сделан на сохранении нематериального исторического наследия в долине реки Сочи с акцентом на истории Сочанского фронта. А в 2012 г. проект «Дорога мира» первым в Словении получил престижную награду «Золотое яблоко» (Pomme d'or), которое ежегодно присуждает Всемирная ассоциация писателей и журналистов, пишущих о туризме (Fijet)⁷².

«Дорога мира» – это отмеченный особыми вехами путь, который связывает воедино наследие Сочанского фронта и окружающую среду. Дорога проходит мимо военных кладбищ, мест, где были обнаружены останки солдат, сакральных объектов, памятных знаков, рвов, сохранившихся укреплений, пещер и музеев под откры-

тым небом. Посетители также поднимаются в горы, проходя мимо природных и культурных достопримечательностей и имеющих этнографическую ценность мест Верхнего Посочья. Таким образом, «Дорога мира» обретает многоплановую значимость, поскольку становится интересной для широкого круга людей. Она посвящена памяти многочисленных жертв Первой мировой войны. Ее протяженность около 100 км, которые разделены на пять частей. Части охватывают определенную территорию: от Бовеца через Кобарид до Толминского района. Каждый отрезок дороги можно пройти за один день. Туристы могут остановиться на ночлег в населенных пунктах, расположенных в начале или в конце пути по данному отрезку, а также в горных долинах на плато Кухиня. При этом следует отметить единую систему обозначений на самой дороге и на объектах вдоль нее. Также вложено достаточно усилий в создание общей карты, так как было ясно, что все обозначения имеют иностранное происхождение. Организаторы стремились создать информационные обозначения таким образом, чтобы они наилучшим образом сливались с окружающим пространством, но при этом они должны были остаться простыми и понятными для всех посетителей. Для более удобного планирования путешествий и получения исчерпывающей информации был создан путеводитель⁷³.

Особой частью «Дороги мира» являются музеи под открытым небом⁷⁴. Там, где следы войны сохранились в большом количестве и хорошем состоянии, Фонд совместно с историческими и туристическими обществами⁷⁵ из Верхнего Посочья и Институтом по защите культурного наследия⁷⁶ создал, восстановил и обозначил территорию шести музеев под открытым небом. Здесь посетители на аутентичных территориях, связанных с реальными историческими событиями, могут ознакомиться с тем, как создавались рвы, укрепления и пещеры, а также попытаться оживить истории солдат, участвовавших здесь в военных сражениях. Не будет преувеличением сказать, что земля Верхнего Посочья густо усеяна артефактами времен Первой мировой войны. Институт заботится об охране, сохранении и содержании их в надлежащем виде и, при необходимости, также реконструкции этого наследия. В Посочье под разными знаменами воевали народы многих стран. Спустя 100 лет пришло время, когда фронт, который некогда разделял, теперь снова объединяет европейские народы. Памятные вехи, оставлен-

ные представителями разных национальностей, призваны напоминать нынешним поколениям о бессмысленности насилия. Фонд до сегодняшнего дня восстановил около 30 мемориальных сооружений⁷⁷, которые стали неотъемлемой частью «Дороги мира».

В последние годы Фонд раздвинул рамки проекта «Дорога мира» в направлении Горицы, Краса и вплоть до Триестского залива⁷⁸, и под единой крышей объединяет уже реализованные проекты на Саботине⁷⁹ и на Красе⁸⁰, тем самым продвинувшись также в направлении итальянской, сегодня уже почти не существующей границы⁸¹. Таким образом, исторической территории, которую некогда разделяла линия фронта, «Дорога мира» придала новое значение, новое содержание и, наконец, новую миссию. Конкретные мероприятия начали проходить в 2011 г., а к 100-летней годовщине начала Первой мировой войны, возможно, начнет функционировать «Дорога мира» от Альп до Адриатического моря.

Посочье – как пространство, так и люди – существует в тисках памяти и многочисленных свидетельств Первой мировой войны, которые затронули все поколения людей. Но это не означает, что время для жителей Посочья остановилось, напротив, образы их воспоминаний на протяжении многих лет менялись, развивались, порой почти исчезали, с тем, чтобы сегодня снова оказаться в центре внимания, прежде всего, как осознание ценности мира, которое связывает людей, народы. Но не следует упускать из вида фактор, который способствует повышению осведомленности и более глубокому знанию о прошлом, вносит неизмеримый вклад в культуру, повышает творческий потенциал и, в довершение всего, обеспечивает прибыль, которая используется для обеспечения различных нужд. Так, в Посочье память, территория и люди соткали свою историю. Историю для всех нас.

(Перевод со словенского Т.И. Чепелевской)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Nora. P. Mémoire collective // La nouvelle histoire. Retz, Paris, 1978. S. 398.*

² *Misztal B.A. Theories of Social Remembering. Maidenhead, Philadelphia, 2003.*

³ *Cubitt G. History and memory. Manchester, New York, 2007. P. 1–2.*

⁴ *Cubitt G. Op. cit. P. 16.*

⁵ *Ibid. P. 18.*

⁶ Ibid. P. 13–14.

⁷ Ibid. P. 20–21.

⁸ Ibid. P. 2; *Misztal B.A.* Theories of Social Remembering. P. 1.

⁹ *Matt K. Matsuda.* The Memory of the Modern. New York, Oxford, 1996. P. 15.

¹⁰ Морис Хальбвакс (Maurice Halbwachs, 1877–1945), французский философ и социолог, который более всего прославился благодаря обоснованию концепта «коллективная память» («collective memory»). Наследие Хальбвакса продолжает оставаться основой множества исследований, посвященных изучению (коллективной) памяти. Его труды переведены на многие европейские языки, в том числе словенский. См. также перевод на русский яз.: *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). Цитаты даны по: *Halbwachs M.* Kolektivni spomin. Ljubljana, 2001.

¹¹ *Misztal B.A.* Theories of Social Remembering. P. 50.

¹² *Cubit G.* Op. cit. P. 7.

¹³ *Starč G.* Maurice Halbwachs. Kolektivni spomin // Družboslovne razprave. L. 19. Št. 42. Ljubljana, 2003. S.172.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ *Cubit G.* Op. cit. P. 15.

¹⁶ *Misztal B.A.* Op. cit. P. 53.

¹⁷ *Paul R.* Memory, History, Forgetting. Chicago, London, 2004. P. 120.

¹⁸ О нации, как о воображенной общности см.: *Anderson B.* Zamišljene skupnosti, o izvoru in širjenju nacionalizma. Ljubljana, 1998.

¹⁹ *Starč G.* Op. cit. P. 173.

²⁰ *Halbwachs M.* Op. cit. S. 56–57.

²¹ *Gildea R.* The Past in French History. New Haven, 1994. P. 10.

²² *Halbwachs M.* Op. cit. S. 91.

²³ Ibid. S. 138–139.

²⁴ *Starč G.* Op. cit. P. 173.

²⁵ *Halbwachs M.* Op. cit. S. 115.

²⁶ *Brait A.* Der Isonzorraum – Ein transnationaler Gedächtnisort für Österreicher, Italiener und Slowenen // Manfred Rauchensteiner (izd.). Waffentreue, Die 12. Isonzoschlacht 1917, Begleitband zur Ausstellung, des Österreichischen Staatsarchiv, 23. Oktober 2007 – 1. Februar 2008. Generaldirektion des Österreichischen Staatsarchivs. Wien, 2007. S. 115–130.

²⁷ *Luthar O.* «O žalosti niti besede» // Uvod v kulturno zgodovino velike vojne. Ljubljana, 2000. S. 98.

²⁸ *Starč G.* Op. cit. P. 173.

²⁹ *Halbwachs M.* Op. cit. S. 143.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibid. S. 144–145.

³² *Brait A.* Op. cit. S. 128.

³³ *Halbwachs M.* Op. cit. S. 149.

³⁴ Ibid. S. 157.

³⁵ Ibid. S. 175.

³⁶ Ibid. S. 176.

³⁷ *Winter J., Sivan E.* Setting the framework // Winter J., Sivan E. (ur.). War and Remembrance in the Twentieth Century. Cambridge; New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, São Paulo, 2005. P. 37.

³⁸ Представляют интерес истории владельцев хозяйств Гобот, Мариот и Пушчавник, которые зарабатывали с помощью сбора и перепродажи военных трофеев. Так, Пушчавник даже свой дом обустроил в одной из оставленных военными пещер. Об их историях рассказал и написал Павел Четрич в местной газете. См.: *Četrnič P.* Gobo bo sam svoj gospodar // EPICenter. Letn. V. Št. 7–8. 2004. S. 27–28; *Četrnič P.* Mario – zbiratelj vojnih ostalin // EPICenter. Letn. VI. Št. 1. 2005. S. 32–33. См также: *Rejec P.* Do puščavnikov jame pod Krnom // EPICenter. Letn. IV. Št. 7–8. 2003. S. 20–21.

³⁹ Cubitt G. Op. cit. P. 17.

⁴⁰ См: Vpr.: D. K., Arhiv TK.

⁴¹ Bloch M. Mémoire collective, tradition set coutumes // Revue de synthèse historique, št. 118–120, 1925. P. 79 (цит. по: Halbwach M. Op. cit. S. 69). Доступно также на: http://www.unige.ch/lettres/enseignants/bmuller/textes0/Bloch/Bloch_RSH_1925_40_118-120.pdf (дата обращения: 17.8.2013).

⁴² См.: Интервью: М. К., Arhiv TK.

⁴³ Zasebna zbirka Botognice. См.: www.slovenia.info/?muzej=2845&lng=1 (дата обращения: 17.8.2013).

⁴⁴ Svoljšak P. Pisanje kot zdravilo ali oznanilo bodočim rodovom, Po slovenskih spominskih poteh vélike vojne // Acta Histriae. Zgodovinsko društvo za Južno Primorsko. Letn. 19. Št. 3. Koper, 2011. S. 523–540.

⁴⁵ Winter J. Forms of kinship and remembrance in the aftermath of the Great War // Winter J., Sivan E. (ur.), War and Remembrance in the Twentieth Century. P. 59.

⁴⁶ Все опросы (vprašalniki – в тексте Vpr.) и беседы были проведены в 2012 г. Записи хранятся в личном архиве Тадея Корена (Arhiv TK). В опросах и беседах (в алфавитном порядке, с использованием сокращений):

- Желько Цимприч (Željko Cimprič, род. в 1951 г.), сотрудник музея Кобарида.
- Павел Четртич (Pavel Četrtič, род. в 1942 г.), знаток и собиратель историко-культурного наследия.
- Дамияна Фортунат Чернилогар (Damjana Fortunat Černilogar – род. в 1964 г.), директор Толминского музея.
- Федя Клавора (Fedja Klavora, род. 1940 г.), архитектор, сотрудничал при восстановлении крепости Клуже.
- Дарко Кнез (Darko Knez, род. в 1929 г.), экскурсовод музея Кобарида.
- Мирко Куринич (Mirko Kurinčič, род. в 1947 г.), собиратель и собственник коллекции «Ботогница» в Дрежнице.
- Здравко Ликар (Zdravko Likar, род. в 1951 г.), председатель управы Организации «Фонд Дороги Мира в Посочье» и идейный вдохновитель музея Кобарида.
- Симон Скочир (Simon Skočir, род. в 1974 г.), учитель истории средней школы им. Симона Грегорчича в Кобариде.
- Ясмينا Урбанчич (Jasmina Urbančič, род. в 1980 г.), сотрудница Информационного центра «Дорога мира».
- Михаэл Уршич (Mihael Uršič, род. в 1978 г.), экскурсовод по наследию Сочанского фронта.

⁴⁷ См.: Vpr.: Ž. C., D. K., M. K. in S. S., Arhiv TK.

⁴⁸ См.: Vpr.: P. Č., M. K. in D. K. Arhiv TK.

⁴⁹ См.: Vpr.: Z. L., Arhiv TK.

⁵⁰ См.: Vpr.: M. U. Arhiv TK.

⁵¹ См.: Vpr.: D. F. Č., Z. L. Arhiv TK.

⁵² См.: Vpr.: P. Č. in M. K. Arhiv TK.

⁵³ См.: Vpr.: Ž. C. Arhiv TK.

⁵⁴ См.: Vpr.: P. Č. Arhiv TK.

⁵⁵ См.: Vpr.: D. F. Č. Arhiv TK.

⁵⁶ См.: Vpr.: S. S. Arhiv TK.

⁵⁷ См.: Vpr.: D. F. Č. Arhiv TK.

⁵⁸ Kobariški muzej. См.: www.kobariski-muzej.si (дата обращения: 17.8.2013).

⁵⁹ Tolminski muzej. См.: www.tol-muzej.si (дата обращения: 17.8.2013).

⁶⁰ См.: Vpr.: Z. L. Arhiv TK.

⁶¹ См.: Vpr.: J. U. Arhiv TK.

⁶² См.: Vpr.: D. F. Č. Arhiv TK. На значение научных и профессиональных встреч обращает внимание также Клавора. См.: Vpr.: F. K. Arhiv TK.

⁶³ Halbwach M. Op. cit. S. 91.

⁶⁴ См.: Vpr.: D. F. Č. Arhiv TK.

⁶⁵ См.: Vpr.: D. F. Č. Arhiv TK.

⁶⁶ См. напр.: *Contini L., Zidar Š.* La rottamiracolosa / Čudežni zlom, Minister oper i Beni e le Attività Culturali, 2012 // <http://leonecontini.wordpress.com/> (дата обращения: 17.8.2013); Концерт песни и песня о войне – война в песнях 1914–1918, концерт хоровых коллективов Посочья и окрета из Горицы «Роза» («Vrtnica»), суббота, 8. июня 2013, начало в 20.30 в итальянском мемориале над Кобаридом. См.: http://www.kobarid.si/index.php?option=com_content&view=article&id=969&Itemid=85 itd.

⁶⁷ Ustanova «Fundacija Poti miru v Posočju», Gregorčičeva ulica 8, 5222 Kobarid. См.: [www.potimiru.si](http://potimiru.si) (дата обращения: 17.8.2013).

⁶⁸ *Tadej K.* Zgodovinski spomin na soško fronto – Pot miru od Rombona do Mengor, magistrsko delo, Oddelek za zgodovino, Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, Ljubljana, 2012.

⁶⁹ Историческая библиотека Кобарид. См.: <http://cobiss4.izum.si> (дата обращения: 17.8.2013).

⁷⁰ Один из самых крупных проектов – восстановление регистрации павших воинов в Первой мировой войне. Материалы доступны в Интернете и изданы в книге: *Galič L., Marušič B.* Tolminsko mostišče I. Tolminski muzej, Tolmin, 2005; *Svoļšjak P., Pirih D., Fortunat Čermilogar D., Galič L.* Tolminsko mostišče II. Tolminski muzej, Tolmin, 2005; *Galič L., Pirih D.* Od Krna do Rombona. Ustanova «Fundacija Poti miru v Posočju», Tolminski muzej, Kobarid, 2007; <http://www.potimiru.si/slo/evidenca-padlih> (дата обращения: 17.8.2013).

⁷¹ В нем приняло участие 11 историков из различных европейских организаций, университета в Оксфорде (Dr. HewStrachan), из Королевской военной академии Сандхёрст (Dr. Sean McKnight, Dr. Peter Lieb, Dr. MatthiasStrohn in Dr. Chris Pugsley), Института истории культуры Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств (ZRC SAZU) (Dr. Pavlina Bobič in DDr. Igor Grdina), Венского университета (Dr. LotharHöbelt), Исторического института им. Милко Коса ZRC SAZU (Dr. Andrej Rahten) и Учебного центра национального примирения (Mag. Renato Podbersič in Mag. Andreja Valič). См.: http://www.potimiru.si/slo/pdf/Mednarodni_simpozij.pdf (дата обращения: 17.8.2013). В 2012 г. в конференции участвовал также известный английский историк dr. Matthew Bennett из Королевской военной академии Сандхёрст, выступивший с докладом «Первая мировая война: битва за Галлиполи». См.: <http://www.potimiru.si/slo/pdf/gallipoli.pdf> (дата обращения: 17.8.2013).

⁷² См.: www.slovenia.info/?eden=0&lng=1 (дата обращения: 17.8.2013); <http://www.rtvsl.si/tureavanture/podobe-slovenije/prestizna-nagrada-za-poti-miru-v-posocju/284902> (дата обращения: 17.8.2013).

⁷³ *Koren T.* Pot miru. Vodnik po soški fronti v Zgornjem Posočju. Ustanova «Fundacija Poti miru v Posočju». Kobarid, 2007; *он же.* Il Sentiero della pace, Guida lungo il fronte isontino nell'Alta vallè dell'Isonzo. Fondazione Le vie della Pace nell'Alto Isonzo. Kobarid, 2007; *он же.* Weg des Friedens, Führer der Isonzofront im oberen Sočatal, Stiftung Wege des Friedens im Sočatal. Kobarid, 2007; *он же.* The Walk of Peace, A Guide along the Isonzo Front in the Upper Soča Region. The Walks of Peace in the Soča Region Foundation, Kobarid, 2008.

⁷⁴ *Koren T.* Pot po dediščini soške fronte // Finančni mehanizem EGP in Norveški finančni mehanizem za obdobje 2004–2009 v Sloveniji. Služba Vlade Republike Slovenije za lokalno samoupravo in regionalno politiko. Ljubljana, 2011. S. 74–75. Путеводитель вышел на четырех языках. См.: *Koren T.* Muzeji na prostem prve svetovne vojne, Soška fronta, 1915–1917. Ustanova «Fundacija Poti miru v Posočju», Kobarid, 2009; *он же.* The First World War outdoor museums, The Isonzo Front, 1915–1917. The Walks of Peace in the Soča Region Foundation, Kobarid, 2009; *он же.* Freilichtmuseendesersten Weltkrieges, Isonzofront, 1915–1917. Stiftung Wegedes Friedens in Sočatal, Kobarid, 2009; *он же.* Musei all'aperto della prima guerra mondiale, fronte isontino, 1915–1917. Ente Fondazione Le vie della pace nell' Alto Isonzo, Kobarid, 2009.

⁷⁵ Общество «13-13 в Бовеце», которое осуществляет надзор за музеями под открытым небом «Чело» и «Равелник»; Туристическое общество «Дрежница», которое организует музей под открытым небом «Запикрай»; Туристическое общество «Кобарид», которое действует на территории музея под открытым небом «Коловрат»; Общество «Пески 1915–1917» из Толмина, которое занимается охраной музея под открытым небом «Мрзли врх»; Общество «Менгоре», участвующее в организации музея под открытым небом «Менгоре».

⁷⁶ Совет по охране культурного наследия. См.: <http://www.zvkds.si/sl/> (дата обращения: 17.8.2013).

⁷⁷ Восстановленные памятные знаки на Дороге мира. См.: http://www.potimiruvposocju.si/_si/index.php?lang=si&page=spominskaobezeja (дата обращения: 02.05.2011).

⁷⁸ В 2012 г. Фонд подготовил первый проспект с картой и описанием важных объектов периода существования Сочанского фронта от Альп до Адриатического моря. См.: Pot miru od Alp do Jadrana, Soška fronta 1915–1917, RDO Smaragdna pot. Kobarid, 2012.

⁷⁹ Sabotin. См.: http://www.sabotin.net/slo/1_o_projektu.php (дата обращения: 02.05.2011).

⁸⁰ Poti miru na Krasu. См.: <http://www.potimirunakrasu.info/> (дата обращения: 02.05.2011).

⁸¹ После вступления Словении в Европейский Союз (1.05.2004) была облегчена процедура пересечения границы с другими государствами ЕС; после того как Словения стала членом Шенгенской зоны (21.12.2007), были полностью открыты наземные и морские границы с государствами-членами ЕС.

Татьяна Ивановна Чепелевская

Первая мировая война в словенской литературе (И. Цанкар, Прежихов Воранц, Ст. Майцен)

Тема Первой мировой войны вошла в литературу практически сразу, и уже в первые десятилетия после ее окончания в разных странах стали появляться произведения, впоследствии составившие золотой фонд мировой литературы. Среди наиболее ярких исследователи выделяют: «Огонь» Анри Барбюса (1916 г.), романы Э.М. Ремарка («На западном фронте без перемен» (1929 г.), «Возвращение» (1931 г.), «Тихий Дон» (1928, 1932 г.) М.А. Шолохова, «Прощай, оружие» (1929 г.) Э. Хэмингуэя, «Смерть героя» (1929 г.) Р. Олдингтона и другие. К теме Первой мировой войны не раз обращались и словенские писатели¹.

В центре нашего исследования — творчество трех словенских авторов: Ивана Цанкара (1876—1918 гг.), Прежихова Воранца (1893—1950 гг., псевдоним Ловро Кухара) и Станко Майцена (1888—1970 гг.), которые свои первые произведения на военную тему создали в годы войны, а двое из них вернулись к воспоминаниям о ней в более поздний период, оставив художественные свидетельства о событиях того периода разной эмоциональной и идейной насыщенности. Нам представляется важным проанализировать как первые отклики современников и участников этой войны (а таковыми были все трое писателей), так и более поздние произведения Прежихова Воранца и Ст. Майцена с военными мотивами, понять, какой заряд созданные буквально по горячим следам зарисовки дали для будущей художественной рефлексии. Размышление на эту тему во многом инициировано тем вниманием, которое в последние годы обращено к анализу забытых или вновь открытых материалов о Первой мировой войне тех, кто имел право и смог оставить важные документальные свидетельства о ней. Среди словенских исследований данной проблематики особое место принадлежит работе Ирены Новак-Попов, которая, опираясь на

обширный материал, представила свой особый взгляд на «забытые» словенские свидетельства о великой войне, т. е. мемуарную и дневниковую литературу о той поре². Она пишет о причинах всплеска в 1990-е – 2000-е гг. интереса к записям обычных словенских солдат австрийской армии, связывая это с «реакцией на большую атрофию национального сознания и попытками возродить долгие годы подавлявшуюся историческую память»³; выделяет тематические группы воспоминаний и выстраивает иерархию повторяющихся обращений к разным, как временным, так и привязанным к определенной территории, эпизодам войны. Для нее как литературоведа оказываются значимыми и сам материал, и симптомы «перестройки традиционных жанров», в рамках которой «вместо большого эпического текста появляются гибкие, открытые повествования, чью хронологическую последовательность прерывают исповеди и медитации; ход событий переплетается с настроениями и чувствами пишущего, документальная канва – с общей атмосферой времени, утопическими видениями и мечтами»⁴.

Подобные произведения, основанные на личном опыте, однако написанные не в форме дневников или воспоминаний, а в форме рассказов, новелл и повестей, в сюжетах которых воссозданы разные эпизоды войны, как на линии фронта, так и в тылу, создавали и словенские писатели.

В творчестве И. Цанкара, в первую очередь, в его прозе, предмет пристального внимания становится проблема исторического времени; его также волнует вопрос о ходе и ритме исторического развития, он стремится проникнуть в суть тех процессов, которые были неотделимы от судьбы его народа. Писатель, как правило, не дает развернутых описаний того или иного исторического события. Время историческое присутствует в его произведениях в виде экскурсов, в воспоминаниях героев. Иногда он обращается к совсем недавней истории, прозорливо угадывая значимость того или иного явления для судеб как отдельных людей, так и целых народов. Подобные события образуют тематические узлы, мотивы, сюжетные линии его произведений. Среди доминирующих в его творчестве исторических тем наряду с темами крестьянских восстаний и эмиграции была тема войны⁵.

«Годами ужаса» назвал Цанкар это время, впечатления от событий которого, легли в основу многих рассказов и новелл, ввос-

ледствии объединенных им в книгу «Видения» (1917 г.). При этом писатель намеренно отходит от прямого обращения к описаниям ужасов войны (хотя материала было достаточно), а выбирает свой путь: все мотивы, взятые из реальности, у него обретают символическое звучание. И все отчетливее звучит тема войны и смерти, представленная через оппозицию жизнь – смерть⁶.

Цанкар не принимал участия в боевых сражениях. В самом начале войны он был арестован по доносу и, обвиненный в «сербофильстве», с 23 августа 1914 г. в течение месяца находился под арестом в Люблянской крепости. В конце 1915 г. писатель был призван в армию и провел около полутора месяцев (с середины ноября до конца 1915 г.) в учебных лагерях в Юденбурге⁷, где служил солдатом четвертой роты 17-го пехотного полка.

Его впечатления от происходящего и в самих лагерях Юденбурга, и на фронтах далеки от того общего патриотического возбуждения, проявлявшегося в австрийском обществе, в том числе и благодаря военной пропаганде, заполонившей в первые годы войны издания всех воюющих стран. И. Цанкар, напротив, стремится запечатлеть и осознать выхваченные из потока горьких новостей реальные события, связанные с судьбами реальных людей: гибель в 1916 г. на Тирольском фронте гимназиста Владимира Милавца (рассказ «Кадет Милавец»), трагические истории, как близких друзей, так и мало знакомых людей, гибнущих на войне («Это цветы», «Леда»)⁸.

Вместе с тем, ему безмерно важно было передать трагизм исторического момента, требующего, по его убеждению, более глубокого философского осмысления. Для этого он использует особые символы, метафоры, акцентирует сложившиеся в словенской национальной культуре коды.

Так, для создания образа времени военного лихолетья, времени словно замершей, остановившейся жизни, он использует звуковой код. В рассказе «Воскресение», где говорится, что в военные годы по приказу австрийских властей во всех церквях были сняты колокола и переплавлены на пушки, ему важно было показать, что из жизни ушел звон колокола, как важный для каждого словенца символ продолжающейся жизни.

Тема жизни и смерти, одна из важнейших в творчестве словенского классика, получает в рассказах и новеллах книги «Видения» новое символическое звучание. Смерть в этом замершем от ужаса

мире воссоздается и как реальная смерть реальных людей, и как глобальная аллегория, пронизывающая отдельные произведения.

В рассказе «Леда» перед нами будни лагерной жизни в Юденбурге с четко выверенным распорядком военных упражнений, почти автоматическими движениями рекрутов, выполняющих команды командиров. Все казалось неестественным и странным: «Резкими, будто деревянными шагами шеренги солдат двигались взад-вперед, направо и налево, сходились и расходились, внезапно, словно подкошенные, падали, тут же вскакивали, маршировали в одном направлении, в другом, пускались бежать и вдруг, как вкопанные, останавливались перед забором. По всему лагерю разносились громкие отрывистые выкрики на каком-то странном языке, а голос, может быть из-за густого тумана, звучал тоже странно и неестественно»⁹.

Этому буквально загипнотизированному войной миру, в котором даже балки над головой спящих в бараке солдат кажутся крестами на могилах, автор противопоставляет мир естественный, природный, а марширующим, словно деревянные солдатики, рекрутам собаку Леду, всем своим видом выражающую непонимание и осуждение происходящего: «В спокойных, вопрошающих глазах собаки было безжалостное презрение и то превосходство духа, разума и доброты, которое срывает в мгновение ока покровы тщеславия и суетности, подвергая их заслуженному позору»¹⁰. Этот мотив морального превосходства животного мира над миром людей Цанкар использует и в других рассказах своей книги («Май», «Сорока и ласточка»).

Еще более определенным становится стремление дать философское осмысление последствий войны в рассказе «Господин капитан», где он создает образ огромной художественной силы. Капитаном в черной шинели, забирающим из строя лучших молодых солдат, видит писатель Смерть в эти годы: «Я увидел его лицо, и все во мне содрогнулось. Лицо его было без кожи и мяса, вместо глаз зияли две черные ямы, на мощной голой челюсти скалились длинные, острые зубы. Имя капитана было Смерть»¹¹.

Особо значимой у И. Цанкара в этой книге становится христианская символика, и прежде всего – апокалиптический образ конца света, что было характерно для многих произведений военного и послевоенного периода как поэтическое отражение атмосферы

войны¹². У Цанкара реальные образы жертв войны оказываются неотделимыми от той огромной массы людей на всей земле, которых логика военного времени подводит к библейскому Апокалипсису («Конец»), когда все человечество перед лицом смерти зачарованно смотрит в огромное зеркало, определяющее его Судьбу («Зеркало»).

Итак, писатель, ставший свидетелем и отчасти участником судьбоносных событий, не мог не отразить их в своем творчестве. Избирая художественный прием сна или видения, он тем самым словно определяет границу реального и нереального, стремится благодаря этому приему «узаконить» свой отстраненный взгляд на войну и ее ужасы, как на историческое событие, для многомерного анализа и понимания значимости которого требуется временная дистанция (ее, к сожалению, у Цанкара, словно чувствовавшего это, не оказалось). Вот почему избранный им прием повествования на грани реальности и сна позволил ему не сосредотачиваться лишь на реалиях происходящего, а выявить их глубинный смысл, показать катастрофический характер войны не только для судьбы отдельного человека (включая его самого), судьбы отдельного народа, всегда трепетно им переживаемой, но и – в своем провидческом прозрении – для судьбы человечества. Иными словами, в его произведениях военной поры слились воедино личностное непосредственное восприятие событий и философское осознание последствий войны во временной перспективе.

Другой словенский писатель Станко Майцен, которого относят к числу наиболее талантливых драматургов послевоенного десятилетия, в своих драмах начала 1920-х гг. также обращается к военной теме. В этих тяготеющих к экспрессионизму произведениях (драмы «Касия», 1920 г.; «Наследники царства небесного», 1920 г.; одноактная пьеса «Апокалипсис», 1923 г.), как отмечает М.Л. Бершадская, содержится страстное осуждение войны, насилия, бесчеловечности, поддержанное мотивом Апокалипсиса. «Трагизм изображенных писателем ситуаций», по мысли исследователя, «подчеркнут тем, что именно люди, способные бороться против безумия окружающего мира и сохраняющие в момент страшных испытаний мужество и подлинную человеческую доброту (Бледная женщина, Учитель гимназии, который, уходя на казнь, отдает свое пальто озябшему мальчику) обречены на смерть»¹³.

В меньшей степени известна его краткая проза – рассказы и новеллы с военными мотивами, созданные в 1914–1923 гг. и позже вошедшие в сборник «Маленькие повести» («Povestice»)¹⁴. К этой группе произведений примыкают и написанные уже после войны рассказ «Двое военнопленных» и повести «На марше», «В окопах» и др. Они стали непосредственным откликом писателя на события, в которых он сам принимал участие или был свидетелем, и в этой связи, несомненно, представляют особый интерес для исследователя.

Первым из произведений Ст. Майцена с военным сюжетом стал рассказ «Неверующий» («Nevernik»). Это монолог пожилого солдата, стоящего на посту и размышляющего о смерти, предчувствие которой его гнетет и пугает, поскольку он чувствует свою неготовность к ней. Особенно жгучими становятся воспоминания о последних секундах жизни русского солдата, застреленного им каких-то два часа назад. Героя Майцена тогда поразило лицо врага, в минуту смерти озарившееся улыбкой. С удивительной в такой ситуации завистью к врагу тот осознает, что, наверное, вражеский солдат знал, за что он воюет и за что погиб. Нечто крепкое сидело внутри него, вера или что-то еще. И именно этого нет у стоящего на посту австрийского солдата. В финале произведения из головы героя уходят мысли о близкой смерти, главным становится осознание: «Жить нужно, умереть за родину, а я не могу ни жить, ни умереть... за родину». Так, эта небольшая психологическая зарисовка акцентирует политическую идею и нравственно-этическую идею – значимости на войне чувств любви к родине, определяющих степень веры и силы духа.

Наряду с этим рассказом Майцен создает и произведения, раскрывающие будни тыловой жизни: трагедии семей, теряющих своих близких во время хаотического бегства беженцев из прифронтовой зоны в Галиции, где шли ожесточенные бои («Дочь»), трагизм судеб отдельных людей, сталкивающихся с безразличием окружающих («Квартира номер 8»). Как считает словенский исследователь творчества Ст. Майцена Горан Шмидт, скорее всего, эти короткие рассказы были написаны Майценом в госпитале, куда он попал после ранения¹⁵. В них на передний план вновь выходят этические проблемы, а также ошутимо погружение в психологию героев, в то время как война оказывается лишь фоном художественного повествования. Однако из этого не следует, что война и

его личные воспоминания отходят на второй план. Свои мысли по поводу пережитого на войне и о самой войне писатель сразу же после возвращения из госпиталя домой в Марибор раскрывает в письме Изидору Цанкару от 09.12.1914 г. Ст. Майцен признается другу, что после тяжелых четырех месяцев, снова оказавшись дома обессиленным, но все же окрепшим и возмужавшим, он готов к «самому трезвому, глубокому пониманию и осмыслению жизни». Свои воспоминания и переживания он определяет как «страшно красивые», а войну характеризует как «огромный клапан, сквозь который пробивается смрад и гниль столетий. Люди сами понимают, что грязи и дерьма уже слишком много, воздух наполнен заразной злобой и затхлой мерзостью, и сами для себя открывают такой клапан»¹⁶.

В этом письме он четко проводит грань между жизнью до войны и настоящим моментом, утверждая, что война со своим ужасом и смертью приносит очищение. «Я не могу тебе объяснить, насколько война меня укрепляет. Она дает мне осознание, что, плюя в лицо всем филистерам, радостно возрождаются ценности, что гаснут все те лучи света, которыми великие лгуны и обманщики освещали все вокруг, что все вещи теперь обретают свой изначальный, присущий им свет и что теперь в этих лучах мир получает совершенно другой облик по сравнению с тем, каким он был раньше. Какое все это приносит утешение! Хорошенько заприте двери сердец, потому что обман бродит по свету, часто убеждал я сам себя раньше. Теперь серьезно и спокойно я раскрываю также сердце и дышу новым воздухом, который распространяется вокруг...»¹⁷

Вместе с письмом Майцен посылает Изидору Цанкару две маленькие повести (povestice) и надеется, что во время отпуска появится что-то еще, но главное, признается, что на войне он не будет писать¹⁸. После госпиталя Майцена отправляют в Белград, где он начинает служить в качестве военного референта при городской управе¹⁹. В письме другу из Белграда от 08.02.1916 г. он рассказывает о своей новой службе и о том, что также работает над романом под названием «Рассвет» («Svitanje»), который был начат им в прошлом году и уже наполовину написан. Ст. Майцен обещает своему адресату: «Уже сейчас знаю, что свой сверх всякой меры миролюбивый и ни единым словом не военный роман я в скором времени продолжу, словно наша земля не тряслась перед погибелью, слов-

но не мы только сегодня утром спрашивали, сколько часов нам еще осталось жить»²⁰.

Однако тема Первой мировой войны возвращается в его прозу спустя длительное время, в годы Второй мировой войны. В 1944 г. в Любляне выходит его сборник «Мастер Мехо» («Vogar Meho»), который сразу получил литературную награду. В него вошли рассказы, ранее напечатанные в журнале «Дом ин свет» («Dom in svet»). Книга была составлена как бы из двух частей. Основой первой стали «Картины из Священного писания Нового завета» или «Картины из жизни Иисуса Христа»; во вторую часть вошли рассказы с сюжетами из времени Первой мировой войны.

Один из них — небольшой рассказ «Двое военнопленных» — интересен тем, что его героями оказываются русские военнопленные, образы которых, вопреки воспеваемой военной пропагандой ненависти и ширящемуся страху перед русскими, автор дает с большой долей симпатии. Безымянный офицер и простой солдат по имени Вася, облик которого воспринимается автором как «живой образ русского народного типа»: «приземистый, узколобый, с выраженными скулами и приподнятой верхней губой. Лишь из глаз открыто сияла душа, наивная душа ребенка, не сознающего своей силы»²¹. Вечером у костра он рассказывает фантастическую историю, как предсмертная мольба матери много лет спустя спасла ему жизнь: она, словно предвидя будущую критическую ситуацию, подсказала своему сыну, железнодорожному обходчику, выбрать красный цвет семафора и тем самым указать правильное направление движения поезда. Подтрунивание офицера над извечной верой простых людей в необычные события не разрушает их дружбы. И здесь, как в предыдущих рассказах, война становится фоном, позволяющим передать добрые, почти дружеские отношения между людьми, которых, несмотря на разницу социального положения, соединила война. Так реальная история, зарисовка из военных будней, раскрывает другую сторону войны: с ее тяжелыми буднями, человеческими судьбами, в которых, как в капле воды, отражаются общечеловеческие ценности. И главное — интерес автора к простым, маленьким героям, к раскрытию их внутреннего мира, что роднит его прозу с прозой Ремарка.

В сборник вошла и достаточно объемная, состоящая из четырех частей повесть «В окопах», в которой воссоздана атмосфера

окопных будней. Порой кажется, что автор расшифровывает свои короткие записи, сделанные в перерывах между боями. Диалоги (иногда достаточно схематичные) перемежаются авторскими вставками.

Время действия не акцентируется, лишь упоминается, что местом происходящего становится фронтальная полоса в Галиции с развернутой на 10 км в разные стороны системой окопов («царской тропой», как ее назвали сами солдаты). Здесь в начальный период войны проходили тяжелые бои, а в перерывах между ними шла обычная окопная жизнь, хотя случайный выстрел из укрепления противника с обеих сторон мог стоить зазевавшемуся солдату жизни.

Благодаря кратким и ярким описаниям, портретам героев и того, что их окружает, складывается реальная картина будней окопной войны, когда притупляется чувство страха, уже не волнуют звуки дальней канонады, а важным оказывается наличие укрытия и вовремя подоспевшей еды: «Вот такие мы; когда мы наслушались грома орудий, их слепого изрыгания из взбешенных жерл, когда мы насмотрелись чарующих огней осветительных ракет, мы хотим получить свой ужин; только о нем мы думаем и даже на губах появляется слюна»²².

Глазами автора-повествователя даны образы старших офицеров: чванливого и недалекого капитана (сотника) Климана, поляка по национальности, и его заместителя, самого пожилого из офицеров, мудрого и осторожного подпоручика, австрийца Эразма Кревха, который дает командиру советы, старается обезопасить, насколько это возможно, жизни молодых, еще не обстрелянных ребят. Колоритна и фигура капрала Коса, выступающего своеобразным камертоном настроения, царящего в окопах. Старший офицер, напротив, представлен в ироническом ключе: в его поведении и приказах больше от полученных навыков во время обучения и тактических занятий, чем представления о реальном положении дел на войне.

Особое внимание автора привлекает образ рядового Милко, который свой среди солдат и «товарищ» среди офицеров. Его характер таит в себе тайну: непонятно, почему он, такой опытный и смелый, служит солдатом, почему не боится уходить в тыл врага, чтобы достать еды для своих еще совсем неопытных сослуживцев, или пытается спасти раненого капрала, выброшенного взрывной волной из родного окопа.

Одной из самых ярких картин в произведении становится описание внезапной атаки противника, после которой солдатам и офицерам приходится отступить на невыгодные позиции и готовиться к ответному броску. Автор стремится дать реальную картину происходящего, иногда он намеренно использует натуралистические описания, чтобы передать те чувства, которые порождала война: «Земля ревет, небо отражает этот звук, дрожит все, на что бы ты ни опирался, и боишься, что земля вот-вот уже разверзнется под тобой. Поливает градом пуль, все вздымается, свистит и поет в воздухе, словно у тебя над головой столкнулись рассвирепевшие дикие птицы. Их стаи и стаи, и из-за них не видно солнца... Здесь падает кто-то тихо, там другой всем телом плюхается на мокрую землю, издавая звук, напоминающий булькание предмета, упавшего в молоко. Как будто решив прислониться к стенке окопа или желая что-то поведать соседу на ухо, плавно оседает вниз третий...»²³.

Автор то выступает от лица некоего сложившегося здесь, в окопах, мужского сообщества, почти братства, и тогда в повествовании звучит «мы», «нас», и сам он ощущает себя его неотъемлемой частью, то вдруг начинают пробиваться его глубоко личные рассуждения, словно выбиваясь из общего хора. Так, описание ограниченного пространства землянки, ее внутреннего скудного убранства дается в мельчайших деталях, что свидетельствует о личных воспоминаниях автора, побывавшего на фронте в Галиции. Эти же воспоминания рождают почти зримые картины артподготовки, уничтожающей все вокруг.

В целом ряде произведений другой части книги «Мастер Мехо» Ст. Майцен использует, казалось бы, далекий от темы войны мотив народных христианских легенд, который связан с сюжетом неузнавания воскресшего Иисуса, сюжетом, являющимся общим для русского и европейского ареалов. Позже подобные легенды вошли и в его двухтомник «Избранных произведений» (1967 г., под ред. М. Боршник). Так, в легенде «Иисус и слепой» писатель соединяет этот сюжет с сюжетом легенды «Чудо о слепом», но героев перемещает в словенское пространство и военное время. Иисус Христос, бредущий по земле, но не с апостолами, а со слепым, удивляется его внутреннему зрению: тот наслаждается лучами солнца, которое словно ведет его по дороге, чувствует расстояния, он словно видит доставшиеся его сыну в наследство дом и хозяйство, а затем домик

младшей дочери, где все должно говорить о хозяйской рачительности. Идущий рядом Христос видит другое: дом-развалину, запустение и обнищание в хозяйстве сына-лентяя и превратившийся в место для любовных утех дом его дочери.

Иисус с трудом приходит в себя от увиденного и даже хочет оставить слепого, пойдя своей дорогой, но узнает, что тот спешит в дом, где сегодня вечером гостеприимные хозяева ожидают Спасителя, а значит, бедняга может попросить у него совершить чудо исцеления. Слепой подошел к дому и постучал посохом в ворота, а за ним тихо стоял погруженный в себя Иисус: он медленно разводил руками вокруг себя, словно был слепым. Так, известный сюжет позволил писателю через оппозицию внутреннее / внешнее приблизить к современности древний мотив.

Подобные стилевые приемы, близкие к технике экспрессионизма, Майцен использует и в других легендах книги. В «Идиллии в доме у виноградника» Иисус по пути на Птуйскую гору во время сильного ливня скрывается в маленьком домике, где его встречают оставшиеся одни трое детей. Свет в их глазах, сочувствие к путнику успокаивает его, но домой возвращаются родители, которые, не обращая внимания на гостя, начинают с жаром ругаться из-за вырученных на ярмарке денег. Нежданный гость уходит, но свет в глазах детей и в окне дома гаснет: «Когда битва была закончена, не было света больше нигде, ни от керосиновой лампы, ни от трех пар глаз»²⁴.

И здесь, опираясь на мотив легенды «Чудо о слепом» (Евангелие от Иоанна), где Христос через чудо прозрения утверждает, что Он есть свет всему миру («Доколе Я в мире, Я свет миру»), словенский писатель рассказывает нам скупую по художественным средствам изображения историю о мире, который сам отказывается от света, предпочитая ему деньги, уничтожение всего живого.

Легенды Ст. Майцена — это своего рода тонкие аллегории, трансформирующие древний сюжет народных легенд в историю о мире военного времени. Автор подводит читателя к осознанию абсурдности ситуации. Она заключается в том, что Сын Божий из-за человеческой злобы, глупости и самолюбия лишается своих чудодейственных сил, и это демонстрирует новый взгляд на идею Христа как света вселенной. «У Майцена, — пишет М. Боршник, — это и не Бог, так как ему не хватает божественной силы исправить все,

но и не простой человек, поскольку в нем заключена очищающая сила доброты, но в этом ослепленном ненавистью и жадностью мире она вряд ли может победить»²⁵.

Словенский писатель Прежихов Воранц также не раз обращался к военной теме. Ему принадлежит, по общему признанию исследователей, самое значительное и объемное литературное произведение о событиях Первой мировой войны в словенской литературе, роман «Добердоб»²⁶. Он был завершен в конце 1930-х гг. и напечатан (в редакции Ф. Козака) в 1940 г., хотя замысел сложился гораздо раньше (как считают словенские ученые, еще в период до вынужденной эмиграции автора в Австрию в 1930 г.). Однако из-за потери рукописи ему пришлось дважды переписывать текст, в который в результате этой работы были добавлены две главы, а также подзаголовок — «военный роман словенского народа». Дополнительное название, по мысли Прежихова Воранца, призвано было расширить и углубить смысловую составляющую произведения, посвященного в первую очередь одной из самых трагических для словенцев страниц в истории Первой мировой войны.

Роман основан на событиях, которые произошли в жизни самого автора, поскольку он, по крайней мере, два раза был в сражениях²⁷, остальное время провел в тылу, в больнице, в реабилитационном лагере для раненых (1914–1916 гг.) и в итальянском лагере для военнопленных (до 1919 г.). И эти первые впечатления о пережитом легли в основу его краткой прозы первых лет войны и послевоенной прозы. А спустя годы стали основой его знаменитого романа.

Так, в апрельском и майском номерах газеты «Илюстровани гласник» («Iluštrovani glasnik») за 1915 г. появляются две короткие зарисовки из военной жизни Прежихова Воранца: «Штыковая атака» («Vajonetni napad») и «Перед уходом на фронт» («Pred odhodom na bojišče»).

В первой автор воссоздает один из военных эпизодов, произошедших в Карпатах, на линии фронта между итальянскими и австрийскими войсками. Рассказ написан от первого лица, что, по признанию автора, отражает его стремление доказать, после всего пережитого, что он действительно еще жив. Его лаконичный текст фиксирует ночную атаку противника «как вызывающее холодную дрожь воспоминание»²⁸, в котором сливаются воедино отрывистые

предсмертные вскрики падающих солдат, наблюдаемая на расстоянии вытянутой руки смерть неизвестного воина, бездыханное тело которого послужило ему защитой от вражеских пуль. Затем тон повествования меняется: от глубоко личного восприятия происходящего он переходит к повествованию от имени своих сослуживцев, которые здесь, на передовой, думают и воспринимают мир, как один человек. Остывшие от боя солдаты в наступившем затишье уже не слышат гула дальнего боя и в то же время осознают, что за 600 шагов от них находится противник, которого очень скоро придется выбивать с только что занятых им позиций: «Все шло почти без приказов, каждый хорошо знал, что ему следовало делать»²⁹. Затем атака, но уже с австрийской стороны, повторяется. И вновь автор включает свое собственное восприятие происходящего. Он фиксирует смерть капрала, упавшего рядом, громкие причитания соседа по окопу, которые вызывали в герое настолько сильное напряжение, что «ему очень хотелось убить его, и он даже обрадовался, что, задетый пулей, тот умолк»³⁰.

Страх близкой смерти, способной в любую минуту поразить его, вновь заставляет автора-повествователя заглянуть внутрь себя: идет фиксирование вспышек странных мыслей и воспоминаний. При этом наиболее трагический момент смертельной штыковой атаки герой передает так, словно он сторонний наблюдатель. Как в замедленной съемке, каким-то удивительным образом минуты боя растягиваются, перемежаясь отрывистыми воспоминаниями, острыми ощущениями, быстро сменяющимися друг друга: от животного страха до полного бесчувствия, словно он сошел с ума и его последующие действия подчиняются лишь инстинктивному порыву как можно быстрее буквально вжаться в землю ради спасения. Затем перед его взором начинают двигаться навстречу друг другу штыки рвущихся вперед пехотинцев, обезображенные звериным оскалом лица людей, взывающие к милосердию руки. Хаотическое движение с двух сторон останавливается лишь тогда, когда он, раненный в ногу, падает на землю и теряет сознание.

В произведении, близком по форме изложения жанру репортажа с места события, весьма значимым оказывается смена угла зрения: от личного взгляда на происходящее к фиксации значимости в условиях военных действий коллективного сознания. Здесь, как и в рассказах Ст. Майцена, нет оценки происходящего, но есть, как

это выразил сам Прежихов Воранц, стремление доказать, что это действительно было и он еще жив.

Второй рассказ «Перед уходом на фронт» также представляет собой короткую художественную зарисовку, посвященную тыловой жизни, а именно последнему спокойному вечеру австрийской роты (сотни), которая осенним вечером перед маршем к линии фронта останавливается на ночлег рядом с небольшим городом «Ц» на территории замка, чей гостеприимный хозяин устраивает для всех угощение. Разбившись на небольшие группы, солдаты по-разному коротают время до утра: одни слушают новости, пришедшие из госпиталя от уже побывавших на передовой солдат, стараясь скрыть за короткими репликами свои грустные предчувствия; другие, подогретые домашним пивом, веселятся, наблюдая, как один из пехотинцев очень умело изображает то медлительно серба, то неловкого русского. В небольшом кружке земляков-словенцев обсуждают причины того, почему в их государстве на словенцев смотрят свысока. В рассказе без излишней патетики воссоздана реальная картина тыловых будней, которые для автора представляются как не менее важное, чем штыковая атака, событие войны. В финале на фоне тихой звездной ночи он размышляет не о своей собственной судьбе, а о том, что их всех ждет завтра. Вопреки сомнениям и скрываемому страху утром они в едином строю будут маршировать к железнодорожной станции и в едином порыве, все как один, будут кричать: «Ура! Да здравствует родина!» Так, в духе патриотического воодушевления, характерного для начального этапа войны, заключает автор свое повествование.

Свое настроение тех лет молодой писатель выразил и в сообщениях, написанных на открытках в военном госпитале в Вене в 1916 г. В одной из них, от 3 февраля 1916 г., он сообщает своему другу из Каринтии о страшных жертвах на Красском фронте, о своем «необыкновенном счастье», что смог выжить, и о вскорости после этого наступившем отчаянии. В этих коротких посланиях он буквально двумя предложениями выразил свои взгляды на военные события и их понимание с позиции представителя малого народа: «Мне лишь интересно, что будет после войны. Это точно, что мы дорого заплатим за нашу храбрость и что мы будем задвинуты в угол»³¹. Таким образом, уже здесь звучат мысли, связанные с национальным самоопределением словенского авто-

ра, к антивоенному пафосу примешивается морально-этическая оценка исторических событий.

После возвращения из госпиталя на фронт Прежихов вынашивал план стать перебежчиком и осуществил задуманное осенью 1916 г., перейдя на итальянскую территорию, став одним из первых перебежчиков словенцев, за что военным трибуналом был приговорен к смерти. В плену, в тяжелых условиях итальянских военных лагерей, где он в общей сложности провел период 1916–1919 гг., он подавал рапорты с просьбой принять его добровольцем, второй из них был удовлетворен, а в сентябре 1918 г. его послали в лагерь югославянских добровольцев в провинции Пуглии (Апулии). В одном из посланий домой он признается, что не хотел писать в это время. Но одновременно в 1917 г. обращается в письмах к американским словенцам и редактору Шлебингеру с просьбой прислать книг современных словенских авторов. Иными словами, в душе узника сосуществуют отторжение войны и нежелание писать о ней и одновременно желание выжить, благодаря литературе. Позже воспоминания о плене отразились в двух его рассказах: «Мой рождественский вечер в плену» («Mig», 1920 г.) и «Девушка с мандолиной» («Pod lipu», 1924 г.).

В первом воссоздана атмосфера барака для военнопленных, который его обитателями воспринимается как огромная «мертвецкая», а здешнее однообразное существование людей, обреченных даже накануне Рождества обходиться скудной пищей и убогой постелью, рождает уныние и апатию. Из всей массы людей автор выделяет небольшую группу пленных: серба, хорвата и двух словенцев, рассуждающих о настоящем и будущем своих народов. Образы других узников лагеря очерчены лишь мазками. Это безымянные жертвы войны: старик, мечтающий хотя бы в Рождественскую ночь заснуть сытым и умирающий, исполнив свою мечту, большой малярией, которого соседи накрывали своими одеялами, чтобы спасти от приступов лихорадки и др. Автор пытается передать не только ужасающие условия лагерной жизни, но и удивительным образом смешанное чувство горечи и радости, которое все они переживали при грустном звуке трубы. Этот сигнал, означающий смерть заключенного, одновременно давал надежду, что скоро в бараках начнут продавать хлеб, контрабандным путем (в гробу умершего) доставляемый сюда.

В основе второго рассказа Прежихова Воранца «Девушка с мандолиной», основанном также на автобиографическом материале, история из жизни военнопленных. Трое из них за то, что на шею грязному псу повесили деревянную табличку с надписью «Signum Laudis» («Медаль за храбрость»), оказались в тюрьме. Их грустное пребывание там было скрашено знакомством с тремя итальянками, матерью и двумя дочерьми, которые каждый вечер под звуки мандолины пели грустные итальянские песни на балконе своего дома — единственном видном из окна их камеры кусочке свободного пространства. Это было весной, когда во всем ощущалось пробуждение природы и когда еще острее, чем зимой, чувствовалась ограниченность и враждебность мира, в котором они оказались: «...мы возненавидели собственную жизнь, которую зимой переносили без забот; стены здания, в котором мы находились, нам казались мертвецкой»³². Скоро они узнали, что муж и отец итальянок, офицер, вместе со своим отделением перешел на сторону австрийцев, был признан дезертиром, а женщины стали изгоями среди своих. Короткое знакомство с итальянками не только помогло узникам узнать, что в России произошла революция и все ожидают окончания войны, но главное, эти оторванные от своего дома и измученные издевательствами, которые несла с собой лагерная жизнь, люди вдруг ощутили глоток свежего воздуха. Дружеское участие незнакомых итальянок, музыка, которая возрождала надежду и веру в жизнь, для героя Прежихова Воранца оказались самым ярким воспоминанием об этом периоде его жизни.

По прошествии нескольких лет после войны (вплоть до 1923 г., когда он написал и напечатал «Девушку с мандолиной»), как считают критики, он не возвращался к военной теме. В то же время есть свидетельства, что Прежихов Воранц не раз встречался в Словень Градце со ставшим инвалидом войны бывшим солдатом 87-го пехотного полка, своим политическим единомышленником Альбертом Пунцером. Вместе они вспоминали бои в Добердобе и на Св. Горе у Горицы, тем самым оживляя события военных лет. В середине 1920-х гг. эти воспоминания становятся новым импульсом к творчеству, результатом которого стала повесть «Сектор номер 5».

Произведение, сюжет и герои которого были впоследствии введены писателем в текст романа «Добердоб», посвящено событиям на Сочанском фронте, где в период 1915–1917 гг. шли ожесточен-

ные бои между итальянскими и австрийскими войсками. Подобно Ст. Майцену (повесть «В окопах») Прежихов Воранц воссоздает несколько дней боевых действий, особенности окопной войны на Красе, на холмах и гористых вершинах в долине реки Сочи. Но его взгляд более прицельный: глазами своего героя он подробно описывает длинный и тяжелый переход на позиции, не отказывается от натурализма в воссоздании жуткой картины, представшей перед вновь прибывшими: горы необрушенных трупов, мрачные стены окопов, в которых им предстояло провести несколько дней и ночей. Если у Майцена лишь намечены образы нескольких героев (офицеров и «товарища» Милко), то здесь ярко выписанные герои, словенцы и представители других национальностей монархии, рассуждают о патриотизме, о том, чем обернется война для всех и для малых народов особенно. Вот как об этом говорит сосед главного героя Прежихова Воранца по окопу Иван Самец: «Это глупость! Людей привели туда, где не ступала нога человека, и приказывают воевать — стрелять, целиться, делать нечто такое, что, по твоему представлению, непонятно, чему помогает... Это глупость, сущий вздор, мой дорогой. Ты думаешь, что я революционер, бунтовщик. Но я совсем не такой, я просто человек, который хочет жить мирно, и я делаю то, что подсказывает мне мое природное благоразумие»³³.

Автор не обходит вниманием мародерство, пьянство, его герои в своем кругу высказывают неприглядные слова о своих офицерах, спорят об идее братания, способной прикончить ненавистную войну, даже обсуждают возможность дезертирства. Иногда в реалистическое повествование с элементами натурализма автор вводит знаки другой, невоенной жизни, чтобы читатель мог еще острее ощутить неестественность ситуации: «Вдали засвистел гудок поезда, очень далеко; этот необыкновенный, неожиданный знак какой-то далекой чужой человеческой жизни вдруг перевернул что-то у нас в голове...»³⁴ Тем самым он пытается провести границу между войной и мирной жизнью как реальным и нереальным существованием.

Война оказала сильное влияние на Прежихова Воранца, как и на Ст. Майцена и многих других. Об этом он пишет в своей биографии спустя два года после окончания войны (13.08.1920 г.), объясняя Ф. Альбрехту это влияние: «... и возможно, я и в самом деле

когда-нибудь мог стать прозаиком, если бы не случилась война. Война уничтожила меня». Он был подвергнут «дикому преследованию в первые два года со стороны Австрии», затем «были «два года тяжелейшего тюремного заключения в Италии, в обществе пользующихся дурной репутацией элементов», остаток жизненных сил уничтожило разочарование в возможности возвращения на родину, особенно потому, что к родине – Югославии – писатель, по его признанию, «горел сумасшедшей неоскверненной любовью», в то время как дома он сталкивался с «безмерной коррупцией и откровенным обманом». Война буквально уничтожила его оптимизм, отняла веру в собственный род и породила внутреннее отчуждение. Однако свое признание Прежихов заканчивает все же заявлением, что к нему вернутся «оптимизм, вера в силу, прогресс – то, что издавна было присуще Кухарам»³⁵.

Три словенских писателя, свидетели и участники великого исторического события, оставили в чем-то схожие, но во многом глубоко личные художественные отклики о той войне.

И. Цанкар не участвовал в военных сражениях, но сумел выразить свое неприятие набирающей обороты бойни, с помощью символических и религиозных образов, иносказаний, часто в форме страстной исповеди, сумел передать свою глубокую обеспокоенность судьбами народов и человека на войне. В книге «Видения», опираясь на христианскую мифологию, он вводит мотив Страшного суда, Спасения и знамения судьбы, который проявляется уже в первом рассказе «Зеркало», когда человек Божий стоит перед зеркалом, поставленным Божьей десницей, развивается, когда писатель говорит о знамении, которое люди носят на телах и лбах (деталь, взятая из Апокалипсиса, а Цанкар выражает эту печать через метафору открытых, доступных взгляду сердец), и свое завершение получает в рассказе «Побратимы», где важное для писателя понятие народ заменяется определением единства высшего порядка: все люди для него становятся братьями. Таким образом, библейские образы у Цанкара трансформируются, и рождаются новые метафоры. Видение войны персонифицируется во властелине тьмы, господине Капитане, который приводит человечество на край гибели.

Два других писателя прошли путь от кратких, выстроенных в репортажной манере художественных зарисовок будней войны, основанных на собственных воспоминаниях, дневниковых записях и свидетельствах очевидцев, до произведений, отмеченных серьезными раздумьями философского характера. Прежихов Воранц, в своих рассказах и повестях воссоздавая отношение к войне людей разных национальностей, взглядов и возрастов, акцентирует мысль о бессмысленности этого события, которое затронуло разные страны и континенты. Его роман «Добердоб», построенный на заряженном антивоенной энергией материале, дополняется выраженной национально-освободительной идеей. Ст. Майцен из другого времени (Второй мировой войны) не останавливается на страстном осуждении этого всеобщего бедствия, способного уничтожить мир, он стремится вовлечь читателя в процесс преобразования этого мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этапы вхождения темы Первой мировой в литературу словенцев выявлены благодаря работам историков литературы и исследователей этой проблематики: И. Прегеля «Мировая война и словенская словесность, 1920 г.», А. Оцвирка, Ф. Водника, Ф. Коблара, Й. Станко и др. Современный взгляд на творчество конкретных писателей, посвятивших ей свои произведения представлен в сборнике «Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян» (М.: ИСЛ РАН, 2004). В нем военную тему в словенской драматургии 1918–1941 гг. рассматривает М.Л. Бершадская, военную прозу Милана Пугеля анализирует Аленка Корон, о роли в раскрытии военной темы на примере цикла Ф.С. Финжгара «Напрооченная» (1924 г., в нем объединены произведения, напечатанные в 1915–1919 гг.) пишет Ю.А. Созина; произведения И. Цанкара оказались в центре исследований Аленки Энстерле-Долежаловой (Прага) и Марии Митрович (Триест). Свой особый взгляд на мемуарную и дневниковую литературу о той поре представляет Ирена Новак-Попов.

² *Новак-Попов И.* Забытые словенские свидетельства о Великой войне // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 312–323.

³ Там же. С. 314.

⁴ Там же. С. 315.

⁵ См. об этом: *Чепелевская Т.И.* Очерки словенской литературы в историко-культурном освещении. М.-СПб, 2013. С. 254–264.

⁶ Большая часть рассказов с военными мотивами впервые была напечатана в 1915–1917 гг. в журнале «Дом ин свет» («Dom in svet» – «Родина и мир»). Вместе с двумя новыми короткими рассказами они вошли в книгу «Видения» («Podobe iz sanj»). Это название в некоторых работах российских исследователей переводится как «Образы из сновидений»; мы используем перевод, на наш взгляд, в большей степени отражающий философский подтекст произведений, раскрывающий тему жизни и смерти, идею войны как Апокалипсиса начала XX в. (рассказ «Конец»).

⁷ Эта крепость в Штирии стала местом событий и в романе Прежихова Воранца «Добердоб».

⁸ См. подробнее: *Энстерле-Долежалова А.* Образы смерти в творчестве Ивана Цанкара // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 334.

⁹ *Цанкар И.* Избранное: в 2-х т. Т. 1. М., 1981. С. 423.

¹⁰ Там же. С. 425.

¹¹ Там же. С. 419.

¹² См.: *Енстерле-Долежалова А.* Образы смерти в творчестве Ивана Цанкара... С. 339–340.

¹³ *Бершадская М.Л.* Первая мировая война в словенской драматургии (1918–1941) // Первая мировая война в литературе и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 368.

¹⁴ Помимо 8 рассказов, которым сам автор дал такое жанровое определение – «повести-са» – в сборник, вышедший в 1962 г. в Аргентине, вошли и другие произведения, написанные Майцеком в период 1913–1923 гг.

¹⁵ *Majcen St.* Zbrano delo. Knj. 2. Ljubljana, 1995. S. 278.

¹⁶ *Majcen St.* Zbrano delo. Knj. 8. Ljubljana, 2000. S. 25.

¹⁷ *Ibid.* S. 25–26. В этом письме словенский писатель ссылается на выступление Ф.М. Достоевского. Мысли русского писателя, в одном из своих фельетонов восхваляющего войну как очистительную силу, оказались созвучными его размышлениям тех дней: «Все, что там написано, правда».

¹⁸ *Majcen St.* Zbrano delo. Knj. 8. Ljubljana, 2000. S. 26.

¹⁹ Таким образом, он смог продолжить работу по своей основной специальности – праву. В 1924 г. он был назначен главой районной управы в Мариборе, в 1928 г. – руководителем секретариата министра внутренних дел в Белграде, а в 1935 г. был переведен в Люблян и стал заместителем бана в Дравской бановине (провинции в Королевстве Югославия, существовавшей в 1929–1939 гг.).

²⁰ *Majcen St.* Zbrano delo. Knj. 8. S. 27.

²¹ *Majcen St.* Zbrano delo. Zv. 4. Ljubljana, 2000. S. 148.

²² *Majcen St.* Zbrano delo. Zv. 3. Ljubljana, 2000. S. 178.

²³ *Ibid.* S. 186.

²⁴ *Majcen St.* Izbrano delo. Knj. II. Ljubljana, 1967. S. 132, 134.

²⁵ *Boršnik M.* Študije in fragmenti. S. 453.

²⁶ Словенский исследователь В. Краль в рецензии на 2-е издание романа в 1950 г. (она вышла в журнале «Нови обзоръ») («Novi Obzorja» – «Новые обозрения») дал весьма значимую и объемную критическую оценку произведению, поставив его в ряд других подобных сочинений. Он подчеркнул, что у словенского автора «мы имеем дело с более ретроспективным взглядом на события войны, которые позволяют ему, расширяя границы военного дневника, представить военное время в более спокойной форме, соответствующей жанру хроники». Цит. по: *Kuhar L. – Prežihov V.* Zbrano delo. Knj. I. Ljubljana, 1962. S. 315.

²⁷ В самом начале войны Ловро Кухар был призван в армию, сначала попал в Липницу, затем в 4-ый каринтийский полк в Капфенберге. После краткого отпуска для определения годности к службе он был снова призван, первоначально в 7-ой пехотный полк, а позже в 27-ой грацкий пехотный полк, в составе которого дважды оказывался на фронте. См.: *Kuhar L. – Prežihov V.* Zbrano delo. Knj. V. Ljubljana, 1969. S. 245.

²⁸ *Ibid.* Knj. V. S. 285.

²⁹ *Ibid.* S. 316.

³⁰ *Ibid.* S. 318.

³¹ *Ibid.* S. 245.

³² *Ibid.* Knj. I. S. 399.

³³ *Ibid.* S. 355.

³⁴ *Ibid.* S. 373.

³⁵ *Ibid.* Knj. V. S. 248.

Сведения об авторах, редакторах, рецензентах и переводчиках

Грич Ренко Манца – ассистент Института исторических исследований Научно-исследовательского центра Приморского университета (Копер, Словения).

Грдина Игорь – доктор наук (PhD), научный советник Института цивилизации и культуры Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств, профессор университета в г. Нова Горица (Словения).

Данченко Светлана Ивановна – доктор исторических наук, зав. Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения Российской академии наук.

Кирилина Любовь Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук.

Клабьян Борут – доктор наук (PhD), профессор Приморского университета (Копер, Словения).

Корен Тадей – магистр, руководитель учебного исследовательского центра и Исторической библиотеки в Кобариде, член Организации «Фонд Дороги мира в Посочье», руководитель европейского проекта «Путь мира от Альп до Адриатического моря».

Кузьмичёва Людмила Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова.

Лобачёва Юлия Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук.

Мальшина Катерина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатической и консульской службы Дипломатической Академии Украины.

Никифоров Константин Владимирович – доктор исторических наук, профессор, директор Института славяноведения Российской академии наук.

Перовшек Юрий – доктор наук (PhD), научный советник Института новейшей истории Научно-исследовательского Центра Словенской Академии наук и искусств (Любляна).

Пилько Надежда Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук.

Пирьевец Йоже – академик Словенской академии наук и искусств, профессор Приморского университета (Копер, Словения).

Пулко Радован – магистр истории, преподаватель географии, член муниципалитета г. Кидричево, председатель исторического общества «Кидричево».

Райшп Винценц – доктор наук (PhD), директор Словенского научного института в Вене (Австрия).

Романенко Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент Российского Государственного Гуманитарного Университета, ведущий научный сотрудник Института экономики Российской академии наук.

Свольшак Петра – доктор наук (PhD), директор Исторического института им. М. Коса Научно-исследовательского Центра Словенской Академии наук и искусств (Любляна).

Созина Юлия Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук.

Тестен Петра – доктор наук (PhD), ассистент Института цивилизации и культуры Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств и университета в г. Нова Горица (Словения).

Чепелевская Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук.

Чуркина Искра Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук.

Язбец Милан – профессор Люблянского университета, посол Республики Словения в Турции.

Научное издание

Институт славяноведения
Российской академии наук

SLOVENICA III

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
В ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ РУССКИХ И СЛОВЕНЦЕВ
К СТОЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Главный редактор

К.В. Никифоров

Ответственный редактор

Л.А. Кирилина

Компьютерная верстка

П.Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН

119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Подписано в печать 10.12.2014. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура NewtonС. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 18,63 печ. л.

Заказ № 138.

Тираж 100 экз.